

— Следователь прокуратуры Астудин Алексей Иванович, — представился мужик, махнув перед лицом Лыкова корочкой удостоверения. — Вами от ИП “Хачатуров” ещё в прошлом году получен аванс в размере двух миллионов ста пятидесяти тысяч рублей на выполнение работ по организации электропитания согласно смете. Работы, как мы видим, не выполнены.

— Так я же... — попытался вставить Лыков.

— Не выполнены, не выполнены, — мужик обвёл рукой комнату со строительным мусором и свисающей с потолка лапшой старой проводки. — Соответственно, договор подлежит расторжению, а денежная сумма возврату. Можете подтвердить свою подпись?

Лыков растерянно глянул в бумаги. Это был тот самый, вчерашний договор на пяти листах. Только перед давешней суммой, той же рукой и теми же чернилами было приписано: “два миллиона”. А там, где дата, стоял март прошлого года.

Лыков неуверенно промычал, что-то вроде того, что он не уверен, но следователь уже продолжал.

— А вот заявление на имя прокурора от гражданина Хачатурова Алима Абидовича о том, что гражданин Лыков не выполнил работы по договору-подряду и присвоил себе аванс в размере двух миллионов рублей, отпущенные на закупку материалов”.

Как поведёт себя столь чудовищно обманутый аферистами простой и бесхитростный русский человек? Вступит ли в бой с мерзавцами? Интригующая завязка обещает читателю увлекательное развитие сюжета. И читатель не будет обманут автором. Читайте в первом номере нашего журнала захватывающую повесть Даниэля Орлова “Время рискованного земледелия”.

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№12 2019

*Дорогие друзья!
Редакция журнала сердечно поздравляет Вас
с Новым годом и Рождеством Христовым!*

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

*В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.
Светятся тихие, светятся чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?
Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное — все забывается,
Светлые звезды горят!
— Кто мне сказал, что во мгле заметленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?
В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...*

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

ТАТЬЯНЕ ГЛУШКОВОЙ 80 ЛЕТ

Последняя битва за СССР — страшные события 1993 года — для Татьяны Михайловны Глушковой область сверхчеловеческого напряжения с первого мига. В те дни, преодолевая болезнь, невыносимую физическую боль, она напряжённо следила за трагедией — читала всё, что писала пресса, разговаривала с участниками событий, спрашивала о впечатлениях и мельчайших деталях происходящего, переживала за выпускающую подпольные номера со свидетельствами расстрела редакцию газеты “День”. 31 октября 1993 года она написала по-тютчевски краткие и точные строки: “Всё так же своды безмятежно-сини. // Сентябрь. Креста Господня торжество. // Но был весь мир провинцией России, // теперь она — провинция его...” Пророческие слова о поражении, катастрофе, горестной русской судьбе последующих десятилетий. Стихотворение называется “Воздвижение”. Происходящее фиксируются точно: отдание праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня приходится как раз на день расстрела — 4 октября. В феврале 1994-го в пришедшей на смену запрещённому “Дню” газете “Завтра” появилась огромная полосная подборка Татьяны Глушковой, посвящённая октябрьской трагедии 1993 года. Позже, в предисловии к книге “Всю смерть поправ”, Татьяна Михайловна Глушкова напишет: “Эти стихи сразу сложились в единую книгу. Книгу-реквием по погибшим в Останкине и Белом доме. Книгу-гимн мужеству павших. Книгу о Родине”.

Статью Натальи Егоровой “Муза с красными крыльями” читайте на стр 81.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-
ГОНЧЕНКО
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Содержание

Проза

- Роберт БАЛАКШИН
Гребцы Мраморного моря.
Повесть 7
- Светлана ЛУЧКИНА
От нас Людмила не уйдёт.
Рассказы 42
- Анатолий ЕГИН
В плену у жизни. Повесть 57

Поэзия

- Андрей ШАЦКОВ
Мне вновь приснилась
птица-журавель... 3
- Михаил ГУЦЕРИЕВ
Сон, где мы вдвоём... 33
- Людмила ЩИПАХИНА
Хранители веков 53
- Владимир АНДРЕЕВ
Я всю жизнь иду домой... 77

Память

- Наталья ЕГОРОВА
Муза с красными крыльями 80
- Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ
Дон Кихот советской
литературы 92
- Константин ДОЛГОВ
Рыцарь классической
словесности 102
- Светлана РЫБАКОВА
О русском правдолюбце 106

Очерк и публицистика

- Станислав КУНЯЕВ
“К предательству таинственная
страсть...” 110
- Елена ЛАРИНА,
Владимир ОВЧИНСКИЙ
“Данные предпочтительнее
слов” 153
- Сергей ГЛАЗЬЕВ
Логика истории 163
- Анна ВСЕВОЛОДОВА
Русский министр
во главе России 207

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
*первый заместитель
главного редактора* —
(495) 625-01-81

С. С. Куняев —
*заместитель главного
редактора,
зав. отделом критики* —
(495) 625-02-81
ns-kritika@yandex.ru

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

К. К. Сейдаметова —
зав. отделом поэзии —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,

Я. В. Сафронова —
*редактор по связям
с общественностью* —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Александр ВЕРГЕЛИС
Восставший из текста 221

Мир Свиридова

Александр БЕЛОНЕНКО
Шостакович и Свиридов:
к истории взаимоотношений 226

Критика

Александр ЛЕОНИДОВ
Есть такая профессия —
светить!..... 251

Книжный развал

Геннадий ЛИТВИНЦЕВ
Вечера на хуторе
близ Чернавска 254

Валентина ЕФИМОВСКАЯ
Мы богаты: у нас есть
Распутин 257

Эдуард АНАШКИН
“Жить в полную силу...” 265

Слово читателя

Просто — народный... 268

В конце номера

Нина ТИХОМИРОВА
Арзамасские припевки 272

Светлана ЁЛГИНА
О Максимовых 278

Сергей ШАРГУНОВ
Национальное достояние 281

Содержание журнала
за 2019 год 283

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2** (пн.-чт. с 11 до 17 ч.)

Сайт в интернете: www.nash-sovremennik.ru, эл. почта: n-sovrem@yandex.ru

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675. При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Оператор: Н. С. Полякова. Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 12.12.2019. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 2998-2019. Тираж 3700 экз.

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

МНЕ ВНОВЬ ПРИСНИЛАСЬ ПТИЦА-ЖУРАВЕЛЬ...

НА СТАРОЙ СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ

Птицы в небе не лебеди — вороны.
Сыплет небо постылой крупой.
На четыре заснеженных стороны
Колокольчик звенит под дугой.

Снова зимы никак не кончаются,
Снова вёсны никак не придут.
Над сугробами звёзды качаются,
Покрывала метели прядут.

И свершая седое пророчество,
Бродят волки среди мёртвых полей.
И вовек не избыть одиночества
Тем, чьи головы снега белей

Стали в хладном, суровом Отечестве,
Где на крестном, кандальном пути
Ни следов не найти человечества,
Ни голбца, ни креста не найти!

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился в 1952 году в Москве. Автор двенадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и лауреат многих литературных премий. Главный редактор альманаха "День поэзии — XXI век". Лауреат премии Правительства РФ в области культуры и Всероссийской литературной премии "Русский путь" им. Ф. И. Тютчева (Овстуг). Живёт в Москве и Рузе.

И покуда овраги с лощинами
Укрывают от солнца снега,
Будут лица казаться личинами,
Будет друг не милее врага.

И пока над землёй не защёлкает,
Не засвищет пернатый народ,
Будут двери закрыты защёлками,
Будут псы на цепях у ворот!..

...Чур меня! Это время зловещее,
Словно тень, обронил прошлый год
Високосный.

Но вновь Благовещение
Перед Пасхой в Россию придёт!

И забродит, очнувшись от холода,
В жилах кровь, а в потоках вода —
Вдоль Смоленской дороги — до города,
Там, где мама была молода!

АПРЕЛЬСКИЙ ПСАЛОМ

Памяти сына Дмитрия

Что так птицы кружат
    прошлогодней листвою над палом?
Что так пальцы дрожат,
    обнимая огарок свечи?
И Былое Великое
    кажется скучным и малым.
И себя обретаешь
    один на один лишь в ночи.

Это память моя
    о шиповник не хочет колоться,
Чьим заплотом апрель
    оплетает родимый погост,
На который дожди
    из бездонного неба колодца
Пролились на голбец,
    отбывающий вечности пост.

Этой смутной весной —
    от снега до первого грома,
От недели Страстной
    и до Радониц светлого дня
Я в молчанье брожу
    от могильного взгорка до дома —
И обратно, и верую:
    близкие помнят меня.

А в апрельских лесах,
    по которым шатался от века,
Собирая в баклагу
    прозрачный берёзовый сок,
Будет тень одиноко
    скользить по следам человека,
Для деяний которого
    вышел отмеренный срок.

И останется вязь
    неоконченных горестных строчек.
И останутся перья,
    опавшие с трепетных крыл.
И останется завязь,
    убитая зазимком, почек
Детских душ — тех, чью тайну
    для сына Господь не раскрыл.

В ОДИНОКОЙ НОЧИ

Виснет ночь на оконнице нетопырём.
Кружат в клочьях тумана химеры.
Я живу, не живя, отставным декабрём,
Без любви, без надежды, без веры.

И седею, как битый морозом ковыль,
Перепутав и даты, и вехи.
И ступаю чугунной стопою, как Вий,
Не открывший свинцовые веки.

И с закушенных губ, побелевших, как мел,
Не прольются о счастье рулады.
И за то, что тебя уберечь не сумел,
Ждать не стоит от жизни пощады.

Уберечь не сумел, не хотел иль не смог?
Или просто оставила сила?
Мама спит, спит отец, спит надёжа-сынок —
Всех укрыла сырая могила.

Я не знаю — за тучами есть небеса?
В райских куцах хватает обилья?..
Почему так грубы литии голоса?
Перепончаты ангелов крылья?

Свистнет ветер в глаза облетевшей листвою,
Беспощадный в своём приговоре...
И взовьётся печаль полуночной совой,
И останется боль — больше моря.

И спасения — нет, и прощения — нет,
И пейзаж непригляден, однако:
Старый дом, за окном — одинокий рассвет,
На полу — смыслом жизни — собака...

ЖУРАВЕЛЬ

Мне в ночь приснился серый журавель.
Один, среди змеиного болота —
Случайной цели звёздного полёта...
У каждого своя судьба и цель.

Он, меткой дробью встреченный, не мог
Нести в зенит израненное тело.
На кочках сукровицей клюква рдела,
И солнца шар проваливался в мох.

Последний луч, сорвавшийся с небес
В прореху журавлиного конвоя,
Пером крыла над ширью вековой
Кружил, не опускаясь в чёрный лес.

Мне вновь приснилась птица-журавель,
Или журавль? Кто ж тому виною,
Что в криках птиц над Родиной ржаною
Тоскует расставания свирель!?

Не все взлетят в целительную синь,
Оставшись навсегда на склоне лета,
Где всё туманней время до рассвета
И всё печальней свет Звезды-Полынь.

РОБЕРТ БАЛАКШИН

ГРЕБЦЫ МРАМОРНОГО МОРЯ

*Повествование о русских галерных рабах, поднявших мятеж
и бежавших из турецкой неволи*

Глава первая

“Великая Анатолия”

Спокойно ночное Чёрное море. Тих и неподвижен пролив Босфор. Но, если прислушаться, в ночной тиши слышен приглушённый, вкрадчивый всплеск вёсел: шлюп-шлюп-шлюп.

В Стамбул возвращалась из дальнего похода в крепость Азов самая большая галера османского флота “Великая Анатолия”. Шестьдесят вёсел с каждого борта погружались в маслянисто отливавшую при свете кормового фонаря ночную воду пролива. Одновременно, как будто ими управлял хорошо отлаженный механизм, вёсла совершали энергичный, могучий гребок. Гребок за гребком. Но не было механизма. Галеру подвигали вперёд гребцы — рабы. Недаром служба на галере звалась каторгой. Там родина этого слова. Само слово “галера” изначально в греческом языке было “катергон”.

Справа и слева виделись береговые огни большого города. Ярче других, как польхающий яхонт, светился и сиял султанский дворец. Вот и он уже позади. Скоро скрылся во тьме и весь город — столица могущественной

БАЛАКШИН Роберт Александрович родился в 1944 году в деревне Коротыгино Грязовецкого района Вологодской области. Окончил Вологодский строительный техникум. Выпустил почти 30 книг прозы и исторической публицистики, одну книгу стихов. По благословению настоятеля Сретенского Московского монастыря архимандрита Тихона (Шевкунова) занимался переложением для детей житий святых угодников Божиих на современный литературный язык. Живет в Вологде.

Османской империи, государства, наводившего ужас и страх на все сопредельные страны.

Лишь только «Великая Анатолия» оказалась за пределами Стамбула, раздались негромкие, но отчётливые звуки судового тулумбаса*, отбивавшего частоту гребков. В городе на малом ходу вымуштрованная команда гребла в полной тишине. Загребной на последней банке Иван Мошков видел городские огни, силуэты трёх товарищей по веслу и думал свою неотвязную, точившую его уже четвёртый год думу. Он давно мечтал о побеге, но в этот год возможность бегства стала явной.

Его захватили в плен крымские татары. Сторожевой отряд, в котором он по приказу воеводы Дашкова выехал на поиск, встретился с татарским сторожевым отрядом. Сила оказалась на стороне татар, уйти не удалось, татары напали из засады. Орудя пикой, отбиваясь саблём, Иван почти прорвался сквозь кольцо окружения. Ещё миг, и перед ним — вольная степь. Конь Бушуй уходил от любой погони. Но тут шею захлестнула удавка-аркан, выдернула из седла. Белый свет померк в глазах.

Затем долгий путь в Крым. Под палящим солнцем. Мука голода, жажды. Длинная вереница невольников. Кто не мог идти, прикалывали копьём, иногда совсем лишившихся сил бросали на дороге умирать. Были среди пленников и дети — мальчики и девочки. Они не вынесли бы тягот дороги, их везли в корзинах вперемёт на лошадях как самый ценный товар. Их ждали гаремы богатых татар или турок. Дорога в плен омыта реками слёз и крови.

В прибрежном городе Кафе невольничий рынок. Здесь Иван впервые увидел море — до края неба водная пустыня, ставшая его жизнью и проклятием. В Кафе на невольничьем рынке его продали турецкому бею. Как не знающего грамоты, не владеющего никаким ремеслом, а таких было большинство невольников, Ивана определили галерным гребцом. Изо дня в день он прикован к веслу. С ним ещё трое таких же бедолаг. Весло длиной три сажени. От непрерывной работы кожа на ладонях стала грубой и толстой, как подошвы сапог.

Обучение гребле шло под удары тулумбаса. Чуть зазевался, опоздал или поторопился с гребком, получишь жгучий удар плетью по плечам. Кормили хуже, чем собак, иногда даже падалью. Если заболеешь или вконец выбьешься из сил, конец короток — снимут оковы, поставят у борта, удар рукояткой плети по затылку — и в воду. Так что держись, крепись. Только молитва и помогает держаться да надежда получить когда-нибудь свободу и тогда поквитаться за всё.

Нужно во что бы то ни стало бежать. Не вечно быть молодым и сильным, и неужели конец жизни — умереть, как скот на бойне? Иван Мошков тайком начал перешёптываться с соседями по веслу, использовал малейшую возможность отыскать и поговорить с теми, кто не смирился, не сдался. На галере за вёслами не разговоришься, но в зимние месяцы, когда плавание замирало, на берегу в жилой казарме, которую точнее было называть тюрьмой, поговорить можно. Конечно, с большой опаской, турецкие хозяева догадывались, что среди невольников может таиться недовольство, может сложиться заговор. Среди гребцов вполне могли быть наушники, шпионы, способные предать за лишний черпак протухшей похлёбки.

После многомесячных, урывочных, на грани угрозы пыток и истязаний, разговоров удалось сговориться с пятью отважившимися пойти наудачу: победить или погибнуть. Кроме соратников, неоценимому помощу оказал Сильвестр, итальянский немец из города Ливорно. Служивший на генуэзском флоте, он попал к туркам в плен. Оказавшись не в состоянии перенести все лишения, напоказ перешёл в турецкую веру, но в душе оставался христианином. Турок ненавидел всей душой. Однажды, разговорившись с Мошковым, Сильвестр почуял в нём родственную душу. С великой радостью он откликнулся на призыв Ивана бежать. Генуэзец был ценен тем, что ходил по галере в любое время суток без оков. Турки доверяли ему.

Галера, оставив позади Стамбул, шла Мраморным морем. Иван нагнулся

---

* Тулумбас — ударный инструмент, род большого барабана.

перед очередным гребком. Дверь капитанской рубки приотворилась. На палубу упала косая полоса света. Из рубки вышел командир галеры Апты-паша, высокий, горбоносый турок с оглушительным голосом и толстым отвислым брюхом. Из каюты доносились пьяное пение.

Паша подошёл к рулевому и шёпотом, хотя его было слышно всей галере, спросил:

— Где мы, отродье шайтана?

Рулевой ответил ему действительно шёпотом.

— Стой! — рыкнул паша.

Гребцы подняли вёсла, с носа и кормы в воду, подняв фонтаны брызг, упали якоря.

Глава вторая Бой за свободу

В 1637 году запорожские казаки лихим набегом захватили крепость Азов, принадлежавшую тогда туркам. Началось знаменитое Азовское сидение. Турки навезли кучу войск, чтобы отвоевать крепость. Казаки держались стойко, отбивая все штурмы. Султан Ибрагим I отправил к царю Михаилу Фёдоровичу посольство с жалобой на казачье самоуправство. Царь, в душе радуясь, что казаки дали хорошую взбучку стамбульскому хищнику, дипломатично отвечал, что казаки захватили Азов без его ведома. Народ они непослушный, непокорный. Не слушают ни его, царя, ни польского короля. Ничего он с ними поделать не может, пусть его величество султан разбирается с ними сам. Царь, конечно, помогал казакам, но делал это так умно и скрытно, что султан не мог уличить его.

В марте 1642 года султан снова снарядил караван из ста кораблей к Азову. Возглавляла его “Великая Анатолия”. Если встать на носу передового судна и оглянуться, то вереница мачт уходила за небесный окоём. Караван был нагружен продуктами для осаждавших Азов войск, оружием, свежим войском. “Великая Анатолия” везла громадные запасы пороха. Полотняные мешки с ним стояли повсюду, на всех палубах: гребной и парусной, на носу, на корме, возле гребцов. По пословице, быть у воды, да не напиться, Иван и его сообщники украдкой воровали порох, по горсточке-другой. Ещё не знали сами, зачем это делают: авось, в будущем пригодится. Плана побега ещё не имели. Добытый порох ссыхали в специальный мешок, хранившийся у Сильвестра среди мешков с сухарями.

В Азове несколько дней всё сгружали на берег. Но и этот поход окончился провалом. Получив в избытке порох, другие боеприпасы, подкрепление в людях, турки под пение диких боевых песен бросались на приступ. Гремели выстрелы пушек и мушкетов, визжали зурны, трубили рога, взвивался разноголосый неистовый вой тысяч людей, лезших на стену. Ему вторил ответный рёв казаков, разивших врагов.

Гребцы сидели, потупив взгляды, и молча молились, желая туркам всяческих бед.

Три яростных приступа отбили казаки. Караван с позором возвращался восвояси. Гнев султана был страшен: сплеховавших пашей публично казнили на площади: четвертовали, предварительно подвергнув самым изощрённым, нечеловеческим мукам. Палачи ходили насквозь мокрые от крови замученных ими жертв.

Апты-паша вовсе не желал знать, в каком виде прольётся на него гнев повелителя вселенной: прикажет ли просто отсечь голову, посадит ли в клетку, наполненную ядовитыми змеями, или пошлёт от своего имени шёлковый шнурок, что являлось приказом удавиться. Посоветавшись с приближёнными, Апты-паша решил не торопиться предстать пред очи потомка пророка, переждать в отдалении, пока гроза утихнет.

Сильвестр, ходивший свободно по галере, подслушал совещающихся и немедленно донёс об этом Ивану. За годы плена они научились понимать и говорить по-турецки. Иван внимательно выслушал. План побега созрел молниеносно. Медлить нельзя. Это была единственная возможность, которая не повторится.

Поскольку каюта Апты-паши выше гребной палубы, нужно незаметно подлезть под неё и взорвать там порох. Янычары и сам паша будут убиты, а там станем биться.

Сильвестр приволок порох, его раздобыли с пуд. Насколько позволяла длина цепи, которой Иван прикован к веслу, он примостил взрывчатку к задней мачте, просыпал дорожку пороха к скамье и стал огнём высекал искру. Но искра никак не высекалась. Возня и стук огнива о кресало услышал часовой на палубе.

— Русская собака, — крикнул он, перегнувшись вниз. — Ты чего тут?

Сильвестр закрыл ладонями глаза: всё пропало.

— Табак хочю пить, ага, — не растерялся Иван.

— Ну, смотри у меня, — сказал часовой и пошёл по палубе, — а то, если что, шкуру спущу.

— Слушай, друг, — свистящим шёпотом сказал Иван Сильвестру, — принеси в тряпице углей. Я видел, Апты-паше принесли большую жаровню, они все там спят. И заодно прихвати несколько сабель.

— Слушаю, Джованни. — Сильвестр скользнул в темноту.

Ждать пришлось недолго. Сильвестр объявился, держа в руке тряпку с завёрнутыми в неё углями, а под мышкой — четыре сабли.

— Храпят все, — сказал он, подавая угли и сабли.

Что испытал Иван, когда рука ощутила тяжесть клинка, что за огонь пробежал по жилам его! Он почувствовал себя человеком.

— Передай всем моим: тревога!

Сильвестр юркнул меж скамей. Иван бережно развернул тряпицу, высыпал горсть красных углей на тёмную пороховую дорожку, следил, как по ней бежит торопливая огненная змейка. Вот близко к плотно набитому из двойной парусины мешку-мине. Иван отвернулся, накрыв глаза ладонями.

Взрыв! В воздух полетели обломки дерева, взлетели человеческие тела. От взрыва содрогнулась вся галера. Послышались крики. Ивана по пояс охватило жаром. Он сбивал руками языки пламени с вспыхнувших на нём шаровар.

В каюте Апты-паши начало гореть. Ещё в прошлом году Сильвестр сумел украсть у надсмотрщика по куршее* ключ от общего замка, который запер на палубе, на который надевались кольца цепей ручных кандалов гребцов. Отперев замки, Иван освободил гребцов, а сам бросился вперёд, тут же срубив одного за другим двух турок, раздавая сабли другим сотоварищам. Рабы нападали на ошеломлённых матросов, убивая их и завладевая оружием.

Вся галера переполнилась криками и беготнёй. На палубу выскочил разъярённый Апты-паша. Иван впервые видел его без чалмы с блестящей багровым отсветом круглой, большой бритой головой и сначала даже не узнал его.

— Собаки-христиане, — орал тот, заглушая все звуки на галере, — сидеть на месте. Не двигаться! Всех заперю.

В руке паша держал большой ятаган. Иван, не мешкая, кинулся к нему, втолкнул в каюту. Паша опытный воин, может призвать всех к порядку. Его послушают. Несмотря на свою грузную комплекцию, он оказался необычайно подвижен и ловок. Он сноровисто отражал удары Ивана и нападал сам. А вокруг кипел бой. По палубе среди турецких трупов и отрубленных рук и голов бегали гребцы и турецкие солдаты-аскеры.

Наконец, изловчившись, Иван всадил саблю в живот паши, рубанул по гладкой голове, и мучитель гребцов рухнул к его ногам.

— Получай, отродье шакала!

Но в этот же миг в правую руку Ивана, пронзив её насквозь, впилась стрела. Другая стрела только чиркнула по голове, но хлынувшая кровь залила всё лицо, на мгновение ослепив его.

Спохватившиеся, пришедшие в себя после начальной паники турки отстреливались из луков и бешено рубились ятаганами. Левою рукою отпер

---

* Куршее — помост вдоль всей гребной палубы, по нему ходил надсмотрщик, следивший за ритмом гребли, наказывавший ленившихся, по его мнению, гребцов.

кровь с лица, Иван схватил правой выпавший ятаган. Но рука не держала его. Наскоро обмотав лоб лоскутом своей рубахи, чтобы кровь не застила взгляд, схватив ятаган левой рукой, Иван устремился в гущу боя, в сумятицу происходившего на курушее. Там отбивался от всех, поражая нерасчётливо приближавшихся к нему, седобородый янычар в зелёной чалме. Он не стоял на месте, прыгал, отступал, наступал. Он крутился на месте, и горе тому, кого доставал его ятаган. Это был испытанный и умелый воин. Лицо его крест-накрест перечёркивали два шрама — отметины от сабельных ударов, — из-под густых бровей ястребино смотрели его глаза.

Иван вступил с ним в поединок. Слышался немолчный стук и скрежет стали о сталь. Иван, несмотря на кровь, сочившуюся из-под повязки, начал одолевать неустрашимого старика. Но внезапно прилетевшая стрела больно клюнула его в правый бок. Со стрелами в правой руке и в боку Иван согнулся от боли. Ятаган турка просвистел над его головой. Кому-то удалось метнуть лёгкий якорь-кошку, зацепить и уронить турка. В него вонзилось несколько сабель. От злобы на неуступчивого турка разъярённые гребцы изрубили его мёртвое тело на куски. Теперь они, вооружившись отнятыми у турок саблями, носились по галере и убивали всех подряд.

Иван, стоявший прислонившись к мачте, приказал прекратить бой. Его послушались не сразу. Он ходил и хватал людей за руки, отнимая сабли. Всех оставшихся в живых турок собрали на палубе. Иные прыгали за борт.

Победа была одержана полная.

Что делать дальше? Кто-то из турок, бросившихся за борт, доплывёт до берега, и скоро о случившемся станет известно во дворце султана. Сразу учинят погоню. Уходить надо как можно скорее.

Плыть через Чёрное море — это плыть к смерти. Даже если посчастливится незаметно преодолеть Босфор, то в море неизбежно столкнёшься с турками. И тогда всем смерть. И не простая, а с муками. Путь на волю один — через Средиземное море.

Глава третья Дорога на волю

Бой был жестоким и кровавым, но из гребцов погиб только один человек. Много было раненых. И один крайне опасно. Митрофана Ильина стрела ударила возле сердца. Застряла крепко, ничем не вытащить. Укоротили её, из груди торчал обрезок, вершка три длиной. С ним Митрофан и лежал. Ходить он почти не мог, делает два-три шага и садится.

Среди сдавшихся турок на счастье живым оказался главный кормчий галеры. Никто из гребцов вести корабль по курсу не умел. Никто не умел пользоваться компасом. Для всех он был не более, чем игрушка с бегающей стрелкой. Всех убитых турок пошвыряли в море, с особой радостью швыряли Апты-пашу, каждый счёл долгом плюнуть на него, подняли паруса, и “Великая Анатолия”, краса и гордость султанского флота, получившая новых хозяев, тронулась в путь, унося вчерашних бесправных рабов, а сегодня — свободных людей к новой жизни. В турецком флоте случались возмущения, бунты и побеги невольников. Доведённые до отчаяния люди отказывались терпеть издевательства и муки, но ни до, ни после (а империя просуществует ещё три века) не бывало такого массового выступления.

В эту ночь на галере никто не спал. Трупы убитых турок (их находили в самых неожиданных местах) метали за борт, туда же следовали останки человеческих тел. Все, кто был в силах, заняли свои привычные места за вёслами и работали, как никогда. Важно было оторваться как можно дальше от погони. Гнев султана, узнавшего о побеге, был ужасен и неумолим. Один Азов сидел незаживающей болью в султанских печёнках. А тут еще “Великая Анатолия”! Любимое морское детище! Построенная лучшими кораблестроителями из отборных и наилучших строительных материалов! И какие-то ничтожные, презренные рабы, семя зловонных шакалов, посмели захватить её! Догнать, всех рабов повесить на реях! Корабль поставить на рейде перед дворцом. По утрам султан будет любоваться зрелищем висящих

трупов. Он прикажет не снимать их, пока не сгниют и не развалятся на части. Снарядив погоню, султан несколько раз на дню выбегал на балкон. Галера не возвращалась. Султан в бешенстве бегал по дворцу, щедро отвешивая всем попавшимся ему пощёчины.

Галера пересекла Эгейское море. Долго лавировала среди бесчисленных островов Кикладского архипелага. Если бы не опытный кормчий Ахмед, они заблудились бы в Кикладах, и султан смог бы насытить свой гнев.

Ахмед, когда на галере вспыхнула кровавая заваруха, спрятался под одной скамьёй гребца и лежал там, дрожа от страха, ни жив, ни мёртв. Лишь только всё утихло, он выполз из своего убежища и так спас свою жизнь.

В каюте Апты-паши нашлось несколько бочек доброго анатолийского вина. Иван позволил хлебнуть самую малость, иначе всем грозило проснуться с кандалами на руках. Всю ночь напролёт не смолкал скрип уключин. Галера всё дальше уходила от проклятых турецких берегов. Но едва рассвело и стало ясно, что никакая погоня не сможет их достать, пир всё же состоялся, да и сам Иван был не железный человек, три раны, обожжённые ноги и ночная истома сломили и его железную натуру. Он лёг на верблюжью кошму у руля и погрузился в обморочный тяжёлый сон, напоследок махнув рукой: гуляйте.

Гребцы ликовали, вино лилось из бочек хмельной струёй, и люди праздновали обрётённую свободу песней. Впервые за годы принуждённого молчания люди пели, и разгульное вольное пение далеко разносилось над морским простором.

Вскоре все спали. “Великая Анатолия”, подгоняемая свежим попутным ветром, резала податливую морскую гладь.

Не спали часовые, сторожившие пленных турок, которые сначала со страхом и тревогой слушали пение гребцов. Что на уме у пьяных невольников, что взбредёт им в голову? Может, они вздумают отплатить за всё, что им довелось перенести? Возмут и попросту покидают их в море. Но убедившись в незлобности освобождённых, турки последовали их примеру и тоже улеглись на палубу спать. Галера на время уподобилась кораблю, о котором столетия спустя сложат легенды, — “Летучему Голландцу”. На палубах не слышно ничьих голоса, не видно движения, даже рулевой дремал, навалившись на длинное перо румпеля.

Только один человек не спал. Сильвестр, благодаря отваге которого мятеж состоялся и завершился победой, счастливо избежал ран, хотя смерть проходила и пробегала рядом. Он сидел на носу в изголовье Ивана, скрестив по-турецки ноги, и думал о том, как неожиданно и внезапно его мечта о свободе стала явью.

Всеобщий сон длился недолго. Первыми стали просыпаться гребцы. Для многих пробуждение казалось чудом. Где они, что с ними? Привыкли за годы к вёслам и кандалам на руках и ногах, и теперь их отсутствие казалось чудом. Чудо проснуться, не скорчившись в три погребели на узкой и жёсткой банке, а вольготно вытянувшись на палубе. Чудо, что никто не орёт на тебя и не полосует плетью...

По галере порхали шутки и смех — неслыханные гости на этом вместилище горя и страданий. Раньше здесь слышалась лишь ругань надсмотрщика да свист плети.

Мы же свободные! О радость! О счастье! Мы не рабы!

В бочонках ещё оставалось порядочно вина, но проснувшийся вместе со всеми Иван воспретил вышивку. Сначала нужно навести порядок на корабле. Всё лишнее — за борт! В каюте Апты-паши обнаружили три трупа, труп валялся у носовой пушки. Один труп, непонятно как туда попавший, висел вниз головой на вантах. Нужно отмыть палубу от луж крови, густыми выпуклыми лепёшками застывшей там и тут. Над кровью вились неизвестно откуда появившиеся в открытом море жирные, сизого цвета трупные мухи.

Мошков будто очнулся от тяжкого и мрачного забытья, похожего на бред. Над ним распростёрся необъятный голубой купол неба, ветерок ерошил волосы.

— Джованни, вышей, вышей, — настаивал Сильвестр, поднося к его рту ковш. Иван сделал два глотка. Горячка боя схлынула, погасла, и теперь

у него всё болело. Болели обожжённые ноги, болели пронзённые стрелами рука и бок, разламывалась от боли голова. Изнутри его сжигал жар.

Он попросил Сильвестра позвать ближайших соратников, с которыми готовил побег: земляка-калужанина Прохора Герасимова, пензяка Григория Никитина, Ефима Михайлова, донского казака Назара Жилина. Призван был и кормчий Ахмед.

В начале разговора Иван перекрестился. Все кроме Ахмеда перекрестились за ним следом. Теперь на галере все крестились часто и даже с наслаждением. При турках крестное знамение влекло за собой сразу наказание плетью. Количество ударов зависело от настроения наказующего. Пять, десять, пятнадцать плетей. Меньше пяти не давали. Но и это могло граничить со смертным приговором. Встречались такие мастера кнутабойного искусства, что запарывали насмерть всего с одного удара.

Надо думать, что делать дальше. Порешили: где пристанем к берегу, всё добро с галеры и саму галеру продать и идти на Родину, на Русь. К благоверному царю Михаилу Фёдоровичу. Добра на галере было несчётно много: большой запас сабель, часть их ножен обложена золотом и серебром, золотая булава, унизанная драгоценными камнями, 40 кинжалов с рукоятями из драгоценных камней, 8 тысяч золотых скудо, 250 деревянных брусьев и железных полос для строительства другой галеры, 60 мешков пшеницы, запасы пороха для 19 мушкетов, больших и малых. Сверх того, в их руки попали 4 купца иудейской веры, сразу предложивших за себя выкуп 20 тысяч скудо. Богатство неимоверное. Вокруг него сразу разгорелись споры.

— Это дело, — подхватился пройдоха и хитрован Назар. — Без денег мы никто. Бродяги, нищebroды, любой на нас плюнет, подальше пошлёт. А с деньгами не то, нас уважать будут.

— Тебе мало на галере добра? — сказал Герасим.

— На галере, как на золотом руднике, на всех хватит.

— А ты, атаман, как думаешь?

— Что-нибудь с них взять надо, жидки народ оборотистый, ушлый. Они снова наживут.

Иван обвёл товарищей задумчивым взглядом. Возглавив восстание, он взвалил на себя бремя, о котором раньше не думал. Все его сотоварищи прежде были соседями по веслу, по галере, а после той ночи он стал ответчиком перед Богом и совестью за всех, кто поверил ему, пошёл за ним, вверил ему свои жизни. Если бы всё обернулось иначе, ему бы отвечать за всех перед султаном и его палачом. Теперь предстояло думать за всех.

— Я думаю, — сказал он после недолгого молчания, — что нам не годно подоби́ться нечестивым туркам. Они торгуют людьми, их свободой. Они торгуют людьми, как скотом, люди для них товар. Нам Господь заповедал жить иначе. Мы родились на свободе, для свободы. Мы не торгуем свободой. Скажите купцам, нам от них ничего не нужно. Пристанем к берегу — и вольному воля.

Иван видел, что соратникам не понравились его речи, да, сказать по правде, он и сам мечтал поживиться купеческими денежками. Но мечтал стрелец Иван Мошков. Атаман должен по-атамански думать.

Сама галера не может знать, куда ей плыть. Так и гребцы — двигатель судна — не знали своего пути следования. Для них, не сведущих в навигации, искусстве кораблевождения, всюду было одно море — прямо и сзади, направо и налево. Куда плыть, как направить судно, знал Ахмед. На совещании он сказал, что надо плыть в порт Чивитавеккья. Там хорошая гавань, там у него есть знакомые купцы, моряки. Туда — значит, туда. Но знакомые моряки, купцы могут дать знать о них падишаху. Едва ли падишах смирится с потерей галеры. Он будет искать её. Галера — не иголка в стоге сена, предмет заметный, хотя и велико Средиземное море. Падишах может подослать сюда убийц, чтобы расправиться с ними. Ведь если судить здраво, галеру-то у султана они украли. Где-нибудь она объявится.

Такие мысли пришли Ивану, когда Ахмед ушёл на мостик к рулевому. Да, надо это иметь в виду, а пока — только вперёд. Ахмед обнадёжил: если ветер не сменится, к земле они подойдут дня через четыре-пять.

Глава четвёртая Житейские были

Иван страстно желал скорей встать. Но ему не моглось. Он с трудом отрывал голову от подушки. Голова кружилась, её наполнял липкий жар. В этом жару в голове неотвязно крутились живые картины того горячего смертельного боя. Опять его обжигал огонь взрыва, снова и снова он втыкал ятаган в брюхо визжащего Апты-паши. И, самое ужасное, он никак не мог вытащить ятаган. Он поносил самыми последними чёрными словами пащу, вытаскивал ятаган, а тот тянулся как резиновая сосулька. Иван звал на помощь друзей. В беспомощности бреда он не знал, что друзья сошлись, стоят вокруг его ложа, переглядываются и не знают, как помочь больному товарищу.

Лекарь был у Апты-паши, но его убили в самом начале схватки, когда крушили кого ни попадя. К рабам лекаря никогда не вызывали. Заболеет раб, выздоровеет или умрёт — значит, так угодно Аллаху. Гребцы как-то обходились без лекаря, лечились своими подручными средствами.

Крепкий Иван выздоравливал. Через двое суток бред пропал, как и не было, но вставать атаман ещё не мог. Днём лежал, рассматривая прихотливые разводья цветастого полога, растянутого над ним. На ночь полог снимали, и перед взором большого зажигались просторы неба с их квадратами, треугольниками, россыпями мерцающих, переливающихся, как громадные ожерелья, звёздных красавиц.

В эти ночные часы, зная, что он всё равно не спит, проведать его приходили свободные от вахты друзья. Завязывались разговоры, и Иван по-настоящему знакомился со всеми. Гребцы задних загребных банок редко встречались с гребцами банок передних. Все вместе собирались в короткие зимние месяцы, однако и тогда между ними не было открытых разговоров, все опасались друг друга. За откровенность можно было поплатиться поркой, а то и головой.

Так Иван разговорился с напарником, что сидел на самом краю, через два человека от него, с Афанасием Никитиным.

Афанасий попал в плен, как и многие бедолаги, которых угораздило родиться на южной окраине Руси, на границе с крымской татаркой. Татары шли изгоном из Крыма. Весть о набеге летела впереди орды. Жители деревеньки, где жил Афанасий, готовились, зарывали наиболее ценные пожитки в землю: иконы, весь металлический инструмент, оловянную посуду, угоняли в балки, глухие и глубокие овраги скот, за исключением свиней, ими татары брезговали. Несколько дней крестьяне хоронились в лесах, не ночевали дома. Поутру в степь высылали караульных. Погода выдалась в ту весну хорошая, только бы пахать. Как Афанасий не остерегся, говорили же ему, что они уже близко. “Допашу эту борозду, — подумал он — и будет”. Злодеи налетели внезапно, с криком, визгом, гиком. Он кинулся бежать, бросив всё: котомку с едой, даже лошадь. Афанасия словили арканом у самой опушки леса. Не пробежал сажень десяти, как очутился на земле. С ним сцапали и младшего сынишку, которого он больше не видел. Потом была известная дорога в Кафу. Дорога — одно название, а по-церковному — крестный путь. Шли почти без еды. Страшно хотелось пить, язык во рту распухал, как бревно.

Ивану об этом можно было не рассказывать, всё испытал на себе.

— Сколько же лет ты в плену?

Афанасий, почесав всклокоченную бороду, сказал, что где-то вскоре после того, как государь Михаил Фёдорович царские бармы надел.

Иван с невыразимым сочувствием посмотрел на него.

— Так это получается, что ты тридцать лет живот свой на каторге мучал.

— Получается, — согласился Афанасий, — я уж и счёт годам потерял. Что считать, пустое дело.

— А тебя-то как угораздило в полон попасть? — Иван, покривившись от боли, повернул голову в сторону Прохора.

Прохор уже собирался улечься спать, но услышал вопрос атамана и подошёл к нему.

Рассказ Прохора оказался похож на увлекательную сказку, столько было в нём изменений и поворотов судьбы. Однажды станица Прохора, соединившись с другими станицами, отправились на стругах в Азовское море “за зипунами”, одним словом, пограбить. Атаманом был Михаил Таран. Захватили они турецкий городок Перизу, поживились, возвращались на Дон, но путь в устье им преградил турецкий флот. Воспользовавшись густым туманом, они оторвались от турок, направились в сторону Днепра. Но и тут турки. Ускользнув от них, они повстречались с отрядом ляхов полковника Душанского. Казаки попросили его о защите, а чтоб просьба выглядела весомой, сопроводили её щедрыми подарками. Кривой лях подарки взял, обещал подмогу. Но слово ляха, знамо дело, что ветер. Крест подлюка целовал заодно быть, а сам послал гонцов к Очаковскому паше и с турками напал на казаков с двух сторон. Кого из казаков перебили, кого захватили в полон. Михаила Тарана увезли в Царьград (казаки упорно не хотели называть Константинополь Стамбулом) и там на главной площади предали мучительной казни. Турки мечтали насладиться страданиями атамана. Он принял страшные муки, не проронив ни звука. Султанский палач изощрил своё мастерство, сам султан ярился от злобы, желая услышать хотя бы стон проклятого гура. Атаман оказался сильнее султана, сильней палача, сильней многочисленной площади, собравшейся на потеху и не получившей её.

Народа у ложа Ивана прибывало. Людей пробуждал звучный голос Прохора. Иван просил Прохора говорить потише, хотя понимал тщетность просьб — такой был у Прохора голосина. Сам Апты-паша, случалось, вызывал Прохора на состязание и не мог переголосить его.

Иван недовольно огляделся: надо заканчивать, столько людей не спит из-за него одного.

Свою историю начал Кузьма Хлыст. Когда понадобился человек для обучения пленных турок гребле, лучше Кузьмы сыскать было нельзя. За его неукротимость, за неистовое стремление к свободе турки жестоко искалечили его. Поймав Кузьму после второй попытки побега, турки отрезали ему нос, отчего в сумерки казалось, что он смотрит на тебя тремя глазами — двумя верхними и третьим нижним. Став главным над своими бывшими хозяевами, Кузьма не скупился на ругань и удары плетью. Плеть свистела над головами турок, понавших из огня да в полямя.

— Я научу вас, детей ишака, как надо работать, как в поте лица добывать хлеб свой, — говорил он, шагая по куршее.

Спины турок-гребцов в первый же день разукрасились кровавыми рубцами.

— ...он бил меня руками и ногами, — рассказывал Кузьма об издевательствах Апты-паши. — Никак не мог сбить меня с ног. Бесился, ругался по-своему, по-турски, и ни в какую. Но вот расстарался, оглушил меня. Концы туфель у него загнутые, мягкие, терплю я. Но тут озлился я, что ж он меня, кат обрезанный, душует. Схватил я его за ногу, зубами впился. До мяса туфлю ему прокусил. Он чисто осатанел, туфли-то те султаном дарёные. Я ж не знал этакой оказии.

Паша кинжал свой из-за пояса хватать и со злобы мне — чик-чик — оба уха и отхватил.

— Ну, всё, — хлопнул по ложу Иван, — довольно! Всем спать!

Все разошлись. Слышно было, как хлопают вёсла по воде. Хотя при попутном ветре гребля мало прибавляла в скорости, но чего ж турки так сидеть будут, они-то их в любую погоду грести заставляли.

Иван, заложив руки за голову, не спал, смотрел на звёзды. В голове бродили мысли. Отчего турки такие? Случалось и ему в боях, различных сшибках убивать людей. Дело такое — или ты его, или он тебя, кто бойчей окажется. Тут знай, не зевай. Но враг — это враг. А пленный — это пленный. Почему у нас нет обычая издеваться над пленными, резать уши, носы? Отчего наш батюшка-царь православный не устраивает походы за пленными, не торгует полоним на базарах? Почему турки и крымчаки не живут нормальной человеческой жизнью? А может, в их понятиях это и есть нормальная жизнь? Продавать людей, уродовать их. Может, они только своих

считают людьми, а всех остальных нет? Но Господь создал всех людей без различия на турок, православных и ещё каких.

Несколько столетий для южных областей России не было более страшного врага, чем крымские татары. Почти ежегодно налетали орды крымчаков на русские селения, жгли деревни и города, уводили десятки тысяч несчастных людей в Крым. Ханство жило за счёт торговли пленными. Не пахали землю, не разводили скот, только грабили. Бывало, свирепая орда доходила до Москвы. Народное бедствие отразилось и в церковных службах. Орды давно нет, а мы молимся “о страждущих, плененных ...Господи, помилуй”. Эта молитва оттуда, из тех времён.

Глава пятая Нежданная встреча

Всё дальше и дальше уходила “Великая Анатолия” от турецких берегов. Если за беглецами и была погоня, то она безнадежно отстала и вообще уже не имела смысла. Когда галера после Киклад вышла на просторы моря, кто мог предсказать её дальнейший путь: поплывёт она к Геркулесовым столбам или направится в сторону Александрии, пустится к острову Кипр или выберет курс в пределы Палестины.

Попутный восточный ветер дул с неослабевающей тугой силой, гнал тяжёлый, нагруженный людьми, товаром, боеприпасами и провиантом корабль, словно и сам радовался за людей, что может оказать им такую услугу. Иногда природа вспоминает, что она неотъемлемая часть этой жизни, и сорадуется вместе с нею. Обычно оживлённое в этой части своего пространства море было на редкость пустынно. Нос “Великой Анатолии” в гордом одиночестве безукоризненно кроил ровное морское полотно.

Иван, опершись на нагретый солнцем ствол носовой пушки, часами смотрел, как острый форштевень режет водную поверхность, образуя белые пенные буруны, смыкавшиеся за кормой. На галере, кроме него, находилось более полусотни раненых. В ту ночь погиб всего один человек, что удивляло всех. Погибшего гребца Иван Мошков не позволил выбросить за борт.

— Не достанется он рыбам и чудикам морским. Похороним его по-человечески, в земле.

Труп хранился на корабельном леднике. В Азов галера доставляла порох и загружалась льдом, который осадники заготавливали зимой, ломая лёд на замёрзшем Дону, складывая его в глубокие земляные ямы. Лёд из-под Азова доставляли в Стамбул.

Галера глотала версту за верстой. Ветер посвистывал в снастях. Смолисто пахло от палубы. Доносило варившейся к обеду кашей, вкусно пахло жареным мясом. Завоевав свободу, пленники стали питаться по-людски. Турки кормили гребцов чем попало, бывало, и падалью, от которой смердело невыносимо, но выбирать не приходилось: жить хочешь — ешь.

Иван всмотрелся вдаль.

— Ахмед, — крикнул он.

— Да, эфенди, — Ахмед подбежал к нему.

— Берег близко?

— Далеко, эфенди.

— Опять эфенди. Какой я тебе господин? Говори по-русски.

— Далеко берег, капитан.

— Это что? Чайка?

Иван махнул рукой. Вдали, как клочок пуха, белело крохотное пятнышко.

— Дай зрительную трубу.

Ахмед поднёс зрительную трубу — единственное, что осталось от Агтыпаши. Накануне Иван целый день учился пользоваться ею. Сейчас прильнул к окуляру.

— Лодка. Ахмед, глянь.

— Твоя правда, капитан. Турецкая фелюга.

— Турецкая.

Иван крикнул Прохора.

— Прохор!

Через всю галеру, топая ногами, прибежал Прохор.

— Глянь-ко, — Иван подал ему трубу. — Что видишь? Справа по носу. Прохор принял трубу, долго возился с ней.

— Ну, что?

— Да никак не прилаживается к глазу. Лодка. Плывёт к нам.

— Прикажи поднять на мачту знак Апты-паши. Молчок всем.

Расстояние до встречного судна быстро сокращалось. Было видно, что это небольшая фелюга под турецким флагом.

— Макарку сюда, — распорядился Иван.

Макар, самый молодой из гребцов, к галерной службе приживался через силу, тошнило от морской качки, от мерзкой пищи, которой бы погнушались бродячие псы. На его долю слабосильного гребца доставалось всех больше плетей. Макар угасал на глазах. Его все жалели, но помочь ничем не могли. Если бы не боевая ночь, скорее всего, он бы покоился на морском дне. За три дня свободы Макар ожил от здоровой пищи, освободившись от муки непосильного ежедневного труда. Сметливый, с живой понятливой душой, среди всех гребцов он лучше всех говорил по-турецки. Смуглый от природы, с чёрными бойкими глазами, с постоянной улыбкой, он и внешне смахивал на турецкого побродяжку, каких много слоняется в базарный день в турецких и крымских городах.

— Скажешь им, — наставлял Иван Макарку, — что это корабль Апты-паши, идёт по велению его величества султана, куда, нам знать не дано. Сам паша нездоров, болен животом, зовёт пожаловать в гости.

По приказу Ивана Макарке принесли одежду получше и поновей, на голову водрузили новую же чалму, на ноги надели мягкие сапоги из красного сафьяна, опоясали поясом, за которым торчали рукояти двух дорогих кинжалов, щедро усаженных драгоценными камнями. Камней было так много, что рукоять делалась неудобной. Как с такой рубиться в бою? Макарке дали золотую цепочку, перебирая которую, он перекликался с турками.

— Из шпанской земли идут с товарами, — скороговоркой сообщал он Ивану. — Табак везут.

Иван вполголоса говорил Прохору:

— Проша, пусть десять человек зарядят мушкеты, укроясь за фальш-бортом, а как только фелюга ошвартуется к нам, пусть встанут, чтобы турки их видели, и мушкетов с турок не спускать.

Фелюга приближалась, уже видны были лица турок на ней. Хватаясь за прямоугольные скобы, вбитые в борт галеры, турки вскарабкались на галеру. В этот же миг на борту галеры возник частокол мушкетных стволов, направленных на оставшийся на фелюге экипаж.

— Приветствую досточтимого Апты-пашу, великого воина, украшение империи, да живёт он тысячу лет, — произнёс витиеватое приветствие турок в зелёной чалме и богатым шёлковым халате.

Оглушительный обвал хохота покрыл последние слова турка. Ибо пожелание тысячи лет жизни плохо вязалось с тем, что произошло с пашой несколько дней назад.

Турок и сам понял, что произнёс речь невпопад. Речь его выслушал лежащий русобородый человек, по виду ничуть не похожий на турка.

Турок в халате сообразил, что угодил в ловушку, метнулся к борту, явно намереваясь отдать какое-то приказание людям на фелюге. Его схватили.

— Молчать, — крикнул ему Иван. — Передай, чтобы все поднялись сюда.

Перегнувшись через борт, Макарка передал приказ на фелюгу. За бортом послышалось учащённое дыхание. То поднималась команда. Нужда в маскараде отпала, дальше с турком говорил сам Иван. Фелюга принадлежала турецкому купцу Хуссейну. Она везла партию табака из Испании.

Иван приказал спуститься на фелюгу своим людям, осмотреть её, нет ли чего полезного, а табак выбросить в море.

— Поп Филипп из нашей Петропавловской церкви говорил на проповеди, что табак — это дьявольское зелье, кто курит табак, тот кадит сатане.

Через некоторое время все видели, как тюки с табаком плывут по морю, постепенно погружаясь в воду.

Ничего примечательного, пригодного им на фелюге не нашлось. Но среди поднятых на борт оказался лекарь. Это приобретение оказалось кстати. Среди всякого барахла, найденного на фелюге, оказался какой-то ящичек. В его ячейках размещались какие-то бутылочки, бумажные свёртки.

— Это моё, — рванулся к Ивану пожилой, тощий, с длинной седой бородой ниже пояса турок.

— Чего тебе? — спросил Иван.

— Это моё. Снадобья, лекарства. Я врач, Селим. Султан приглашает меня, если занедужит.

— Лекарь, значит, — улыбнулся Иван. — Это хорошо. Чего ж ты раньше молчал?

— А ты не спрашивал.

Поправлялся Иван медленно, держался, пересиливал себя. Лекарь никогда не помешает, больных-то много.

— Так, — распорядился Иван, — лекаря не трогать, а остальных на выучку к Кузьме Хлысту.

Работы Селиму хватило на целый день. Сначала он осмотрел всех, начиная с Ивана и кончая Митрофаном Ильиным. Но его он лечить отказался, у него из груди торчал обломок стрелы возле сердца. Нужен более опытный врач. На берегу найдём.

После осмотра Селим задал всем, свободным от вахты, работу. В каюте Апты-паши нашлись белые кисейные бурнусы. Селим усадил четверых человек рвать их на узкие длинные полосы. Затем снял, а в некоторых случаях сорвал, несмотря на протестующие вопли, со всех раненых заскорузлые грязные повязки и наложил чистые, новые. Затем дал задачу толочь в мисках разные высушенные травы. Одни в фаянсовых, другие в медных мисках. Вся галера наполнилась ароматом, а в иных случаях едкой вонью. Корабль превратился в плавучую больницу. На борту приготавливались снадобья, лекарства, примочки, тут же шедшие в дело.

В эту ночь многие раненые, страдавшие от бессонницы, спали спокойно. Ровный целебный сон врачевал их избитые, израненные тела. Не преминул Селим осмотреть и своих земляков, обращённых в грёбцов. После осмотра он доложил Ивану, что состояние троих обследованных вызывает опасения. Если их не освободить от работы на вёслах, они в ближайшие дни могут умереть. Иван из грёбной команды перевёл их в палубные матросы. Тянуть снасти и содержать в чистоте палубу они в состоянии.

Перед сном к Ивану пришёл Макарка поведать о своих мытарствах... Татары охватили их деревню кольцом. Мышь не прошмыгнёт. Мужиков и таких подростков, как он, окупив в стадо, погнали в Крым. Детей убивали на месте. Рёв и вой стоял над деревней.

Остальное было известно Ивану.

— От похода этого я едва ноги таскал. Видит хозяин — толку от меня никакого, и отдал ребятне ихней меня на забаву. У татар так заведено: только сопляк ходить начнёт, его, как волчонка, к крови приучают. Чтoб сызмальства злым, не жалостливым рос, привыкал людей убивать и мучить. Вывели меня в кандалах во двор. Ребятня ихняя пинает меня, щиплет, тычут. Лучонки им дали детские, стреляют в меня. Силы маловато, едва кожу на мне пробивают их стрелы, но весь я стрелками ихними обклёванный ходил. Места на мне живого не было. Весь исчезался. Только слышу — начал я по-татарски понимать — спорят они меж собой, кто первым мне в глаз попадёт. Всё, думаю я, пришёл тебе, Макарий, конец. Выбьют один глаз, другой, слепому подножку поставят, навалятся стаей, кинжальчиками своими истычут, глотку перережут. Ходил я, глаза локтем закрывал. Только ведь ненадолго это, всё равно подстерегут как-нибудь. Спасла меня хозяйская дочка, Айше. Тоненькая, как пруттик, косы, как две змейки на спине, не идёт — летит, глаз не оторвёшь. Бывалоча, проснись утром — первая мысль о ней. Пожалела она меня, упростила отца отнять меня у ребятни. Он и продал меня на галеру как ни к чему не способного дармоеда. А на галере ты бучу устроил, тоже спас меня.

Иван погладил юношу по голове.

— Теперь тебя никто не обидит.

Макарий заплакал, с жаром целуя руку Ивана.

— Ну, что ты, что ты. — Иван отдернул руку. — Что ты, ровно ребёнок. Звёзды молча лили свой небесный свет на одинокую галеру.

Жизнь человека — это море. Уподобляют её морю православные, творцы молитв и канонов. Просторы русской земли сравнивают с морем поэты. Хоть Русь сухопутная страна, но русский в душе — морской человек. Сколько песен о море создано русским народом! Сколько венок русской ратной славы вполетено морских ветвей народными героями — адмиралами, матросами! Плывёт через всю историю России её славный корабль, блестят жерла грозных пушек, гордо вьётся её победоносный Андреевский флаг.

Глава шестая У смерти на краю

Всё когда-нибудь кончается. Таков закон жизни. Его не избежит ничто и никто. Кончается удача, кончается попутный ветер. На седьмой день плавания на горизонте показались горы.

— Сицилия, — сказал Ахмед, показывая на них. — Если ветер не подведёт, дня через два будем на месте, в Чивитавеккья.

— Слава Богу, — сказал кто-то, — хочется землю почувствовать под ногами, а то всё вода да вода.

— Слава аллаху, — вполголоса, чтоб не раздражать христиан, пробормотал Ахмед.

— Ступить на землю, да больше век моря не видеть, будь оно проклято, одно горе от него.

— Кто в море не бывал, тот и горя не видал, — складно сказал Макарка.

— Кто на море не бывал, тот досыта и Богу не маливался, — послал снизу Кузьма.

— Хватит о горе, — припечатал Прохор, — ветер добрый который день. Сглазите ещё.

— Не приведи Господь, — Иван перекрестился на крест золотым проблеском сияющей на мачте.

В каюте Апты-паша на полу валялось большое блюдо из золота. Иван приказал расковать его в лист, из этого листа вырезал православный крест. И прибил на главную мачту корабля.

Но как бы там ни было, с полудня, когда галера изменила курс, повернула направо, огибая остров, с севера надвинулась высокая гряда густых, точно кучи грязного снега, облаков. Заморосил дождь, скоро перешедший в ливень. Тяжёлые капли хлестали по палубе. Ахмед отдал команду: палубные матросы побежали к мачтам, карабкались на ванты, разбегались по реям, убирали паруса. Скоро “Великая Анатолия”, освобождённая от ветрил, неслась по бурлящему морю.

По просьбе Ахмеда, предвидевшего ход событий, в помощь рулевому Иван отправил Панкрата Шурова, отличавшегося нечеловеческой силой. Он один поднял с земли и занёс на галеру как раз накануне Азовского похода 25-пудовый якорь. Панкрат встал за руль, удержал галеру от сноса к скалистому берегу. Шторм усиливался, швырял огромное судно, словно прогулочную лодку. С гребной палубы раздавался вой. Гребцы-турки, ожидавшие гибель, кричали от ужаса. Иван приказал освободить их от оков, хотя сами турки в подобных случаях предпочитали, чтоб гребцы утонули, чем дать возможность им спастись.

К одному несчастью добавилось другое. Со своих креплений сорвалась носовая пушка. Она стремительно носилась из стороны в сторону по короткой носовой палубе, урожая проломить невысокий фальшборт. Матросу, пытавшемуся остановить её, раздробила ступню ноги. За рёвом шторма никто не услышал крик отчаянной боли. Иван приказал Панкрату, чтобы он остановил пушку, иначе она натворит бед. Это мог сделать только он, а сам Иван

встал рядом с рулевым. Панкрат гигантскими прыжками промчался по галере. Выждав подходящий момент, схватил пушку в охапку, шагнул с нею к борту и исчез. Поднявшаяся выше борта волна накрыла его. Когда пенящаяся вода схлынула, ни Панкрата, ни пушки не было на палубе.

Иван с рулевым лежали на румпеле, ногами упираясь в палубу, но галереу неотвратимо волокло к берегу, на скалы. Громадная волна погребла их в холодной солёной толще. Вода наглухо запечатала рот, глаза, уши, с неумолимой силой отрывала их руки от румпеля. Задыхаясь, боясь вдохнуть, а мочи уже не было терпеть, Иван взмолился: “Господи, Пресвятая Владычица, помилуйте!” Уступая силе волны, стали разгибаться пальцы. В глазах вспыхнул неведомый свет, и тут волна рассыпалась, исчезла, превратившись просто в множество струй. Иван хватал ртом воздух, как выброшенная на сушу рыба, глотал его, а ему на помощь спешили, карабкаясь по накренившейся палубе, трое его бывших сидельцев по веслу. После шторма они рассказали, что услышали его крик о помощи и устремились к нему. Иван не помнил, чтобы он кричал. Как закричишь, когда ты замурован в водной тверди?

Весь день и ночь не унимался страшный шторм. Все промокли насквозь, были истощены, стихия вымотала их, и, когда шторм малость поутих, галереа направилась к гавани, открывшейся им.

Это был город Мессина.

Глава седьмая На земле сицилийской

Шторм утих. Улёгся ветер. Выглянуло солнце. Но галереу ещё ощутимо качало. После сильного шторма обычно бывает мёртвая зыбь. Морские воды, которых бурным ветром нагнало к берегу, возвращаются вспять, и удивительное дело: в небесах тишь и покой, не шелохнётся лепесток на прибрежной оливе, а море бушует, по нему бегут волны с белыми гребнями. Хотя “Великую Анатолию” качало у берега, но корабль держали крепкие канаты и качка никого не пугала.

Пришла пора подсчитать убытки: кроме Панкрата, неистовая стихия поглотила ещё пять человек, сломала семнадцать вёсел, сильно разбила корму, повредила руль. Дальше плыть было невозможно. Надо ремонтироваться. Корабельных мастеров нужно искать на берегу.

Иван сдержал слово, отпустив желавших уйти с галеры иноземных гребцов, иудейских торгашей и всех турок с захваченной фелюги. Попросил остаться Сильвестра толмачом для разговоров с местными людьми.

Сицилия в те годы принадлежала испанскому королю Филиппу IV. Управлял ею вице-король маркиз Франсиско де Мело, граф Ассумар. Ему доложили, что утром в Мессину пришвартовалась галера под турецким флагом, а экипаж на ней в большинстве не турецкий, а русский. Из бывших турецких рабов. Маркиз повелел доставить старшего с галеры к нему во дворец. Иван занимался на галере своими делами, намечал неотложный ремонт, осматривал паруса, которые давно не обновляли, говорил, что люди обносились, ходят в лохмотьях, надо справить новую одежду. Оставалась одежда после турок, но надевать её православному погано.

Вдруг на набережной появилась кавалькада всадников. Впереди на рослом жеребце в широкополой шляпе, украшенной пышным страусиным пером, ехал богатый одетый вельможа. Конь вороной масти вытанцовывал под ним замысловатые кренделя. К удивлению Ивана, всадники спешились у галеры. Вельможа взшёл на корабль, снял шляпу и, поклонившись, сказал, что маркиз Тер де Лагуна граф Ассумар предлагает хозяину галеры пожаловать к нему во дворец.

Франсиско де Мело граф Ассумар ожидал увидеть бывалого капитана и остался разочарован и даже возмущён, увидев перед собой самого обыкновенного мужлана, одетого не в морской мундир, а в какое-то рваньё, какое не надел бы самый захудалый мадридский нищий. На столе, между тем, расстелили дорогую бархатную скатерть лазурного цвета. Тут же явились яства

на золотых блюдах: мясо жареное и варёное, бараний бок только что с вертела, всевозможная рыба, высокие вазы с фруктами, кувшины с вином. Еды столько, что всей галере хватило бы на неделю.

Иван ел и пил, не отставая от хозяина, и заботился об одном: как бы не напиться, не перебрать. В среде стрельцов и казаков, людей на выпивку далеко не слабых, Иван славился крепкой головой, мог перепить любого, но ведь он сколько лет не пил. Апты-паша каждый год в конце мусульманского поста выставлял бочку вина. На каждого доставалось по паре глотков, не больше.

Граф Ассумар пожелал узнать, каким ветром уважаемого Хуана занесло в сицилийские воды. От обильного угощения Иван ощущал только тяжесть в животе, голова же оставалась ясной. И он стал подробно рассказывать. Граф Ассумар краснел, бледнел, просил повторить интересный эпизод, не сидел на месте, вскакивал, бегал у стола, словом, вёл себя так, будто был не слушателем, а участником происходившего. Впрочем, иногда он притихал и строго впивался взглядом в лицо Ивана, словно не верил ему. В самом деле, турецкая армия по праву считалась одной из лучших армий в мире, и вдруг горстка рабов, измождённых тяжелейшим трудом, истомлённых недоеданием, мучимых пытками, побеждает её, а она терпит от них поражение, теряет много убитыми. Но самое главное: эти рабы, которых лучшие воины и матросы султана должны были схватить и после мучительных пыток повесить, находят путь среди бесчисленных островов греческих архипелагов.

А когда граф Ассумар услышал о богатствах на галере, алчный огонь загорелся в душе его. Он вспомнил рассказы о сокровищах ацтеков и инков, добытых конкистадорами за океаном, и подумал, что к нему сокровища приплыли сами. Вскоре он вместе с Иваном сам прибыл на галеру и лично убедился, что этот русский Хуан ничего не приврал, не преувеличил. Алчный огонь всё сильнее опалял графа. Особенно воспламенили его душу ровные столбики золотых скудо, стоявших на полке в шкафу, в той комнате, где жил теперь Иван. Взяв на память один кинжал с рукоятью из драгоценных камней, вице-король оставил галеру, пообещав прислать своего врача и велел снабжать Ивана кушаньями со своей кухни.

Вечером того же дня в Мадрид помчался гонец с донесением о случившемся и с просьбой об инструкциях, как ему вести себя с иноземцами.

На другой день на галеру из дворца пожаловал врач Эстебан. Селим был дельный лекарь, подлечил раны на руке и в боку, но ничем не мог помочь ране на голове. Она упорно не хотела заживать. Нарывала, гноилась, и голова подчас так болела, что Иван не вставал с постели. Эстебан дело своё знал отменно. Мягкими, нежными пальцами он ощупал всю голову Ивана, даже затылок, хотя там ничего не болело, нажимал где-то на груди, на спине, снял повязку, наложенную ещё Селимом, причём, когда снимал последний слой, голову молнией просверлила такая боль, что Ивана затрясло и он даже вскрикнул, хотя был очень терпеливый на боль. Эстебан изготовил вонючую мазь, наложил новую повязку, дал выпить какую-то душистую жидкость и велел лежать целые сутки, не вставая ни на миг.

Потом Эстебан осмотрел вместе с Селимом всех раненых, придирчиво исследовал все склянки-банки Селима, какие-то оставил, что-то посоветовал выбросить, похвалил лекаря и долго с ним беседовал.

Иван вылежал, не шевелясь, целые сутки. Кормил его с ложки Макарка и выполнял все пожелания, возился с ним, как нянька. За сутки отдыха Иван многое узнал от Ахмеда. Оказывается, Сицилия, куда пристали они, — остров. Для того, чтобы им вернуться в русскую землю, надо сначала попасть в земли итальянские.

— Вон они, там. — Ахмед показал на горизонт, где на самом краешке его серела кромка берега.

На берега итальянские попасть легко, у них есть галера. И она исправна. Местные плотники работают на ней, и их старшина говорит, скоро работы будут закончены, можно выходить в море.

Эстебан оказался врачом-чудодеем. От его повязки и лекарств пропала головная боль. Иван чувствовал себя заново родившимся. В ясной голове

рождались смелые летучие мысли, в руки вернулась прежняя сила. Иван с охотой водил Эстебана по галере, показывал самые укромные, потаённые уголки. Врач был любознательным, дотошным. Иван для своего избавителя готов был в лепёшку разбиться.

Тем временем гонец графа Ассумара домчался до Эскуриала, был принят королём и летел в Мессину с королевскими инструкциями. Донесение из Мессины произвело в Мадриде оглушительный эффект. Совершить побег от турок — это всё равно, что вырваться из пасти зверя. Пройти половину Средиземного моря — на это способен человек железной воли, стойкости, сообразительности, умения преодолевать препятствия, умения управлять людьми. Такой человек, подобный Писарро Кортесу, Нуньесу де Бальбоа, нужен королю Испании!

Ремонт галеры завершился, можно плыть дальше. Но тут Ивана вновь вызвал к себе вице-король и зачитал ему письмо от короля. Его Величество приветствовал отважного воина Хуана Московита и его людей, сумевших освободиться от турецкого плена, и в знак особой королевской милости позволял Хуану и его людям поступить на королевскую службу. Империя испанская велика, над её рубежами никогда не заходит солнце, ей нужны храбрые, неустрашимые воины. За службу все будут достойно и щедро вознаграждены.

Иван ответил, что целовал крест служить верой и правдой своему царю и никому другому служить не может. Граф Ассумар бросил на Ивана надменный взгляд и торжественно произнёс:

— Так как вы, Хуан, отвергаете королевскую милость и тем самым бросаете наглый вызов христианнейшему из королей Филиппу Четвёртому, вы более не имеете законных прав на захваченную в вероломном бою галеру “Великая Анатолия”. Она похищена вами у правительства Блистательной Порты. Мы повелеваем изъять галеру из незаконного владения Хуаном Московитом, дабы иметь возможность возврата её законному владельцу падишаху Ибрагиму.

Иван ошеломлённо молчал. Мысли одна сбивчивей другой толклись в голове. Убить этого графа, бежать на землю, а там ищи-свищи. Нет, догонят, повесят. Да и негодная это плата за гостеприимство.

— Что ты молчишь? — перебил его думы граф. — Поехали. К твоим матросам. Может, кто из них пойдёт на королевскую службу.

Однако на галере Иван одержал победу. Никто не захотел идти в услужение к испанскому королю.

В гневе положив руку на эфес шпаги, потемнев лицом, граф Ассумар процедил сквозь зубы, что галера принадлежит испанской короне, и тот, кто будет застигнут на ней, будет считаться вором и заключён в тюрьму.

Испанские солдаты зашли на галеру, выгнали на берег всех русских и турок, разрешив взять только то, что на них надето. Поселили в заброшенной конюшне. В первую ночь Иван не спал, думал, что делать. В конюшне ему не сиделось, вышел наружу, сидел и горевал. Вдруг из конюшни вышел Макарка:

— Думаешь, атаман?

— Думаю, Макарушко, думаю. Завтра надо всех кормить, а денег — кот наплакал.

— Я придумал, как денег раздобыть. Ты мне объяснишь, где они у тебя спрятаны. Я туда проникну и принесу тебе денег.

— Это воровство.

— А галеру у нас отнять — это как называется? За это на Москве сто батогов полагается. Вот бы идалго нашего кат знатно пощекотал. — Макар негромко засмеялся.

Деньги схоронены в потайной каморке каюты Апты-паши. Иван рассказал Макарке, как их найти, и тот сразу же отправился.

Долго тянулась ночь. Дождь то ослабевал, то припускал с прежней силой. Небо затянуто серыми, пухлыми облаками.

Наконец, появился Макарка. Насквозь сырой, дрожащий от утреннего холода, он радостно улыбался. Рассказал, как ему удалось проникнуть на галеру и забрать столько, сколько смог унести.

— А что я в мешочке просил, принёс?

— А как же! Вот.

Макар подал полотняный мешочек. Иван сунул его за пазуху.

— Покажешь?

— Потом, потом, как рассветёт.

В мешочке таилась вещица, которая должна была помочь всем достигнуть берега большой земли. Огромный чёрный алмаз. В тот же день Иван явился к Ассумару, и тот в обмен на драгоценность согласился переправить несговорчивых русских через пролив.

Перед отплытием Иван спросил, может быть кто-то хочет остаться на острове? Желających не нашлось.

Прощай, Мессина!

Когда галера, движимая мощными гребками, направилась к противоположному берегу, Иван, стоявший рядом с рулевым, подал графу Ассумару полотняный мешочек.

— Вот, идальго, этот камень.

Граф выкатил камень на ладонь и едва не задохнулся от восхищения. Опытным взглядом знатока он сразу понял, что это не подделка, не фальшивка.

Узкий пролив галера преодолела скоро. Все сошли на берег. Галера сразу же отчалила, легла на обратный курс. Эстебан с кормы махнул им рукой на прощанье, а граф Ассумар в своей каюте любовался алмазом и не мог насытить взор его созерцанием.

Галера скрылась на горизонте. Прощай, “Великая Анатолия”, проклятая и благословенная.

Глава восьмая На землях италийских

На Апеннинском полуострове в наши дни находится государство Италия. В те годы на нём располагалось несколько государств: королевство обеих Сицилий, Папская область, герцогство Тоскана, республики Венеция, Генуя.

За время, прожитое в Мессине, все выздоровели, оправились от ран. Только один Митрофан Ильин со стрелой вблизи сердца (и Эстебан не помог, опустил в бессилии руки) оставался неходячим. Для него в прибрежном городишке купили карруцу, одноконную повозку вроде русской телеги, и ещё одну — для всякого подорожного скарба, без которого в дальней дороге не обойтись: котлы, горшки, тарелки, посуда. Приспособили на передней телеге крест с мачты и тронулись в путь. Впереди катилась карруца с Митрофаном как самая тихходная. Многие хотели идти быстрее, рвались вперёд, но растягиваться было нельзя — мало ли что может стрястись в дороге. Нужно держаться кучно, сообща.

Вдоль дороги стояли поставленные ещё в глубокой древности мильевые столбы. После десятого столба делали малый привал, после тридцатого большой и вскоре ложились спать. Дорога шла вдоль берега, поэтому днём слева синело море и доносился его отдалённый шум.

Сильвестр, оказавшись на родной земле, расцвёл, всюду слышалась его звонкая быстрая речь. На острове он был сдержан, большей частью молчал, зато сейчас весь лучился радостью. Иван, чтобы время не проходило впустую, надуумил Сильвестра обучать Макара местному наречию. Сильвестр с охотой откликнулся, а Макар оказался способным, понятливым учеником, и вскоре бойко лопотал по-итальянски.

Странники шли по дороге сплошной толпой, уступая путь конным всадникам и военным отрядам, изредка встречавшимся им. Иван поделил весь отряд на четыре деревни — курскую, калужскую, пензенскую и вологодскую, чтобы мелкие проблемы люди решали внутри своей деревни, а если возникнет общее дело, то обсуждать на общем сходе.

В пути добрым словом поминали мессинских людей: кое-кто успел обзавестись друзьями, а кто и подругами. И ночью, случалось, перед сном вспоминал иной путник шум таверны на солёном берегу, хмельное застолье и венок чёрной косы на голове. Иван особо поминал доброго врача Эстебана.

Их окружала итальянская природа. Каждый день солнце. Пахнет смолой — это местные сосны, пинии, похожие на высоченные грибы. Ещё растут кипарисы, от них тоже дух смолистый.

Путь предстоял долгий. Никто никуда не торопился. Шли, иногда кто-нибудь запевал песню. Её подхватывали. И странно звучало под итальянским небом о кудрявой берёзе или о горах Воробьёвских. Прохожие с удивлением смотрели на людей, хором поющих на не знакомом им языке.

На ночлег устраивались в открытом поле. Начало декабря. На Руси земля уже укрывалась снегом, а здесь было тепло, положи что-нибудь под себя — и спи. Помня свою военную службу, на ночь Иван выставлял караул. Подыскивал тихие местечки, и вроде бы все спят, а всё под приглядом. Были недовольные: кому мы тут нужны, можно спать спокойно, а не маяться по ночам. Меж собой караульщики так говорили, но не роптали.

Глава девятая

Труды в пути

Странники не знали древнюю поговорку, что все дороги ведут в Рим, — *Tutte lestrande partono da Roma*. Но по этим дорогам они шли. Проснулись, встали, помолились — пошли. Привал. Большой привал на обед и — переход до вечера. И так изо дня в день.

Иван и его спутники дивились итальянским дорогам. На Руси и в Туретчине, где человек проехал, а за ним другой, и ещё за ним, вот тебе и дорога. Вот тебе и путь. По такой дороге ранней весной и поздней осенью не проедешь (колесо по ступицу в грязи вязнет) и не пройдёшь. А тут хоть осень, хоть весна, поезжай, иди куда вздумается. Дорога вся выстелена плоскими разной величины от большого, с печную заслонку камня, до огромного со столешницу. Такой дороге износа нет.

К концу второй недели дошли до большого города Неаполя. Решили сделать передышку. Поблизости оказалась каменоломня, в которой для всяких построек ломали мрамор. Иван купил на всех по паре специальных сапог, подбитых толстыми подошвами из буйволового кожи — обувь тамошних каменотёсов.

Не так далеко от Неаполя высилась чудо-гора под названием Везувий. Постоянно дымилась, над нею днём и ночью стоял столб дыма. Один старожил сказал, что когда-то, очень давно, из горы полетели камни, потекла горящая земля, а пепел был такой густой, что засыпал целый город. Должно быть, это сказка, статно ли засыпать целый город. А люди куда из него подевались? Сбежали, что ли? И земля не может гореть.

В Неаполе они отдохнули, погуляли в городских тавернах и на рассвете наладились в привычный путь. Напоследях посмотрели на дымную гору — когда ещё такую увидишь.

Ни Иван, ни его спутники не знали, что идут по местам римской истории, по местам знаменитых, навсегда оставивших свой след в мировой истории событий. Близ Неаполя много веков назад заставил весь Рим говорить о себе храбрый раб Спартак, а те места, где они шли на днях, запечатлены в памяти римского народа именами сражений у Канн, Капуи, здесь когда-то шагали железной поступью легионы Помпея и Цезаря, Августа, Веспасиана, Лициния и Константина.

Удивляла манера древних римлян устраивать кладбища вдоль дорог. Чем ближе к Риму, тем кладбища многочисленней. Ранним утром, пока не развеялся ночной туман, мнилось, что их встречают и провожают ожившие люди. На могилах стояли высеченные из камня фигуры людей. Меж могил шныряли бродячие собаки, слонялись люди. Стояли и церкви, с которых иногда раздавался колокольный звон.

Народа на дороге заметно прибывало. С утра малолюдная, с редкими прохожими и повозками, к полудню дорога становилась похожей на полноводную, шумную реку. Шаркая ногами, шли люди, постукивая окованными ободьями колёс, катились большие и малые повозки, перебежали дорогу и лаляли собаки, ржали лошади, проехала телега, полная галдящих гусей. Всё шло, ехало, катилось, сливалось в немолчный неустанный шум.

Глава десятая

Меж градами первый

Слава об их битве с турками и дерзком побеге давно уже бежала впереди, обгоняя их нестройный, но спаянный дружеской дисциплиной отряд. Достигнув Мадрида, а в ту эпоху именно он, а не Лондон или Париж являлся столицей мира, новость эта стала достоянием всех посольств, а через них — и всех столиц. Была она новостью любопытной, сродни шутке, курьёзу, не имеющему никакого политического значения для мировой дипломатии, но и в дипломатии есть место недоразумению, курьёзу. Из столицы великой и могущественной блистательной Порты, войска которой не так уж давно осаждали стены имперской Вены, сбежала, убив всю стражу, горстка рабов и достигла самой Мессины. Ведь пройти Средиземным морем — не шутка, это, если судить по европейским меркам, настоящий подвиг, сравнимый с подвигами античных героев. Так думали военачальники прославленных европейских армий.

Новость достигла и святейшего престола. Папа Урбан VIII, узнав, что отряд москвитов движется в направлении Рима, пожелал встретиться с ним. Со времён восшествия на Московское царство династии Романовых Святейший Престол не отводил взора от этой страны. Хотя отряд простолодинов не мог иметь значения в установлении добрососедских отношений между Церквями, но в политике нельзя пренебрегать ничем: самый ничтожный человек сегодня-завтра может оказаться чрезвычайно полезным.

Рим показался вдалеке на краю горизонта ломаной линией домов и храмов. Их встречали. В толпе прохожих и всадников у городских ворот к ним верхом подъехал человек в тёмно-лиловой длинной одежде, в круглой шляпе с узкими полями. Заведующий канцелярией кардинала Антония Бандинелли.

— Монсиньор Антонио просил передать, — сказал Алессандро, — что, если путешественники из Московии желают видеть Его Святейшество, то должны принять извинения Его Святейшества. Он не может это сделать сегодня, занят. Но он примет их завтра.

Перед Иваном и его спутниками никто никогда не извинялся, и это извинение от человека, которого они в глаза не видели, было им чрезвычайно приятно.

А сегодня Алессандро будет показывать им Рим. После обильного, сытного угощения он повёл их на площадь, где возводился колоссальный собор святого апостола Петра. Странники, в жизни бывавшие только в своих неказистых приходских храмах, были подавлены размерами и мощью постройки собора. Они ходили по собору, задрав головы, взгляд терялся в пересечении сводов и арок, солнечных лучей, пронизывавших пространство куполов. Они испытывали чувство посланцев равноапостольного князя Владимира, вошедших на богослужение в храм Константинопольской Софии. Алессандро показывал им статуи великого Микеланджело, славного Бернини, завёл внутрь Сикстинской капеллы с росписями божественного Рафаэля.

На ночь странникам отвели просторные покои, каждому — отдельная кровать с белоснежной простыней и пуховой подушкой. Никто из них никогда не спал на такой постели. После вечерней трапезы все разошлись по своим койкам, улеглись. В покоях царил полная, но напряжённая тишина. Каждый знал, что никто не спит, но не раздавалось ни звука. Все были потрясены до глубины души виденным сегодня. Громадные размеры собора, под сводами которого свободно могли летать птицы; статуи святых угодников в полный рост, дышавшие жизнью; Спаситель, лежавший на коленях замершей в скорби Богородицы, — казалось, сейчас встанет с Её колен и обратится к ним со словом; как живая, Богородица с Младенцем на руках, чудовищные многокрасочные изображения Страшного Суда — всё вторгалось в душу таким мощным, переворачивающим всю её сверху донизу на всю её глубину потоком, так завладевали душой, всем сердцем, что было немислимо о чём-то говорить, вносить какие-то свои звуки в эту величавую и пугающую картину жизни.

— Иван, — вдруг осмелился кто-то подать голос, — где мы были сего дня? Наверно, в раю?

Все замерли, готовые ждать сколько угодно. Но все ждали, готовые ждать сколько угодно.

— В раю святые живут, — наконец, нашёл слова для ответа Иван. — А мы не святые. Придём домой, в русскую землю, к Царю, к Патриарху, там всё узнаем. Я не знаю, но чувствую, что тот, кто делал, это человек Божий.

Утром за ними пришёл сам монсеньор Антонио Бандинелли и снова повёл в собор святого Петра, в котором, хотя ещё продолжались работы, но совершалось богослужение. Папа Урбан VIII, сухонький старичок с чёрными, будто что-то выпрашивающими глазами, в белом, как у женщины, кружевном переднике, в белой шапочке-нахлобучке на темени, совершил мессу, в конце которой каждому страннику собственноручно вложил в рот плоский круглый пресный хлебец — причастил их. Затем дал обед в честь далёких гостей, выразил надежду на сотрудничество русской и римской Церквей — Господь-то у нас один! — и благословил каждого небольшой иконой первоверховного апостола Петра.

В Риме лучшие папские врачи сделали операцию Митрофану Ильину, вынули у него из груди стрелу. Странники пробыли в Риме ещё несколько дней, пока подзаживёт рана.

Внутри Рима был малый город — Колизей. Путники видели, как при них из Колизея выехали три воза, нагруженные каменными глыбами, — лошади насилу везли их. Задумчиво ходил Иван по арене. Сказывают, что раньше в Колизее бились насмерть люди. Но не это взволновало Ивана: и на Руси есть кулачные бои и, если заеваешься, засветят так кулаком в висок, что уволочут на погост. Изумило Ивана, что на представления в цирк сходились десятки тысяч людей. Это же население целого русского города, вплоть до грудных детей. Будет ли когда-нибудь Русь такой великой, как имперский Рим? Будет ли весь мир так же смотреть на неё?

До городских ворот их провожал кардинал Бандинелли. С грустью покидали странники Рим. Но всего грустней было Ивану. Сильвестр покидал их. За воротами Иван обнял его:

— Прощай, брат! Мы все в долгу у тебя, если бы не ты, глодали бы наши кости турецкие рыбы на дне той бухты.

Сильвестр бросился на шею Ивану, обнял, и слёзы брызнули из его глаз. Сознание, что они видятся последний раз и расстаются навсегда, потрясло его. Иван скользнул рукой под телегу, выгреб оттуда и высыпал за пазуху Сильвестру объёмистую горсть золотых скудо.

Глава одиннадцатая

Славный Веденец середь моря встал

Могущественным и непримиримым соперником турецкому флоту стоял на Средиземном море флот республики Венеции. В знаменитом морском сражении при Лепанто, где флот союзников разгромил османский флот, решающий удар нанесли туркам галеры Венеции. Турция была заклятым врагом республики. Русские люди издавна называли Венецию “город Веденец”. Мало кто из людей, связанных с морем, не слышал о дивном городе и не мечтал побывать в нём.

Папа Урбан, прощаясь, дал москвитам охранную грамоту, чтобы никто в пределах папского государства не посмел чинить им препятствий. Грамота как раз и понадобилась при въезде в город. Стражники в городских воротах долго перечитывали грамоту, как внезапно раздались звуки труб. На площадь ворвались всадники. Первый из них, в белом атласном плаще, с двумя красными перьями на шляпе, окинув площадь взглядом, подскочил к стражнику, читавшему грамоту, вырвал её у него из рук. Русские оторопели: сейчас стражники изрубят дерзкого нахала. Но стражник угодливо поклонился и отъехал в сторону. Всадник с пером вернул грамоту Ивану и сказал, что председатель совета пятисот, дож республики Франческо Эрицу приветствует храбрых воинов, выступивших против насилия, в бою с нечестивыми

обрезанцами добывших свободу, благодарит их за мысль посетить вольный город и надеется видеть их сегодня в своём палаццо.

— Что такое палаццо? — спросил Иван.

— Где живёт их набольший, — ответил Макар. — Мы говорим: палаццо, а они: палаццо.

За площадью, где встретили их, начинался сам город. Улицы в обычном понимании отсутствовали. Все улицы были залиты водой и назывались каналами. По улицам не ходили, а плавали на лодках — гондолах. Для русичей подошло сразу два десятка гондол. Их повезли по каналам мимо красивых дворцов, провозили под многочисленными крутыми арками мостов. После путешествия по каналам они высадились на площади, в центре которой возвышалась колонна с крылатым львом наверху. Это была площадь святого Марка, ибо известно, что евангелисту Марку соответствует изображение льва. Неподалёку от собора степенно покачивалась на волнах роскошно украшенная гондола с красивым именем Буцентавр. На ней высокочтимый дож совершал ежегодный обряд венчания Венеции с морем.

После прогулки по городу странников проводили во Дворец дождей, где прошла церемония чествования отважных москвитов. Пир длился долго. Всех интересовал ход жестокой схватки на галере. Слушали внимательно, с возгласами одобрения. Франческо Эррису спросил, почему же они идут пешком, а не плывут на захваченной галере. Иван замешкался. Сказать правду нельзя — все поймут, что испанский король их просто ограбил. Но вредить испанскому королю не хотелось, всё-таки граф Ассумар и добро им сделал. Ивана не учили искусству дипломатии, но он ответил, как прирождённый дипломат:

— Мы подарили галеру испанскому королю.

Дождь уловил заминку Ивана и по достоинству оценил ответ. В завершении пира, прощаясь, дож пожелал наедине поговорить с Иваном по одному секретному делу. Оказалось, всё просто: дож звал их на службу. Опытные, закалённые в бою воины скрепляют любое подразделение, вносят в него дух непоколебимой стойкости. Десяток таких храбрецов крепит сотню, сотня — тысячу. Иван просто ответил, что служит русскому государю, и его люди тоже никакому иному служить не согласятся.

Прощай, славный Веденец!

Глава двенадцатая Через горы — в Вену и дальше

Продвигаясь на север, они на пятый день увидели горы, возвышавшиеся перед ними каменной стеной. За горами лежала страна Австрия. Дорога вела круто вверх, в узкое ущелье. Справа и слева — всюду громоздились угрюмые каменные уступы. Чем выше, тем становилось холоднее. Странно: ведь чем выше, тем ближе к солнцу. Ход продвижения замедлился, навстречу дул сильный холодный ветер.

По выходе из ущелья путникам открылась зелёная нарядная долина. В середине селения — каменная церковь с колокольней. Вокруг церкви раскинулась большая деревня. В домах топились печи, и ветер разносил по долине манящий, домашний запах дыма. Их встретил деревенский староста.

Накупили у жителей тёплой одежды и выступили к грядущим испытаниям. перевал встретил жуткой непогодой. Тучи стелились чуть не над головами. Было темно, как в сумерки, хотя — полдень. Ледяной ветер дул с ошалавливающей силой. Их верные безропотные лошадки, проделавшие изнурительный путь от Мессины, отказывались идти. Их тянули под уздцы, телеги толкали сзади. Ветер выл, забивал дыхание. Он словно превратился в живое существо, неистовые порывы как будто говорили: не пуццу, не пуццу, вернитесь. Но люди упрямо продвигались вперёд.

Перевал позади, но и на плато продолжалось то же самое. Ветер будто вырвался из преисподней, а вокруг — непроницаемая мгла. Странники шли тесной толпой, вцепившись друг в друга. Трое отлепились от общего монолитного тела и сорвались в пропасть. Их громкий истошный крик утонул в вое стихии.

Ночь застала путников на плато. К счастью, обнаружив неглубокую пещеру, они утеснились в неё. Там уже укрывались от ненастья трое горных волков. Они кинулись прочь, натываясь на людей. Долго тянулась ночь. Снаружи буйствовал ветер, валил снег. Пещера оказалась вся занесена снегом. Утром развели огонь, сумели сварить кашу, поели — и снова побрели сквозь ветер, холод и снег.

Многие десятилетия спустя по этим скалам будут брести горными тропами, побеждая природу, чудо-богатыри великого Суворова.

Ветер унялся внезапно, открылась просторная область ясного неба, и обозначился спуск в долину.

Наша история о беглецах перевалила через заснеженные Альпы. В Австрии о них уже знали. Но торжественного приёма, как в Венеции, не произошло. В Европе в то время, то потухая, то разгораясь бурным пламенем, бушевали последние сражения Тридцатилетней войны. Среди главных её участников была и Австрия. Их, конечно, встретили, разместили и ни в чём не утесняли, хотя Россия воевала на стороне противников Вены.

Здесь всё было другое, чем в Риме и в Венеции. Ни кипарисов, ни пиний. И люди не такие открытые. Иван часто приходил на берег широкой реки, пересекавшей Вену, смотрел на волны, на облака, отражавшиеся в реке. Вот он — Дунай, река сказок и былин, что рассказывала ему в детстве бабка. Для неё любая речушка была Дунайкой.

Братия после горных страстей приуныла, примолкла. Когда шли по царским краям, все были угрюмы, невеселы. Макарий вздумал запеть какую-то песню, никто не подхватил, не подпел.

На Дунае все взбодрилось, от самого имени реки повеяло родиной, так в непроглядную метель вдруг откуда-то дохнет дымком, и приунывший путник встрепенётся: близко жильё.

Странники жили в Вене уже неделю, обходили все улицы — город древний, красивый. Говорят, римским когда-то был. Корм дают хороший, достаточный, грех жаловаться. А что кесарь к себе не зовёт, так у него своих забот много. Будем ждать. Наконец, дождались. Иван думал, что аудиенция — это какой-то предмет, раз её дают, но по окончании встречи ему ничего не дали. И вообще кесарь оказался скуповат, прижимист в сравнении с Папой и дожем: ныл, жаловался на трудные времена и ничем не одарил путников. Войне конца-краю не видно, а у него казна пуста, солдат не хватает.

Сбоку голова кесаря смахивала на плотницкий топор. Он и разговаривал так: отрывисто, грубо. К концу разговора стало ясно, что всего сильнее заботило кесаря. Он напрямик спросил, когда русские поступят к нему на службу, обещал много платить. За месяц столько, сколько у царя Иван не получал и за год. Обещал лично Ивану дать поместье: двухэтажный каменный дом, сто десятин земли. Иван едва отвертелся от заманчивого предложения. Покидая кесарский дворец, проходя мимо дворцовых стражей саженного роста, закованных в сверкающие стальные латы, Иван подумал, как много на белом свете охотников подставлять русские головы под чужие сабли, копы и пули. Но их головы им самим нужны.

Вернувшись в лагерь, Иван узнал, что без него в лагере побывали уговорщики кесаря и произвели в нём большое смутение. Лагерь гудел, как встревоженный улей. Разговоры о деньгах, споры слышались там и тут. Иван едва утихомирил замаятно, а утром поднял всех. В день отъезда из Вены в городе отмечался какой-то праздник. Обоз с трудом продирался сквозь запруженные народом улицы. Народ всюду пел и плясал. Озирая праздные толпы весёлых горожан, Иван вспоминал нытьё кесаря о нехватке людей в армии, и подумал: вот бы всех этих бездельников вооружить, дать каждому мушкет или бердыш в зубы и — вперёд!

Венгерскую землю прошли спешно. Когда приближались к ляшской земле, кончились деньги. Последние гроши заплатили, чтобы купить хлеба. Начали голодать, иногда по два-три дня не ели ничего. Продавали оружие. На передней телеге добропобедно сиял крест-путеводитель. Один шинкар горбатый, картавый, приценился к кресту, цену хорошую давал. Иван сказал, как отрубил:

— Голодать будем, а крест сохраним.
Но на всякий случай, чтоб никого не вводить в соблазн, убрал крест в тайник на первой телеге.

Глава тринадцатая В Польше

Поняли, что они уже в Польше, когда крестьяне и шинкари стали отвечать на русском языке.

— Ого, — воскликнул Макарий, услышав отзыв о цене сена для лошадей, прозвучавший по-русски. — Родина близко.

Тогда Русь с Польшей не воевала, и странников приняли тепло. Сытно, до отвала накормили, отвели на ночлег. Тут уже стояла настоящая зима со снегом и лёгким, мягким морозцем. Ивану предстояла знакомая вольнка: рассказывать полякам их одиссею, начиная с ночного боя, о шторме, о Мессине. О Риме поляки требовали рассказывать наиболее подробно, они почитали Ивана и всех собратьев за величайших счастливых, сподобившихся лицедреть самого Папу. Особенно их интересовало внутреннее убранство папских покоев, во что Папа одет, что они ели, пили. Ивана забавляло то недоумение и даже раздражение поляков, что он не запомнил яств, коими их потчевали в Риме. Он никогда не обращал внимания на то, что ест. Еда есть еда, что о ней много говорить.

Рассказывая о Риме, о Вецце, о лютот горном урагане, где они едва не сгинули, Иван подчас ощущал желание прибавить, приукрасить приятное, преувеличить тяжёлое, страдальческое. Он понимал, что привирать нельзя, это постыдно, но иногда увлекался и присочинял.

Польский король Владислав IV снабдил странников лошадьми, пешком теперь никто не шёл. Король удовлетворялся провиантом и отпустил, приказав кланяться царю и великому князю Алексею Михайловичу. Перед самым отъездом он спросил Ивана:

— Скажи мне, хлопче, что вы так на Русь рвётесь? Этакий путь выстрадали, нигде не остались, хотя вас звали. Скажи правду.

Король ждал ответа. С тем неловким чувством, когда приходится объяснять человеку очевидное, Иван сказал:

— Русская земля родит святых угодников. Только тот идёт в рай, кто скончает жизнь свою на родной, на русской земле.

Король хорошо говорил по-русски, но перебивать Ивана не стал. Он смерил его взглядом, хмыкнул.

— Это кто же вас такой чепуховине учит? Небось, попы ваши.

— Не попы. Это и без них все знают.

— Ну, ну. Все так все.

Глава четырнадцатая Дошли!

Родина встретила своих сынов неприветливо. Польский король не дал никакой напутственной грамоты, рассудив, зачем она им в родной земле? Но Вяземский пограничный пристав стал требовать от них грамоты, кто они такие. Иван понимал, что писанина графа Мессинского, грамоты Папы и даже для пристава ничего не значат, пытался объяснить ему, кто они. Пристав, предвкушавший похвалы от воеводы за то, что один задержал шайку бродячих пишей, ничего не хотел слушать. Бумагу давай!

Иван, потеряв терпение, хотел просто отодвинуть пристава в сторону, а буде станет препятствовать, дать ему по шапке. Однако зная, что за нападение на государева человека по головке не поглядят, убрал за спину кулаки, которые чесались. Граф, Папа, дож их принимали, а тут какой-то плюгавый пристав. Иван даже сплюнул!

Пристав, конечно, был дурак. Но главное, они дома. Дома! Потершим. Не такое терпели.

Их выручил посланный для встречи дьяк из посольского приказа. Пристав, ожидавший похвалы, получил горячую порцию ругани от посольского дьяка. Дальше ехали не торопясь, останавливались на постоянных дворах, кормили лошадей. После обеда по русскому обычаю, который у турок не соблюдался, ложились поспать, потом следовали дальше. Иван не мог забыть и часто вспоминал острое, кольнувшее его в сердце удовольствие, когда на какой-то вопрос служитель постоянного двора ему ответил по-русски. Посольский дьяк Аверьян был словоохотливый, компанейский человек. Ему Иван повторил свой когда-то самому интересный, а теперь докучный рассказ о происходившем с ними. Дьяк слушал с таким видом, будто Иван сообщал важную государственную тайну, не перебивая и не задавая вопросов. Посоветовал не говорить царю, если царь-батюшка соизволит его слушать, о причастии у Папы.

В один из дней обоз тихо полз среди снегов. Вдруг Иван остановил взгляд. Кажется, что-то мелькнуло в небе, в серых тучах, нависших над землёй. Показалось? Нет, снова блеснуло. Иван понял: это крест Ивана Великого. Самого города не видать за снегами и лесом, а Иван Великий подаёт о себе знак.

— Братия, — обернувшись к обозу, гаркнул он. — Москва! Матушка Москва! — И перекрестился.

Обоз стал. То с одной, то с другой телеги прыгивали люди, вставали на колени, крестились и клали земной поклон. Аверьян взирал на происходящее с усмешкой: чему обрадовались? Москвы не видели?

До самого города добрались уже ввечеру, когда на землю сошли синие сумерки. Сторожевые привратники отперли ворота. Обоз втянулся в город.

Время зимнее, великопостное, много не разьешься, накормили их репой, пирогами с ячневой кашей, на столы поставили жбаны с квасом да блюда с квашеной капустой, ешь вдоволь, не жалей живота. В народе недаром говорится: капуста да капуста, а в брюхе всё пусто. Но никто не сетовал, дома-то и деревянная лавка мягче перины кажется. Зато никто тебя не обидит, не отвесит попутного пинка, не ожжёт плетью, не угостит зуботычиной.

На другой день Ивана призвали к царю. Для такого случая он вымылся в бане. Выхлестал венником турецкую тоску-печаль, тугу галерную, грусть мессинскую, римскую оторопь, веденецкую важность, венский нахрап, польский кураж.

Царь-батюшка принял его в своей рабочей палате, где он вершил повседневные дела, читал разнообразные грамоты, прошения, выслушивал гонцов, обсуждал с думными дьяками насущные вопросы. Войдя в царскую палату, Иван сразу пал на колени. Алексей Михайлович встал со складного походного кресла, широко шагая, подошёл, помог подняться, показал на скамью.

— Садись, разговор с тобой будет долгий.

Государь был одет в тёмный подрясник, поверху висел большой серебряный крест, на голове — чёрная бархатная скуфейка, шитая скатным жемчугом. Жемчуг делил скуфейку на четыре доли. Царь ходил не на грозного владыку громадной державы, а на обыкновенного приходского попа. Только где найти такого попа, одна жемчужина со скуфейки которого, наверно, равна стоимости облачения архиерея?

Царь велел рассказывать об их путешествии по Европе. Со многими европейскими странами у Руси тогда не было дипломатических отношений, царь довольствовался об иноземных государствах сведениями обрывочными, недостоверными, иногда вообще сказочными. Поэтому послушать человека, побывавшего там, самовидца было интересно и полезно. Всё, что рассказывал Иван, записывал царский скорописец, сидевший здесь же в палате.

Алексей Михайлович требовал рассказа самого подробнейшего, до мелочей, описать, как выглядят турки, что носят, что едят, какие у них жёны и сколько у каждого. Когда Иван затруднялся дать должный ответ, царь сводил брови, хмурился. Иван боялся, что получит от него по сусалам. Но Алексей Михайлович не драчлив, да и разумен, не может же гребец знать всё. Интересовали его устройство галер, паруса, турецкое оружие, как заряжаются пушки, как стреляют, как достигается точность стрельбы.

После часового разговора царь увидел, что Иван устал. Они перешли в соседнюю палату. На столах стояли блюда с мочёными яблоками, царским лакомством — солёными арбузами, пирогами с кашами. Перекусили, повествование продолжалось. Привычка турок пить табак царя возмутила.

— Ах, басурманы, ах, нехристи, — восклицал он, слушая Ивана, — пока я жив, не допущу, чтобы русские люди пили табак. Из уст людских должна исходить молитва, а не смрадный дым. Пока я жив...

До поздней ночи продолжался разговор с Алексеем Михайловичем. Заболел Иван словечко о Макаре. Царь обещал подумать. Не утаил Иван, что причастились они у Папы. Как и предупреждал его пристав, царю это зело не понравилось. Махнув рукой, приказывая замолчать, он пристально и даже зло взглянул на Ивана.

— Этого делать нельзя. Ты знаешь, что Папа из себя второго Христа творит, еретические словеса глаголет...

Иван с тревогой следил за царём, прежние опасения всколыхнулись в душе: рука-то у него не царская, такой влещит — почешешься.

— Неграмотные мы, царь-батюшка, — пробормотал он. — Не знаем ничего, он дал, мы и взяли. Ты уж прости нас, сирот твоих, надёжа.

Алексей Михайлович посмотрел на стрельца, понурившего голову, сгрёб в горсть его волосы на затылке, слегка встряхнул голову, улыбнулся.

— Пойдёте все к Святейшему Патриарху, исповедаетесь, а уж он решит, какую епитимию вам за невежество ваше дать или что. Ну, продолжай. Засиделись мы с тобой.

Прощаясь, Алексей Михайлович положил Ивану руку на плечо, спросил ласково:

— Вот ты везде побывал, белый свет повидал. Скажи, где лучше, на Руси или там?

Иван посмотрел на царя: шутит? Нет, государь смотрел на него серьёзно, строго, ответа ждал не шутейного, не скоморошьяго.

— Да что ты, надёжа государь, меня пытаешь? Ведь сам всё знаешь. Дороже Родины нет, тут и церкви Божии, и ты, и семья, и дети, тут и протцы наши жили и нам здесь жить приказали. Ежели рассудить честно, человеку везде хорошо бывает, а дома лучше.

Глубокой ночью, шагая по ночному тёмному Кремлю, ловя боковым взглядом тускло поблескивавшие бердыши стрельцов ночного караула, Иван думал, что много довелось ему повидать в жизни, но самое главное случилось сегодня: он разговаривал с помазанником Божиим, православным царём, великим государем.

Глава пятнадцатая Судьбы людские

Странники прожили ещё с неделю в Москве. Молились, дошли до Сергиева монастыря, поклонились мощам преподобного. Тем временем в царском тереме решились их судьбы. Святейший Патриарх Иосиф отпустил им грех, содеянный по неведению, и наложил нетяжкую епитимию: утром и на сон грядущий совершать полсотни земных поклонов с молитвой мытаря, а самому старому из странников благословил постричься в Пафнутьев Боровский монастырь, без окупа. Макария определили толмачом в посольский приказ, Ивана вновь приняли на государеву службу. Каждому из странников царь пожаловал по шесть алтын денег. Все, кто освободился из вражеского полона, становились свободными людьми, и семьи их. У кого семьи не было или она распалась за давностью лет, Святейший благословил создать новую на месте их службы.

Почти все спутники Ивана отправлялись в недавно созданный Якутский острог. Там предстояло им править государеву службу, обзаводиться семьёй. Об этом Алексей Михайлович и говорил им, напутствуя отряд в Кремле в дальний путь. В этот раз царь был одет соответствующе: на голове — богатая меховая шапка с крестом, на груди — большой крест с самоцветами, в правой руке — посох с копейным остриём.

— Знаю вас как храбрых верных воинов, — говорил он, обходя строй и каждому пожимая руку. — Служите Господу нашему Иисусу Христу, Пречистой, обзаводитесь семьями, растите детей, знайте: Родине люди нужны.

Государь обошёл строй, кивнул стоявшему вблизи Ивану, который прощался с теми, с кем бился за жизнь и свободу против турок, шёл по Европам. Прощался, видимо, навсегда. Обнимал каждого, целовал в уста. Слезы текли по обветренным щекам и гасли в бороде.

На Иване Великом тяжко прогудел колокол Реут. Забил барабан. Стрельцы забросили на плечи бердыши, зашагали к выходу из Кремля.

Иван задерживался по делам на три дня.

Ушёл государь, удалился в терем Святейший Патриарх. Последние стрельцы шагнули за проём ворот.

Прощайте, друзья! Слезы теснили горло, будто он расставался не с людьми, а с самой жизнью. И вот уже Иван стоял один на площади перед Успенским собором. Вдали глуховато раздавался бой барабана. Вот не стало слышно и его. Иван следил, как поднявшийся ветерок гонит по площади лёгкую, быструю позёмку.

На душе было и грустно, и радостно.

МИХАИЛ ГУЦЕРИЕВ

СОН, ГДЕ МЫ ВДВОЁМ...

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

Листья мои жёлтые, рыжие подружки,
Расскажите правду, где любви дорожки?
Подари любовь мне, месяц голубой!
Плачет и смеётся осень надо мной.

Осень моя рыжая, солнце на ладошке,
Греет мою душу сердце по шепотке.
Подскажи дорогу, Расскажи ему,
Дай надежду, осень, сердцу моему.

Листья мои жёлтые, рыжие болтушки,
Осени бесстыжей жёлтые веснушки.
Плачет и смеётся мама надо мной.
Я нашла родного, он навеки мой!

Ночи мои тёплые, встречи на Покровке,
Поцелуй в парке ночью на Петровке.
Мама мне сказала: "Ты не верь ему!"
А я верю счастью, сердцу своему.

ГУЦЕРИЕВ Михаил — известнейший русский предприниматель, поэт и общественный деятель, человек, вышедший из низов и ставший благодаря таланту и воле крупнейшим меценатом своего времени, автором множества популярных песен и поэтической книги "Плоть и суть". В "Нашем современнике" его стихи публиковались в 10-м номере 2015 г. и в 11-м номере 2016 года.

Ночи мои жгучие разбивали ножки,
Откровенье в танце и пломбир из ложки.
Мама мне твердила: “Он совсем другой!”
Я в ответ шутила — он любимый мой.

Рестораны по Тверской, зимние прогулки,
На запястье ручкой синие наколки.
Нежно обнимая, говорил: “Люблю”.
Я сказала: “Друг мой, выбирай судьбу”.

Наше зимнее кафе, ужин на Варварке,
Он дарил, смущаясь, скромные подарки.
Душу он терзал мне и шептал: “Люблю”.
В Рождество сказал мне: “Я хочу семью”.

Ты моя любимая, ты моя дурнушка,
Скоро будет радость: от меня дочурка”.
Мама мне твердила: “Ты не верь ему!”
— Мама, это счастье: верю я в судьбу.

Говорил — любимая, покупал одежки,
Подарил на свадьбу, подарил серёжки,
Обнимал за плечи, говорил — “моя”,
Мама мне кричала: “Бросит он тебя!”

Говорил неделями: “Я в командировке”,
Присылал мне письма, хитрые уловки.
Каждый день считала, верила ему,
Что ты скажешь, мама, сердцу моему?

Как найти любимого, где искать надежду?
Покажи мне море, берег я замечу.
Плачут мои слёзы, плачут на ветру,
Душу я открыла своему врагу.

Греет утро осенью, греет понемножку,
Расскажи, подружка, где любви дорожки?
Пусть придут метели, пусть придут за мной,
Плачет и смеётся месяц молодой.

Греют мои ноженьки зимние сапожки,
И снежок холодный тает на ладошке.
Мама мне сказала: “Я люблю тебя”,
А я тихо плачу, падает земля.

Мама, моя милая, где найти цыганку?
Расскажи, родная, как найти приманку?
Мама мне твердила: “Ты его не жди,
Пусть уйдут метели, пусть пройдут дожди”.

Слушай, моя доченька, слушай свою маму,
Кровь моя родная, я люблю по праву.
В речку, моя дочка, дважды не войти,
Будут в твоей жизни сладкие пути.

Расскажите, звёзды, мне, как найти гадалку,
Научусь варить я сладкую приварку.
Не могу сама я, не хочу одна!
Мама мне сказала: “Ты сошла с ума”.

Дни мои весёлые, белые наливки.
Снятся мне ночами осени отрывки,
Мама мне сказала: “Ты забудь его,
Он тебя не стоит, ногтя твоего”.

Знаю, мама, не войти снова в ту же в речку.
Привяжу на шею чёрную уздечку,
Ты прости, родная, доченьку свою,
Всё равно, мамуля, я его люблю.

Я прошу: оставь себе рыжие сапожки,
Осени постылой жёлтые дорожки.
Отвези родному белую фату,
Я не долюбила, больше не могу.

Станет осень рыжая скоро мне постелью.
Птицы разлетятся. Небо заболит.
Зарыдает вечер, загрузит земля,
Тихо скажет осень: я люблю тебя.

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Я описал себе забаву:
Где бой любви всегда по праву,
Где любят страсть любви — отраву
И каждый день её — во славу!

Где сны бесстыднее разврата,
И дни безумием богаты,
Где вечер требует возврата,
И чувствам бесконечны рады.

Где нет зимы и тучи тлеют,
И солнце заплетает зори.
Снежинки, подлетая, млеют,
И радость лечит злые хвори.

Где плач любви ласкает ухо,
И жить не могут друг без друга.
Где лести нет, не слышно эха,
И ночью сны другого века.

Ты позови, где нет жеманства,
И позабыли чувство рабства.
Туда, где нет семьи и хамства,
И бедность выше, чем богатство.

Ты отвези, где жизнь — баллада,
И зависть, умирая, рада.
Где смотрят без дурного взгляда,
Где все дороги в рай без ада.

Ты донеси, где осень стынет,
Одевшись в жёлтые наряды.
И листья, падая, не гибнут,
Вращаясь в танце для услады.

Где реки ночью засыпают,
И облака моря питают.

Цветами горы украшают,
На островах кобзарь играет.

Там только от любви страдают,
И по ночам танцуют румбу,
Где пальмы тени догоняют,
И наблюдают ночь под лупу.

Ты позови нас в наше время,
Где солнце пряталось за небо.
Беснуясь, в нас кричало семя,
И сладкий мякиш был из хлеба.

Где денег нет и нет бахвальства,
И ночь дороже сытой лести.
Где ненавидят ложь и хамство,
И смерть — не главная из бедствий.

Где бури силой наполняют,
Гроза целуется с дождями.
Где мудрость души заливает,
И чувства колются стихами.

Где слёзы, не родившись, тают
И губы красного заката.
Где нежность сердце обнимает,
Язык любви — души отрада.

Там всем тепло и нет одежды,
И небо звёздное — коврами.
Там ветер шлёт любви надежды
И умирает за цветами.

Там свет, который нереален
И все живут одной судьбою.
Дебаты там у тёплых спален,
И мир спасён одной любовью.

НЕЗНАКОМКА

Незнакомка моя знакомая,
Не пытайся молчаньем отвлечь.
Поезд греет звезда бездомная,
Я хочу в твоё сердце залезть.

Незнакомка моя знакомая,
Между нами незримо стена.
Мои чувства страхом закованы,
Я сегодня напьюсь допьяна.

Я сегодня напьюсь до победы,
Разменяю любовь на грехи.
Мои чувства тобою раздеты,
Ты меня за собой позови.

Незнакомка моя знакомая,
Я согрею тебя коньяком.
Дай мне в руки руки холёные,
Ты со мною любовь познакомь.

Незнакомка моя знакомая,
Не смотри на меня играясь.
Наши чувства дерутся на полке,
Скоро утро, время растает.

Незнакомка моя знакомая,
Нас с тобой дорога связала.
Незнакомка моя знакомая,
Не бросай меня у вокзала.

ИГРАЯ В ПРЯТКИ НА СУДЬБУ

Мне снятся дни моей любви:
Мы где-то рядом и близки.
Глаза весны порой грешны,
Слова бегут вперегонки.

Играя в прятки на судьбу,
Учился сходу на ходу.
Глотая чувства по глотку,
Не верил и нашёл беду.

Я босиком за ней бежал
И полагал, что догоню.
Тоску ночами вышибал,
Не думал, что любовь верну.

Я верил — заново начну,
И жизнь мне виделась другой.
Ошибся, думал, что внушу,
Но оказался за чертой.

Томится время от тоски
И правда жизни за спиной.
Любовь согласна в примаки,
Идя за ветряной судьбой.

Я знаю — чувства подождут,
Считаю медленно до ста.
Ушибы ранние пройдут,
Не веря, что любовь ушла.

Мой разум снова потрясен,
Я не пойму, зачем слова.
Стучится время перемен,
Неважно, как и где душа.

Настали годы передряг,
Разнятся мысли впопыхах.
Твоя любовь — чужой свояк,
И ночь гадает на грехах.

Моя пора зашла за грань,
И, заливая боль вином,
Живу за гранью, где мораль
Кричит о разном и двойном.

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето, осени на зависть,
Ухватило за грудки сентябрь.
Листья мокрые, сливаясь в радость,
Стали близкие земле как мать.

Непогода жёлтая украдкой
Сочиняет музыку с дождём.
И луна осенняя лампадкой,
Полыхает голубым огнём.

Снегири и зимородки ночью
Быт готовят для зимы, не спят.
Дни целуются, их срок короче,
Солнце светит без души света.

Небо дышит осенью и солнцем,
Журавли прощаются с гнездом.
Тучи наливаются румянцем
И, напившись, капают дождем.

Вспомни безмятежные надежды,
Летом встречи утренней зари.
Клятвы на крови, любви обеты
И секреты радостной судьбы.

На предплечье глупые наколки —
На ладони рифма нежных строк.
Платье разномастное из шёлка,
И луна печальная — Пророк.

У любви луна — глаза прелюдий,
Белый свет аллей ночных дорог.
Волны серебристые повсюду,
Солнце на закате — вечный Бог.

Вечер тёплый, игры в гороскопы,
Водолей плюс Козерог друзья.
Кристин — яркий праздник из Европы,
Сладкий стон, где сотни тысяч “я”.

Не забыть, что вовсе невозможно,
Страсть двух разных диких лебедей.
Не могу ответ найти, но точно
Вход ищу я там, где нет дверей.

СТРАДАЮ, СЕРДЦЕ ШТОПАЯ

Сегодня ночь глубокая,
Безрогая луна.
Страдаю, сердце штопая,
Любовь скулит без сна.

Мелькает ночь, отрывками
Секунды семят.
Летают чувства, брызгами
Сквозь память шелестят.

Несёт меня знамение —
Ошибки и курьёз.
В закрайке для забвения —
Найду плечо для слёз.

Моя любовь небритая,
В дырявом пиджаке.
Душа, слезами мытая,
Укрылась в сундуке.

Гвоздём стекло карябаю,
За прошлое плачу.
Желаньем страсть царапаю
И по вискам стучу.

Кричу словами тёртыми,
За памятью бегу.
Глотаю ревность вёдрами
И чувства болью рву.

Моей любви мучение
Терпеньем раздавлю.
Не видя дна падения,
Любовь назад зову.

Я знаю, время сложное.
Не надо, не итожь!
Я сделал всё возможное,
Меня бросает в дрожь.

В моих глазах — терзание,
В твоих я вижу блажь.
Оставь мне заклинание,
Хоть запах мне оставь.

СОН, ГДЕ МЫ ВДВОЁМ

Да, я жадный на любовь,
Знаю, это — факт.
Кровь свою отдать готов,
Я забыл про страх.

Ни о чём я не прошу,
Ни о чём ином.
Один раз любви хочу.
Сон, где мы вдвоём.

Не обманешь, не возьмёшь,
Грешным не грешно.
Будет скучно — позовёшь,
В памяти тепло.

У любви душа в себе,
И глаза в глаза.
Хочу солнца на лице,
Сверху голоса.

Хочу всё в одном — моё,
Не хочу клише.
Где у каждого своё —
Рядом и уже.

Нет, не надо, не проси,
Пей любовь с руки.
Нет, так нет. Ты не спеши.
Сердцу вопреки.

ТРИ СЛОВА НА САЛФЕТКЕ

Луна бежит по рельсам,
Качает ночь вагон.
Зима от страсти млеет,
Огнём горит ладонь.

Целую твои пальцы,
Губами — по щеке.
Я знаю, что попался:
Любовь на поводке.

Давай любить не глядя,
Забудем про мораль.
Над нами — ночь в окладе.
Мне ничего жаль.

Года не ждут погоды
И хочется всегда.
Я не хочу свободы,
В купе моя судьба.

Дорога едет к морю,
Блестит на стёклах рябь.
Мы блудной сути воры,
И наши чувства в масть.

Заря лучится в окна,
Ты просишь: обними.
Случайной встречи догма,
Сумбурные грехи.

Под стук колес стенанье,
Руками на сукне.
Любовь в одно касанье,
И страсть горит в купе.

Блестит фонарь на полке
Мелькает сбоку лес.
На бёдрах две наколки,
На шее медный крест.

Экспресс гудит навстречу,
От снега поседев,
Другой ему перечит.
Натужно прогудев.

Рисует снег ромашки,
Оделся в платье лес.
Любовь на две затяжки —
Бессмысленный замес.

Шумит снаружи ветер,
Коньяк давно допит.
Я знаю, на рассвете
Перрон нас разлучит.

На незнакомой ветке
Ты сдашь свою постель.
Три слова на салфетке.
Уйдешь одна в метель.

И сладкий вкус конфеты
Напомнит про любовь.
И запах сигареты
Найдет слова без слов.

И белый снег разлуки
Заплачет надо мной.
Зима растает в луже:
Любовь уйдёт с весной.

Оставь надежде счастье,
Оставь на память шаль.
Я вместо слова “Здравствуй”
Скажу тебе: “Прощай”.

ДВЕ ТАБУРЕТКИ

*Памяти друга детства
Н. Осколкова посвящается*

Дышит ладаном церковь кривая.
Под рубашкой не видно креста.
Отпевают раба Николая,
До погоста осталась верста.

Два венка положили на крышку,
Табуретки, скрипя, держат вес.
Дьякон грустно слагает рифму,
За окном плачет сумрачный лес.

Переливом звенит колокольня.
Ком земли отдаёт нам в висок.
Моей памяти очень больно,
Голос низкий сегодня высок.

Снегири строят дом на зимовье,
Рядом дятел стучится в дупло.
Осень красит погоду кровью,
Заливая могилу дождём.

Время сядет поближе к погосту,
Отстучит нам на всех сорок пять.
Ставя нас совсем не по росту.
Через год соберёмся опять.

СВЕТЛАНА ЛУЧКИНА

ОТ НАС ЛЮДМИЛА НЕ УЙДЁТ

РАССКАЗЫ

Экскурсовод Людмила любила Пушкина. С детства. Всю жизнь она жила в маленьком домике в Пушкиногорье и привыкла считать Пушкина своим собственным, принадлежащим ей. Казалось, строки поэта искрятся и переливаются рифмами именно в её честь.

Когда после пединститута встал вопрос, куда пойти работать, Людмила уже знала, что пойдёт “к своему”, к нему, самому талантливому и весёлому из всех. Людмила увлекала посетителей вглубь аллей, радостно щебетала с детства заученные строки, вдыхала аромат елей и требовала того же от туристов.

Однако были моменты, омрачавшие её служение поэту. Невежество экскурсантов. “За что ж его сослали? Он же только про природу писал...”

Их постоянное недоверие. “А дуб-то настоящий?”

Их новость откуда взявшиеся сведения о жизни поэта. “А я читала, что Арина Родионовна на самом деле молодая женщина была...”

Их постоянный поиск сенсаций. “Так его в могиле и нет, говорят! Выкопали и увезли. Или даже не закапывали!”

Но больше всего Людмилу задевали регулярно доносившиеся до её слуха реплики:

“Бедный Пушкин! Всю область до сих пор кормит!”

“Господи! Двести лет прошло, а они, кроме Пушкина, ничего и придумать не смогли!”

ЛУЧКИНА Светлана Александровна родилась в Москве в 1977 году, с красным дипломом окончила факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности “связи с общественностью”. Журналист. Кандидат филологических наук. В “Нашем современнике” публикуется впервые.

Администрация музея требовала от экскурсоводов профессионального развития: надо искать, расти, менять ракурс, подтверждать любовь к поэту и выводить её на новый современный уровень. В поисках новых граней любви Людмила пришла к доселе неизведанному внутреннему состоянию некоторой обиды на Александра Сергеевича. Как ещё надо говорить о нём? Разве она мало посвятила ему времени? Кормит он её... Да она всю жизнь прожила в дедовском домишке, и лишнего в нём ничего нет... Да и любовь... Разве настоящую любовь он описывает? Какие-то все больше фантазии. То ли правда так думал, то ли издевался... Красиво, да, с этим не поспоришь, но ведь нереальное всё это.

А в тот день группа, как назло, попала слишком бодрая и состоящая из умников. Они буравили её своими пытливыми образованными глазами и как будто ждали откровений. Они и так всё знали. Но всё равно приехали и ждут полного пушкинского катарсиса. Хотелось бросить им: “Внимание! Посмотрите на левый угол усадьбы, сейчас из-за него появится Александр Сергеевич, ведь он на самом деле жив!” Они раздражали её знанием стихов, своими многозначительными кивками, уточняющими вопросами и жаждой подробностей.

— А почему вы четвертую главу не цитируете? Я смотрю, её толком никто не знает.

— А почему вы нас в кухню не сводили? Вот мужчина прошлую группу водил в этот флигель!

— Простите, как вас зовут, я не запомнила? Вы знаете, вы стихи очень формально читаете. Я не для того, чтобы задеть, просто на будущее...

— А почему вы нас в Аллею Керн не пускаете? Все по ней ходили. Что, липы именно на нас должны свалиться?

— А к книге Довлатова вы как относитесь?

— Между прочим, у Довлатова экскурсия намного насыщеннее, хотя там на территории одна развалюха стоит.

— О чём вы говорите? Они тут Довлатова до сих пор простить не могут.

У Людмилы от гнева краснела шея, и по лицу шли неровные розоватые пятна. Она молчала. Но в тот день она окончательно рассорилась с Пушкиным. Она была зла на него, на заповедник, на аллею, на дуб и даже на три сосны...

Мысль согласиться пойти работать администратором в только что построенную гостиницу пришла сама собой. “Хватит с меня стихов! Хватит мне этих сказок! Кому нужны легенды и эпитафии!”

Людмила была придавлена чувством несправедливости: она всю жизнь тащила поэта на себе. А он... Он ничем не помог. С брезгливым чувством разочарования Людмила заснула под тиканье дедушкиных часов... Во сне ей мерещились какие-то лишние звуки в её скрипучем старом доме, постукивания и шорох веток об окна. Но вдруг совершенно явно, где-то в ногах, кровать её прогнулась, и что-то тяжелое опустилось на самый её край.

“Кто-то сел...” — обожгло Людмилу. “Господи, помоги... У меня же и брат нечего... Если б хотели убить, наверное, уже убили бы... Вот что значит жить в непонятной глуши, в деревне, где и защитить некому”, — пронеслось в голове. И вдруг, растягивая гласные, нараспев, чей-то шепот прошелестел знакомыми строками:

...В своем наследственном селенье

Останься лучше без забот:

От нас Людмила не уйдёт...

Всё тело её стало одним бетонным блоком. Дыхание замерло. А шёпот многозначительно повторил, делая паузы через каждое слово: “От нас Людмила не уйдёт...” В сознание вползла мысль, что придётся что-то отвечать.

— Кто ты? — жалко пискнула Людмила из-под одеяла.

— Зачем ты обижаешься на меня, душа моя? Зачем задумала уйти в гостиницу “Арина”? Разве это твоё? — негромко зажурчал бархатный голос. —

Обижаешься, что я не помогал тебе... Эка выдумка... Но как я могу — я же Пушкин. Давно убитый на дуэли. Приёмным сыном барона... Ты же всё знаешь. Не дури, Людмила, мы вместе навеки. Брось глупые мысли.

С утра Людмила проснулась всё в той же одеревеневшей позе. Медленно вспоминая события прошедшей ночи и с опаской поглядывая на примятую простыню в ногах кровати, она взяла с полки несколько томов и села искать новые цитаты поэта и перечитывать четвёртую главу “Онегина”. Уже к следующему дню была готова новая экскурсия, учитывающая последние тенденции музейной отрасли.

Экскурсовод Людмила повязала на шею свой музейный платочек и, волнуясь и треща, побежала в усадьбу, по дороге перепрыгивая травинки и шурясь лучам, выстреливающим сквозь ветви. Как в первый раз! Навстречу новым умникам, навстречу аллеям, навстречу своему поэту.

ПЛОСКОСТОПИЕ КАК СУДЬБА

Иван Семёнович стоял перед дверью медицинского кабинета и смотрел на латунную табличку: “Мария Андреевна Гринёва, врач-ортопед высшей категории”. Он глубоко вздохнул, ещё больше ссутулился и шагнул в кабинет. Врач Мария Андреевна приветствовала больного острым, настороженным взглядом:

— Слушаю вас!

— Добрый... это самое... день, доктор...

— Добрый! Почему без приглашения? Здесь мог быть другой пациент.

— Простите, я не подумал... Я записался в регистратуре. Вот моя карта!

Мария Андреевна неуверенно взяла карту.

— Вы ведь знаете, что это коммерческая клиника?

— Конечно, вот чек, я всё оплатил...

— Ну, хорошо, присаживайтесь... Какие жалобы?.. — поинтересовалась

Мария Андреевна и с нажимом добавила, — по ортопедии?

— Жалобы... да, конечно...

— Плоскостопия у вас нет...

Иван Семёнович тревожно посмотрел на свои стоптанные ботинки в зелёных бахилах и втянул ноги дальше под стул.

— Ну... Не только же плоскостопие... Есть же и другие... это самое... диагнозы. Комплекс симптомов... И вообще ортопедия изучает...

— Вы пришли меня просветить в этом вопросе?

— Нет-нет, что вы... не вас!.. Скорее себя... себя просветить... У меня есть, есть жалобы! — осмелел Иван Семёнович.

— Конкретнее, пожалуйста.

— У меня голова конкретно болит! Очень... конкретно.

Доктор Гринёва медленно подняла глаза на Ивана Семёновича, словно хотела излечить его взглядом.

— Я. Врач. Ортопед, — произнесла она гипнотическим тоном.

— Я знаю-знаю... Просто не договорил... Голова начинает болеть, потом прямо по спине стреляет и в ноги отдаёт. И так сильно... Прямо ноги не ходят, Мария Андреевна. Отнимаются...

— Сюда же как-то дошли?

— Вот, как отнялись... так сразу к вам... С головы всё идёт и... в ноги, то есть до самых ног, то есть по всем ногам...

— По всем?

— Ну... по обеим... — Иван Семёнович заметно нервничал. Он нащупал на столе свою карту и начал сворачивать уголок обложки в трубочку. Мария Андреевна тоже начала нервничать и резко придвинула карту к себе.

— С головы — да. Точно. Тут вы правы. Всё с головы у вас, Иван Семёнович. Вам и обследование с головы надо начинать. У нас клиника многопрофильная. Есть, знаете ли, специалисты... Вам не ко мне надо!

— А это, Мария Андреевна, очень смелое заявление для ортопеда. У вас, между прочим... это самое... частная медицина!.. Вам что, пациенты не нужны? Это моё личное дело, к кому мне обращаться. Я вот к вам обратился. Я оплатил!.. У меня чек и... конкретно... жалобы. Я пациент! У меня голова!

— Ваша голова лично ко мне никакого отношения не имеет! — заявила Марья Андреевна и почувствовала, как её голову начинают сжимать тиски.

— Лично к вам имеет! — губы Ивана Семёновича дрогнули. — А раз вы ортопед...

— Раздевайтесь! — неожиданно гаркнула Мария Андреевна.

— Что?..

— Раздевайтесь! Сейчас как выпишем вам ортез для спины! От шеи до колен как закатаем сейчас, очень конкретно! И сразу будет вам “это самое”! На все ваши ноги мигом поставим!

Иван Семёнович обиженно хлопал глазами и выглядел очень удручённым. Казалось, что прямо от зелёных бахил к его горлу поднимается предательская тошнотворная волна какого-то удушливого отчаянья. Минуту он героически держался, но волна победила.

— Марусь... Марусечка... Пожалуйста!.. Я всё понял! Прости... Не могу я так... Приходи домой... Приходи!..

Марии Андреевне очень хотелось плакать. Но высшая врачебная категория и полная запись на сегодняшний день не позволили ей сдаться. Она громко крикнула по направлению к двери:

— Пожалуйста, следующий, проходите!

Иван Семёнович, сутулясь и хрустя изумрудными бахилами, вышел из кабинета. Мимо него юркнул тощий юноша лет шестнадцати.

Мария Андреевна, обхватив голову руками, смотрела на обложку медицинской карты, где прыгали и расплывались буквы: “Иван Семёнович Гринёв”.

ВЕРА

У Верочки был замечательный Инстаграм. Число подписчиков росло. И она чувствовала себя перспективным блогером. Не так давно она перешла из тематической ниши “инста-гёрл” в более солидную и ответственную категорию.

Верочка вышла замуж. Удачно. Красиво. И с приростом фолловеров. Родила Ванечку. Дорого. Безболезненно. И с выходом на сотысячного подписчика. Все этапы блестяще представлены в её аккаунте: закаты, Мальдивы, ноги, букеты, фитнес, живот, йога, цветы, коляска, пяточки, букеты, снова фитнес, снова ноги, прогулки, советы...

Однако нужен новый стратегический виток. Сыну исполнилось шесть месяцев, и Верочка стояла на пороге эффектного события — крещения. Обряд должен пройти нетривиально, красиво и душевно. Центральным вопросом стал выбор места. Храм Христа Спасителя? Елоховский? Один из монастырей? Обзвон возможных точек привёл Верочку к печальному выводу: никакой эксклюзивности от подобных мест не дожидаться. Очереди и запись на несколько месяцев вперёд... Одинаковый коммерческий подход ко всем. Чем удивлять подписчиков, если вся Москва делает то же самое?! Интуитивно Верочке хотелось, чтобы в церемонии заключалось что-то очень трепетное. Чтобы батюшка был ангелоподобный, крестильная отводилась только под их семью, не орали чужие младенцы, а служительницы не шикали и не попрекали за неправильные платки, юбки и макияж.

Изложив свои ожидания мужу, Верочка получила совет: “А ты найди где-нибудь в пещере святого старца, который живёт в лишениях! Там и народу никого, и в карман никто не смотрит, и приходи, в чём хочешь!”

Старца?.. Верочка живо представила, как в её Инстаграме появится лицо какого-нибудь отца Серафима, которого лет через пятьдесят канонизируют... Гениально! Поиск старца развернулся с применением всех технических

и коммуникационных средств. По всему выходило, что старец может обитать только за пределами города. Если не в пещере, то в какой-нибудь заброшенной церквушке, куда не добрались остальные инста-матери. Гугл навёл Верочку на старинную церковь Николая Чудотворца в деревеньке Валдайского района. Всё подходило идеально. Уникальный алтарь, все иконы сохранены. Благодаря крошечной удалённости деревушки от всех крупных городов приход не прекращал своего служения ни в советское время, ни в годы войны. Церковь не стала ни складом, ни планетарием, ни клубом, ни цирком, ни бассейном. В неё не попало ни одной бомбы во время войны. Иконы не срывались. Алтарь не осквернялся. Утварь не отправлялась на переплавку. Читая описание, глаза Верочки расширялись и наполнялись амбициозным восторгом. Душевное удовлетворение было так значительно, как будто это лично она спасла святыню от разграбления и сохранила её для человечества ценой собственной жизни.

Сайта у церкви, конечно, не имелось — только телефон с валдайским кодом. Пара гудков, и трубку сняли. Немного усталый женский голос, молодой, но приятный.

— Церковь Николая Чудотворца. Здравствуйте.

— Добрый день! У меня вопросик по поводу крещения ребёнка... С кем я могу поговорить?

— Можете со мной. Меня зовут Вера Николаевна.

— Очень приятно. Я хотела бы узнать, можно ли покрестить ребёнка? И возможно ли арендовать крестильную только под нашу...э... церемонию?

— У нас очень мало прихожан. Арендовать не имеет смысла. Просто приходите.

— А кто из священников крестит детей?

— У нас батюшка один... он служит очень много лет.

— А где о нём почитать? В интернете? Может на Патриархия-ру?

— Я могу вам всё рассказать. Батюшку нашего многие знают. Он уже немолод, ему восемьдесят шесть лет. Люди очень любят его.

— Восемьдесят шесть??? Это же и есть старец! Супер!

— Простите?..

— Я говорю: нам всё подходит! Мы можем сейчас согласовать дату?

— Приходите в любой день.

— Понимаете, мне нужно гарантированно... Мы поедем специально из Москвы.

— Из Москвы? Зачем? — грустно удивился голос.

— Мне хочется именно у вас.

— А как же первое причастие? А как же ребёнок с вами будет посещать церковь, где он принял крещение?

— Это не проблема. Мы потом на неделю останемся в “Валдай Резорт”, загородный клуб, недалеко от самого Валдая. И подекочим на первое причастие.

— Чтобы состоялось таинство, не обязательно ехать далеко, надо просто быть готовым, понимать и верить. В любом месте будет хорошо. И в любом месте...

— А как зовут вашего священника? Простите, что перебиваю. Я сама поощу.

— Отец Николай Муромцев.

— Спасибо. Я ещё наберу! Спасибо большое!

Однако никакой информации об отце Николае из данного прихода на просторах интернета не завалилось. Более опытные подруги говорили Верочке, что к крестинам надо готовиться, что “у них” есть “требования”, и без этого “они” могут “включить отказ”. Через пару дней Верочка снова набрала валдайский номер. Знакомый добрый голос ответил ей.

— Вера Николаевна, добрый день! Это опять я, насчёт крещения Ванечки. Какая нужна подготовка? Что мы сделать должны для... церемонии?

— Выбрать крестных родителей своему чаду и... верить. Вы верите в Бога?

Верочка замешкалась с ответом. Что-то помешало ей произнести уверенное “да”. В церковь она почти не ходила, а главные православные события жили в её сознании как общепринятые праздники. Рождественские украшения, пасхальные наборы, вербочки... Об особом смысле всего этого она не задумывалась. Прямой вопрос о вере подразумевал какие-то чёткие убеждения и знания на этот счёт. Интуитивно Верочка чувствовала, что надо бы иметь какую-то позицию, что-то уяснить для себя. Но что? В редких разговорах с подругами, по касательной затрагивающих эту тему, Верочка всегда говорила, что в Бога верит. Но сейчас этому голосу из трубки не смогла слушать и бросить привычное: “Да, конечно”.

Вопрос Веры Николаевны почему-то воскресил в памяти мамино лицо, внимательные глаза и — как следствие — чувство вины, постоянно задвигаемое вглубь сознания... Маме Верочка звонила редко, хотя деньги на её карточку переводила каждую неделю. Она бы звонила чаще, но всякий раз разговор с мамой вселял в неё тревожное чувство неудобства, неправильности её жизни. Было тягостно даже рассказывать про Ванечку, потому что неизбежно всплывал вопрос: “Когда же вы приедете ко мне? Мне бы его обнять!” Верочка собиралась организовать переезд мамы в Москву, но всё как-то не хватало времени заняться этим.

Однако Вера Николаевна ждала ответа, и спокойная тишина в трубке была терпеливой и многозначительной.

— Я думаю, что я верю... что надо верить... Но я не знаю... Этого же точно никто не знает. Просто каждый привык что-то думать...

— Простите, как ваше имя?

— Верочка... то есть... я тоже Вера.

— Верочка, вам нравятся красивые вещи? Красивая музыка?

— Конечно. Я очень люблю и вещи, и музыку, и всё красивое.

— А как вы понимаете, что вам это нравится, что это имеет значение для вас?

— Ну, как... я это вижу. Слышу. Я знаю.

— То есть, вы сначала это встречаете, а потом понимаете. Вы же совершаете определённые действия, чтобы увидеть красивые вещи? Вы включаете музыку. Идёте на концерт. Едете в магазин. Вы ищете эти впечатления.

— Вы хотите сказать, что мне надо сходить в церковь?

— Я хочу сказать, что вера — это то, что надо увидеть и почувствовать. Вот буквально “пойти и посмотреть”. Так и в Писании сказано. Это надо пережить. Христа надо искать и попытаться с Ним встретиться.

— Но как же я могу это сделать?

— Сложно верить в Бога только потому, что кто-то сказал, что так надо. Но сказанное и услышанное может заставить вас пойти, узнать, найти. Во что бы то ни стало. Понять всё самой!

— А я смогу это понять? Я что, смогу найти какие-то доказательства существования Бога? — Верочка была обескуражена.

— Ну, может быть, не доказательства... Но аргументы для себя вы точно найдёте, — улыбнулся голос в трубке.

Вера вдруг вспомнила один из “аргументов”, почти всегда всплывающий в разговорах с “неверующими”:

— Если Бог есть, как же он допустил войну?

— Верочка... войну допустили люди... Человек отвечает за свои поступки, у него есть выбор. Он свободен. Не стоит ждать, что Бог будет дёргать людей за веревочки, как марионеток, и говорить: “Так нельзя! Остановись”. Моисей сказал: “Вот, я полагаю пред тобой путь добра и зла, жизни и смерти. Избери жизнь”. Избери добро. У каждого из нас есть два пути. И каждый делает выбор.

— Я ничего плохого не делала. Наверное, я выбираю добро.

— Верочка, почему вы хотите крестить сына?

— Я хочу, чтобы у него всё было хорошо.

— Верно. Вы помогаете ему. Вы сделаете всё, чтобы Ванечка был счастлив. Но вы не сможете передать ему все свои установки. Что-то он будет

делать на своё усмотрение. Вы не сможете гарантировать правильность его выбора на протяжении всей жизни. Но вы можете помочь ему быть защищённым внутренне.

— Я поняла, Вера Николаевна. Мы постараемся ходить в церковь чаще.

— Человек, который знает Бога, носит церковь в себе. Это его крепость, броня, самая лучшая защита. Носить её в себе гораздо важнее, чем формально быть в ней. Берегите Ванечку!

Верочка вдруг почувствовала себя абсолютно незащищённой. Слезы зацепили ей глаза. Разговор стал сложным, странным и вывернул её наизнанку. Вроде бы, от неё ничего не требовали. И в то же время чувство чего-то не сделанного, глобально незавершённого навалилось на неё. Ей показалось, что оставленный с няней Ванечка сейчас в опасности. Что она должна непременно его увидеть. Что ей надо так много сказать маме. И, наконец, перевезти её поближе к ним.

Вечером муж, выслушав обо всех Верочкиных испытаниях, сказал, что про старца он вообще-то пошутил, а она просто запуталась в своих же фантазиях. Что в его бизнесе самое главное — не попасться в собственные капканы, а она как раз этим и занимается.

— Эх, столько энергии пропадает! — добавил он. — Возьму тебя завтра к себе в офис. Поможешь мне?

Но у Верочки уже созрел собственный, серьёзный план. Она решила ехать на Валдай. Найти деревушку, церковь Николая Чудотворца. Поговорить с Верой Николаевной, с батюшкой. В её голове кружилась стая мыслей, вопросов, не дающих покоя и требующих вылиться в действие.

В шесть утра Верочка уже была за рулём и мчалась по трассе, судорожно выстраивая мысленные диалоги. Внедорожник легко преодолел ремонтные работы на шоссе, деревенские ухабы, грунтовые дороги. Последний виток по навигатору — и цель близка. Дорога ведёт вверх, машина взбирается на самую высокую точку деревушки. Верочка, затаив дыхание, видит прыгающие и мелькающие из-за деревьев тёмные верхушки куполов. Машина освобождается от тисков дороги и выкатывается на открытое пространство. Что это?.. Верочка, ничего не понимая, в немом удивлении смотрит на открывшуюся перед ней картину.

Вместо уникальной церкви, не прекращавшей своё служение ни после революции, ни в годы войны, на Верочку смотрел чёрный скелет — обгоревший остов. Ветер гуляет сквозь удивлённые глазницы приделов. Несколько куполов и колокольня чёрными остриями вонзаются в небо. Сомнений быть не могло — церковь погибла.

Где же Вера Николаевна? Где старенький батюшка? Верочка в панике завертела головой и увидела в конце кривой, виляющей улочки удаляющегося мужичка с велосипедом. Даже не закрыв дверь машины, Верочка кинулась вдогонку.

— Простите, пожалуйста!.. Подождите!..

Мужичок остановился и глядел недоверчиво.

— Кого?.. Я?

— Да-да, простите! Скажите, что случилось с вашей церковью?

— Дык сгорела она... Вона же.

— Когда же это произошло? Вчера же ещё я говорила со служительницей, Верой Николаевной.

— Кого? Вера что ль? Вера была — да... Дык давно уехали они. Как пожар случился, через полгода и собрались.

— Как полгода?!

— А? Дык что им сидеть. А ща никто не знает, где они. Это ж лет пять прошло. Ну да, я как совхоз бросил, тогда и горело.

— Какие пять лет?! Что вы говорите — я с ней вчера по телефону говорила.

— Кого? Да не. Не может так быть. У нас телефон только в администрации работает!

— А батюшка? Отец Николай? Он был?

— Он, родимый, всегда был... Сколько себя помню! Да и маманька моя

только его и помнит. Мы тока при нём и жили. Он у нас как это... как его... у этих-то... Королева Елизавета! Жаль, что уехали они. Дай бог им здоровья!

Вера пристально смотрела на мужичка, пытаясь уловить признаки тяжёлого алкогольного отравления или безумия. Но мужичок, хоть и выглядел помятым, не походил ни на пьяного, ни на сумасшедшего. Что ж получается, это она потеряла рассудок?! Стоп! У неё же есть телефон! Бросив своего собеседника, Верочка опрометью бросилась обратно к машине. Позвоню сейчас же! Она схватила телефон, быстро нашла недавние вызовы, нажала набор номера. Поплыли гудки... Первый, второй... Трубку сняли. Запустилось сообщение автоответчика: “Добрый день! Ничего случайного не бывает. Просто пришло время осознать что-то важное. До встречи!”

Верочка звонила и переслушивала автоответчик много раз. Слушала и смотрела на чёрный остов церкви. Села в машину. В тишине деревни слышался только ветер, пролетающий сквозь церковь, пережившую военные времена и погибшую в мирные. Вся суета испарилась, уступив место чему-то главному. Верочке казалось, что у неё осталась одна извилина, и отныне она может думать только одну мысль. Мамин номер набрался сам собой:

— Мам, привет!.. Как ты?

— Вера, где ты всё время пропадаешь? У меня всё хорошо!

— Мам, как ты думаешь, где нам Ванечку крестить?

— Веруша, а может, вы к нам приедете? К нашему батюшке и сходим? Ты же помнишь его? Он и тебя крестил. Я его как раз вчера встретила. А он... — Мама говорила, говорила, говорила... Верочка больше ни о чём не думала и ни в чём не сомневалась. Всё как-то решилось само собой. Впереди, наконец, была встреча с мамой. И на душе стало легко.

ПИКЕ

Когда-то Виктор очень нравился женщинам. Когда-то он и себе больше нравился. Давно ли? Каких-нибудь тысячу литров тому назад... Да не всё потеряно. Виктор был уверен, как только захочет выйти из пике — сделает это легко. Просто встанет из-за стола на очередной дружеской кухне, стряхнет алкогольный пепел с мозгов, гордо вскинет бровь и уверенно пойдёт на встречу светлому будущему. Позвонит Петру и скажет, что он... ну, в общем... теперь он уж точно... на этот раз непременно... без дураков...

Это будет в любой момент, как только он решит. Пётр разве хирург от Бога? Просто ремесленник. Всегда труслив, ответственных операций избегает, на врачебный риск никогда не идёт. Вечно по накатанной — резекции желудка. Пётр — потрошитель кишок. Когда у хирурга мозги терапевта, он обречён быть целителем здоровых пациентов. А вот сейчас занял его — Виктора — место. Ну, что ж... Пусть порулит. Как только Виктор соберётся — руки перестанут дрожать, память перестанет саднить — царство Самозванца Петра Абдоминального закончится...

Дружки звали Виктора “доктор”. Если не трогать тему какой-то жуткой операции, после которой он сорвался, — мировой мужик! Уважали его за ум, за хладнокровие, щедрость, безбашенность и своеобразный юмор... Мог кого угодно уболтать, решить любую ссору.

Они поспорили, что доктор придёт в отделение банка и получит приличный кредит без всяких поручителей и залогов. Вот зайдёт гол как сокол, а выйдет с деньгами. Виктору идея понравилась. Деньги-то всегда нужны. А как отдавать — решим потом... Банк — животное неповоротливое, пока они поймут, что их кинули, — всё сто раз изменится.

Сидят в этих банках почти всегда женщины. А женщинам Виктор нравился. Ну, забронзовело лицо от алкоголя. Ну, взгляд немного устал и сполз в тёмные мешки под глазами. В этом есть некий шарм: интеллектуальная утомлённость от мира, глупости и суеты.

Чёткого плана у Виктора ещё не сложилось — только вера в собственную харизму и врождённое умение импровизировать в любых обстоятельствах.

Войдя в кредитный отдел и оглядевшись по сторонам, Виктор почувствовал неконтролируемое раздражение, источник которого он распознал не сразу. Он взял талон электронной очереди, но не спешил подходить к выпавшему ему окошку, переминаясь с ноги на ногу, оценивал обстановку.

Окно № 9. Молоденькая девушка в корпоративной косынке за столиком с боковыми перегородками. Отворачиваясь в сторону и прикрывая трубку ладонью, она говорила по телефону. До Виктора долетало журчащее “мамулечка”, “не беспокойся”, “все придут”, “всё-таки юбилей”, “ты гениально рисуешь”, “твой эскиз чудесный”, “приглашения напечатали”, “адрес всем разошлю”... Ещё чуть-чуть — и замыкает.

Наконец, Виктор плюхнулся на клиентский стул. Девушка вскинула глаза: — Мамулечка, надо работать. Всё, отдыхай! Я сама всех обзвоню.

Виктор скользнул взглядом по ее бэйджику.

— Наташенька, здравствуйте... Меня зовут Виктор. Ни о чём не говорит?

— Здравствуйте. Мы знакомы?

— Я старинный друг вашей мамы. Может, она когда-то упоминала... Виктор... Мы учились вместе.

— Ой... возможно... Я могу не помнить... — Девушка внимательно вглядывалась в посетителя.

— У неё скоро день рождения. Я бы хотел прийти и поздравить. Я очень виноват перед ней. Не видел много лет. Слишком много лет. Наши говорят, она будет отмечать юбилей. Но никто не знает адреса. Говорят: должны сообщить. А я бы хотел точно знать, мне надо подготовиться. Это очень важно.

— О... Да... Это я виновата. Я должна всем сказать. Ещё вчера собиралась прислать приглашения маминым друзьям. Она дала мне список. Но там вроде нет никакого Виктора. Ни одного Виктора... То есть... простите... нет вас...

— Не удивительно. Мы же столько лет не общались. Я так виноват перед ней. То есть это я раньше думал, что виноват только перед ней. А вот теперь знаю, что я и перед собой виноват... Знаете, как бывает... Думаешь, что всё впереди, а потом это “всё” сужается-сужается, и ничего не остаётся. Вот и я так — всю жизнь искал чего-то. Натерпелся. Но сейчас всё налаживается. Я надеюсь на это. Понял, что искать ничего и не надо было.

— Ну, и хорошо... — Наташа хлопала ресницами, смахивая неудобство этого разговора и странную откровенность посетителя. Симпатичный он, этот мужчина. Видно, что одежда дорогая, хоть и потрёпанная. Если у мамы был такой одноклассник, что ж она тогда... — Я рада. А сюда вы что? Зачем?

— Так я за адресом! Вы же сами говорите: меня в списке нет, как же я узнаю? Пожалуйста, дайте мне адрес! Я должен прийти.

На последней фразе Виктор достал из мужского арсенала свой самый проникновенный взгляд. Давно не приходилось им пользоваться. Подействовало как-то странно: процентов на пятьдесят. Наташа на секунду подвисла и перестала моргать:

— Ой... Давайте мы сделаем так. Я вас сейчас на телефон сфотографирую и скину маме. Она мне скажет, что вас помнит и хочет видеть. И тогда, конечно, я... Что? Что с вами?

Посетитель поблдевел, отчаянно затряс головой, губы стали синими. Он начал скороговоркой:

— Наташенька, что вы, что вы, что вы... Посмотрите на меня. Я в таком виде. Разве можно? Сейчас просто навалились обстоятельства. Продал квартиру в Омске, там жил несколько лет, вернулся в Москву, а деньги за сделку задерживает мой омский банк. Жду перевода, там приличная сумма, квартира в центре города. Это я сейчас, как бродяга. Я так хочу её увидеть, сказать ей всё. Поймите, я ждал встречи больше тридцати лет... Тогда так хорошо вышло... И чтобы она меня увидела таким... Нет! Лучше совсем ничего. Лучше я пойду... — Он начал неуклюже и рывками отодвигать стул.

У Наташи от волнения сжалось горло. Возможно ли? Не может ли этот человек быть... Боже... Ей показалось, что она держит в руках мамино счастье,

а оно трепещет в её ладонях, бьётся и вырывается. Ей очень нужно поступить сейчас правильно! Именно ей. Сделать верный выбор. Как у него дрожат руки... Ему сейчас станет плохо.

— Подождите! Ну... Виктор, подождите! Вы так говорите... Правильно ли я поняла вас?.. Ждал встречи больше тридцати лет? Что это значит?

Виктор уже стоял перед ней в полный рост. Наташа смотрела на него снизу вверх. Статный. Значит, пятьдесят лет, как и маме. Выглядит отлично для своего возраста. И глаза умные. И голос такой приятный.

— Это значит, Наташенька, — начал Виктор, стараясь изобразить смесь вселенской мудрости и житейской горечи, — что я опоздал. Я был молод и абсолютно глуп! Шансов что-либо исправить нет. Жизнь прошла.

Наташа поняла. Он такой же, как и мама. Вот что за люди: из всего делают трагедию, не верят в себя. Откуда это самоуничтожение и неготовность бороться?! Мама постоянно твердит, что она старая. Господи, это в пятьдесят лет? Она такая красавица! И вот этот Виктор. Такой мужчина, и вездето он опоздал. Откуда это в них? Бывшаяся в Наташиных руках мамина птица звала на подвиги:

— Виктор. Скажите честно, вы были влюблены в маму?

— “Были”... — буркнул он, — я и сейчас её люблю... Столько ждал, чтобы сказать ей... Я ведь так ни разу и не признался. Она, конечно, знала... И в тот вечер, на выпускном...

— Боже мой! — выдохнула девушка. Все пазлы её и маминой жизни вдруг сошлись. Все обрывки маминых рассказов, её слёзы в ответ на детские Наташины вопросы, порванные школьные фотографии — всё свелось к этому человеку. А ведь его история имеет продолжение. Но сейчас его привела сюда только любовь к маме.

— Так это вы... — продолжала Наташа. — Господи... бедная мамочка... Вы же ничего не знаете...

Девушка так интенсивно захлопала ресницами, будто накачивала воду в глаза из невидимого колодца. Виктор следил за этим процессом, стараясь сохранить трепетность и выразительность взгляда. Он чувствовал, что сейчас надо просто подождать. Наташа сдалась:

— Хорошо, мы поговорим после. Вот смотрите: я пишу адрес. Обязательно приходите. Вы давно в Москве? Помните, где Петровский бульвар? Мы собираемся в четыре часа, в субботу. Парковка там, знаете, если заехать...

Лицо Виктора искажилось, как будто от острой боли.

— Это же послезавтра!

— Ну, да, суббота...

— Я не успею получить перевод за квартиру. Я не успею оформить подарок. Я столько готовился. Всё пропало!

— Господи, — шёпотом выдохнула Наташа, — что за подарок?..

— Когда ей было шестнадцать лет, она мечтала жить у моря... даже рисовала... Рисовала мне... Понимаете, Наташенька? Домик, берег, цветы... Я нашёл такое место! Именно его! Идеально. Домик совершенно в её стиле. Для Кипра недорого. Хотел удивить её. Деньги-то у меня есть, только в Омске никто не торопится... Это в Москве банки быстро работают. Всё пропало!

Виктор упал на стул и вонзил пальцы в шевелюру. Мамино счастье в Наташиных руках разрасталось, рвалось на волю и требовало стать невообразимо прекрасной реальностью. Наташа бросилась в омут:

— Так! Виктор, надо взять себя в руки. Нельзя так падать духом! Выход всегда есть. Сколько нужно на... этот... мамин подарок?

— Пять миллионов рублей. Мне идёт перевод — семь. Пару оставляю себе на обустройство в Москве, то, сё. Я же, когда уехал, бросил квартиру в Москве, сейчас бы ремонт там сделать. Но это всё пыль! Как успеть к субботе?!

— Виктор. — Наташа перешла на материнский тон. — Я же сотрудник кредитного отдела. Нет ничего невозможного. Тем более для московских банков. Я могу оформить экспресс-кредит буквально за час. На себя.

По специальной линии, понимаете... Дам вам деньги уже сегодня, вы меня слышите? Вы потом мне вернёте.

Виктор поднял голову и смотрел на неё со странным раздражением в глазах.

— Не волнуйтесь, — заговорила она быстро и с жаром, — нам раз в год можно воспользоваться кредитной линией. Я уже три года работаю и ни разу ничего такого не брала. Поверьте! Все получится!

Виктор медленно покивал головой, но взгляд остался пасмурным.

— Вы встретитесь с мамой. Всё будет хорошо. Вы знаете, что она ни разу не была замужем? Вы много чего не знаете... но это всё потом... Возможно, подарком будет совсем не то, что вы думаете. Наконец, у неё появится... будущее... Понимаете, это самое важное! А вы говорите “жизнь прошла”! Ерунду говорите!

Она вдруг резко придвинула к себе клавиатуру и начала стремительно печатать.

— Виктор, мы должны торопиться, чтобы мне всё успели одобрить сегодня. А вы пока посидите на диванчике. Вон тот, жёлтый. Хотите я покажу вам мамини фотографии? Держите телефон! Там и картины её есть!

Наташа заполняла поля интерфейса, отправляла документы. Потом ждала решения и занималась с посетителями. И часто вскидывала глаза на Виктора. Он так и сидел на жёлтом диванчике с её телефоном в руках. Всё смотрел и смотрел. Опускал телефон. И снова смотрел. Он казался совершенно спокойным, но страшно сосредоточенным. Наташа подумала, что так выглядит их бухгалтер Ирина Георгиевна, когда старается сложить в уме два числа без калькулятора.

Через час Виктор вышел из отделения банка с небольшим свёртком в руках. Хмурясь, он скомкал листочек бумаги и сердито швырнул его в урну. Пошёл по улице, стремительно удаляясь от банка и жестикулируя на ходу.

— Чёртовы бабы, — шипел он себе под нос. — Вот дуры! Как так можно? Две несчастные дуры!.. Стоп! Ну, уж нет!..

Он остановился, подбежал к урне, запустил в неё руку, нашёл листок, вытащил, бережно расправил и убрал в карман.

ЛЮДМИЛА ЩИПАХИНА

ХРАНИТЕЛИ ВЕКОВ

РУССКАЯ ВИНА

Ты тем уж, русский, виноват,
Что территорией богат,
Что Бог пространством одарил
От Балтики и до Курил.

Сибирью прирастил простор,
Кольцом морей, громадой гор.
Все земли щедро населив
Народом, сказочным, как миф...

И тем ещё ты виноват,
Что каждый ближний — друг и брат.
Что свято чтят и млад, и стар
Соборности великий дар.

Ты виноват, что тыщи лет
Хранишь величие побед,
А беды злые сквозь года
Не забываешь никогда...

ЩИПАХИНА Людмила Васильевна родилась в Екатеринбурге. Юность прошла в Волгограде. Окончила Литинститут им. Горького. Поэт, автор около пятидесяти книг стихов и поэтических переводов. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Всероссийской премии им. Александра Твардовского. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Грозит чужая сторона,
Что русским велика страна!
Взорвать её, распять, спалить!
Всё отобрать и поделить...

Не обольщайтесь, мудрецы.
За нами — деды и отцы.
С судьбой не затевайте торг.
Мы — русские...
Какой восторг!

ЦИФРА

Достиженьё мировое
Постигаю я едва...
Всё сегодня — цифровое:
Краски, чувства и слова...

Что теперь с душой моею?
Арифметикой полна,
Непонятною идеей
Оцифрована она.

Словно нет уж прежней воли,
Слов надёжных не найти...
Чипы, клипы и пароли
От нуля до девяти...

Я восстала! Возмутилась!
А они вползают вновь.
Посчитала — прослезилась:
Где коварство, где любовь?

И всю бунтуют чувства!
И не в силах их унять,
Если алгеброй искусство
Надо тоже поверять.

...Я запуталась в прогрессе.
Я отсталый человек.
Может, просто, поэтессе
Не по силам этот век?

СЛУХИ

Где крадут и что творят?..
Куча — туча фактов новых.
Вот сегодня, говорят,
Продаётся Дом Ростовых.

На писателей — плюют.
Никому не интересно.
Сочинителей приют —
Историческое место...

Перестройка иль застой?
Воровской порыв момента?
...Что сказал бы Лев Толстой
С векового монумента?

И прекрасный ЦДЛ
Полон паники и страхов.
Говорят, ему удел
Клубом стать для олигархов.

Всех писателей — долой!
Чтоб писать свои нетленки,
Убирайтесь-ка домой
И пишите на коленке...

Может, это — злые духи
Сеют сплетни, не спрося?
Может, слухи, словно шлюхи,
Прилипают, грязь неся?

В этот день — горячий, летний —
Так мозги нам напекло!..
Может, это просто сплетни?
Но противно всё равно...

БУДУЩИМ ЭМИГРАНТАМ

Не уезжайте за границу!
Одумайтесь, не уезжайте!
Твоё лишь там, где ты родился...
Себя и нас не унижайте...

Хоть тяжких дней темна загадка,
И вихри злобные летают...
А нам, вы думаете, — сладко?
Но мать в беде не покидают.

С тобой в родстве поля и горы,
И память славы неделимой...
...Я не о тех, кто слил в офшоры
Богатства родины любимой.

Я о других... о слабых духом,
О тружениках повсеместных...
Не доверяйте лживым слухам,
Не уезжайте в неизвестность!

Сиротство — вот края иные...
Разлукой нас не обижайте.

Пока ещё вы здесь родные,
Я вас прошу: не уезжайте!

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

...Вот гул фанфар умолк.
И в буднях разметался...
Прошёл БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК...
Прошёл? Или остался?

И сквозь буран вестей
Мы слышим голос дерзкий,
Что по Планете всей
Прошёл народ советский!

Что мы — к плечу плечо,
Что Память нам награда,
Что в силе мы ещё
И нас дразнить не надо!

Хранители веков,
Морей, лесов и пашен,
Мы все — бойцы полков,
И гнев святой наш страшен!

Знамён нетленен шёлк...
Ну, а в недобром часе —
БЕССМЕРТНЫЙ мирный полк
У нас всегда в запасе!

АНАТОЛИЙ ЕГИН

В ПЛЕНУ У ЖИЗНИ

ПОВЕСТЬ

В один из мартовских вечеров 1994 года Сафронова пригласил к себе губернатор:

— Виктор Григорьевич, не съездить ли тебе в Польшу, ну, скажем, в Белотоцк? Я там бывал в советские времена, текстильное производство у них не меньше нашего. Ты — инженер-текстильщик, тебе и карты в руки. У поляков перестройка раньше нашего лет на пять началась, они раньше шишек себе набили и по пуду соли съели, может, чему-то у них поучимся. Давай, прозондируй почву и готовься в командировку.

Самолёт приземлился в Варшавском аэропорту имени Шопена точно по расписанию. Сафронова встречали, на выходе он увидел в руках ухоженного чиновника табличку со своей фамилией и пошёл в ту сторону.

— Добрый день! Сафронов это я.

Встречающий чиновник какой-то момент был неподвижен и безмолвен, но вскоре пришёл в себя:

— Очень рад, пан Сафронов. Здравствуйте! Я Збигнев Ясносекирский сотрудник отдела зарубежных связей мэрии Белотоцка. Прошу вас следовать за мной, нас ожидает автомобиль.

Двести километров до Белотоцка проехали быстро, дорога в идеальном состоянии. Сам же Белотоцк, город с шестивековой историей, не богат,

---

ЕГИН Анатолий Иванович родился в 1946 году, живёт и работает в Волгограде. Заслуженный врач России, кандидат медицинских наук, член Союза писателей России, автор 6 стихотворных сборников и 3 книг повестей и рассказов, лауреат Всероссийской литературной премии «Сталинград» и Государственной премии Волгоградской области по литературе и искусству, печатался в журналах «Отчий край» и «Огни Казани». Произведения А. Егина переведены на армянский и татарский языки.

не помпезен, не многоэтажен, из массы двух-трёхэтажных зданий выделялись шпили костёлов да купола православных храмов. Город делила надвое небольшая и неглубокая река, через которую было переброшено несколько мостов без всяких украшений. Мэрия располагалась в здании старой ратуши, построенной в немецком стиле. Когда вошли в неё, Сафронов почувствовал на себе взгляды проходящих по коридорам людей, один из идущих навстречу с толстой папкой в руках вытянулся в струнку и пожелал пану мэру доброго здоровья. Что бы это значило? Вошли в приёмную мэра, секретарша испугано вскочила с места, смотрела то на дверь кабинета, то на Сафронова и только когда увидела Ясносекирского, заулыбалась и приветствовала гостя.

— Я вас чем-то обескуражил? — с удивлением спросил Виктор Григорьевич. Ясносекирский перевёл.

— Нет, нет. Что вы!

— И тем не менее, — продолжил Сафронов, обращаясь уже к Збигневу, — с самого аэропорта я обратил внимание на растерянные взгляды встречающих меня людей.

— Нет, ну что вы! Что вы, господин мэр! Может, и есть небольшое смущение, но оно не вызвано чем-то странным с вашей стороны. Ответ на свой вопрос вы найдёте скоро. А сейчас вас ждёт наш начальник.

Секретарша распахнула дверь, Ясносекирский громко объявил:

— Мэр Средневожска господин Виктор Сафронов.

Из-за стола навстречу гостю поднялся и пошёл навстречу человек такой же походкой, как у Виктора, и если бы не причёска, гость подумал бы, что к нему подходит его отражение. Гжегош Гаевский тоже был удивлён.

— Здравствуйте, дорогой коллега! Мы с вами, как два брата близнеца! Подойдём к зеркалу?

— Да! Бывает же такое! Правда, цвет глаз у нас разный и волосы у вас русые, а я блондин. Поразительно! Ну, братьями мы быть не можем, зато двойники — точно.

— Это так. И по профессии, и по служебному званию тоже. Вы какого года рождения, господин Сафронов?

— Я родился в июле сорок шестого.

— Выходит, я старше вас. Мама родила меня в январе сорок пятого.

— Пан Гаевский, откуда у вас такой прекрасный русский язык?

— Я учил его с детства, мама так хотела. Вблизи хутора, где я родился, жило много белорусов, а потом в школе русский язык нам преподавала москвичка пани Нифонтова, жена вашего офицера, моё произношение — её заслуга.

После обеда состоялась встреча с работниками мэрии. За несколько часов с интересом обсудили массу вопросов, говорили о муниципальном образовании, здравоохранении, социальной защите населения, коммунальном хозяйстве. Проблемы во многом схожие, Сафронов убедился, что в Польше часть того, что сейчас мучает Россию, уже преодолели, но кое-где не совсем успешно. Главный вопрос — инвестирование в экономику и городское хозяйство — оставили на завтра. Ужин Гаевский предложил провести вдвоём в небольшом уютном шинке, где они славно отведали блюда деревенской кухни, выпили домашней водки на брудершафт и перешли на “ты”.

Утро следующего дня выдалось солнечным и по-весеннему тёплым. Сафронов вышел на улицу прогуляться по набережной реки и уже без удивления отвечал на приветствия прохожих, подмечая, что горожане хорошо знают своего мэра и уважают, ибо каждое приветствие сопровождалось доброй улыбкой.

День оказался профессионально-текстильным. Осмотр комбината не открыл для Виктора ничего нового. Ткацкие и отделочные фабрики почти ничем не отличались от наших. В ту пору все предприятия социалистических стран, некогда входивших в Совет экономической взаимопомощи, покупали оборудование из одного источника, технологии во многом совпадали, да и сырьё, если не всё, то уж точно наполовину шло из азиатских республик СССР.

Всё старое производство Белотоцкого комбината работало на тридцать процентов от своих мощностей. Изюминку Сафронову показали в конце: но-

вый ткацкий цех, полностью автоматизированный, включая отделку. Обслуживала процесс производства смена из пяти наладчиков и дежурный программист. Оборудование всё из Германии и уже больше года работало без сбоев.

— Это производство даёт нам немалую прибыль, ещё год — и все затраты окупятся, продукция станет подешевле, реализация увеличится, прибыли будет больше, а значит, и в городскую казну налоговых отчислений прибавится, — сказал Гаевский.

— Это так. Но как же рабочие места для горожан?

— Проблема есть, однако и это мы продумали, через год открываем швейное производство, опираясь на китайский опыт. Китайские текстильщики закупают швейное оборудование и сдают в аренду частникам, те массово шьют одежду для всех категорий и возрастов... Россию они ещё не завалили своими товарами?

— Дальний Восток почти завалили и к нам в Европейскую часть везут активно. Но мне хотелось бы вернуться к вашим делам. Я так понял, что всех бывших работников комбината вы не трудоустроите.

— Да, думаю, это невозможно. К сожалению, таковы реалии нового времени, и мы от них не отмахнёмся и старыми методами не исправим. Нужны инвестиции в новые производства и в другие отрасли. В наших странах есть преимущество не очень дорогой рабочей силы, но для новых производств нужны новые работники или хорошо переученные старые, а это опять деньги. Мы не боимся пускать к себе инвесторов из Европы и Азии, пусть строят предприятия, готовят рабочих, обеспечивают их местами, а цеха хозяева с собой не унесут. Только вот не очень спешит к нам бизнес с инвестициями, боятся, не повернём ли мы вспять, для того-то и нужна твёрдая, чёткая позиция государства.

Они ещё долго обсуждали экономические вопросы, каждый искал свой ответ, но к вечеру, вдоволь наговорившись, пришли к выводу, что экономика экономикой, а ужин не помешает.

Любовь Гаевская, в девичестве Пашкевич, оказалась белорусской, и не удивительно, ведь треть жителей Белотоцка — белорусы. За ужином общение шло на русском языке. Люба хорошо знала историю, разбиралась в живописи и музыке и, конечно, в правоведении, поскольку была юристом. Собеседники коснулись многих вопросов, не обошли и политику. Ближе к концу ужина заговорили о родителях. Люба рассказала, что её отец был дворянином, строго относился к воспитанию детей, старался с детства прививать им любовь к познанию мира.

— Ваши предки тоже были дворянами? — спросила она Виктора.

— Вообще нет. Крестьяне. Отец и мать родились в деревне Лысогорке, где потом родился и я. Мама волею судеб стала трактористкой. В ту пору, когда все мужики ушли защищать Родину, она села за рычаги трактора, надо же было кому-то пахать и сеять. А отец, Григорий Сергеевич, был мастером на все руки, жизнь заставила. Он родился восьмым ребёнком в семье. Когда ему было девять, умер мой дед Сергей, а через пять лет умерла бабушка. Старшие братья и сестра уже жили своими семьями, средние уехали учиться или служить в армии, а отец остался в семье за старшего и на его попечении — два младших брата. Вот тогда и стал Григорий Сергеевич поваром и пекарем, полеводом и конюхом, кузнецом и плотником, а музыкантом он был с детства, в нашем доме всегда звучали гармонь и скрипка. Мой папа был очень талантливым человеком, за что ни возьмётся — всё получается. Только вот не везло ему в жизни, во время войны попал в плен к немцам, бежал, прятался на каком-то хуторе у польских крестьян. По приходу советских войск служил в штрафном батальоне до Победы, а потом с сорок пятого по пятьдесят третий ежемесячно ездил в районный центр, отчитывался о своей жизнедеятельности, о том, что не совершил никаких антисоветских проступков.

Собеседники притихли.

— Да, нелегко пришлось твоему отцу и моему тёзке, — после паузы произнёс Гжегош. — Скажи, а в каком лагере был твой отец?

— В Треблинке.

— Так это же недалеко отсюда. Лагерных построек там не осталось, немцы всё после восстания заключённых уничтожили. А музей на этом месте наши после войны сделали, может быть, и о твоём отце какие-то сведения отыскать можно. Кстати, в двенадцати километрах от этого лагеря стоит хутор, где я родился, мама моя и сейчас там живёт.

— Так вы, господа мэры, завтра и отправились бы туда, — вмешалась в разговор Люба. — Меня тоже бы с собой взяли, я свекровь уже около года не видела.

Весна уже полностью овладела востоком Польши, дни стояли тёплые и солнечные, сочная трава по утрам блестела росой, а молодые тонкие листочки деревьев и кустарников источали тонкий аромат. Наступала пора цветения садов, ещё только начинал проклёвываться белый цвет на набухших бутонах яблонь, день-два — и деревья вспыхнут ярким бело-розовым цветом.

Вокруг царило весеннее утро, лёгкое и прозрачное. “Фольксваген” Гжегоша катил по песчаной просёлочной дороге к родному хутору. Виктор любовался сосновым лесом. Стройные высоченные деревья, высаженные когда-то человеком на песках, превратили землю из пустыни в лесной цветущий рай. Выехали на огромную поляну плодородной земли, вокруг — поля с весёлым ковром озимой пшеницы, а вдаль у леса виднелись жилые и хозяйственные постройки хутора. Автомобиль лихо подрулил ко двору. На пороге стояла дама почтенного возраста, одетая в брючный костюм василькового цвета, волосы уложены в простую гладкую причёску с тугим калачиком на затылке. Сын пошёл навстречу матери.

— Знакомься, мама. Это мой друг и коллега из России Виктор Григорьевич Сафронов. Виктор, а это моя мамочка Агнесса Гаевская, или по-вашему Агнесса Станиславовна, а по-нашему, просто тётя Агнешка.

Та глянула на гостя и остолбенела, глаза её наполнялись слезами, а губы шептали:

— Гжегош! Мой Гжегош Сафронов!

— Мама, Гжегош это я, а он Виктор.

Но мать не слышала сына, она продолжала говорить:

— Гриша, это мой Гриша!

Гости стояли и переглядывались друг с другом, начали догадываться. Агнешка позвала Виктора, обняла гостя и начала целовать.

— Матка боска! Как же ты похож на своего отца! Ведь твой отец Гриша Сафронов из деревни Лысогорка?

Виктор кивнул. Слезы из глаз Агнии покатались градом, колени задрожали, и, если бы её не подержал сын, она точно бы села наземь.

— Пойдёмте, дети, в дом, присядем, разговор будет долгим... Сын мой Гжегош, ты прости меня, если сможешь, что долго держала тебя в неведении, но твой отец не Бронислав, который погиб в конце войны, твой отец русский человек Григорий Сафронов, и вы с Виктором — братья. Бронислав действительно скрывался у нас на хуторе от солдат Красной армии, но я тогда уже была беременна тобой, когда же Бронислав исчез, пришлось сказать, что беременна от него, иначе меня бы не поняли хуторяне, хотя и так не поняли и осуждали. А вот о том, что у нас в семье год жил Григорий, никто не знал. — Она сделала паузу, посмотрела на детей, те сидели молча, ожидая продолжения... — А теперь ты, Виктор, расскажи, где твой отец, жив ли он?

— Нет, пани Гаевская, он умер в шестьдесят седьмом, умер от инсульта, в шестьдесят четвёртом у него отнялась правая сторона, не работала рука и нога, но речь была ясной до самой смерти. Отец часто приглашал меня поговорить и сетовал на то, что он был в плену у обстоятельств, не он руководил ситуациями, а жизнь сама решала, что ему делать. В шестьдесят седьмом году у папы отнялась и левая половина тела, он начал быстро угащать. Когда он прощался с нами за несколько минут до ухода в мир иной, он хотел сказать многое, но часть его речи для меня была загадкой. Последнее, что он сказал: “Прости меня, Агнешка!” Сказал и умер.

Агния Станиславовна заплакала, сын обнял мать и поглаживал её по плечу, успокаивая. Она встала, подозвала к себе молодёжь и, как могла, обняла сразу троих, долго не отпуская. Потом вытерла слёзы и спросила:

— Виктор, ты не будешь возражать, если я стану называть тебя сыном.

— Нет, не буду. Вы же мама моего брата.

— Что ж дети мои, жизнь очень удивительная штука и повороты у неё часто бывают такими крутыми, что только успевай поворачивать, не успеешь, пеняй на себя. Ну, да ладно. Хорошо, что Бог с нами, пусть он не покинет нас... Давайте накрывать на стол.

На столе появились вареники с капустой и картошкой, приправленные жареным салом с луком, салат из тёртой редьки. Отдельно были поданы вареники с творогом, утопающие в сметане, молоко. На сковороде шкворчала домашняя колбаса. Гжегош принёс из машины бутылку виски.

— Сынок, и охота вам пить этот английский самогон? Я вас сейчас угощу тем, что любил ваш отец.

Агния шустро, как молодая девчонка, спустилась в погреб и принесла оттуда старинную четверть — трёхлитровую бутылку домашней водки.

— Этого хватит? — спросила она, улыбаясь.

Все дружно засмеялись, потом налили. Виктор подошёл к Гжегошу:

— За твоё здоровье, мой средний брат! А у нас с тобой есть старший брат Евгений, тридцать девятого года рождения. Давай за нас! За братьев Сафроновых!

Потом вышли за маму Агнешку, почтили память отца, вспомнили маму Виктора, хорошо закусили.

— Дети мои, я очень рада, что вы в прекрасном настроении, а потому пришла пора предъявить вам один документ, он, пожалуй, будет красноречивей всех наших разговоров. — Агния удалилась в свою комнату, вскоре вернулась с небольшим деревянным ящичком в руках, открыла его и извлекла две обыкновенных школьных тетради: — Это записи вашего отца. Я их читала не один раз, но не всё поняла, не хватило моих знаний по русскому языку, вы же все хорошо его знаете, прочтёте сами и мне растолкуете. Читать тебе, Виктор.

Сафронов открыл первую тетрадь и сразу узнал почерк отца. Текст был написан химическим карандашом и хорошо сохранился. Он покашлял и начал читать:

“Я, Сафронов Григорий, родился восьмым ребёнком в крестьянской семье Сергея и Евдокии из деревни Лысогорки, что у истоков реки Медведицы в Средневожской губернии. Родился я в 1913 году, после меня родились ещё два брата Иван и Александр, и всего нас у отца с матерью было десять, восемь сыновей и две дочери. Самый старший Матвей женился, когда мне было четыре года, его жена Аграфена родила их первенца Петра в тот же год, когда мать родила нам последнего брата.

Детство моё было обыкновенным, как у всех крестьянских детей, сильную работу мы выполняли с ранних лет. К пяти-шести годам нас заставляли пасти цыплят, чтобы коршуны не могли схватить этих ярких жёлтых малюток, чтобы не затерялись они в густой траве. Вот и бегали мы за ними, сбивая в кучу, и постоянно пересчитывали. В возрасте десяти лет нам поручали нянчить младших братьев или племянников, когда старшие работали в поле. А дальше — больше: запрягали лошадей, отгоняли и встречали из стада скот, убивались в коровниках и свинарниках, сажали и копали картошку, рубили дрова, добывали гончарную глину, да разве всё перечислишь, с раннего детства постоянно в работе, и нам это нравилось. Мы хотели поскорее стать взрослыми, сеять, жать, молотить, возить зерно на мельницу.

Были у нас игры и развлечения. Летом в погожие дни купались в нашей речке Степнухе, ловили рыбу, обтянем банку материей, сделаем в ней дырочку, на дно хлебных крошек насыпем и в воду, через час в банке десяток пескарей. За день наловишь на хорошую сковороду, мама жарила и нас нахваливала. Нравилось нам ходить в лес по грибы и ягоды. В июне в лесу земляники было видимо-невидимо, собирали её, на зиму заливали мёдом, сахар стоил дорого. Но главной радостью для нас были праздники. Рождество, Масленица, Пасха, приезжали в гости мамыны братья и сёстры из соседней деревни, нас катали на санях, лепили целые снежные городки, которые одни обороняли, другие штурмовали, снарядами были снежки. На Рождество

славили, домой возвращались с богатыми гостинцами, разной снедью, перепадали нам и мелкие деньги. На Пасху играли в “бабки”, катали с горки крашенные яйца, от души наедались пирогов и разных мясных продуктов, ибо в будние дни обычной пищей были щи, каши, картошка и хлеб.

Но детство моё закончилось рано, не исполнилось мне и девяти лет, как умер отец, он был зимой на заработках в Царицыне, возвращаясь домой, простыл, заболел — и всё, не стало у нас тяти. А был он у нас мастеровой, умел делать всё, как говорили в деревне: и швец, и жнец, и на дуде игрец. И было это правдой, отец был не только умелым крестьянином, но слыл и неплохим плотником, знал кузнечное дело, валял валенки, стеклил окна, а на досуге играл на скрипке и гармошке и нас неназойливо учил всему. С его уходом семья осиротела. Я помогал маме, осваивал часть женских работ по дому, доил корову, готовил пищу, это бывало летом во время полевых работ, тогда я был в доме полным хозяином и нянькой.

Так пролетели пять лет. В конце 1927 года слегла наша мама, худеть стала, высохла вся, как щепка, боли в животе были сильные. Районные врачи сказали, что это рак и сделать ничего нельзя. Долго мучилась мама, а на прощанье позвала меня, надела свой крестик нателный, поцеловала и сказала: “Тебе, Гришенька, теперь быть за мать в нашей семье. Ты уж прости, сынок, что не нарожала вам побольше сестёр. Малых блюди, корми, одевай, обшивай. Видать, судьба у тебя такая — всякую работу уметь делать. Ваню, как школу закончит, учиться отправьте, уж больно он смышлённый, не крестьянского труда человек родился, а умственного. Сашку не обижай, сам посмотришь, что из него лепить надо, ты же у меня умный. Прощай, сынок! А теперь я посплю”.

Мама отвернулась, и мне показалось, что она уснула. Через два часа я принёс ей молока, другого в последние дни она ничего не ела, хотел разбудить её, но она уже была на том свете.

Вот тут-то жизнь и взяла меня в плен окончательно. Я тоже играл на скрипке и гармошке, мне нравилось работать в кузнице, лепить из глины, но женский труд поглощал всё. Владимир работал в поле, он хозяин, он старший, он “отец”, а я “мать”, и двое детей при мне, их надо учить, воспитывать, кормить. А что делать? Рано утром пеку блины, Сашка проснулся и хнычет:

— Гринь, дай блина.

— Сейчас, братик, допеку и сядем завтракать все.

— Гринь, ну, что тебе, жалко? Дай сейчас, совсем живот подвело.

Жалко стало братца, дал ему горяченький блинчик, а тот чуть не в плач:

— Горячо, больно во рту, всё обжёт. Злой ты, Гришка.

Однажды зимой младшие после уборки скотного двора на печке греются, я варю пшённую кашу, варю и пою да периодически кашу пробую, Саша наблюдает.

— Гришка, каши дай.

— Не дам, ещё не разварилась.

— А сам ешь.

— Не ем, а пробую, — и опять ложку в рот.

— Смотри всё не съешь, нам оставь. Володька вон целый день работает, ему каши много надо.

Пришло время, сели за стол, налил молока, открыл чугунок. Сашка ахнул и толкает Ваню в бок:

— Гляди, братка, наш Гришка колдун, ел, ел кашу без нас, а чугунок полный, аж с верхом.

— Будешь причитать и просить, перестану колдовать. А ты вырастешь и узнаешь, что любая крупа во время варки впитывает воду и увеличивается в объёме, оттого и каши больше становится.

— А что такое объём?

— Это пусть Иван тебе расскажет, он в науках больше разбирается, и объясняет, как учитель.

— Ешь, Саша, не болтай за столом, а то мы всё смолотим. Про квадрат и куб я расскажу тебе перед сном, — пообещал Ваня.

Жили мы вчетвером, и казалось, хорошо справлялись, но пришла пора нашему Володе в армию идти, и так уже отерочку на год давали. В тридцатом году призвали нашего брата-отца на службу, а через год и мне повестка пришла, как ни крути, восемнадцать лет. Наш председатель сельского совета Трифонов в райцентре был, в военкомат зашёл, но разговор был напрасен. Военком твёрдо сказал: “Сейчас отерочку дадим, а по весне следующего года заберём. А вы пока с малыми ребятами решайте. Семья у них большая, пусть старшие младших берут на воспитание. Другого выхода нет”.

Предложения военкома восприняли, как руководство к действию, на Рождество собрался семейный совет, я рассказал о просьбе матери. Решили Ивана отправить в Сталинград к Анне и Николаю, пускай учится, а Сашу забрал Матвей, который жил и работал в Туле на оружейном заводе. Саша с его сыном Петром одногодки были, вот и стали расти и учиться вместе дядя с племянником. Семейный совет решил, что после моего ухода в армию заботы о доме, скотине и земле лягут на Алексея, а по возвращении Владимира всё встанет на свои места.

Настала весна 1932 года, меня подстригли наголо, переодели в военную форму, и начал я проходить курс молодого бойца в войсковой части под Курском. Учили нас стрелять, ползать, ходить строем, колотить ножом и сапёрной лопатой, но как только перевели в боевую роту, моя пехотно-ползучая жизнь закончилась. Наш полк отправился в летние лагеря, потребовался повар в хоззвод, узнали про мои кулинарные способности и прикомандировали к полевой кухне. Так и прослужил я всю срочную службу при котле, половниках, шумовках, противнях и сковородках, всегда бывал сыт, иногда и пьян, зато без выходных дней и увольнений, вся служба прошла за оградой части да в лесных массивах летних лагерей. Правда, польза от того была немалая, наслушался разных командирских разговоров и про жизнь, и про любовь, и про политику. Заместитель командира по политчасти давал мне много интересных художественных книг, с удовольствием читал Некрасова, Маяковского, Толстого, Горького, Достоевского, стихи и прозу Пушкина, и это позволило мне смотреть на мир по-другому. А вот “Капитал” Маркса, как ни силился, понимал с трудом, а труды Ленина и Сталина нам растолковывали на политзанятиях. Одним словом, стал я лучше соображать, разбираться в людях, постепенно превратился из забитого деревенского парня в человека, который мог обдумать сложившуюся ситуацию, планировать жизнь.

Не хотели меня отцы-командиры отпускать на гражданку, уговаривали на сверхсрочную остаться, видно, блины им мои очень понравились. Ох, уж эти блины! Блины в моей жизни сыграли и положительную, и кошмарную роль, но об этом позже.

В общем, не захотел я служить дальше в армии, и причина для того была: Владимир прислал письмо, что после демобилизации женился и с женой Марией решил жить в Оренбурге, сообщил, что работает шофёром, специальность эту получил в армии. Подумал я тогда об отчем доме, о нашей родной Лысогорке, и в сердце защемило: дом будет стоять разрушаться, а ты будешь сидеть здесь, как в клетке, вставать раньше всех, ложиться позже всех. На гармошке, и той играть некогда, разве что по ночам для подвыпивших офицеров. Воздуху вольного мне захотелось, простора деревенского.

Прибыл я в Лысогорку, почитай, под самый новый 1937 год, с подарками приехал. Братьям и племянникам подарил кому гимнастёрку, кому галифе, а кому и сапоги кирзовые, женщинам по дороге платков разных закупил, слава Богу, денег в армии скопил, а на что мне денежное довольствие было тратить, и так всегда сыт был, одет и обут. Родные встретили с радостью, дом был ухоженным и тёплым.

Нашу свадьбу с Верой сыграли на Масленицу, и зажили мы, как все люди живут. Любил ли я жену, не знаю, но не было у меня горения в груди при виде её. Она женщина приятная, не злобливая, не злопамятная, умела приласкать мужа, уговорить его на дела добрые. Я с Верой не испытывал горести и считал, что это были лучшие годы моей пока недолгой жизни.

В январе 1939 года у нас родился крепкий, здоровый мальчик, сына назвали Евгением, радости в семье прибавилось. Живи и радуйся. И мы радо-

вались, в деревню стали привозить звуковое кино, ставили столбы, чтобы подать в колхоз электроэнергию, провести радио. Всё бы хорошо, но война, будь она неладна, будь она проклята. Вот тут опять жизнь меня взяла в плен. Если вам кто-то скажет, что к войне можно привыкнуть, ни за что не верьте. В конце июля меня призвали в Красную армию, с которой я отступал и отступал на восток страны, причём отступал одним из первых, потому как воевал по своей армейской специальности — поваром при ротной полевой кухне с сотоварищами ездовым Николаем Быковым и помощником повара Артёмом Коловым. Тылы всегда наступали последними, а отступали первыми, правда, часто приходилось и догонять своих под грохот орудий и скрежет танковых гусениц, неоднократно и в бой вступали. Но что бы ни случилось, кухню мы свою берегли и еду бойцам готовили исправно в любых условиях. Потерять на фронте оружие или пулемёт плохо, а потерять походную кухню — беда. Солдат должен есть горячую пищу. Война — это самая тяжёлая работа, а без пищи не поработаешь.

Вот так мы отступали почти год, правду сказать, бывали иногда и тихие дни передышек, когда по неделе и больше сидели, окопавшись, бывали и наступления, но немцы вскоре выбивали нас с освобождённых земель и гнали, гнали на восток.

В конце апреля 1942 года наш полк, который входил в состав 38-й армии, закрепился на небольших высотах северо-восточнее Харькова, успешно отражая удары фашистов. Мы, рядовые, не знали, что готовят командиры, но прошёл слух о скором наступлении на Харьков. В атаку мы пошли 12 мая и продвинулись вперёд километра на три-четыре, ночью передышка, а с утра 13 мая завязались тяжёлые бои. К часу дня обед был готов, мы приблизились к окопам, и тут началось: танки, танки, танки с крестами, бронемашины, мотоциклы, шквальный огонь, и всё на нашу роту. Мы, следуя приказам командиров, начали отходить, только спустили кухню в балочку, а фашисты тут как тут. Кухонный расчёт залёг, но кухня предательски выступала над нами, нас окружили, огонь с нашей стороны из винтовок был слишком слаб против автоматов противника, в перестрелке погиб Артём, а нас с Николаем пленили. Немецкие офицеры по-хозяйски распорядились кухней, нас усадили по своим местам и под охраной отправили к себе в тыл.

На небольшую лесную поляну, окружённую колочей проволокой, мы прибыли только к вечеру. За проволокой около трёх сотен наших солдат оборванных, без сапог, многие были ранены.

— Ты есть кох? — спросил меня офицер из охраны временного лагеря.

Я не знал, что ответить, не понял слово “кох”.

— Он, он кох. Он повар, а я его помощник, — ответил за меня Николай.

— Мы не знаем помощник. Ты есть пленный и ты кох есть пленный. Бери своя еда и давай этим людям. Давай, давай! — рассмеялся офицер с мёртвой головой на фуражке.

Раздавать кашу было не во что, накладывал прямо в ладони.

— Браток, а попить есть? — спросил крепкий коренастый артиллерист.

— Есть вода в термосе.

Я хотел было налить, но подошёл наш пленённый командир, по виду не лейтенант, а из старшего комсостава:

— Ты, товарищ, не спеши воду разбазаривать. У нас здесь почти каждый второй ранен, давай сначала их напоим и накормим.

Артиллерист начал возмущаться, но я парировал:

— Командир дело говорит. Вода в первую очередь раненым.

— Какой он тут командир?! Это они, гады, полстраны сдали и нас до плена довели.

— Ты что, дурак или провокатор? Язык свои прикуси, — рявкнул на него командир.

Раненых напоили, накормили. На всех пленных каши по полной порции не хватило, но по две пригоршни съел каждый.

Утром нас погрузили в товарные вагоны, куда везли — неизвестно, но явно на запад. Иногда состав подолгу стоял, но всех держали в вагонах,

двери открывали только утром и вечером, чтобы опорожнить параша, кинуть несколько буханок чёрствого хлеба и поставить флягу воды. Не помню, сколько дней мы ехали, но всем показалось — слишком долго.

Высадили нас на большой станции. Командир сказал, что очень похоже на Польшу, где-то в пригороде крупного города, а какого — непонятно. Пленных выстроили в колонну, которая растянулась почти на километр, и погнали в окружении охраны с собаками. Шли около суток, без сна, но с привалами, кушать не давали, только воду, и ту не досыта. Изнурённые и полусонные, на следующий день прибыли в лагерь, где он расположен, никто не знал. После короткого отдыха здесь началась сортировка, одних агитировали в русскую освободительную армию, где командовал генерал Власов, других — в разведшколу, третьих — в лагерные каю, кого-то сразу расстреливали, это касалось коммунистов и евреев. Мною не интересовались дня три. Потом начали выявлять мастеров: кузнецов, механиков, столяров, поваров, каковых нас оказалось четыре человека. Нас отвели к столовой, ждали недолго, к нам вышел офицер в эсэсовской форме, холёный, спортивного телосложения тип с постоянно бегающими глазами на лошадиной морде. Переводчик представил:

— Гауптштурмфюрер СС Франц Штангль, комендант концентрационного лагеря Собибор. Сейчас он даст вам задание.

— Вы все повара, это так? — спросил Штангль.

— Так, — ответили мы.

— Сейчас каждый из вас скажет, какие продукты и какая посуда вам нужна, чтобы приготовить ваше любимое блюдо. Я буду пробовать, и тот, кто приготовит лучший продукт для моего вкуса, будет приятно удивлён.

Я заказал муку, молоко, яйца, растительное и сливочное масло, немного пищевой соды, сковороду выбрал сам, приготовил блины и подал их со сметаной и чаем. Не знаю, что готовили другие, но через час меня вызвали к Штанглю.

— Как называется эта еда?

— Блины.

— С чем ещё можно есть твои блины?

— С мясным фаршем, творогом, картофельным пюре, жареной капустой.

— Хочу попробовать с мясом.

Я приготовил фарш пожирнее с жареным луком, напёк свежих блинов, завернул в них начинку и подал.

— Остайся здесь, русский, — скомандовал Штангль.

Я замер и наблюдал, как этот здоровяк поглощает блин за блином, приговаривая: “Шмэк гуд”.

— Как зовут тебя, русский повар?

— Григорий Сафронов.

— Ты есть молодец, Грига. Будешь моим личным поваром, если умешь выпекать хороший хлеб.

— Умею, но для этого мне нужна русская печь.

— Это не проблема, если ты знаешь, как делать русскую печь.

— Знаю.

— Тогда ты мой повар. Отправьте его в Собибор сегодня же и прикажите, чтобы строил свою печь, — дал команду гауптштурмфюрер.

В этот же день меня везли куда-то на поезде, высадили на полустанке, передали другим охранникам и повезли на дрезине. Ехали недолго, впереди я увидел строения, окружённые рядами колючей проволоки в два человеческих роста, вокруг — вышки, на которых стояли охранники с пулемётами. Наряды охраны ходили и между рядами “колючки”.

Лагерь охраняли вахманы, сплошь украинцы-западенцы, которых переодели в эсэсовскую форму и специально обучили охране заключённых, пыткам и издевательствам. Позже стало понятно, что это тупые, ограниченные люди, думающие только о наживе и выдвигениях по службе, они не гнушались никакой, даже самой мерзкой работой ради денег и золота, воровали всё подряд. Сколько было вахманов в лагере, я не считал, может, тридцать,

а может, пятьдесят, они служили во внешней охране лагеря, общаться с ними было неприятно, эти люди хоть и говорили почти по-русски, но на русских похожи не были, ни по духу, ни по повадкам. Хотя с одним из них по фамилии Шкиряк мне пришлось общаться ежедневно, он был моим персональным надзирателем и контролёром, он же первый пробовал пищу, которую я готовил для Штангля.

По прибытии в лагерь Шкиряк и ещё два вахмана помогали мне класть русскую печь в специальной пристройке к столовой, все они были знакомы с конструкцией печи, потому работа шла быстро, всё было готово за два дня. К вечеру вахманы куда-то исчезли, вернулись ночью с заслонкой для устья печи, чугунами, ухватами и прочей поварской утварью, всё было не новое, точно забрали у кого-то. На следующий день я приготовил пробный обед, сварил щи, нажарил картошки с салом, компания вахманов уселась за стол, поставила бутылку самогона, и началась трапеза.

— А ты дывись мовчки, дывись, як жить надо, Гриша. Горилку пити тоби з намы не можно и вообще ничего не можно. Нам тоже не можно, но мы вумни, а ты тупый москаль, — сказал Шкиряк и заржал, как сивый мерин.

Так вот и началась моя жизнь в плену: вставать рано, печь хлеб, готовить блины, вареники с разной начинкой, сырники, пельмени, борщ, супы, каши. Аппетит у Штангля был отличный, жрал он за троих, а ещё разные комиссии, гости либо ночные попойки с пленными женщинами, потому из кухни я почти не выходил. Относительный отдых был, когда комендант лагеря ненадолго уезжал. В один из таких дней, сидя на пороге кухни и не спеша потягивая сигарету, увидел я, как въехал в лагерь эшелон, вагоны паровоз толкал сзади. На перрон по команде вышли люди — около четырёх сотен человек с чемоданами и узлами в руках, их разделили: мужчины — направо, женщины — налево. Прибывшие начали раздеваться, аккуратно складывая отдельно обувь, отдельно — одежду, оставаясь совсем голыми, держа в руках паспорта, деньги и драгоценности. После недолгого стояния женщин повели в барак с названием парикмахерская, а мужчин — в баню.

Я пошёл заниматься генеральной уборкой кухни, делать заготовки к приезду Штангля, сварил обед себе и Шкиряку, а вечером вышел на воздух и вспомнил о прибывших вновь заключённых, что-то их не видно и не слышно.

— А где эти люди, которых привезли утром? — спросил я у Шкиряка.

— Гриша, так разве ж то людины, то жиди, жиди пархатые. Их вже нема, воны уси зустрічаються со своим Богом.

— Как нема, их что, убили?

— Та ни. Им просто в камерах, что баней зовутся, дали подышать танковым выхлопным газом, так вони и вмерли.

Я не знал, что сказать, опустил руки, долго молчал, потом спросил:

— А зачем немцы их убивают?

— Ну, Гриша, ты зовсим тупый. Ты шо, теорию нацизма не читав, чи шо? Ты шо не чув, шо немцы это высша раса, людины другого сорта — це мы с тобой, а ще е нелюдины, це жиди и цыгане, от их и треба вбивати, треба землю от усякой поганой твари отмыти.

Прошло два дня после события, перевернувшего всю мою душу, как довольный обедом Штангль спросил меня:

— Грига, ты что так за евреев переживаешь? У вас в деревне евреи были?

— Никак нет, — ответил я

— Тогда ты счастливый человек, Грига. Евреи — это нелюди. Это они у вас революцию сделали, это они убили всех ваших умных людей, чтобы не мешали им обманом наживать деньги. Евреи с помощью денег пытаются управлять миром. Но мы немцы — высшая раса — не дадим им это сделать. Мы уничтожим, искореним еврейское семя. Мы и только мы — немцы — можем без жалости это сделать. А вы, славяне, слишком сентиментальны и тупы, вот вас и обманывают. Иди, Грига, работай и запомни: нелюдей жалеть не надо. А наш лагерь есть лагерь уничтожения евреев, мы главные санитары мира, и мы его очистим.

С тех пор душа моя онемела и опустела, я замолчал, нет, я не стал глухонемым, слух мой и память, наоборот, обострились, я старался понимать немецкий язык, а говорить перестал, особенно при тех, кто понимает русский, а значит, и докладывает, других, с кем можно было говорить, в лагере не было.

Лето стояло нежаркое, часто перепадали дожди, воздух наполнял аромат сосны и можжевельника, можно было подумать, что здесь дом отдыха, если бы два-три раза в неделю не прибывали эшелоны с “расходным материалом”, так называли немцы и вахманы людей, которых привозили на смерть. Бедняги и не подозревали, что их скоро убьют, им внушали, что они приехали работать, но для размещения в лагере необходимо пройти санитарную обработку, потому они покорно раздевались, аккуратно складывали свои вещи, беспокоились о том, чтобы после обработки их не перепутали, затем без слов люди, как овцы, шли по маршруту до тех пор, пока их не начинали вталкивать в газовые камеры, и именно тогда на весь лагерь и окружающий лес летели душераздирающие крики безвинных жертв. Эти крики проникали в душу, разрывали сердца людей, но они не трогали ни палачей, ни тех, что считали себя высшей расой, ни тех, у кого чистый славянский корень сгнил, а остатки питающих организм жил сосали только яд, только дерьмо фашизма. Вопли идущих на смерть людей кормили и стимулировали извращённый разум чинов СС, они придавали им силы и бодрость, звероподобные особи соревновались друг с другом в изощрённости методов умерщвления людей. Так кто же был нелюдью?

Я всё больше и больше ненавидел Штангля и думал, как его отравить. Но чем? Но как это сделать? Каждую порцию еды сначала ел Шкиряк или я, а когда комендант отбирал себе женщин из новой партии смертников для ночных забав, он кормил и поил сначала их. Этот гад ласково, как херувим, просил их открыть ротик и аккуратно, со стороны казалось, что с любовью, вкладывал туда лакомый кусочек и целовал жертву в щёчку. Отравление было невозможно, потому я искал другие методы, продумывал варианты, но ничего толкового придумать не мог. Тогда решился я на крайнюю меру — просто зарезать Штангля ножом, а там будь, что будет. С ножом проблем не было, нужен момент, ведь мы с палачом почти никогда не оставались один на один, рядом всегда крутился Шкиряк, переводчик или надзиратель. Но я ждал момента, упорно ждал.

Однако в один из дней августа рано утром меня разбудил Шкиряк:

— Давай прощайся, Гриша.

— Тебе что, новое место определили, переводят в другой лагерь?

— Тебе, Гриша, определили. Собирайся быстрее, не чешись.

Опять усадили меня на дрезину и повезли, ехали в основном по лесу и въехали в новый лагерь за оградой из нескольких рядов колючей проволоки. Охрана здесь оказалась внушительней, чем в Собиборе, вышки выше, стояли чаще, а территория — раза в три больше. Все лагерные здания построены, как по линейке, на них вывески: парикмахерская, баня, лазарет, столовая, пекарня, гараж, бензokolонка, по всему лагерю — бетонные дорожки, вдоль которых — молодые берёзки.

Меня с охраной высадили на платформе железнодорожной станции.

— Это что за место?

— Читать надо, русская свинья, — ответил конвоир.

Я уже давно прочитал, что станция называется Треблинка, значит, так называется и лагерь. Я понимал: раз меня привезли одного, это выходит — не убивать, значит, ещё поживу. Подошли к зданию комендатуры, какой-то вахман-хохол скомандовал:

— Пошли, москаль, со мной, будем печь строить. Это приказ самого Франца.

Всё для постройки печи было готово, к ночи сложили, на другой день обмазали, на третий побелили. Подручного моего, вахмана, звали Микола, работник хороший, и что мне очень понравилось, большую часть времени молчал, без дела, как Шкиряк, не трещал.

Провели пробную топку, всё в порядке, сварили супчик, похлебали.

— А ты и вправду хороший повар, Гришка. Иди, отдыхай. Завтра будешь готовить любимые блюда своего хозяина Штангля, он будет к обеду. Да по лагерю, смотри, сам не ходи, а то пристрелят, здесь строго. Тебе разрешено только в свой барак, на кухню, продовольственный склад, пекарню, в баню по команде, душ и туалет при кухне, — предупредил Микола.

На следующий день прибыл Штангль, которого торжественно встречали, построение, речи, затем обед, обедали со вторым комендантом Куртом Францем, странное совпадение: у одного имя — Франц, у другого — фамилия, но оба были “мастерами смерти”. Курт за столом ел умеренно, но любил во время трапезы пропустить рюмочку-другую шнапса, после еды — порцию коньяка, который всегда был при нём во фляжке.

Через сутки мне приказали готовить большой банкет человек на двадцать. В этот же день в лагерь прибыла первая партия евреев-смертников, около тысячи человек. Как и в Собиборе, процедура одна: раздевали, сортировали одежду, мужиков и детей сразу в газовые камеры, женщин в парикмахерскую, где стригли, волосы готовили для отправки в Германию, а их владелиц — на тот свет. В живых оставили около 50–60 крепких мужиков для захоронения трупов, да отобрали двадцать женщин помоложе и красивее. Женщинам выдали праздничные наряды, лагерные портные всё подогнали по размерам, парикмахеры уложили волосы в модные причёски, припудрили лица. Я видел этих красавиц на ночном банкете-оргии в честь первой партии уничтоженных людей в лагере смерти Треблинка-2. Коменданты лагеря, их подручные и два эсэсовца из Берлина напились, как последние свиньи, насильовали женщин, менялись ими, издевались, а к утру начали бросать их с вышки, соревнуясь, у кого какая лучше летит, а потом добивали их внизу. Сволочи! Нелюди!

С этого времени я совсем перестал спать и твёрдо решил, что лучше погибнуть, но унести с собой на тот свет несколько этих гадов. Я по-прежнему молчал и думал, присматривался к людям, старался прочитать в их глазах, на их лицах, есть ли те, кто хочет отомстить.

А между тем в Треблинку всё прибывали и прибывали эшелоны, и каждый раз около тысячи человек заканчивали жизнь в газовых камерах, однако бывало, и по два состава приходило, людей в вагоны набивали, как сельдей в бочку. Роторные экскаваторы не успевали копать рвы для захоронения трупов. Дни были адом. Сколько я насмотрелся и наслушался рассказов вахманов о том, как убивали людей вне газовых камер. Штумпфе по кличке Смеющаяся Смерть убивал людей и хохотал, каждая смерть вызывала в нём приступ смеха, он убивал и хохотал, хохотал и убивал. Фольксдойче из Одессы Свицерский был прозван Мастером Молотка — одним ударом проламывал череп жертвы, от удовольствия изо рта пускала слюну. Эсэсовец Прейфи устраивал засады у помойки, куда приходили оголодавшие люди поесть картофельных очисток, он заставлял их открывать рот, стрелял в него, приговаривая: “Это еда на всю оставшуюся жизнь, больше есть не захочется”. Шварц и Ледеки в сумерках стреляли заключённых, соревнуясь, кто больше убьёт, а потом среди луж крови, накачавшись пивом, пели сентиментальные немецкие песни. Это был не лагерь, а какой-то зверинец, где верховодили хищники неизвестной породы с извращённой психикой.

Вечно холёный комендант Курт Франц натренировал свою овчарку так, что она, выпущенная в толпу голых мужчин, вырывала одному из них половые органы и на глазах у всех жрала их.

Нет, не было предела изощрённым пыткам и издевательствам, не было сил смотреть на это, слышать об этом. Но всё это было! Было и совершалось уродами, которые называли себя сверхчеловеками.

Я старался работать как можно больше, чтобы уставать, думал, буду спать ночью, но ночь превращалась в кошмар, в неглубоком сне мелькали кровавые люди, кричащие дети, плачущие женщины и смерть, смерть, всюду смерть. Я устал. Я отчаялся. Но есть Бог, есть! Я молил, просил у Бога смерти, но он принял другое решение.

Ближе к концу зимы стало известно, что в Треблинку едет Гиммлер. Но раньше руководителя СС прибыла охрана, врачи, повара, парикмахер. Всю нашу службу, в том числе и меня, отстранили от дел и приказали сидеть в своих бараках. Сидел я в своей камере и играл на гармони, которую ещё осенью выпросил у Штангля, увидев в куче вещей, сложенных смертниками на перроне, хорошая была гармошка, настоящая шуйская. Играл я на ней и тихонько пел “Степь да степь кругом...” В камеру потихонечку вошёл капо нашего барака чех Иржи, присел рядом, послушал:

— Хорошая песня, грустная, как и все русские песни.

Я кивнул.

— А что, Гриша, есть в России весёлые песни?

— А тебе веселиться хочется?

— Хотелось бы повеселиться, но не сегодня. До веселья ли голодным людям?

— По тебе не скажешь, что ты умираешь с голоду.

— Не обо мне речь, Григорий.

Я молчал, наигрывая мелодию песни “Славное море, священный Байкал”.

— А эту песню я знаю, — похвалился Иржи.

— Откуда?

— Бывал там в 1919 году в составе чехословацкого батальона.

— Так ты белогвардеец?

— Эх, Гриша, Гриша... — Иржи встал и пошёл к выходу.

— Стой. Зачем приходил? Так вот, знай, что бы ты на меня ни донёс, ни Штангль, ни Франц не поверят.

— Потому и приходил, что человек ты надёжный. Я за тобой давно наблюдаю. Думаю, ты свой парень и фашистов ненавидишь.

— Не бери на понт. Я не фраер дешёвый, — почему-то по-блатному ответил я.

— Я это знаю. Знаю, как ты по ночам во сне кричишь, как ты проклинаешь наших сегодняшних хозяев.

— Много будешь знать, скоро состаришься.

— А ничего не будешь знать, скоро умрёшь, как собака.

— Тогда говори, что мне нужно знать.

— Пока ничего не скажу. Но есть люди, верные люди, которых надо бы сейчас подкормить. Справишься, будем говорить дальше.

— Сколько человек подкормить?

— С пятью справишься?

— Справлюсь и с десятью. Хлеб — он, как известно, припёк даёт.

Дальше мы обговорили время и место, где Иржи будет забирать хлеб и остаток еды с барского стола. Дело пошло, настроение у меня стало лучше. Я догадался, что меня ввели в тайную организацию, готовящую восстание в лагере. Кто её руководители, я не знал.

Вскоре после отъезда Гиммлера работы у меня прибавилось, провианта для заключённых понадобилось больше, потому как увеличили зондеркоманду, шеф СС приказал эксгумировать все трупы и сжечь. Мне стало ясно, что бойцов в тайной организации прибавилось, я старался, как мог. Старания мои постепенно привели к доверию.

Весной, когда начало припекать солнце, когда появилась первая листва и открытые могилы тысяч и тысяч умерщвлённых людей стали чадить трупным запахом, Иржи рассказал мне о сути организации, сообщил, что в ней уже достаточно людей для подготовки и проведения восстания. Вся организация разбита на пятёрки, члены которой знают только своего командира, а тот, в свою очередь, знаком с начальником направления. Иржи с недавних пор возглавил направление материального обеспечения организации восстания, до него этим направлением руководил варшавский врач, который отравился, чтобы не проболтаться на пытках. Курт Франц обнаружил у него в кармане пачку денег. Деньги подпольщики собирали для обеспечения бежавших восставших, дав им возможность приобрести одежду, еду на первое время, а может быть, и заплатить за транспорт, чтобы уехать подальше от этого страшного места. Франц задал себе и доктору вопрос: “Зачем заключённому-смертнику деньги?”

Врач молчал, его хотели пытать, но не успели. Организаторам восстания пришлось на время притихнуть, усилить конспирацию.

— У тебя, Григорий, есть своё задание, ты отлично с ним справляешься, у людей появились силы, они способны драться, для этого уже накоплено оружие, немного взрывчатки и кое-какие инструменты для побега. Ближе к дате восстания ты будешь оповещён, что должен будешь делать и на каком участке.

Я ждал, я верил, ночью в полудрёме думал о своей деревне, жене, сыне, представлял, как паху наши поля, как убираю хлеб, как люди улыбаются друг другу. Особенно настроение улучшилось, когда в конце весны узнали, что Красная армия ещё зимой разбила фашистов под Сталинградом и гонит, гонит их на запад. Я уже не мечтал отравить комендантов, я жаждал убить их во время восстания, убить и бежать, однако я был далёк от всех замыслов организаторов, судьба готовила мне другую роль.

В один из самых жарких дней июля Иржи предупредил меня, чтобы я под любым предлогом ночью был на кухне, мне принесут на хранение сапёрные кусачки для “колючки”. О восстании я буду предупреждён за несколько часов, а пока необходимо надёжно спрятать инструмент. Как только всё начнётся, к тебе прибегут семь человек, ты восьмой, ваша задача проделать в проволочном заборе проход между двумя вышками ближе к лесу.

— Вот между этими. — Иржи показал вышки через окно.

— А как же пулемёты на вышках?

— Это не твоя забота, брат, когда вы подойдёте, на вышках уже не будет ни пулемётов, ни охраны. Как только сделаете проход, бегом в лес и врассыпную, дальше ориентируйтесь сами. Через сутки место встречи в лесу в двух километрах северо-восточнее деревни Вулька. Всё понял, друг мой?

Мы обнялись и расцеловались.

— Удачи нам, Иржи! Бог даст, встретимся.

Вечером первого августа вроде бы случайный заклочённый, проходивший мимо крыльца кухни, где я перекуривал, не поворачивая в мою сторону головы, сказал:

— Завтра утром на рассвете ты должен быть здесь.

Я всё понял, но меня мучила одна мысль — как быть с комендантами, как с ними посчитаться. Убить их вечером — значит, провалить восстание, а ночью я к ним не подобрюсь, значит, не судьба мне уничтожить эту мразь, а жаль. Я был опять в плену у обстоятельств.

Ночью я не спал, время тянулось. Решил пойти на кухню ещё до рассвета, но не прошёл и половины короткого пути, как меня остановил внутренний патруль.

— Стоять! Руки вверх!

Я выполнил команду.

— Ты куда идёшь, свинья?

— Я не свинья, я личный повар господ комендантов. Мне необходимо приготовить завтрак для гауптштурмфюрера Штангля, он сегодня рано утром уезжает, — нашёл я немецкие слова.

— Опusti его, Кнюфке, это Грига-кох, — приказал старший наряда.

— Давай быстрее, бегом и не болтайся по улице, — прикрикнул Кнюфке, толкая меня прикладом в спину.

Светало, который час, я не знал, часов у меня не имелось, зато окна были открыты, на улице уже всё видно, рассветная тишина, и вдруг сухо рывкнул револьверный выстрел, следом — несколько ружейных, заговорили пулемёты и взрыв, мощный взрыв, это было взорвана бензоколонка, пожар охватил строения вокруг. Я достал из укрытия сапёрные кусачки, и тут же поспели мои сотоварищи, знакомиться некогда, на подходе к проволочному заграждению наша восьмёрка уже стала семёркой, а когда проход был готов, нас осталось четверо. Я отчаянно бежал в лес, не выпуская из рук весистый инструмент. Сзади бушевал пожар, непрекращающаяся стрельба, крики, лай собак, а я бежал и бежал. Вот она, речка, небольшая, прохладная, напился воды и пошёл вверх по течению. Сколько шёл, не помню, но дошёл

до поляны, где лес расступался, речка расширялась и образовывала плавни, зашёл в камыши, отыскал укромное местечко и решил отдохнуть. Отломил краюху хлеба, жевал, запивал водой и слушал. Стрельба вроде бы прекратилась, но лай собак слышался повсюду, и всё ближе и ближе ко мне. Я сел на дно, вода доставала до шеи, камыш густой, но кое-какие участки берега мне были видны. Собачий лай стал слышен совсем близко, а потом стал удаляться, затем послышался с другой стороны, ясно, что не одна группа эсэсовцев и вахманов бросилась на поиски беглецов. В небо по-прежнему поднимались клубы чёрного дыма, а вокруг слышны были какие-то шорохи, треск сухих веток, скорее всего, это звери убегали подальше от пожара.

Я ждал в воде, к вечеру начал мёрзнуть, но на берег выбраться боялся, однако и сидеть в воде дольше было нельзя. Вышел, отжал одежду, залез на большую берёзу, устроился между ветвей, подремал, как мог, а на рассвете — снова в воду. Три дня поисковые группы ходили по лесу вокруг лагеря, дважды приближались к плавням, но собаки мой след не взяли. Ни о каком походе к деревне Вулька, где была назначена встреча, даже думать было нельзя. На четвёртый день всё успокоилось, окрестности притихли, но запах пожара ещё висел в воздухе. Я не знал, куда идти, но решил, что на восток безопаснее, посушил выданные мне перед восстанием рейхсмарки и пошёл, осторожно ступая. К вечеру вышел к какому-то хутору, но входить в него не стал, устроился на дереве, стал наблюдать. В хуторе чуть больше десятка домов, мужики возвращались с полей, женщины встречали скот с пастбищ, работали во дворе. Стемнело, в окнах зажглись огни, ничего подозрительного я не увидел, но решил переночевать в лесу, и не напрасно. Рано утром в хуторе появились эсэсовцы, много эсэсовцев и вахманы, они вошли сразу во все дома, выгнали крестьян из жилья и начали обыскивать постройки, протыкать штыками сено. Искали до обеда, но никого не нашли, и, оставив охранять хутор восемь вахманов, удалились восвояси.

Да, здесь пока делать нечего, и я отправился бродить по лесу в поисках какого-нибудь жилья. Думаю, что ходил я по кругу, потому что снова вышел к своим плавням. Плохо я ориентируюсь в лесу. Примерно через неделю, гонимый голодом, — лесной ягодой не насытишься, — вышел к тому же хутору, вахманы исправно несли службу. Что делать? Делать нечего, надо ждать.

Прошла ещё неделя, а может быть, больше, счёт дням я уже потерял, голод и неопределённость звали меня к людям, но хутора охранялись. Не помню, сколько прошло ещё дней, ночью в полусознательном состоянии я пробрался во двор третьей от края избы, залез на сеновал и зарылся в сено. Сколько я спал, не знаю, но разбудил меня запах молока, в желудке засосало, и я потерял сознание. Очнувшись, увидел молодое красивое женское лицо.

— Молока, — прошептали мои губы, — молока.

Она молча спустилась, принесла кружку парного, и я жадно попил.

— Ещё, ещё, прошу ещё.

— Ты много дней не ел?

— Много, но не знаю, сколько.

— Больше уже не нужно, живот заболит. Лежи тихо. Я приду к обеду и принесу еду. Только прошу пана, тихо! Ни на чей голос, кроме моего, не отзывайся. Спи, тебе надо спать.

Я опять уснул и, похоже, надолго. Девушка пришла после вечерней дойки.

— В обед я приходила, но ты крепко спал. На, поешь.

Вкуснее в мире я ничего не ел! Это была ячневая каша с молоком и хлебом, но мало, хотелось ещё и ещё, но моя добрая фея сказала:

— Хватит. Терпи, завтра будет больше. Теперь ты с голоду не умрёшь...

Ты бежал из Треблинки?

Я кивнул.

— Но ты не похож на еврея.

— Я русский.

— О, matka боска! Этого нам ещё не хватало.

— Что испугало тебя, красавица?

— За выдачу всех беглых из Треблинки немцы объявили большие награды, но больше всех — за русских.

— Как зовут тебя, девушка?

— Я — Агнешка. А ты?

— Меня зовут Григорий.

— Гри-го-ри. Это сложно. Лучше по-нашему — Гжегош. Так тебе подойдёт?

— Да называй меня хоть горшком, только в печь не сажай, — ответил я русской поговоркой.

— А зачем тебя в печь? Ты же сгоришь там. Раз ты выжил в огне Трешлинки, значит, тебе долго жить. Я тебя не выдам.

— Спасибо. — Я вынул из укромного места немецкие марки и протянул Агнешке.

— Ты меня покупаешь?

— Нет. Эти деньги мне ни к чему. Куда я могу пойти с ними без документов, что куплю? А ты найдёшь, на что потратить.

— Спасибо, Гжегош, только пусть они пока побудут у тебя. Вдруг отец увидит их, начнёт спрашивать: где взяла? Я ему пока про тебя не скажу, а больше рассказывать некому, мы живём вдвоём. Мама моя ещё до войны умерла. Конечно же, отец узнает, что ты прячешься у нас, но лучше это будет позже, когда вас закончат искать, прекратят все облавы. А сейчас спи, тебе надо набираться сил.

Вот так началась моя новая подпольная жизнь, почти год я общался только с двумя людьми, но это было приятное общение. То были люди добрые, сердечные, и, конечно, главной в моём новом плену была Агнешка. Хозяин дома, пан Станислав Гаевский, утром уезжал в поле с работником, который жил тут же, на хуторе. В сентябре в поле работ хоть отбавляй: убирают картофель, кукурузу, подсолнечник, поздние сорта капусты и ещё много чего, что зимой кормит и людей, и скот. Работал Гаевский, как и все крестьяне, с рассвета до заката, так же работала и его дочь, только дома. Девушка ухаживала за скотиной, доила, варила сыры, готовила пищу, ткала, пряла, вязала, шила, дом в чистоте содержала. А теперь у неё появился помощник Гжегош, человек-невидимка. Я же быстро набрался сил и с середины сентября чистил скотный двор, кормил скотину, часто готовил еду, и ничего не ведающий пан Гаевский нахваливал дочь за вкусные завтраки, обеды и ужины, но мне этой работы было мало. Увидел я как-то гончарный круг, попросил Агнешку принести глины и давай кувшины да крынки делать.

Время пошло быстрее, вести с Восточного фронта приходили хорошие — наши теснили немцев на всех направлениях, постепенно освобождали Украину и Белоруссию, а это значит, что не за горами день, когда вступят на территорию Польши, вот тогда и повоюем.

Осень постепенно переходила в зиму, на сеновале стало холодно, и мы с Агнешкой решили открыться её отцу. Не по годам умная оказалась Агния Станиславовна, мудрая. Как-то вечером взяла пару моих гончарных изделий, которые мы тщательно прятали на скотном дворе, и пошла показывать отцу.

— Как изделия, папа?

Станислав покрутил их в руках и заключил:

— Добрые, очень добрые вещи. Где купила и за какие деньги?

— Не купила, наш домашний мастер сделал.

— Домовой, что ли? — улыбнулся отец.

— Ну, и так, и не так. Хочешь, познакомлю?

— С нечистой силой не знакомлюсь, — перекрестился пан Гаевский.

— Да нет, отец, он обыкновенный человек, русский, убежал из Трешлинки и уже больше двух месяцев живёт у нас.

— Как у нас?

Я стоял за дверью, слышал весь разговор и понял, что мне пора войти, не дожидаясь приглашения.

— Здравствуйте, пан Станислав, меня зовут Григорий Сафронов. Я действительно беглый заключённый из Трешлинки. Хочу сказать вам огромное спасибо за приют, который предоставила мне ваша семья.

Станислав пару минут не мог оправиться от шокового состояния, потом рассмотрел меня и строго сказал:

— Приют тебе никто не предоставлял, ты сам, как вор, пробрался в мой дом, жил, ел, пил, скрываясь, как преступник.

Я молчал, возражать было нечего. Но Агнешка! Моя золотая Агнешка!

— Папа, виновата я. Он давно хотел предстать перед твоими очами, но я запрещала, зная твой норов. Боялась, что переживания скажутся на твоём больном сердце. Сейчас фашисты уже не ищут беглых узников, а Гжегош человек тихий и мастеровой.

Пауза была длинной, она, как острая коса, висела в воздухе, и только один пан Гаевский знал, куда она упадёт.

— Ладно, садитесь за стол, ужинать пора. Дочь, принеси нам чего-нибудь покрепче, нужно выпить с незванным гостем, который у них хуже татарина, а у нас, не приведи Господь, немцев накличет.

Выпили по одной, по другой, Станислав стал мягче:

— Давай-ка, расскажи о себе, Гжегош.

Я подробно всё рассказал о своей жизни, о плене, о восстании, о побеге.

— Да, брат, жизнь у тебя не сахар. Куда же тебя теперь девать?.. Выгонишь, ты, как есть, пропадёшь без денег и документов.

— Деньги есть. — Я выложил на стол рейхсмарки.

Пан Гаевский пересчитал.

— Не густо, но и это деньги, хоть что-то справить можно.

— Мне ничего не надо. Мне бы перезимовать где-то, а там наши близко будут, пойду им навстречу.

— Перезимовать — это правильно, идти сейчас никуда нельзя. Ваши только Киев вернули, до нас ещё километров семьсот с гаком. Конечно, русские бьют немцев, но не так быстро. Живи пока. Только где тебя спрятать? В бане нельзя, мы её топим не чаще двух раз в неделю, каждый день топить невозможно, соседи — народ очень любопытный.

— А если я сам дом осмотрую, может, что и придумаю.

— Ладно, закусывай пока, утро вечера мудренее.

Спал я в ту ночь на сеновале, а утром определили мне место за печкой, там же решили соорудить фальшстенку, прикрыв её шкафом, где в случае облавы я бы мог спрятаться. Однако, слава Богу, ни одной облавы, ни одного обыска.

Жили мы дружно, я работал в доме и на скотном дворе, гончарничал, ткал полотна. Мы часто оставались с Агнешкой дома одни, я чувствовал, что смотрит она на меня влюблёнными глазами, да и во мне играла молодецкая сила, но я сдерживался, старался не подавать виду, терпел. А весна торопилась, на улице уже забарабанила капель, солнце поднималось всё выше и выше, разогревало землю, на проталинах зазеленела трава, появились подснежники, и в наших душах зацвели сады. Сдержать свои порывы ни она, ни я не смогли, страсть победила нас, и мы совершили то, что не положено делать без свадьбы, и не жалели об этом. Я думал, Агнешка будет плакать, а она прижалась ко мне и зашептала слова любви, мы были на седьмом небе. С тех пор при первой же возможности мы предавались любовным утехам. С каждым днём я всё больше и больше понимал, что впервые в жизни по-настоящему полюбил женщину и навсегда. Я старался не думать о доме, не вспоминать о жене, и только сын не давал мне покоя, приходил ко мне во сне почти каждую ночь, смеялся и обнимал меня. Какой он сейчас? Вырос, наверное. Но начиналось утро, я видел любимую, её личико, её руки, её фигуру, которую не портил даже тяжёлый деревенский труд, в моей душе играла музыка. Подпольная жизнь начала казаться мне раем, торжеством жизни, вечным счастьем.

После посевной, когда на полях появились дружные всходы, я начал замечать, что Агнию тошнит. Девочка моя пыталась скрывать это от моих глаз, но ни от моих, ни от отцовских очей беременность со временем скрывать стало невозможно.

Станислав говорил со мной резко.

— Ты знаешь, что за это бывает?

— Знаю и готов нести ответственность.

— Какую, к чёрту, ответственность?! Жениться тебе на ней надо!

— Я готов! — И это было сказано мною твёрдо. — Но как? Я ведь сейчас никто, не русский, не поляк, так, человек без имени.

— Ничего, подойдут ваши поближе, у немцев начнётся суматоха, вот тогда за деньги, за драгоценности можно справить тебе любой паспорт. А пока учи польский язык, Казанова.

Польский я почти выучил и так. Правда, акцент у меня был выраженно русским, и читать я по-польски не мог. Принялся за учёбу, очень старался, любовь моя помогала преодолевать все преграды, музыкальный слух — исправлять акцент. Учил, любил, а сам думал: “Кроме паспорта, ещё нужно иметь какую-то легенду тридцатилетней жизни: где родился, где крестился, где учился, кем работал до войны, знать историю и географию Польши. Можно ли превратиться в поляка за два-три месяца? Наши уже на подходе и летом будут здесь. Если провал, если раскроется неправда... Тогда конец всему, тогда расстрел. Нет, лучше всего быть самим собой, добраться до своих, рассказать всю правду, а там будь, что будет”.

Я начал делиться сомнениями с Агнешкой, она их разделяла, особенно после того, как узнала, что в СССР считают всех попавших в плен предателями Родины. Она всё понимала, но хотела одного: чтобы я был с ней, я тоже этого искренне хотел. Станислав также принял мои сомнения, думал, гадал, однако ничего толкового предложить не мог. А время шло, лето в разгаре, началась уборка хлеба. Гаевские оба в поле, я хозяйствовал дома, втайне от посторонних глаз. В тишине уже отчётливо слышалась канонада советских орудий, а по ночам на востоке виднелось зарево жестоких боёв. Я решил идти навстречу нашим, перейти линию фронта, рассказать всё как есть, попросить вновь доверить мне оружие и воевать с фашистами до победы или до смерти.

Сегодня вечером прощаюсь, завтра, 1 августа 1944 года пойду к своим. Закончу войну, вернусь сюда к Агнешке, к новому ребёнку и буду жить в любви. Господи, пусть простит меня моя жена Вера, пусть простит сын Евгений, но свой выбор я сделал.

Эти свои записи оставляю любимой и дорогой мне Агнии Гаевской и моему будущему ребёнку. Григорий Сафронов”.

Виктор отложил в сторону тетрадь, в воздухе висела тишина, первой прервала молчание Агния Станиславовна:

— Есть ещё одно письмо от Григория, которое я получила уже после войны.

Она извлекла из ящичка солдатское письмо-треугольник, аккуратно развернула его и передала Виктору.

“Милая, дорогая, любимая моя Агнешка, здравствуй! Как ты поняла, я остался жив. Я перешёл линию фронта и был арестован своими, родными, советскими солдатами. На допросах не поверили ни одному моему слову, пытались били до потери сознания, хотели выяснить, в какой разведшколе я учился, какое задание получил от фашистов. Допросы длились много дней, на одном из них следователь сказал, что в их руки попали списки пленных, работавших в обслуге Треблинки-2, там есть и моя фамилия, но о том, что я сбежал во время восстания, сведений нет. Теперь всё доказано, ты работал на немцев, кормил врагов, помогая им убивать людей. Потом состоялся суд, и опять Бог дал мне шанс, в составе “тройки” трибунала оказался один из моих сослуживцев по срочной службе до войны. Он не подал вида, что мы с ним знакомы, и настоял на замене расстрела на службу в штрафном батальоне, дабы смыть кровью свои грехи перед Родиной. Я шёл, я специально лез на пули, ходил в атаку в полный рост, дрался в рукопашной, но ни пули, ни штыки меня не брали. За это время состав батальона поменялся раз пять или шесть, а я жил, не имея ни одной царапины. Это тоже плохо, ибо по законам военного времени только пролитая кровь освобождает от наказания.

Сейчас меня и ряд моих товарищей везут под конвоем в СССР, а потому сразу приехать к тебе не могу. Постараюсь передать это письмо, когда будем ехать по территории Польши. Целую тебя, моя родная, ты целуй нашего ребёнка. Я даже не знаю, кто у нас, сын или дочь. Привет отцу твоему

Станиславу. И поверь мне, Агнешка, я буду делать всё, чтобы приехать к вам, приехать навсегда. Жди меня, моя родная. Твой Григорий. 1 июня 1945 г.”

Виктор закончил читать, повертел туда-сюда хорошо сохранившееся письмо отца и спросил:

— Агния Станиславовна, а как попал к вам этот солдатский треугольник, на нём ведь нет ни адреса, ни фамилии адресата?

— Письмо это, дети мои, принесла мне одна женщина через месяц после даты его написания. Она торговала на железнодорожном разъезде варёным картофелем. Эшелон, в котором ехал ваш отец, стоял там часа два. Григорий купил у неё весь товар и дал в придачу швейцарские часы, и очень, очень просил доставить письмо, не пользуясь почтой. Вот так-то, дети мои. Давайте поминать отца?

Выпили молча, стоя, не чокаясь, закусывали тоже молча и думали о нём, о Григории Сафронове. Тишину нарушил Виктор:

— Отец вернулся домой в начале сентября сорок пятого года. Мама тогда перепыхивала поля после уборки, Женька при ней. Деревенские мальчишки бежали по полю и что-то кричали. Мама заглушила трактор и услышала: “Григорий Сафронов с войны вернулся”. Она не сразу поверила, похоронка на папу пришла ещё в сорок втором, уже все слёзы были выплаканы. Но мальчишки в один голос кричали: “Гринька вернулся”. Мама схватила Женьку и бегом домой. Отец сидел на крыльчке и курил. Определили папу на жительство в своей деревне под надзором участкового милиционера с условием ежемесячного посещения районного отдела госбезопасности. Так и ходил отец каждый месяц двадцать пятого числа и всегда возвращался оттуда раздражённым. Когда я подросток и начал соображать, понял, что у папы и мамы прохладные отношения, казалось, они жили каждый сам по себе. Отец редко смеялся, часто грустил, на гармошке играл и пел только печальные песни, разговаривал больше с животными, чем с людьми. Коров доил только сам, говоря им при этом ласковые слова. Колхозные кони любили его и понимали с полуслова, хотя он не был конюхом, а только кузнецом. Однажды рядом с конюшней начался пожар, ветер по траве понёс огонь на загон, лошади взбесились, ржали, пытались сломать высокий забор. Никто не решался подойти близко, все боялись идти через пламя. Только отец каким-то чудом перемахнул через жерди и направился прямо к жеребцу-вожаку, тот встал, как вкопанный, папа почесал ему холку и повёл к выходу, открыл ворота, ловко вскочил на жеребца, кони стремглав выскочили за вожакom и на рысях ушли в поле. Все видели, как Григорий развернул небольшой колхозный табун и шагом повёл его к деревне. А улыбался наш отец, только когда радовался успехам детей, он даже сплясал, когда обмывали орден Красной Звезды, полученный Евгением за испытания ракетной техники. Сплясал, хватил ещё рюмочку и добавил: “Знай наших! Крепко сафроновский корень!” Я, как и просил отец, старался учиться, школу закончил в райцентре, с золотой медалью, стал студентом. Перед учёбой приехал домой помочь родителям по хозяйству и вещи собрать, подготовиться для жизни в большом городе. Помню, однажды после ужина отец присел читать газету, читал, читал, потом вдруг бросил газету на пол, вскочил и заходил по комнате, лицо покраснело, в глазах злоба и горечь: “Этот гад, этот урод, мерзавец уничтожил сотни тысяч людей, беззащитных женщин и детей, а ему пожизненное заключение! Сволочи!” Я взял газету и прочёл небольшую заметку, в которой сообщалось, что бывший комендант Треблинки Курт Франц приговорён судом к пожизненному заключению. Тут отец вдруг побледнел и ослаб. Я подхватил его, он был уже без сознания. Наш деревенский фельдшер ничего не смог сделать, сказал, что это похоже на инсульт и везти его никуда нельзя. На следующий день приехали врачи из районной больницы, назначили лечение. Отец пришёл в сознание через три дня, но правая половина тела оставалась безжизненной. Две недели я не отходил от самого дорогого мне человека, поднимал, протирал кожу тела, умывал, делал уколы, поил лекарством, кормил. Первого сентября начались занятия, я уехал в Средневожжск. Маму освободили от работы для ухода, а по вечерам

и ночью ей помогали Евгений и жена его Маша, они жили в деревне, работали в колхозе, Женя — трактористом, Мария — зоотехником. Я же при каждом удобном случае спешил в Лысогорку. Папа всегда радовался моему приезду. Учился я на “отлично”, стал секретарём комсомольского бюро факультета, играл на гитаре и пел в нашем институтском вокально-инструментальном ансамбле. Вскоре случился второй инсульт, и отца у нас не стало, и последние его слова на этой земле были адресованы вам, Агния Станиславовна.

Виктор замолчал, молчали все, всхлипывала лишь Агнешка:

— Да простила я вашего отца, давно простила. Я чувствовала, я знала, что рвётся он ко мне, и души наши во сне встречались часто. Я понимала, что его что-то не пускает.

Они ещё долго беседовали, Агния вспоминала эпизоды жизни Григория на хуторе, её самые счастливые дни.

— Ваш отец, дорогие мои дети, сделал меня счастливой, даже ежедневное ожидание его приезда было для меня счастьем. Это моя жизнь. Сегодня я узнала, что моего Григория уже нет в живых, но у меня появился ты, Виктор, и твой брат Евгений, которого я тоже буду ждать в гости, если ваша мама не будет против.

— Не будет, её уже больше двух лет нет на этой земле. А можно мне здесь переночевать на сеновале, там, где спал отец, а завтра утром — прямо в Варшаву, в аэропорт?

— Конечно, можно, и мама будет рада.

За ужином они крепко выпили и отправились на сеновал. Люба занялась хозяйством, а уставшая Агния пошла спать, во сне пришёл к ней молодой улыбающийся Григорий.

— Ну, как я познакомил своих сыновей?

— Прекрасно, а главное вовремя. Спасибо тебе, любимый.

— Они молодцы, наши сыновья! Ты побудь ещё с ними немного — и ко мне. Я жду тебя, очень жду...

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

Я ВСЮ ЖИЗНЬ ИДУ ДОМОЙ...

БЕЗ МЕНЯ

Плаксивый вокзал с мордатыми часами.
В нём ожидание — сродни тоске.
Снова я уезжаю, оставляя родину свою.
Завершилась тёплых зорь продажа.
Бесплатно раздаются предзимние туманы.
Без меня зима зайцем-беляком промчится
по озябшим притихшим просторам,
утверждая до весны морозную власть.
Без меня в родной деревне чужие люди
в нахрапистые метели будут сидеть у окна,
как когда-то сидел и я, слушая её музыку,
звучащую таинственно в печной трубе.
Без меня старики будут просить Бога
проявить к ним вынужденное сочувствие
и разрешить им дожить до теплыни,
чтобы могилы не рыть в мёрзлой земле.
Без меня люди будут радоваться
обильному снегу — подспорью урожая —
и с нетерпением ждать появления на свет
игривых ягнят и неуклюжих телят.

АНДРЕЕВ Владимир Петрович родился 2 декабря 1947 года в деревне Мордовские Каратаи Татарской АССР. Окончил Казанский государственный университет и Северо-Кавказский государственный технический университет. Служил в рядах Советской Армии. Работал агрономом, инструктором орготдела Камско-Устьинского РК КПСС, избирался главой города Радужного. Автор многих книг. Член Союза писателей России. Живёт в Нижневартовске.

Без меня там на кладбище похоронены
ушедшие рано мои лучшие друзья;
залесился некогда оголённый Лобач*;
пустая Волга шибко оскудела на рыбу;
отчий край стал напоминать улус орды,
и дым Отчизны принял запах кизяка...

ДОРОГА ДОМОЙ

В те годы я походил на герань у холодного окна,
ждушую жаворонковую проталину весны:
моя жизнь была куском железа между
молотом и наковальней из-за взрослых драм,
грубо вторгавшихся в заповедное ребячество
и очерствяющих скверным ранним опытом
подаренное судьбою жалостливое сердце,
и не потому ли детство держало меня за руку,
боясь потерять в толпе высокомерных дней.
В тот незабываемый день ради больной мамы
я, вытащив отца из объятий осуждаемой любви,
упорно вёл его домой из дальней деревни,
прилежно слушая искреннюю исповедь,
как мне казалось, неисправимого грешника.
Отец, с утра гостеприимно опохмелённый,
с запасной чекушкой в кармане пиджака,
захватывающе играя и голосом, и слезами,
умело, как оратор, жестикулируя руками,
всё рассказывал и рассказывал о себе.
Многое ли я, десятилетний малец, мог понять
в той театральной исповеди, если как ребёнок
являлся защитником матери? А может, отец
нарочно поставил тот спектакль, чтобы я
испытал благоговение к туманным словам
близкого человека, кому был обязан жизнью?
Несмотря на левые походы и скандалы,
отец тихо скончался на руках матери,
и она часто жаловалась с тоскою в голосе:
“Сам ушёл, а меня тут оставил одну...”
Не это ли было подтверждением их любви?
Я всю жизнь иду домой и никак не дойду,
да и как дойти, если он давно дымит на небесах?..

БАЛЛАДА О ДОВЕСКЕ

В те победные, холодные, голодные,
но с твёрдой верой в лучшее завтра,
годы послевоенные для нас, пацанов,
не было в мире лакомства желанней,
чем тёплый довесок чёрного хлеба —
нечаянного подарка сталинской торговли.
До чего же долго, словно урок чистописания,
к окошку хлебного ларька тянулась очередь,
напоминающая жадную руку нужды!
Мы, дети, особо не вникали ни в ссоры,
ни в хамские обманы с местом в очереди,
ни на окрики Трубки — обязательного

---

* Лобач — утёс на месте слияния Камы с Волгой.

персонажа по наведению порядка.
Заранее предвкушая сытно пахучее тело
довеска, радостно греющего ладонь,
и тяжесть буханки в старой авоське,
бывало, и не одной, если, конечно, повезёт,
стыдились громкого урчания в животе
и торопили время, как заблудшую овцу,
чтобы остаться с довеском наедине.
Прожив худо-бедно не один десяток лет,
поколесив немало по белому свету,
вкусив не однажды яства высшей пробы,
могу сказать: такой вкуснятины,
как те довески, я больше не ел никогда.

ПАМЯТЬ

Татьяна Михайловна Глушкова в конце 1980-х – начале 1990-х годов была постоянным автором “Нашего современника”. Она публиковала на страницах нашего журнала, кроме своих стихотворений, такие фундаментальные, резкие, боевые публицистические статьи, как “О “русскости”, о счастье, о свободе”, “Хищная власть меньшинства”, “Боюсь, как бы история не оправдала меня...” (о Константине Леонтьеве). Её слово было тогда крайне необходимым в той борьбе, которую вёл журнал с повсеместно насаждавшейся русофобией, с теми зачатками социального расизма, который через несколько лет расцвёл махровым цветом в средствах массовой информации. И в это же самое время всё более и более ощущалось её противостояние линии “Нашего современника” на соби́рание воедино всей отечественной истории, раздираемой тогда на куски.

Со многими нашими авторами мы не соглашались тогда по принципиальным моментам, публикуя при этом их сочинения, рассчитывая на серьёзный диалог, на животворную дискуссию, многое могущую прояснить и в истории, и в современности. Критики, публицисты отчаянно спорили на наши страницы друг с другом, при этом признавая необходимость высказывания противоположной точки зрения по многим моментам. Время было острейшее, чреватое катастрофой, которую мы всеми силами стремились отодвинуть от нашего порога. Наверное, не было тогда более свободного в этом отношении журнала, чем “Наш современник”. Другое дело, когда иные авторы переходили грань в своих претензиях к друг другу и к журналу. Тогда с ними приходилось расставаться с нелёгким сердцем. Так, увы, произошло и с Татьяной Глушковой.

Свои статьи она писала “силой яростного ума”, как признавалась в одном из писем. Ярость, когда сдерживаемая, а когда всё более вырывающаяся наружу, – отличительная черта её публицистики тех лет. Точнее было бы сказать о страсти, временами переходящей в ярость. Беспристрастным хладнокровным аналитиком Татьяна Михайловна быть просто не умела.

Статьи Глушкова писала пространные, многословные, введливо анализируя взгляды и эволюцию своих противников или бывших союзников, которых она в один прекрасный день переставала считать таковыми. И когда к взгляду пристрастного, но подробного и вдумчивого аналитика примешивалось нечто личное, продиктованное якобы или в действительности недостаточным вниманием к её оценкам и прогнозам – тут начиналась полемика ради самой полемики.

Атмосфера в этот период, когда в России царил “пир победителей” – стервятников была такова, что любой раскол, любые нестроения в нашем стане болезненно, а то и смертельно отзывались в душах многих и многих людей. Но было ощущение, что Глушкова уже не могла остановиться. Поношения журнала “Наш современник” печатались в журнале “Молодая гвардия” и в газете “Завтра”. Поношения “Молодой гвардии” – в газете “Правда-5”. В той же газете и в газете “Русский Собор” – поношения “Советской России”. В “Завтра” – поношения “Русского Собора”. В “Независимой газете” – поношения газеты “Завтра”. По сути, вокруг Татьяны Михайловны в последние годы осталась выжженная земля. Выжженная её же собственными руками.

“Наша трудная подруга” – так озаглавил некролог, посвящённый ей, Владимир Бондаренко. Общение с ней, даже в период благодушия и душевной открытости, действительно, стоило немалого труда. Она была удивительным собеседником, чьё напряжение и богатство мысли и языка лишь в малой степени передавали её печатные работы. И в то же время приходилось волей-неволей ожидать какого-либо выпада, подчас основанного на придуманном ей самой посыле, но заключённого в безупречную логическую форму.

...Всё меньше и меньше остаётся людей из того поколения, поколения ярких творцов, бескомпромиссных борцов на русской ниве. Всё их пристрастие, вся их несправедливость уходит за дымку времени. Остаются с нами их труды, их тексты, должныствующие войти в патриотические хрестоматии для будущих поколений. Останутся в ней лучшие стихотворения и статьи Татьяны Глушковой, которую мы вспоминаем добрым словом в день её восьмидесятилетия.

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

МУЗА С КРАСНЫМИ КРЫЛЬЯМИ

(К 80-летию Татьяны Михайловны Глушковой)

“Татьяна Михайловна Глушкова умерла на первой пасхальной неделе первого года нового тысячелетия. Милосердная христианская традиция сулит людям, уходящим в свете Пасхи, горние обители и высокое успокоение. И, кажется, немногие в поколении Глушковой были более достойны этих редких даров, чем она, потому что немногие жили в таком духовном напряжении”, — этими словами начинается статья Валентина Курбатова “Своя от своих”, предваряющая поэтическую книгу Татьяны Глушковой “Не говорю тебе прощай...” (М.: Молодая гвардия, 2002). Такое утверждение может вызвать недоумение у многих — ведь слова эти сказаны не только об одном из самых ярких представителей литературы последней трети XX века — критике, публицисте, поэте, мыслителе, — но и об одном из самых спорных и сложных литераторов, с которым связаны серьёзная полемика, до сих пор не прошедшие и совсем не пустые обиды друзей, соратников, единомышленников — людей бесконечно талантливых, внесших большой вклад в русскую литературу и лично для меня, да и для многих никак не менее уважаемых, чем Татьяна Михайловна Глушкова. И всё же, оставив давние споры и не берясь творить суд, скажу, что, на мой взгляд, в творчестве и жизни Татьяны Глушковой есть нечто такое, что заставляет с пониманием и вниманием принять слова, сказанные Валентином Курбатовым. В судьбах настоящих писателей и в лучшем, что они создали, всегда есть нечто настолько удивительное и драгоценное, что заставляет оставить в стороне всё временное, земное, и взглянуться в главное — в проявление Божьего Промысла о человеке, в Божьи Дары и в удивительные вызревшие творческие плоды.

Наблюдение за любым писателем сквозь волшебную призму его творчества и, тем более, за поэтом через его поэзию позволяет понять не внешнюю, житейскую, отягчённую земным, а внутреннюю суть его судьбы, Божий замысел о человеке, ибо поэзия для поэта и есть сокровенное, тайное движение его души к вечному. Так происходит и с Татьяной Глушковой — и даже беглый, неподробный взгляд на её поэтическую судьбу, на широкое медленное и вольное течение её внутреннего поэтического “Днепра”, её “Иордана” от Софии Киевской к Небесному Граду, на мой взгляд, представляет достаточно редкую возможность попытаться увидеть то, что обычно творится прикровенно и о чём нам, грешным, и рассуждать-то не по чину, — как обычному человеку, не священнику и не монаху, даются Божии дары, как они живут и раз-

виваются в человеке, как образуют сердце и суть его судьбы, как творится Промысел Божий.

Детство Татьяны Михайловны Глушковой прошло в Киеве, где ребёнком она пережила оккупацию, а позже и смерть родителей. В её детстве “всё называется: война. // Всё называется: “под немцем”. // Под ним – и осень, и весна, // и две зимы, и та сосна, // и этот луг, и страх под сердцем...” Медленный детский созерцательный взгляд скользит, фиксируя мельчайшие подробности и детали происходящего: “Там снаряд, говорили, упал, // он воронку на площади выел”; “А мне туда и близко не велят... // Там поживают мёртвые солдаты. // Там, говорят, в дурмане мины спят // и рвутся, без войны уже, снаряды”. А надо всем этим – в уже освобождённом Киеве – “чёрной печали тарелка” и “...гордые радиосводки – // после Курска и после Орла. // И ни крохи у нас, ни щепотки // хлеба, соли – зима подмела!” Но ещё выше – над чёрным репродуктором, над разорённым войной Киевом, над мрачным Днепром – золотые купола Лавры и Софии. “Когда – какие вольные подарки! – // печалью печали утоля, // смотрела в синь сквозной Софийской арки, // а дале были минные поля”. София Киевская, Лавра неизменно вырастают над детством и над войной, высятся над нею своими куполами. “Днепра недобрая вода, // руины Лавры над рекою”. “И вырастает многоглавый дом – // он звался родиной, он равен был Отчизне...” Золотые купола Софии и Лавры сияют и над долгожданной Победой: “Всё называется: весна. // Всё величается: победа, – // и пчёлы золотого лета // летят, не гаснут дотемна”. “На широте громадного Днепра, на высоте обугленной Софии” запечатлелось в душе главное, что определило характер и судьбу поэта. Что происходило в Софийском соборе, когда сначала ребёнком, а потом подростком Татьяна Глушкова всматривалась в лик древней Оранты, – навсегда останется тайной. Божьи пути творятся прикровенно. Но ничего не бывает случайно. А древние святые часто меняют судьбы прикоснувшихся к ним людей. И уж тем более не могут быть случайными совпадения в глубинной сути происходящего. “Дары божьи”, “таланты”, щедро проявившиеся позже в Татьяне Глушковой, в представлениях православной традиции всегда связаны с Софией – Премудростью Божией. Дар слова и дар яркого, художнического видения мира, дар лирического восприятия действительности и дар острого критического ума, дар прозорливого публициста и философский дар к постижению гармонических “связей” между явлениями – путей устрояющей весь мир Софии. Ведь сказано: “Премудрость поможет мудрому” (Еккл. 7, 19) и: “Премудрость, художница всего” (Прем. 7: 21). В Православии Премудрость Божия – это и София Троица, и София Христос, и вместившая в себя Бога Слова Богородица, Дом Софии, и земное воплощение Софии – Церковь Христова. Премудрость, сотворившая мир, творящая души, судьбы и дороги. Война и Победа, встреченная под куполами Софии Киевской, в сознании Татьяны Глушковой навсегда слились со святостью. И определилось главное в её характере и мировоззрении – мудрость мира была для неё в крепком состоянии, а единственные потери, на которые никогда не могла согласиться её душа, – это потеря Родины и потеря Победы. Всю жизнь она жила русским словом, пламенеющим желанием правды и постижения истины вопреки всему и любой ценой. Ведь не зря в каноне Софии, Премудрости Божией, поётся: “Концы вселенная, и вся, яже на ней, и небо небесем Премудрость основа, Та бо всех нас созда, Тою цари царствуют, и сильнии держат землю, и мудрые пишут правду”.

В творческой судьбе Татьяны Глушковой София Киевская возникает сразу, отчётливо и судьбоносно: это первое жизненное поражение и первая поэтическая победа. “София Киевская” – так называлась дипломная работа, предоставленная выпускницей Литературного института им. М. Горького в качестве диплома: “...над водой, над горой, над тёмной зеленью кружит цветом молодого золота купол Софии. Её пошадил даже война. Её знают здесь все. И не замечают. Но если бы её вдруг не стало, город бы опустел”, – писала Т. Глушкова в предисловии к своему поэтическому циклу. “Я буду камень слушать в эту ночь, // пока рассвет взбирается по круче, // пока по кругу, медленному кругу // плывет на юг холодная звезда...” Вслушивание в камни древней святости – вслушивание в невидимые пути и потоки, творящие мир, в полноту мира, в неслышимый простым ухом голос Премудрости Божией: “...и только потом я поняла, что камни – это память о людях, что прикаса-

лись к камню руками, прикладывали к ним свой разум, воплощали в нём любовь, горечь, бунт. И тогда слово “предки” я стала понимать как “отцы”. Столетия сдвинулись, и даже самые дальние перестали быть пропастью за спиной”. А ещё в том же поэтическом цикле возникает воздевшая руки к Небу древняя киевская Оранта – Богоматерь, “Молящая”, “Нерушимая стена”: “...Оронта! // Оронта, // Оронта! // Руины // и раны // отмолит, омоет // Мария Оронта!..” В древней иконописи Премудрость часто изображалась как Оронта. Верно это и для Софии Киевской: “...но где же в Софийском Соборе то, что сызначала дало ему имя, – где главная святыня его?.. Этою основною соборною святынею является палладиум Киева – славная и чудодейственная “Нерушимая стена” <...> отсутствие Младенца, воздетые руки, вся постанова тела до такой степени приближают “Нерушимую стену” к Оронтам древнейшей христианской иконописи, что делается несомненным, что в “Нерушимой стене” Богородица представлена как Оронта, т. е. выражает ту же идею, что и древние Оронты... “Нерушимая стена” есть монументальное изображение Церкви... изображение невестственного дома Софии Премудрости Божией” (П. Флоренский. “Столп и утверждение истины”). Защита диплома проходила в 1965 году, во время гонений на христианство и разрушения церквей, и в поступке молодой Татьяны Глушковой сразу проявились главные черты её характера – безоглядная смелость, умение разглядеть в переплетении многих событий самое главное и стоять за него до конца. Была ли Татьяна Глушкова в ту безбожную эпоху, как теперь принято говорить, “воцерковлённой” верующей? Как и большинство советских людей – нет. Но и неверующей, как любого поэта, её назвать нельзя. Ей ещё предстояло пройти путь ко Христу. Но разве стремление к добру, красоте и истине – не путь к Богу? Стихотворный цикл о святые детства для начинавшей в то время увлекаться древнерусской архитектурой Глушковой был главным, принципиально важным поступком. А дальше произошло неизбежное. Известнейший в те годы поэт, руководитель семинара Илья Сельвинский в защите диплома Татьяне Глушковой отказал. Институт она окончила со справкой. Но от стихов о Софии Киевской не отступилась. А потом произошло чудо. Через полгода Т. Глушкова защитила диплом, причём на “отлично”. Её поддержал Сергей Сергеевич Наровчатов, отметивший, что стихи её связаны между собой чувством, которое мы сухо называем русской темой, и по-хорошему национальны без чванства и ненужной полемичности.

Но ничего не стоили бы эти внешние приметы судьбы, если бы дары, связанные в православной традиции именно с Софией – Премудростью Божией, ясно и ярко не проявились в характере, творчестве и мировоззрении Татьяны Глушковой. Сама Глушкова всегда осознавала особенности своих дарований и говорила об этом открыто: “Но я всегда умела посмотреть // ясней, чем вы, задумчивей и шире. // Но что-то есть в моём гремучем мире, // о чём сказать больней, чем умереть”. Татьяна Глушкова стала не только поэтом – она выросла в острого и тонкого, подчас провидчески зрячего критика, мыслителя и публициста. В центре её исследований – русская литература, русская культура и русская философия, прежде всего, – Пушкин и Константин Леонтьев. Круг вопросов, которые её интересуют, удивительным образом совпадает с традиционным церковным мировосприятием. В мировоззрении, поэзии и жизни главное для неё – традиция. Она – “совесть поэзии”: “Отношение между талантом и традицией я выразила бы так: *талант – это способность быть в традиции*. Мера таланта – это мера природной, органической сращённости с традицией. Талант – традиционен. Он обречён на традицию, немислим вне её” (Татьяна Глушкова. “Традиция – совесть поэзии”, 1977-1978). Её статьи о Пушкине превращаются в вечный гимн верному Божественной Мудрости пушкинскому Моцарту и вечное порицание отпавшего от Божественной Любви пушкинского Сальери: “Судьба Моцарта движется поверх его смерти, поверх этого мига, который для убийцы Моцарта есть “звёздный час”. Ибо Моцарт неубиваем, как неубиваем дух. Неспроста даже и Сальери нечаянно уподобляет его “некому херувиму”, то есть именно нетленному, бессмертному существу” (“Притча о Сальери”, 1981). А вот что пишет Татьяна Глушкова о гармонии в понимании Пушкина и Константина Леонтьева: “Перед нами – именно космичное мышление, для которого космос – не афористическая, пусть и безмерно громадная, сумма слагаемых (малых слагаемых мира), но, по сути, и каждое из них, участвующее во всеобщей связи. Космос предста-

ёт здесь именно как система связей – вертикальных, горизонтальных, антагонистических и дружественных, но созидающих вместе некую структуру” (“Высшее единство в высшем разнообразии”. О философии гармонии у Пушкина и Константина Леонтьева), 1997). Это космичное мышление, к которому стремилась сама Глушкова, говоря языком Православия, и есть стремление понять и познать пути устрояющей мир Премудрости Божией. Для Глушковой мудрость художника, устремлённого к Премудрости, никогда не была мудростью философов конца XIX – начала XX веков, с коими (в частности, Соловьёвым и Бердяевым) позже она много спорила в своих работах. В её мировосприятии поэта Премудрость так и осталась живым даром Живого Бога, коснувшегося её когда-то в военном Киеве, великой живой силой, устрояющей мир, – Софией Троицей, Софией Христом, вместившей творящее мир Божие Слово Богородицей – Орантой, в тысячелетней молитве воздевшей руки над Киевом и Днепром, над жизнью и смертью, над войной и Победой.

“Всею, кого не убила война”, вышла не только великая свобода, но и жизнь – с особыми остротой и трепетом ценимое и воспеваемое бытие. Свет Софии не оставлял Татьяну Глушкову никогда, и что, если не посыл к постижению истины, были её бесконечные штудии Пушкина, Блока, русской классики и мировой литературы, работа в Михайловском, поездки по древним русским городам, желание изучить и понять до глубин Россию, увлечение славянофилами, поиск связей в русской истории и культуре, поиск *полноты* бытия, а значит, поиск *гармонии*, всеобщего *космичного* мышления. Очень верный и точный портрет Татьяны Михайловны Глушковой тех лет дал Сергей Куняев в своём послесловии к составленной им уникальной книге статей Татьяны Глушковой “О “русскости”, о счастье, о свободе” (М.: “Алгоритм”, 2016): “Её печатные работы лишь в некоторой степени передают напряжение и богатство мысли и языка, воплощавшееся в беседах о русской классике. Разговаривать с ней о поэзии, о писательских судьбах было подлинным наслаждением. В самых рискованных посылах, сопоставлениях, в самых агрессивных оценках, в самых пристрастных заключениях она была логична и артистична, словно продолжала традицию литературных “table-talk’ов”, идущих с начала XIX столетия. В юности, проникнувшись пушкинским духом и ощущением пушкинского бытия во время работы экскурсоводом в Михайловском, она как будто следовала сверхзадаче создания гармоничного единства поэзии, устной речи и эпистолы как единого текста...” Обращает на себя внимание определение, данное Сергеем Куняевым жанру, в котором работала Татьяна Глушкова: “Впрочем, Глушкова подходила к явлениям литературы не как критик и, тем более, не как историк литературы. Скорее здесь можно и нужно говорить о видении глазами поэта. Но поэта, видящего настолько пристально и читающего настолько вдумчиво, что подобной вездливости могли бы позавидовать иные профессиональные учёные. Во всяком случае, её прочтение Пушкина провоцирует говорить о ней не как об исследователе, а как о собеседнике”. Наблюдение принципиально важное: именно *беседой*, вдумчивым *диалогом* с великими мира сего, который постоянно дерзала вести через века и пространства Татьяна Глушкова, объясняют-ся многие особенности её творчества.

А такие беседы не проходят бесследно. В её поэзию властно входит отмеченная когда-то Наровчатовым русская тема. Киевская Русь детства возрастает и расширяется до пушкинской великой державы. Стихи семидесятых-восьмидесятых – это созерцание русской жизни, медленное, как родной равнинный Днепр, текущий к своей высокой Небесной цели – любованию Михайловским, дворянскими усадьбами, Псковом, Новгородом, Прибалтикой, Москвой. Татьяна Глушкова – верная ученица и последовательница русских классиков. Она – мастер стиха, стремящийся к классической ясности и прозрачности. Глушкова существует внутри живой традиции. Поэзия её – постоянное вслушивание в камни русской истории, беседа с “предками”, которые в вечном свете Киевской Софии давно стали для неё “отцами”, как стали родными все ушедшие тысячелетия. И, конечно же, это нескончаемый диалог, непрекращающаяся живая беседа с русскими поэтами. В стихах много реминисценций, переключек, скрытых цитат из Пушкина, Некрасова, Тютчева, Фета, Блока, Бунина, Ахматовой. Но при этом перед нами – живая речь современника со своим, ярко очерченным, ни на кого не похожим стилем, языком и миром. О чём бы ни писала Татьяна Глушкова – это всегда Россия,

“...земля, в которую сойду, // которая в наследство мне досталась...” Стихи её – бесконечное любование Россией в мельчайших её деталях и проявлениях. Глушкова словно стремится к леонтьевскому пониманию гармонического, к полноте, высокоразвитости жизни, к стадии цветения “полнокровно вызревшего явления”. Сколько разных пейзажей приходит со страниц её книг! “Что за ночь! Соловьиное пенье, // в небесах – молодые огни, // сам Господь голубые сирени // рисовал в этой влажной тени. // Сам Господь, позабыв про заботу, // как дитя, затаясь в лопухах, // в курслеп рассыпал позолоту, // оставляя жемчуга на ветвях”. Сколько всяческих тварей приходит к читателю – копошащихся, жужжащих, поющих, свистящих: совы, мыши, стрекозы... И непрестанный шум черемухи, бурьяна, овсов... “Эта жадность к тому, что живёт: // обонять, услышать, наглядеться – // сводит скулы, и стиснут мой рот // прозорливо скрытностью детства...” Тут и кучерские усы овсов, и “черемуховый ветер”, и медленная сова, и “козлёнка вздыбленная тень: рогатый нимб над головою”. Зачастую в этом самовластном, захлестывающем потоке живого теряются, размываются мысль или цель написания стихотворения, возникают длинноты. И вместе с тем создаётся впечатление, что не образность тут главное – перед поэтом стоит куда более невозможная задача: *явить, живыми* перенести в стихотворение этих многочисленных равноправных собеседников и соседей по бытию. “Бог мыслит вещами”, как говорил П. Флоренский. И на поверку оказывается, что не теоретические размышления, а сияющий поток бытия, бессознательное подражание Творцу и есть попытка подняться до высшего возможного проявления мысли – смысл и цель написания стихотворения.

И всё же поэзию Глушковой семидесятых-восьмидесятых я не назову вершинной точкой её творчества. При редкостно высоком поэтическом уровне внутренняя свобода лирического полёта даётся ей не всегда, её ещё не опалило высоким огнём, в котором сгорает ненужное земное, – иногда стихи льются бесконечным потоком, где каждая строфа – хороша, но развития, внутреннего движения подчас не происходит. Но лучшее, написанное в это время, безусловно, заслуживает самых высоких похвал и самого серьёзного разговора. Лучшим стихам Татьяны Глушковой этого периода присущи афористичность и жёсткость, умение без иллюзий, предельно честно, посмотреть на самые горькие вещи: “Нелюбимая – телом страшна, // нелюбимая – слишком зазорна. // Нелюбимая – слишком вольна! // Нелюбимая – слишком покорна!” Трагическая любовь – извечная плата за стихи. Психологические наблюдения в любовной лирике точны, речь льётся свободной волной, а лирическое чувство зашкаливает, переливаясь за край. Сильный характер лирической героини зачастую неожиданно мягок и уступчив, ради любви она готова платить и терпеть. Трагедия судьбы, “недоли”, часто переживается “от противного”, и трудно сказать – смирение или гордыня, бунт или покорность – это пристальное вглядывание в неосуществившееся, жёсткое обозначение вещей такими, какие они есть: “Помилуй: это ли – обида, // проклятые дней, трезвон ночей, // что я избавлена от вида // смятенной дочери моей?” В стихах – характерное для поэтов осознание одиночества, своей инакости в мире: “... И я не стала ни сестрой, // лицом похожею на брата, // ни той покорною женой, // что перед Богом виновата, // и ни возлюбленной – меня // лишь одиночеством дарили: // бежали, словно от огня, // и, охладев, боготворили”. Вместе с раздумьями о судьбах поэтов и поэзии в стихах неизбежно врывается трагический голос времени: “Этот русский анапест, что плачет во имя любви, // в тёмной шали крест-накрест, живёт не в эпохе – в крови. // А эпоха ему не соперница и не жена: // ничего-то не ведает в лунах и струнах она!” Всё сильнее предощущение надвигающейся трагедии, личной беды, вместе с точным определением творящегося в стране приходит ощущение катастрофы, нависшей над Родиной: “Я стою на порубке, а слышу и шелест, и свист: // кто погиб не на шутку, особенно нынче речист. // Эта мощь, эта слабость – ужели для жизни дана? // Наливай же, анапест, щербатую чашу вина!” А вместе с предощущением надвигающейся катастрофы оживает оставшаяся в послевоенном Киеве “чёрной печали тарелка”: “Эта грусть не сейчас родилась. // Это звякнул “Георгий” в коробке. // Это льётся над Родиной вальс, // заливая Маньчжурские сопки”. Стихотворение “На сопках Маньчжурии”, посвящённое И. Козловскому, одно из лучших у Татьяны Глушковой. Пять строф, вместивших в себя и судьбу поэта, и горькую печаль русской истории:

*А в окне столб луны голубой —
словно хлынуло море на сушу.
Бескозырки плывут чередой
по мою сухопутную душу.*

*Далека ты, родная земля,
не видать в этом жёлтом тумане.
Гаолян покрывает поля,
точно сплю я сама в гаоляне.*

*Это с чёрной тарелки певец —
с чёрной пахоты, из-под Полтавы...
Где ж ты, лирник, рыдальщик, гонец —
вестовой нашей горестной славы?*

Знакомые с детства звуки. Минуты лирической грусти. Последние мирные годы в советской России, в ещё не разрушенном СССР. За мгновение до крушения, за мгновение до стояния у Креста. “Победные сводки” детства, лившиеся из “чёрной тарелки”, уходят навсегда вместе с послевоенной эпохой и стареющими солдатами великой Победы, уступая место вестнику “горестной славы”, высокой печали и близящейся беды: “Под конец еле слышен рассказ, // заносимый песком и метелью... // Это льётся над родиной вальс — // над твоей и моей колыбелью”.

Но высшее проявление Премудрости Божией — добровольная Жертва Христа, Крест, Голгофа. Не случайно на киевских иконах Софии “Премудрость созда себе дом” центральная фигура Богородицы с молитвенно воздетыми руками часто заменяется Распятием. Самая высокая мудрость, доступная человеку, — сораспятие Христу, участие в Его Страданиях, стояние у Креста Христова. Девяностые годы для Татьяны Михайловны Глушковой и стали таким стоянием у Креста Христова и Креста распинаемой России, временем болезни и труднейших испытаний. Была она в своём стоянии не одинока. Какой огромный подвиг совершили в те годы все русские писатели, которые в информационной войне, войне умов, войне словом оказались солдатами на передовой и сознательно, в прямом смысле шли на смерть за свою страну — отдельный, долгий и очень важный разговор. Солдатом на передовой сражалась в те годы и Татьяна Глушкова. В начале девяностых, больная, измождённая страшными болями, от которых не всегда помогали обезболивающие, она, превозмогая недуг, писала провидчески зоркие публицистические статьи и стихи. Каждая её публикация становилась событием. Главное, что волновало её тогда, — вопрос сохранения СССР. Выводы её публицистической аналитики горько точны, а приговоры разрушителям страны — бесповоротно безжалостны: “Референдум насчёт сохранения государства... направлен на растление созидательного духа народа, извращение его психики. Ведь он понуждает переводить в план голосования, в план юридического пересмотра... само патриотическое чувство...” (“Хищная власть меньшинства. Над строками “Парижской хартии для новой Европы”, 1990-1991). Развал СССР Глушкова рассматривает с позиций русской истории, русской государственности, нерушимой христианской нравственности и вечно сиявшей ей из детства Победы: “К этому можно добавить, что вынесенный на референдум вопрос — о целостности государства — до сих пор никогда не решался посредством голосования... Что ставился он в его проблематичном, его отрицательном смысле обычно не изнутри, а извне государств. Что последний раз он был поставлен относительно нашей страны в 1941 году гитлеровским вермахтом, и известно, какой, скреплённый кровью десятков миллионов людей, безоговорочный ответ дан был тогда русским народом вместе со всеми народами СССР”.

Для поэта, всю жизнь писавшего лирику, обращение к публицистическим стихам зачастую проходит болезненно и грозит неудачами, это “понижение жанра”, уход от высот гармонии к “презренной прозе” земного. Но не для Глушковой. Для неё, вслед за Леонтьевым, гармония “не что иное, как процесс борьбы — вопреки идеалу успокоения, идеальному успокоению в “райском блаженстве”, на какое наивно уповают “розовые” гармонизаторы...”

(“Высшее единство в высшем разнообразии”). Стихи девяностых резко отличаются от стихов предыдущих десятилетий – боль, вызванная предательством и разрушением Родины, в Татьяне Глушковой настолько сильна, что она забывает о поэзии как об искусстве, и если форма тут безусловно хороша, то только из-за серьёзных достижений и наработок прошлых лет. Как поэту форма в этих стихах ей не нужна и не важна, ибо это уже не стихи – кровь, идущая горлом. Публицистическая острота и раскованность в её стихах сливаются с простотой и ясностью речи, а напряжённое лирическое движение стиха, рождённое безграничными любовью и болью, сочетается с остротой ума и обширностью интеллекта. С телеэкранов обманутой, попранной, преданной страны плывёт к читателям собирательный образ нового героя – воина мировой информационной войны: “Человек с лицом комедианта, // с умными глазами изувера // говорил мне, будто слава Данта – // слава крестоносца-тамплиера... // Роясь в почве инославных родин, // для хулы на Истинного Бога // то взывал: “О меченосный Один!”, // то бубнил про дряхлого Сварога”. Информационная война по самой природе своей противоположна всем сражениям прежних времён, ибо победа в ней достигается не личными подвигами и доблестью, а *лживым словом*. Но в войне, ведущейся против России *лживым словом*, главным врагом и тайной целью может быть только Бог Слова, сердце России – Христос. Это война ада против Христа, тьмы – против света, Сальери – против Моцарта, предательства – против Победы, лжи преисподней – против Правды Премудрости Божией. Старый мир рушится, идущий ему на смену новый предапокалиптический мир – это уже не светлый мир Пушкина, а страшный мир Блока с холодом и мраком “грядущих дней”: “Но, покуда спали человеки // иль над Божьим Именем смеялись, – непременно вспучивались реки, // камни в тёмный воздух подымались... // Сын глумился над отцовым прахом, // дочь гнушалась матерью живою. // Разум одурманивали страхом // голод и дыханье моровое”. 8 декабря 1991 года вошло в историю как день подписания Беловежских соглашений. Без единого выстрела была разрушена великая страна. В те дни, превозмогая запредельную физическую боль, Татьяна Михайловна Глушкова продолжала работать на Победу. Как-то она сказала, что, если бы не физическая боль, она не смогла бы перенести душевную боль от потери Родины. В апреле 1992 года ею было написано стихотворение “Час Беловежья”:

*Когда не стало Родины моей,
я там была, где ни крупницы света:
заслонена, отторгнута, отпета —
иль сожжена до пепельных углей.*

*Когда не стало Родины моей,
я шла тропюю к Неземной Отчизне.
Но даже там, как на горючей тризне,
не пел волоколамский соловей...*

*Когда не стало Родины моей,
в ворота ада я тогда стучала:
возьми меня!.. А только бы восстала
страна моя из немощи своей.*

Самоотречение поэта и любовь к Родине сделали это стихотворение одним из поэтических символов тех трагических дней.

Последняя битва за СССР – страшные события 1993 года – для Татьяны Михайловны Глушковой область сверхчеловеческого напряжения с первого мига. В те дни, преодолевая болезнь, невыносимую физическую боль, она напряжённо следила за трагедией – читала всё, что писала пресса, разговаривала с участниками событий, спрашивала о впечатлениях и мельчайших деталях происходящего, переживала за выпускающую подпольные номера со свидетельствами расстрела редакцию газеты “День”. 31 октября 1993 года она написала по-тютчевски краткие и точные строки: “Всё так же своды безмятежно-сини. // Сентябрь. Креста Господня торжество. // Но был весь мир провинцией России, // теперь она – провинция его...” Пророческие

слова о поражении, катастрофе, горестной русской судьбе последующих десятилетий. Стихотворение называется “Воздвижение”. Происходящее фиксируется точно: отдавание праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня приходится как раз на день расстрела — 4 октября. В феврале 1994-го в пришедшей на смену запрещённой “Дню” газете “Завтра” появилась огромная полосная подборка Татьяны Глушковой, посвящённая октябрьской трагедии 1993 года. Позже, в предисловии к книге “Всю смерть поправ”, Татьяна Михайловна Глушкова напишет: “Эти стихи сразу сложились в единую книгу. Книгу-реквием по погибшим в Останкине и Белом доме. Книгу-гимн мужеству павших. Книгу о Родине”. Реквием — понятие, для Татьяны Глушковой бесконечно важное. Многие страницы её исследований посвящены пушкинскому Моцарту. Его “Реквием” понимается ею как высшее проявление творческого духа и высшая подчинённость Божественной воле. Теперь скорбная честь написать реквием выпала ей. Очень точно сказал об этом поэтическом цикле Владимир Бондаренко: “И всё же я уверен, в русской поэзии Татьяна Глушкова останется, прежде всего, своими... поздними гражданственными стихами редкой силы напряжения, которые осознавались ею как поэзия последнего срока. Никто более в девяностые годы не смог перешагнуть столь дерзко и самоубийственно эту пропасть от пусть одинокого, но живого “я” до предсмертного апокалиптического “мы”, созвучного с октябрьскими баррикадами у Дома Советов” (Владимир Бондаренко. “Пламенные реакционеры: Три лика русского патриотизма”. М.: Алгоритм, 2003). Скорбная траурная строгость формы и смысла сочетается в этом поэтическом цикле с предельными открытостью и самозабвением. Резко публицистичные, обличающе-гневные стихи захватывают внутренним накалом сострадания, любви и бесповоротной готовностью принести себя в жертву ради России. Это неукоснительное следование традиции — такова Муза Гнева русской классики. Вспоминаются пушкинское “Клеветникам России”, лермонтовское “Смерть поэта”: “но вы не смоее всей вашей чёрной кровью...”, блоковские “Скифы”, ахматовский “Реквием”, но прежде всего, — знавший о невозможности “служить добру, не жертвуя собой”, Некрасов, который писал о назначении поэта в стихотворении “Пророк”: “Его ещё покамест не распяли, // Но час придёт — он будет на кресте; // Его послал бог Гнева и Печали // Рабам земли напомнить о Христе”.

Ярко, зримо, подробно, как всегда у Татьяны Глушковой, передаётся атмосфера тех трагических дней — летящие золотые листья, палящие танки, горящий чёрный Дом Советов, и — кровь, кровь, кровь: “Ещё встаёт за окнами рассвет, // еще струится осень золотая. // Но нет Москвы. А есть — воронья стая // над стогами страны, которой нет”. Перед нами — высшее проявление зла. Зрительные образы расстрела и погрузившейся в безысходный мрак Москвы страшны, они вплетаются в скорбную музыку прощания с погибшими, нарастают чёрной движущейся лавиной: “и вижу: труп плывет у парапета, // отторгнутый речною глубиной”; “не убраны в полях разливы хлеба. // Не убраны тела до Покрова”...

*Ни в воду вы не спрячете концы,
ни в грудь земли, ни в хляби небосвода...
Бредёт в острожном рубище Свобода,
ведёт коня слепого под уздцы.*

*.....
И слышу: танки валкие гремят
по старой Пресне — точно по Берлину!..
Нас гнут в дугу. А мы расправим спину.
Священным гневом горизонт объят.*

Можно ли было в послевоенном Киеве, под золотыми куполами Софии, вообразить такое: Наши танки, огнём святой Победы гремевшие по Берлину, палат по нашей Пресне! Трагедия воспринимается как перелом русской истории, русского сознания, окончательное прощание с СССР. Со свойственной ей широтой взгляда Татьяна Глушкова обращается к мировой классике. В адском грохоте танков, кумулятивными снарядами стреляющих по Дому Советов, возникает образ прошедшего кругами ада бессмертного флорентийца

Данта: “Но поутру, когда упал солдат // последний наш, и вроде – взятки гладки, // под окнами прошёл крылатый Дант // в пропахшей адским чадом плащ-палатке”. Образ Данта вырывает из небытия, заставляет вместе с ним двигаться вверх по вечной спирали времени к его высшей точке – к святой Софии – Богу Слова Христу, к страстному Кресту Голгофы, которому вместе с первыми залпами танков уступил место торжествующий, исцеляющий, напоминающий о вере и надежде воздвиженный Крест: “Но если впрямь в начале было Слово, // то, подлинно, сиять ему в конце!.. // Молчи – и жди пришествия Христова // в Садовом огнедышащем кольце. // В кольце Бульварном... Позднею обедней // не вспугнут чёрный морок октября, // и над страной восходит день последний – // едва ль не Гефсиманская заря...”

Безудержная вера, которая всегда помогала устоять в самых трудных обстоятельствах, заставляет поэта подняться над трагедией, над которой, казалось бы, подняться нельзя. Татьяна Глушкова знает: убить, расстрелять, сравнять с землёй пытались то, что *неубиваемо*. Так *неубиваем* дух. Так *неубиваем* Моцарт. Так *неубиваема* пронизывающая глубины бытия музыка. Так *неубиваема* Россия. Так *неубиваем* добровольно жертвующий своей жизнью человек. Так *неубиваем* Христос, смертию поправший на Кресте смерть. “Их души водворятся во благих!” – Слова реквиема звучат над расстрелянным Домом Советов молитвенным рефреном и призывным набатом: “Снег забинтует раненую Пресню. // Смотри: кругом – белó, и ветер стих. // Больная совесть обмирает с песнью: // “Их души водворятся во благих!”... Поражения Татьяна Глушкова принять не могла. Ей нужны были Родина и Победа. Ведь не может быть побеждён Бог. Не может быть побеждена Правда. Не может быть побеждён свет золотых куполов непостижимым образом оказавшейся “за границей” Софии Киевской. Дальнейшая жизнь Татьяны Глушковой – моление о Родине и о Победе. Я ещё раз обращусь к статье Владимира Бондаренко, которому удалось понять в Татьяне Глушковой нечто очень важное: “Татьяна Глушкова не пожелала жить на “лоскуте державы”. Она не стала пытаться переделать себя для иной России, чтобы обрести новое дыхание в поэзии третьего тысячелетия. Предпочла остаться в великом и трагическом XX веке. Все её споры с былыми друзьями были предельно искренними, ибо она и от них ждала той же “литературы последнего срока”, тех же последних, завершающих слов, которые в последние годы жизни выговаривала, выкрикивала, ожидая апокалиптических видений, непримиримости к разрушителям Родины...” Девятое мая становится для Татьяны Глушковой скорбной датой. В разные годы одно за другим она пишет стихи о парадах Победы. Они разнятся по настроению и смыслу, но, объединённые названиями, образуют большой, намеренно разрозненный, стержневой, пронизывающий и объединяющий цикл. “Осенний парад” (7 ноября 1990 года): “... Русское воинство! Родина наша // в голоде, в братской крови”; “К 9 Мая 1995 года”: “Парад Позора! Не моим глазам // глядеть, не моему склоняться слуху, // внимая, как Великую Разруху// кимвалы славят и пирует срам...” “Прощальный парад” (6 апреля 1995): “... Не плачьте, вы ни в чём не виноваты, // прошедшие священную войну! // Последний ваш парад... Такой закат, // как будто бы не солнце – уголь чадящий // садится в хмарь над Родиной скорбящей... // Ей выел очи прах её солдат”. В те годы крылья Музы Татьяны Глушковой окрасились в красный – цвет победного флага над Берлином, цвет флага ушедшей в прошлое Родины, цвет пролитой на Пресне крови, цвет Фасхи Христовой и цвет крыльев Софии – Премудрости Божьей, какой её изображают на новгородских иконах.

Но земное воплощение Софии – Премудрости Божьей – Церковь Христова. А первая мудрость, заповеданная Богом человеку, – это покаяние. В трудные, тёмные годы, наступившие после октябрьских событий 1993-го, Татьяна Михайловна Глушкова делает самое главное в своей жизни – она приходит в церковь и приносит покаяние. Делает она это с теми же максимальными самоотдачей и духовным напряжением, с какими делала всё на своём земном пути. Точнее – не так: горение, напряжение и самоотдача доходят до высшей точки, ведь речь идёт о главной человеческой ценности – о Христе. Она находит силы продолжать и свои обычные литературные занятия. В сгустившейся над страной тьме, как всегда, на помощь приходит русская классика. Живыми собеседниками поэта становятся Некрасов и Грибоедов, которым – неожиданно и впервые в русской поэзии – посвящены не циклы

стихотворений, а две поэтических книги. Но главное, как всегда, — Пушкин. В 1995 году пишется редкий по глубине и точности мысли цикл “Русские границы”, дающий ответы на главные русские вопросы — какова природа русской державности, русского подвига, русского тысячелетнего стояния в вере, русской тяги к безоглядным пространствам и шири. “Но Пушкин — нет, он не приветит вас: // он не жил так — на лоскуте державы!” — даёт Глушкова победный ответ расхитителям русских пространств. “Он слушал орудийную пальбу // близ Карса и бунтующей Варшавы // и проник, что Цареграда главы // могли бы венчать российскую судьбу...” Пушкин понимается поэтом как плод великого труда всей державы, всей русской истории, всего русского народа: “Он не зырянин, финн или лопарь, // он гордый сын раздольного славянства. // Величие духа требует пространства, // так повелел не Пётр — Небесный Царь! // И надобны кавказские хребты, // охотские, арктические воды, // чтоб вызрел многоликий дух свободы, // восстав из колыбельной тесноты. // И надобен чухонский топкий берег // и высохший фонтан Бахчисарая, // чтоб эта Муза, смуглая, босая, // столетиями, широтами играя, // дичась, от любопытства ли сгорая, // ступила на псковской уездный снег...” Какой чеканный, отточенный слог! Какая безупречная острота и стройность мысли! История и культура России понимаются Глушковой как живое всенародное восхождение к Христу, общий труд и общая молитва, стояние у Креста, а художник — как плод истории и народной жизни, отразившийся в земном слове голос Бога Слова — Премудрости Божией. Великая культура — плод великой Державы, и обе они — плоды великой веры, без которой не может быть ничего. “Нам пишется на краешке стола? // Нам хватит дести жёваной бумаги? // Всё так! — доколе реют наши флаги, // мелькают веси, грады, буераки, // три океана дыбятся во мраке // и рекам, звёздам, вёрстам — несть числа!”

И ещё один раз выпала Татьяне Глушковой скорбная честь написать реквием. На этот раз — по русскому Моцарту Георгию Свиридову. Вместе с музыкой Свиридова в её поэзию врывается пушкинская и свиридовская “Метель”, блоковская всеобъемлющая вьюга, заметающая русские дороги. Впереди в метели — видимый и невидимый Христос. Вряд ли, зная, что писала Т. Глушкова об образе Христа в поэме “Двенадцать”, можно сказать, что это блоковский Христос. Образ Христа в снежном вихре постоянно изменяется — это и Распятый Христос, и Пантократор Киевской Софии, Христос русской государственности, держащий в Своей деснице все миры и дороги, все бураны и вьюги, и тютчевский крестьянский Царь Небесный, в рабском виде исходивший родную землю. “Ушёл тот, кто казался последним высоким столпом русской культуры, гранитной её опорой, последним бесспорным носителем Творческого Духа. Что ж теперь?.. — пишет она в предисловии к циклу “Музыка на святки”. — ...Русский реквием по Свиридову да сверкнёт крупичами света, да взлеет зерно, из которого солнечным звуком прорастёт мощный гимн воскрешённой России”. Всё та же несокрушимая, безоглядная вера: ведь Моцарт — неубиваем, как неубиваема Родина, как неубиваем дух, как непобедим Христос, идущий в русской метели. А значит, и реквием по русскому гению должен превратиться в гимн воскрешённой России. “И снова — музыка, и Пушкин, // и вскрик, и струнные лучи”. Музыка Свиридова возвращает из разрушенного мира в пространство вечной России, в пространство родного: “Венчанье тайное... Побег... // И эта сельская церквушка. — // Иисуса русского избушка... // О, как заплакана подушка! // И мечется метельный снег”. Музыка пишется детально, вещно, неперебиваемое в слова Глушкова пытается передать образами “Руси уездной, снеговой, // той, что почти у Лукоморья...”; “не станет книг, не будет слов, // но предреку — не обессудьте: // он сам соткётся на безлюдье, // склудится яблочком на блюде, // мотив пылающих снегов!” А лежащий в гробу Свиридов “...похож уже на Данта: // так важен, строг запавший рот, — // седой подругой музыканта // не вьюга ль русская слывёт?..” Это Дант, идущий по кругам русской вьюги, русского бурана. Границы того и этого света в стихотворном цикле размыты, как размыты они в современной поэту России, устремившейся в наступившей тьме по ту сторону бытия, как размыты они в русской метели: “Да и вороны не кричат... // Лишь древней колокольни звоны. // И не распев — набат, набат: // по всей России — похороны! // По всей Руси текут ручьи // живых, бредущих за гробами, // а мнитя: чёрные грачи — // за боронами, боронами...”

Невольно вспоминаются строки из стихотворения Татьяны Глушковой, посвящённого Борису Примерову: “Друзья мои, друзья мои, друзья, — // кричал мой дух, — я тоже умираю!” Рядом со Свиридовым она себя упомянуть не посмела. Но таково мироощущение её последних лет. Поэтому нетрудно предположить, что реквием по Свиридову — это и личное прощание Татьяны Глушковой с Россией, с земной жизнью и со всем главным, что в ней было: с музыкой пушкинского стиха, мыслью Леонтьева, музыкой Свиридова, куполами Киевской Софии, с великой русской культурой. Это уход в русскую метель, исчезание в бесконечной русской замети, вьюге русского лихолетья, впереди которой всегда идёт Христос. Ибо Татьяна Глушкова точно знает:

*Когда не стало Родины моей,
Тот, кто явился к нам из Назарета,
осиротел не менее поэта
последних сроков Родины моей.*

“Этот год и последующие годы как продолжение 93-го — вся её оставшаяся жизнь — воспринимаются как стояние у Креста Христова, — пишет протоиерей Александр Шаргунов в статье “Её душа была истинно русской” (“Русский дом”, апрель 2005). — ... За это стояние до конца у Креста Христова, а не потому, что она умерла на первой Пасхальной неделе нового тысячелетия, — внешнее здесь просто соединилось с внутренним — веруем, душа её принята в светлые райские обители. Но и оттуда мы слышим её голос любви к Отчизне... Но тот, кто стоял у Креста Христова, знает, что Христос всё победил, и смысл каждой человеческой жизни и всей истории заключается во вхождении крестным путём в Его победу”. Победа всё-таки была дарована Татьяне Глушковой. Причём — главная из всех возможных Побед. Вот это-то вхождение в Христову Победу и собрало в единую мозаику казавшиеся разрозненными куски смальты, свело воедино все разрозненные тропы, и перед нами открылся удивительный храм человеческой судьбы, как и все человеческие судьбы, задуманный Премудростью Божией, — судьбы, где нет ничего случайного и лишнего, но каждый кусок смальты ложится на предназначенное для него в мозаике место. Так устрояющая всё София — Премудрость Божия устроила жизнь вглядывавшейся в её камни девочки Тани, Татьяны Михайловны Глушковой — выдающегося русского критика, поэта и публициста. Устроила жизнь, в которой было всё: творчество, любовь, слава, гонения, болезни, искания, прозрения, ошибки, грехи, покаяние и стояние у Креста. “Концы вселенная, и вся, яже на ней, и небо небесем Премудрость основа, Та бо всех нас созда, Тою цари царствуют, и сильнии держат землю, и мудрые пишут правду”.

Исправление: в 11-м номере журнала на стр. 142 в примечании к тексту в 11-й строке снизу следует читать “Записки из подполья”.

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

ДОН КИХОТ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О мёртвых надо говорить или хорошо, или ничего.

27 августа 2019 исполнилось десять лет, как от нас ушёл выдающийся писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и четырёх Государственных премий, автор трёх гимнов Сергей Владимирович Михалков. Большая часть его жизни была посвящена детям. Он был великим сказочником. Лев Толстой сказал: “Живут лишь те, кто творит добро”. Всю свою долгую жизнь Сергей Михалков творил Добро. Именно об этом качестве его характера наш рассказ.

С творчеством Сергея Михалкова я познакомился, когда готовился поступать в театральное училище. На прослушиваниях существует обязательная триада: абитуриент должен прочитать стихи, прозу и, непременно, басню. Я выбрал басню Михалкова: “Лев и ярлык”. Эта басня насыщена драматургией, в ней есть “персонажи”, которых можно сыграть. И ещё: басня остро-социальная для любого времени, особенно для нынешней России. Ведь не секрет, что сегодня СМИ могут легко дискредитировать любой авторитет, превратить порядочного человека в подонка и преступника. “Лев и ярлык” звучит, как серьёзное предостережение любому человеку, в том числе и высокопоставленному чиновнику. Вспомните главу МВФ Доменика Стросс-Кана, метившего в президенты Франции. На этого чиновника, внешне вполне похожего на льва, по ложному обвинению в изнасиловании навесили такие “ярлыки”, после которых он уже никогда не оправился. Вот эта басня:

*Проснулся Лев и в гневе стал метаться,
Нарушил тишину свирепый, грозный рык —
Какой-то зверь решил над Львом поиздеваться:
На Львиный хвост он прицепил ярлык.
Написано: “Осёл”, — есть номер с дробью, дата,
И круглая печать, и рядом подпись чья-то...
Лев вышел из себя: как быть? С чего начать?
Сорвать ярлык с хвоста?! А номер?! А печать?!
Ещё придётся отвечать!
Решив от ярлыка избавиться законом,
На сборище зверей сердитый лев пришёл.
“Я Лев или не Лев?” — спросил он раздражённо.
“Фактически вы Лев! — Шакал сказал резонно. —*

*Но юридически, мы видим, вы Осёл!”
“Какой же я Осёл, когда не ем я сена?!”
Я Лев или не Лев? Спросите Кенгуру!”
“Да! — Кенгуру в ответ. — В вас внешне, несомненно,
Есть что-то львиное, а что — не разберу!..”
“Осёл! Что ж ты молчишь?! — Лев прорычал в смятенье.
Похож ли я на тех, кто спать уходит в хлев?!”
Осёл задумался и высказал суждение:
“Ещё ты не Осёл, но ты уже не Лев!..”
Напрасно Лев просил и унижался,
От Волка требовал, Шакалу объяснял...
Он без сочувствия, конечно, не остался,
Но ярлыка никто с него не снял.
Лев потерял свой вид, стал чахнуть понемногу,
То этим, то другим стал уступать дорогу,
И как-то на заре из логовища Льва
Вдруг донеслось протяжное: “И-аа!”
Мораль у басни такова:
Иной ярлык сильнее Льва!*

Должен признаться, что удачнее всего на экзаменах “по мастерству” у меня получилась эта басня. Я так с ней сжился, что, оказавшись после окончания Щукинского училища актёром театра на Таганке, выступая на концертах, став лауреатом Всероссийского конкурса чтецов и солистом Московской городской филармонии, я по-прежнему с удовольствием “на бис” исполнял её.

Иногда у меня появлялась мысль прочитать басню самому Михалкову, однако я понимал: автор гимна был для меня недосягаем.

Впрочем, однажды я мельком видел Сергея Владимировича в Щукинском училище. В это время на первом курсе “Щуки” учился его сын Никита.

С Никитой в то студенческое время меня связывали добрые и, как мне кажется, дружеские отношения. Иногда мы “на интерес” тягались с ним на спор: кто сильнее на руку! Как раз тогда в моду вошла канадская борьба — армрестлинг. Никита был повыше, и рука у него была крупнее, но, тем не менее, в этой борьбе и у меня бывали победы. Правда, редкие.

Никита всегда отличался недюжинной силой. Кстати, он был замечательным студентом: общительным, азартным, умным, умеющим дружить и восхищаться другими. К сожалению, на первом курсе у него произошла ссора с ректором училища Борисом Захавой, и вскоре он перешёл учиться во ВГИК. Все студенты и особенно сокурсники жалели, что его “ушли” из “Щуки”. Студенты потеряли возможность общения с яркой личностью, лишились шанса отчётливее запечатлеться в памяти талантливого режиссёра, а училище утратило главное — возможность гордиться выдающимся выпускником.

Через многие годы судьба всё-таки предоставила мне возможность познакомиться и с Сергеем Михалковым. Мне придётся несколько отвлечься, чтобы рассказать, как это произошло.

После ухода из театра “Содружества актёров театра на Таганке”, где я работал режиссёром-постановщиком около пяти лет и где поставил два спектакля — “Полковник Птица” по пьесе болгарского драматурга Христо Бойчева, признавшего из десятков постановок этой пьесы на международных сценах нашу работу лучшей, и спектакль о жизни и творчестве Сергея Есенина — “Исповедь хулигана”. Нельзя не добавить, что в этот период я, ко всему прочему, получил в театре звание Заслуженного артиста России.

Мой “голодомор” в театре как режиссёра продлился больше двух лет, пока меня не пригласили сотрудником в Московскую городскую организацию Союза писателей России.

Переход в писательскую организацию был хоть и вынужденным, но далеко не случайным. Ещё работая у Любимова на старой Таганке, я заочно закончил Литературный институт, параллельно с работой в театре написал несколько книг и пьес, стал членом Союза писателей России. К тому же, примерно в это время по моему роману “Семя отечества” был снят известным режиссёром Юрием Карой четырёхсерийный телесериал “Репортёры”.

Эта новая работа как раз и позволила мне с начала 2007 года в качестве временного секретаря Исполкома Международного сообщества писательские Союзов встречаться с Сергеем Михалковым, тогда бывшим Председателем Исполкома МСПС. Общались мы на всякого рода собраниях и “летучках”. Его участие в таких “посиделках” было всегда интересным и главное – поучительным!

Когда величественный мэтр неспешно появлялся в окружении сопровождающих в своём кабинете, где на стене висела его фотография с президентом Путиным, жизнь в МСПС торжественно замирала. Михалков становился центром внимания, и все взоры, как правило, с известным подобострастием устремлялись на него. Конечно, трагикомичное зрелище было наблюдать, как ещё секунду назад величественная, неприступная надменность, равнодушие и циничное отношение подобостраста превращается в шакалистую угодливость и чрезмерно умильную расположенность. Такое перевоплощение мне как режиссёру было особенно заметно. Недаром сказано: “подобострастие – это змея в поздравительном букете”. К сожалению, писательская среда не исключение, тут, по образному выражению одного поэта, как в воровской ту-совке, знают, кто “вор в законе”. Сергей Владимирович эту “шакалистую угодливость”, конечно, чувствовал, но ему, как мне казалось тогда, было всё равно. Он был в возрасте. Ему было за 90, и борьба за власть и влияние были далеко позади. В конце жизни он ещё раз успел переписать гимн, и теперь взирал на всех добрыми и мудрыми глазами. Это был действительно “Лев”, которому все внимали и заискивающе улыбались.

Малозначительные вопросы, которые возникали по ходу таких встреч, решались бурно, велеречиво, каждый старался не ударить лицом в грязь и запечатлеться в глазах автора гимна и друга президента. Больше всех увлекались Феликс Кузнецов и Владимир Бояринов. Они были соперничающими заместителями Михалкова, и пока не появился Иван Переверзин, казались всем “кронпринцами” и кандидатами в “наследники”. Поэт Владимир Бояринов – по природе своей добрый человек, отличный шахматист, знает иностранные языки, к тому же сердцеед. Нередко на “летучках” Бояринов шутил: “Вы меня не знаете, я всё перетерплю, всех перешибу и даже куда нужно всех моих недругов препровожу”. У Ф. Кузнецова были некоторые преимущества и заслуги. Он был учёным человеком, членом-корреспондентом РАН! Чего стоит только его помощь в нахождении подлинного текста “Тихого Дона” и восстановление в правах авторства оболганного, в том числе и А. Солженицыным, Михаила Шолохова! Но Феликс Феодосиевич был грешен: всё время тихой сапой “подкапывался” под шефа – Михалкова – и мечтал занять его “трон”. Конечно, на таких встречах-собраниях никто в присутствии Михалкова не проявлял явных посягательств, каждый ждал “своего часа”, все старались вести себя послушно и ответственно, как на экзаменах, чтобы, – не приведи, Господи! – не получить плохую оценку. Чуть позже первый “неуд” за давнее “подкапывание” получил Кузнецов. Как гром среди ясного неба, вышел приказ Михалкова назначить вместо Кузнецова первым секретарём Исполкома МСПС Ивана Переверзина. Это событие преобразило Кузнецова. Он упёрся, как танк, начал скандалить, не хотел сдаваться, обращался в разные инстанции и долгое время “не выезжал” из кабинета. В результате, общими усилиями его всё-таки выгнали. В тот момент разгорелась настоящая закулисная война, но против решения Михалкова все приёмы оказались бесполезными. В нужный момент за ним всегда стояла какая-то “неведомая сила”.

Умный и дальновидный Переверзин, недолго думая, оставил ещё одного кандидата на “трон” – Бояринова – одним из “замов”, и Владимир Георгиевич многие годы занимает эту должность. Не смирился только Кузнецов. Его расчётливая, вытщенная из архивов “загогулина” по поводу юридического статуса МСПС в качестве преемника Союза писателей России, на мой взгляд, стала не чем иным, как сведением счётов с когда-то им возглавлявшейся организацией. Поступил он, как Карандышев из “Бесприданницы” А. Островского: “Так не доставайся ж ты никому!” – взял и “выстрелил” в михалковскую организацию, которую с тех пор безжалостно добивают “боями без правил”. К несчастью, эти “бои” имеют своё происхождение и так и не вырванные корни.

Должен признаться, что вся эта борьба за “место под солнцем” была для меня в новинку. Конечно, театральное закулисье славится своими болячками и проблемами, но у писателей, на мой взгляд, более “изысканная” методология,

честно скажу, нередко мне бывало не по себе и даже страшно, особенно когда я уходил из МГО Союза писателей России. “Инженеры человеческих душ” позволяют себе такие приёмы, “ужимки и прыжки”, о которых актёрская среда, по своей большей наивности, не способна даже догадываться. В писательской среде верность чаще всего соперничает с ревностью!

* * *

Из ярких событий вспоминается юбилей Сергея Владимировича, его 95-летие. Мне пришло в голову предложить Андрону Кончаловскому, чтобы он как режиссёр включил в концерт ребят из Центра эстетики и красоты “Катюша” под руководством Земфиры Цахиловой, моей сокурсницы по Щукинскому училищу. Номер ею был придуман очень остроумно: взрослые дяди вынесли чемоданы, и вдруг из этих чемоданов, как горох, высыпали дети и превосходно разыграли произведения Михалкова. Получился отличный концертный номер, все долго скандировали, кричали “браво!”. После завершения празднества и вручения В. Сурковым Сергею Владимировичу ордена Святого Апостола Андрея Первозванного я, улучив момент, подошёл к Михалкову с поздравлениями и с некоторой гордостью спросил: “А как вам номер с чемоданами?” Он не понял. Тогда я громко повторил ему вопрос: “Как дети из чемоданов?” Сергей Владимирович довольно странно посмотрел на меня и ответил: “Да, да, дети... У меня их двое...” И вдруг юбиляр, предполагая, что я у него беру интервью, развернул целую концепцию развития детской литературы, которую он нередко высказывал многим в своих выступлениях: “Правительство детской литературой не занимается, а если кому-то из детских писателей удаётся найти спонсоров, чтобы издать свою книжку, то это, считай, повезло. Главным образом детской литературой сегодня занимаются сами издательства, у которых порой не хватает вкуса, потому что начинающему детскому писателю нужна школа, а школа — это критика, а критиковать, давать советы, правильно направлять могут лишь крупные писатели”. Я понял, что он не расслышал мой вопрос, и снова спросил о детях Земфиры Цахиловой. В ответ он торжественно сообщил: “У меня 10 внуков и 8 правнуков”. — “Как же вы с ними общаетесь, есть время на это?” — перевёл я разговор. “С правнуками я не общаюсь, они живут своей жизнью, а я — своей. С внуками я дружу, потому что внуки уже взрослые люди, они меня приглашают на премьеры уже собственных фильмов. Они сами личности, и я доволен, что они занимаются всерьёз такими профессиями, которые сами себе выбрали. Впрочем, я далеко от них держусь! У меня их такое количество, что я управиться с ними не могу!”

В целом получился очень забавный диалог: Сергей Владимирович, не расслышав, решил, что разговор идёт о его собственных детях, а мне удалось узнать его точку зрения на состояние детской литературы и порядка в его семье.

Юмор у него был, конечно, роскошный. Никита Михалков рассказывал на телевидении о юбилее А. Кончаловского. Сергей Владимирович позвонил старшему сыну и говорит: “Андрюша! Ты понимаешь, что тебе сегодня 70 лет, а тебе звонит твой отец и поздравляет с юбилеем?”

Конечно, он знал себе цену, но никогда не подчёркивал это, умел вести себя достойно и аристократично. Недаром на реплику Евтушенко: “Что вы всё: гимн да гимн! Текст мог бы быть и получше!” — ответ Михалкова прозвучал, как легенда, с убийственным сарказмом: “Женя, когда гимн зазвучит — нигуда не денется, встанете и запоёте!”

Что касается басен Михалкова, то знатоки и, кстати, особенно актёры их обожают. Они очень современные, игровые, лицедейские. Думаю, что знаменитый “Фитиль” как сатирический киножанр сродни михалковским басням. Недаром “Фитиль” был так популярен, а звучащая с экрана критика бесстрашно показывала самые острые проблемы современной жизни. Кажется, прошло время, но и сегодня, когда читаешь басни Михалкова или выступая с ними на сцене, всегда просматривается современная тема, острое её разрешение.

Известно, что Сергей Михалков, после стихотворения “Светлана”, напечатанного в главной советской газете “Правда”, — мог рассматриваться коллегами по поэтическому цеху чуть ли не как приспособленец, восприниматься как человек, “выехавший” на банальном подхалимаже к вождю и его дочери.

Что на это ответить? У Михалкова в этом отношении было чуть ли не идеальное “социальное чутьё”. Он, как никто, умел найти темы, творческие ходы

и решения, чтобы привлечь внимание к своим произведениям. Автору этих строк удалось просмотреть десятки обложек и сотни текстов Михалкова, посвящённых детям: как же здорово это написано, с какой неподдельной заботой о подрастающем поколении!

Владимир Фирсов – весёлый и праздничный человек – очень забавно рассказывал коллегами, как при встречах общался с Сергеем Михалковым. Михалков всегда просил молодого тогда ещё поэта Фирсова прочитать что-нибудь из новых стихов. А затем, уже традиционно, требовал: “А теперь то, своё, про “соловьёв” прочитай!” Позже, совершенно неожиданно для Фирсова, именно Михалков выдвинул его на Государственную премию. Для Фирсова, с его слов, получение столь престижной награды явилось абсолютной неожиданностью. А ведь это далеко не единственный случай, когда Михалков помогал людям: с премиями, квартирами, спасал от опалы, требовал объективной оценки того или иного писателя. Михалков относился к своей стране, как Дон Кихот к Дульцинее: он для неё – России, в каком бы она ни была “настроении”, – написал три гимна, которыми гордятся все поколения – от мала до велика! Возможно, это прозвучит преувеличено, и с пафосом, но, на мой взгляд, Сергей Владимирович Михалков последний, а может быть, и единственный Дон Кихот в советской литературе.

Киножурнал “Фитиль” – любимое детище Сергея Михалкова – был практически единственной сатирической отдушницей в СССР. Во всяком случае, отдушиной, которая была доступна миллионам зрителей. Причём это была хлёсткая сатира! И главное, что называется, невзирая на лица. Киножурнал мог “пройтись рашпилем” и по министрам, и по ведомствам, и по крупным чиновникам. В то время мог позволить себе так себя вести только могучий литературный Лев.

Дети Сергея Михалкова довольно рано увлеклись кинематографом. А дети часто становятся своеобразными “зажигалками” для родителей, особенно в творческой семье. Между прочим, Никита Михалков ещё в Щукинском училище принялся осваивать театральную режиссуру. Многие до сих пор помнят его прекрасный спектакль “Двенадцать разгневанных мужчин”, поставленный как курсовая работа. А когда в семье двое мальчишек “больны” кинематографом и успешно утверждаются в этом жанре, немудрено, что и отца накрыла “обратная волна”. Тем более, что старший Михалков как писатель изначально отличался драматургическим видением литературного материала. Именно отсюда истоки его замечательных басен и сатирических пьес, которые широко шли на сценах всей страны. Хороший сценарий – это основной фундамент, без которого трудно сделать хорошее кино. Убеждён, что истоки “кинематографической грани” в творчестве С. Михалкова следует искать именно в “семейной мастерской”, в общении отца с талантливыми сыновьями. Кстати, подобные “семейные мастерские” были очень распространены в старину, в классических дворянских и купеческих династиях, ведь Михалковы – древний русский род, известный ещё со времён царя Михаила Фёдоровича.

* * *

У Михалкова было в избытке то, что я бы назвал “личным жанром”, “личной историей”. В театре бывают жёсткие актёрские амплуа: “герой-любовник”, “трагик”, “комик”. Что бы он ни делал, его творчество окрашивалось ярким личным артистизмом, неповторимым обаянием, детскостью восприятия мира, спонтанностью, горячностью, увлечённостью. Повторяю, у него был неповторимый личный поведенческий стиль. Если бы Сергей Владимирович захотел попробовать себя в актёрском деле, то стал бы, на мой взгляд, замечательным артистом!

* * *

На заседаниях правления МСПС часто приглашали крупных писателей и поэтов – Чингиза Айтматова, Валентина Распутина, Станислава Куняева, Владимира Фирсова, Валерия Ганичева и других. Но входил Михалков – и сразу же становился центром внимания. Весь разговор начинал вертеться вокруг

него. Сергей Владимирович был прирождённым лидером, открытым, добродушным, обаятельным, рассудительным, наполненным яркой жизненной харизмой и к тому же дьявольски артистичным и остроумным человеком. И ещё – в нём жила только ему присущая свобода. У него можно было поучиться редкому свойству – уметь быть значимым, не затрачивая на это никаких усилий.

Однако рисуя картину отношений тех лет, пора вспомнить одно крупное событие, в котором Сергей Владимирович был не только лидером, но и сделал это событие историческим.

Речь идёт о “Конгрессе писателей русского зарубежья”. Для воплощения этого крупного проекта была проведена большая предварительная работа, в которой мне довелось быть одним из организаторов.

После ряда встреч и переговоров московская мэрия выделила на Конгресс большие деньги. Поскольку в это время две организации – МСПС во главе с С. Михалковым и руководство МГО Союза писателей России во главе В. Бояриновым – тесно сотрудничали, то идея Конгресса воодушевила обе организации. К тому времени, по предложению В. Бояринова и М. Замшева, я уже работал Председателем ревизионной комиссии МГО Союза писателей России. Однако в целях более тесного сотрудничества, теперь уже по настоянию Ф. Кузнецова, меня назначили ещё и секретарём МСПС. Таким образом, под кличкой “добытчик”, данной мне Ф. Кузнецовым, мне удалось полноценно участвовать в подготовке этого проекта.

Проект тогда обречён на удачу, когда каждая из сторон осознаёт степень своей выгоды от его успешной реализации. И, судя по всему, власть осознала необходимость участия в судьбе русского слова.

19–21 ноября 2007 года в Москве, в Центральном доме литераторов, начал работать “Конгресс писателей русского Зарубежья”. На это мероприятие прибыли более 150 литераторов из 19 стран мира.

На Конгрессе были предложены для рассмотрения следующие темы: “Русское литературное Зарубежье на современном этапе”, “Тенденции и традиции в творчестве писателей-соотечественников”, “Интеграция творчества писателей-соотечественников в литературный процесс России”. Проводились семинары известных писателей.

Эпиграфом к этому съезду по предложению М. Замшева было принято определение: “РУССКОЕ СЛОВО – СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ ВРЕМЁН”

Вот с таким девизом впервые в новейшей истории России начал работать этот Конгресс. Если говорить без пафоса, но ответственно, то в целях этого мероприятия была заложена масштабная сверхзадача: Конгресс готовился с целью реализации идеи сближения и интеграции в литературно-художественный процесс России писателей-соотечественников, а также тех, кто ведёт пропаганду русского слова во всём мире. Списки приглашённых писателей, программа и последовательность выступлений были неоднократно согласованы с Сергеем Михалковым. Он в прямом смысле держал руку на пульсе и был бодр, деловит и настроен очень оптимистично. Особенного его радовало, что писателям в кои-то веки на полных три дня оплачивался транспорт, столование и гостиница.

В числе делегатов Конгресса были крупные писатели-соотечественники, проживающие в России и за рубежом, переводчики русской литературы, филологи-слависты. В работе Конгресса приняли участие такие всемирно известные мастера русского слова, как Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Егор Исаев, Валерий Ганичев и другие. Неожиданно организаторы проекта вспомнили, что я режиссёр, и доверили мне выстроить открытие форума.

Конгресс открылся под музыку второго концерта Рахманинова. Мы уговорили пушкиниста Валентина Непомнящего прочитать стихотворение А. С. Пушкина “Пророк”.

И вот осанисто, опираясь на трость, неторопливо вышел на сцену и занял место в президиуме Сергей Михалков. Это фрагмент его речи:

“Понадобились многие годы и огромные усилия, чтобы мы снова встретились в этом зале, где на протяжении 75 лет общались, дружили, ссорились, обсуждали новые произведения и даже немножко выпивали...”

И тут случилась неприятность: в зале погас свет. Несколько секунд у нас у всех был шок! Однако в ту же минуту, несмотря на отключенный микрофон, в зале громко и отчётливо прозвучали михалковские слова: “Ну вот, опять вмешался Чубайс”. Хохот и аплодисменты скрасили этот технический ляп, которым

в полной мере чуть позже воспользовался Ф. Кузнецов, продолживший после вступительной речи С. Михалкова вести первое заседание. Вот что он сказал:

“ЦДЛ перешёл в частные руки, и стоит ли удивляться, что свет погас? Государство, если только оно заинтересовано в поддержке и развитии русского слова, должно проводить и соответствующую политику. Не всё пускать по рыночному ветру”. Эти горькие и справедливые слова участники Конгресса встретили аплодисментами. У всех присутствующих невольно возник образ родного писательского дома, и каждый думал примерно так: “Этому гостеприимному дому посвящались стихи и книги, здесь “хорошие и разные писатели”, имена которых стали гордостью русской культуры, переживали трагические и смешные моменты, здесь всегда кипела жизнь. И вот, оказывается, он писателям уже не принадлежит”.

Конгресс вселил большие надежды. Всем тогда казалось, что пришло время “собрать камни”. Тем более, что мои старания увенчались успехом и посланный для согласования предварительный текст приветствия президента под горячие аплодисменты был озвучен в первые минуты открытия нашего форума. В телеграмме президента, в частности, говорилось:

“... Здесь, в столице России, собрались представители разных стран, выдающиеся писатели современности, видные учёные-филологи, слависты. Те, для кого русский язык – язык творческого самовыражения, интеллектуального и дружеского общения. Кто хорошо понимает и высоко ценит значение русского слова, которое на протяжении многих веков ярко, мощно и удивительно красиво “звучит” в мировой литературе. Участникам и гостям вашего Конгресса, проходящего в Год русского языка, предстоит обсудить насущные вопросы сохранения этого поистине бесценного культурного наследия, повышения роли языка как универсального инструмента международного сотрудничества. Убеждён, предстоящие встречи, дискуссии будут способствовать укреплению взаимопонимания и доверия, внесут весомый вклад в создание единого литературно-художественного пространства русской словесности. Президент России Владимир Путин”.

Вы спросите, почему автор этих строк так подробно останавливается на этом Конгрессе? Дело в том, что он по тем временам был громадным литературным событием. Михалков, будучи во главе этого форума, проявил себя не только как опытный руководитель и сильная личность, но Сергей Владимирович сумел предложить приехавшим на форум писателям **новую повестку дня**, поверить в значение Слова как мощного духовного оружия, призвать всех к единению и служению литературе. Каждый выступающий, видя в президиуме легендарную личность, этого, без преувеличения, великого старца, старался своим словом качественно преумножить содержательную часть этого форума.

В свою очередь, Сергей Владимирович короткими репликами поощрял ораторов, то давал искромётные оценки, то интригуяще и лукаво перешёптывался с соседями, то есть полнокровно и чрезвычайно заинтересованно следил за всем ходом Конгресса. В зале Дома литераторов в эти дни действительно царил подлинное вдохновение. Ораторы один за другим выходили к трибуне и говорили о русском языке, о писательской миссии с такой искренностью и страстью, что нынешнему времени, к сожалению, не свойственно. Вот почему хочется привести хотя бы короткие фрагменты из текстов выступающих, записанных в ходе Конгресса.

Первый секретарь исполкома МСПС, член-корреспондент РАН Феликс Кузнецов: “В дни, предшествовавшие Конгрессу, на телеэкранах Европы триумфально демонстрировался телевизионный сериал по роману Л. Н. Толстого “Война и мир”, заставляя людей смотреть не футбол, а экранизацию великого русского романа. Это событие подтверждает, что **русская литература – главный вклад русского народа в мировую цивилизацию**.”

Современник Пушкина и Гоголя, издатель журнала “Московский телеграф” Николай Полевой называл русскую литературу **“невещественным капиталом нации”**. А Герцен говорил, что литература в России – это “вторая власть”.

И действительно, такой власти над умами и душами людей, какой обладала русская литература в XIX, да и в XX веке, **не имела никакая другая литература в мире**. Истоки этого могущества – не только в высочайшем даре слова её крупнейших художников, но и в том, что русская литература поднимала и ставила на общественное обсуждение самые трудные и самые важные для людей духовно-нравственные и социальные вопросы. И прежде всего – вопрос о Боге в душе, о смысле жизни и совести.

В чём сила русской литературы? Сила её заключается в том именно, что **она всегда была обращена к совести, к Богу, к душе**. Двадцать первый век оборачивается вызовом. Истоки этого вызова — те процессы глобализации, которые в американском варианте идут по миру. В России в девяностые годы эти процессы особенно больно ударили по русской культуре в тот момент, когда она была брошена в бандитский капитализм, в дикий рынок. Культура и литература были полностью отделены от государства. Это и послужило причиной тех искажений, которые сегодня очевидны для всех думающих, честных людей. Необходима смена стратегии во взаимоотношениях между государством и культурой.

Суть новой стратегии заключается в том, что государство должно **осознать себя не сторонним наблюдателем, не благодетелем даже, а инвестором**, внутренне и глубоко во всех формах и видах озабоченным судьбой культуры и судьбой русского слова. Знаком понимания необходимости выработки новой стратегии явилось решение президента России объявить 2007 год Годом русского языка, 2008 год предложено объявить Годом литературы”.

Далеко глядя в будущее, министр культуры и массовых коммуникаций РФ Александр Соколов отметил грядущий разрыв поколений, разглядел надвигающиеся проблемы во многих жанрах искусства и особенно в кинематографе: “Девяностые годы — это были годы разрыва. Они явились следствием тех политических процессов, которые мы сегодня осмысливаем. И поэтому пророчество Дмитрия Сергеевича Лихачёва именно сегодня звучит для нас особо. Он сказал: “В России нацией стала литература”. Русский язык — это не просто язык, на котором в мире говорит 250 млн человек, а 164 млн из них считают его родным. Русский язык — это сокровище мировой, а не только русской культуры. Русский язык — это, прежде всего, та среда духовного обитания, которая, к сожалению, становится **неведомой молодому поколению**. Вот этот страшный разрыв поколений, наверное, сейчас и есть самая главная сфера ответственности писательской среды. Сегодня мы ещё только ищем пути, по которым идти надо, но совершенно ясно, в каком направлении идти нельзя. **Мы живём в условиях догматов рыночной экономики**. Никогда рынок не наполнит хорошей настоящей здоровой литературой полки общедоступных библиотек. Никогда рынок не откроет путь на кино- и телеэкран настоящим, высокохудожественным, но не коммерческим произведениям искусства. Это должно делать государство”.

* * *

Совсем недавно ушёл из жизни многолетний руководитель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев. Человек, много сделавший для становления писательской организации в самое сложное время раздора и беспредела, царившего в стране и в писательской среде.

Вот его проникновенное слово: “Уважаемые коллеги, разрешите огласить приветствие человека, известного и у нас в стране, и за её пределами. Об этом свидетельствует недавнее выступление Святейшего Патриарха в Страсбурге на Европейском экономическом сообществе, когда он без ложной толерантности назвал грех — грехом, беду — бедой. И Европа слушала, затаив дыхание. Мне доставляет удовольствие зачитать его приветствие, потому что Союз писателей России является соучредителем Всемирного Русского Народного Собора, главой которого является Патриарх, а Председатель Союза писателей РФ — его заместитель:

“Дорогие братья и сестры, уважаемые соотечественники!

Сердечно приветствую всех организаторов, участников и гостей Международного Конгресса писателей русского зарубежья “Русское слово — связующая нить времён”.

Несомненно, всяческого одобрения и поддержки заслуживает стремление писателей развивать и укреплять добрые отношения и творческие связи между соотечественниками, живущими в разных странах, на разных континентах нашей планеты.

Надеюсь, что эта важная встреча русских писателей будет иметь историческое значение, поможет лучше понять друг друга и осмыслить цели и задачи,

стоящие сегодня перед литературным сообществом, а также послужит укреплению мира и согласия между людьми.

Желаю всем вам, дорогие братья и сестры, помощи Божией в ваших творческих дерзаниях, а настоящему Конгрессу – конструктивных дискуссий и плодотворной работы. Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II”.

Далее В. Ганичев продолжил разговор о русском языке. Вчитываясь в его выступление сегодня и вспоминая, что сейчас происходит на Украине, видишь, как крупный русский писатель предчувствовал наступающее время:

“Сегодня, в начале XXI века **только невежество и низкопоклонство требует заменять русские слова английскими во всех случаях**. Я вношу предложение от имени секретариата Союза писателей обратиться к президенту Путину с предложением принять закон, который объявлял бы русский язык национальной святыней нашего народа. Необходимо придать ему такой статус и на законодательном уровне обеспечить соответствующие этому статусу уважение и защиту”. Голос Ганичева дошёл до слуха властей, и 2007 год был объявлен президентом Российской Федерации Годом русского языка...

Хочется отметить, что сам факт проведения Конгресса явился тогда огромным прорывом. Он свидетельствовал о том, что жива русская литература, что в ней есть талантливые писатели и что они могут устроить такой праздник, о котором не стыдно вспоминать.

Сразу после Конгресса невыразимо быстро оживилась жизнь наших писателей за границей. До этого большинство из них, оставшихся там после распада Советского Союза, не имели в стране проживания никакого веса. Да и интереса читателей практически никакого не было, ведь они на Родине не издавали книги и не печатались в литературных журналах. Если в Чехии и в Германии были свои русскоязычные журналы и литераторы общались в своей узкой компании, то, например, в Австрии и ряде других европейских стран ничего не было. А вот после нашего Конгресса за рубежом, как грибы после дождя, проросли всевозможные творческие союзы русскоязычных писателей, появились литературные журналы.

Наш Конгресс дал сильнейший толчок для объединения русскоязычных писателей за границей. И автор “Дяди Степы” был одним из главных инициаторов этого объединения. Его послания, дружеские приветствия долетали в разные страны, где начала возрождаться жизнь литературных сообществ и редакций. Надо отметить, что после Конгресса появилась обширная и хорошая пресса, по центральному телевидению была показана торжественная церемония открытия, впервые за многие годы к писателям так широко было проявлено внимание СМИ.

Заканчивая эти заметки, хочется вспомнить некоторые особенности характера Сергея Владимировича.

Искромётный юмор Михалкова отмечали многие. Помню, после какого-то совещания мы спускаемся по лестнице, идём к выходу... А там, в фойе МСПС, у самого выхода стояла копия классической античной статуи: фигура обнажённой женщины, чуть-чуть прикрытая туникой и запечатлённая в каком-то девственном, созерцательном состоянии. Михалков, проходя мимо и метнув лукавый взгляд на статую, громко объявил: “А вот это наша отечественная детская литература!” Все от души рассмеялись.

А вот следующая тема стала большой для писателей всех поколений. Дело в том, что Центральный дом литераторов всегда принадлежал Союзу писателей СССР. Здание это – историческое, со своей богатой биографией! Но в один прекрасный момент как-то кулуарно, без всякого афиширования, произошло его акционирование, и этот дом для всех стал вдруг частной собственностью некой группки людей. Помню, зашёл разговор: мол, хорошо бы по горячим следам только что проведенного Конгресса писателей попытаться оспорить это “акционирование”. Надо действовать, пока, мол, не “замылили” за давностью лет. Тогда Сергей Михалков предложил: “Давайте, напишите письмо на имя Лужкова, чтобы я мог снова поднять этот вопрос”. В этом письме всё было изложено кратко, ёмко, а главное – логика необходимости возвращения писательской собственности являлась неоспоримой, весомой и юридически безукоризненной. Показав предварительно письмо первому заму Ф. Кузнецову и получив одобрение, в удобный момент письмо попало на подпись Сергею Владимировичу. Михалков внимательно прочитал документ, сказал, что письмо ему нравится. Мол, будет этим заниматься. Но сразу предупредил:

“Только учтите: у меня с Лужковым отношения, прямо скажем, неважные. Как-то не сложились”. И добавил: “Попробовать, конечно, стоит. Но результат, сразу предупрежу, будет с вероятностью пятьдесят на пятьдесят!”

Прошло какое-то время, и мы справились о результатах. “Есть ли решение по письму?” Получаем ответ: “Сейчас Лужкову пишут автобиографическую книгу. И ключевой автор там – Генрих Боровик. А он входит в состав акционеров и руководства приватизированного Дома литераторов. Увы, их позиции сильнее моих”. Это к разговору о том, что якобы все чиновники побаивались и благоволили к Михалкову. Увы, это далеко не так! Среди власть имущих далеко не все хорошо относились к автору гимна. Но несмотря на изначально неравную ситуацию, когда шансы на успех были невелики, “Лев” всё-таки “замахнулся лапой”, отстаивая справедливость. Увы, банальная алчность оказалась сильнее – Дом литераторов “успешно” был отнят и вычеркнут из писательской собственности. Но верится, что не навсегда, – время покажет!

Всплывает в память ещё один конфликт: между Сергеем Михалковым и Феликсом Кузнецовым началась нешуточная вражда, в которую втягивались по разные стороны многие писатели. Помню, провожая Михалкова после совещания, мы с Бояриновым усаживали Сергея Владимировича в машину. И тут при мне Михалков говорит: “А ведь старина Феликс, – последовало ненормативное определение, – эту свою катавасию проиграл!” И тут же, повернувшись к Бояринову, дружески, тыча его пальцем в лоб, добавил: “А ты оказался умницей в этой ситуации. Молодец, Володя!” Его оценки и обращения всегда были приятельскими, без пафоса и официоза, такие, я бы сказал, “пацанские”.

Михалков всегда был внутренне моложе, чем он выглядел. Хоть и ходил в это время с палочкой, но изнутри буквально светился! Общаешься с ним – ну, больше шестого десятка лет ни за что не дашь! Было в нём что-то игривое, даже озорное.

Для многих людей жизнь – это испытание, преодоление, иногда непосильная тягота, а в нём бурлила влюблённость в жизнь. Его детскость, чувство радости бытия не только удлинляли ему жизнь, но, на мой взгляд, для многих являлись зримым примером долгожительства. Благодаря веселью и озорству, он побеждал все неприятности, всякие недостатки, всякую “хмурь”; он хотел жить долго и полнокровно, он любил жизнь и, кажется, как мало кто понимал её смысл.

После завершения первого Всемирного Конгресса писателей мы собрались в большом зале МСПС, чтобы подвести итоги. Все делились впечатлениями, поздравляли друг друга. Михалков отметил каждого поимённо, назвал тех, кто привнёс в общее дело свой вклад. В конце заседания возникла пауза. Я оказался смелее других и задал ему вопрос: “Сергей Владимирович, вами прожита большая жизнь. Что было самым важным в этой жизни, что вы запомнили?” И он вдруг отвечает: “Встреча со Сталиным!” Мгновенно все присутствующие замолкли и уставились на Михалкова. “Где и когда это произошло?” – спросил я. Он недолго помолчал и начал, чуть заикаясь, рассказывать: “Мы были на фронте, и вдруг нам через штаб Рокоссовского поступило сообщение: мол, вызывают срочно в Москву Михалкова и Эль-Регистана. Ну, мы прилетели, пришли к Сталину в кабинет. А вызвал он нас по вопросу нового гимна, по уточнению текста. Мы с Регистаном участвовали в конкурсе и стали победителями. Товарищ Сталин, оказывается, посмотрел нашу версию и внёс в неё свою правку. Он объяснил нам, что он в нашем тексте исправил. Объяснял он деликатно, умно, с пониманием поэзии, со знанием дела. Мы долго сидели, и в основном он говорил не со мной, а с Эль-Регистаном. Я был рядом и молчал. И вдруг он спрашивает меня: “Товарищ Михалков, а почему вы всё время молчите?” Я перепугался, но всё-таки ответил: “Товарищ Сталин, дело в том, что я з-заикаюсь, поэтому и молчу”. – “А вы не заикайтесь, товарищ Михалков!” И вы знаете, товарищи, я после этого две недели не заикался!”

Помню, когда Михалков это рассказал, то все сначала словно оглохли, потом засмеялись. Для меня это было промыслительное признание. Я тот разговор и оценку Михалковым Сталина запомнил на всю жизнь. Оказывается, такая встреча может быть самым важным событием в жизни большого писателя.

Заканчивая эти воспоминания, хочу заметить: Сергею Михалкову суждено было творить в Великую эпоху, и он до конца жизни не изменил ей, не предал своих убеждений! Его строка из гимна – “Хранимая Богом родная страна” – для него была священным понятием. Вот почему он навсегда останется в памяти потомков, как Дон Кихот советской литературы.

КОНСТАНТИН ДОЛГОВ

доктор философских наук

РЫЦАРЬ КЛАССИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

8 октября 2019 года скончался выдающийся российский учёный, доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИМЛИ, автор классических трудов по отечественной и зарубежной литературе Пётр Васильевич Палиевский.

Среди известных специалистов по отечественной и мировой литературе П. В. Палиевский выделялся своим необычайным талантом, одарённостью и любовью к русской классической и зарубежной литературе, к высокой и универсальной культуре прошлого и современности. Получив прекрасное образование на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, Пётр Васильевич всю свою жизнь посвятил изучению произведений великих отечественных и зарубежных классиков А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. И. Куприна, С. А. Есенина, И. А. Бунина, А. Н. Толстого, М. А. Шолохова, М. А. Булгакова, В. В. Розанова, К. Н. Леонтьева, П. А. Флоренского, А. Ф. Лосева, Г. Грина, У. Фолкнера, А. Камю, М. Митчелл, К. Гамсуна и многих других. Обладая глубоким, острым и строгим умом учёного, П. В. Палиевский внёс неоценимый вклад не только в раскрытие содержания великих произведений мировой литературы, но и в понимание исключительно важного значения литературы для жизни современного человека.

Много лет назад я познакомился с Петром Васильевичем на одной из теоретических конференций, посвящённых советской литературе и искусству. Меня, как и других участников этой конференции, поразил доклад человека небольшого роста, просто и в то же время изящно одетого, который звонким, задорным мальчишеским голосом раскрывал удивительно глубокие, новые, необычные идеи и мысли, содержащиеся в произведениях классиков советской литературы. С тех пор мы на протяжении многих лет поддерживали дружеские отношения и встречались на различных конференциях, симпозиумах, круглых столах, посвящённых вопросам отечественной и мировой литературы, философии, искусства и культуры. Он был членом Философско-богословского общества и Фонда им. К. Н. Леонтьева, целого ряда других общественных организаций, в работе которых он всегда принимал самое активное участие. Я вспоминаю, например, такой эпизод, когда ко мне на приём в ЦК КПСС пришли несколько человек во главе с П. В. Палиевским, чтобы посоветоваться по проблематике, оформлению и сущности подготовленного к изданию ежегодника. Прежде всего, трудно было выбрать небанальное название этому ежегоднику, и когда я предложил дать ему название “Контекст”, Пётр Васильевич от радости воскликнул: “Лучшего названия не придумать!” Этот

ежегодник быстро завоевал свою аудиторию и стал весьма значимым и популярным среди учёных-литературоведов и широкой публики.

Надо сказать, что он писал не так много статей и книг, как некоторые литературоведы, но зато каждая его работа была примером изящества, чистоты русского научного языка, аргументированности и соответствующих хорошо обоснованных выводов и рекомендаций. Идет ли речь о сущности художественного образа, об исторических и художественных традициях, о взаимоотношении русской классической литературы и литературы Запада, об особенностях таланта того или иного писателя, о путях развития национальных литератур и мировой литературы – в понимание и решение этих проблем Пётр Васильевич внёс значительный вклад. Его работы были не просто работами литературоведа, а человека, глубоко, философски осмысливающего литературные произведения как документы, содержащие анализ духовной ситуации своего времени. Идёт ли речь о произведении Пушкина, Толстого, Достоевского или Фолкнера, Г. Грина или Камю – все эти произведения, согласно Палиевскому, раскрывают наиболее важные и существенные идеи и тенденции своей эпохи. Пётр Васильевич как бы следовал одному из советов Альбера Камю: если хочешь быть философом, пиши романы. Сам Пётр Васильевич, к сожалению, романов не писал, но зато с каким изяществом, глубиной и утончённостью он анализировал великие произведения мировой литературы! Можно только удивляться фундаментальности его научного анализа, что с особой очевидностью проявилось в таких его трудах, как “Пути реализма”, “Литература и теория”, “Русские классики: опыт общей характеристики”, “Шолохов и Булгаков”, “Из выводов XX века”, “Развитие русской литературы XIX – начала XX века. Панорама” и других. Казалось бы, что можно сказать нового относительно развития реализма в литературе, теории литературы, оригинальности и самобытности таланта того или иного писателя, сравнительного анализа творчества, итогов развития русской и мировой литературы XIX и XX веков? Все, кто читал и изучал работы Петра Васильевича, удивлялись тому, что по всем этим вроде бы уже давно известным и решённым вопросам он находил свои новые, оригинальные и фундаментальные решения.

Примечательно, что Пётр Васильевич никогда не стремился к резкому, лобовому противопоставлению классических литературных сочинений и произведений модернистских и постмодернистских традиций, а напротив, искал неизбежные взаимосвязи и взаимозависимости между ними, хотя его симпатии всегда были на стороне реалистической литературы.

Пётр Васильевич Палиевский обладал удивительным талантом рассказчика и собеседника по любому вопросу, он завораживал слушателей необычайно богатой речью человека, не просто изучавшего и изучающего великие литературные произведения. Во время изложения своих взглядов на творчество того или иного автора он как будто преображался на глазах у слушателей в самого автора. Беседы с ним всегда доставляли необычайное эстетическое удовольствие и удовлетворение глубоко научным пониманием всего того, что давала мировая литература. Я знаю это по себе. Когда Палиевский приходил к нам в ЦК КПСС посоветоваться по каким-то серьёзным вопросам, я всегда чувствовал и понимал, насколько наши встречи и беседы важны и полезны для нас обоих. При встречах с ним я вспоминал, как, ещё будучи студентом и аспирантом, по возможности приходил на конференции, проводимые Институтом мировой литературы, где в то время работали выдающиеся учёные-филологи, специалисты по мировой литературе Б. Л. Сучков, В. Р. Щербина, М. М. Гаспаров, С. С. Аверинцев, Ю. Б. Виппер, Н. К. Гей, Я. Е. Эльсберг и многие другие. (Не случайно директор ИМЛИ Б. Л. Сучков был первым оппонентом по моей докторской диссертации). П. В. Палиевский был одним из тех, кто активно продолжал эти прекрасные научные литературно-культурные традиции.

Наши встречи не носили систематического характера, а были, скорее, встречами по случаю тех или иных культурных событий, и независимо от того, были ли они длительными, по два-три часа, или краткими, на несколько минут, они всегда оказывали благотворное воздействие на нас обоих.

Это был удивительно благородный человек, который не скупился делиться своими новыми замыслами и идеями. Все, кто обращался к нему за помощью, получали дельные советы и рекомендации, которые помогали изучению отечественной и мировой литературы.

П. В. Палиевский был в подлинном смысле гражданином своей родины, во всех его работах прослеживается любовь к отечественной литературе, науке, культуре, его патриотизм не был внешним, формальным, напротив, это было внутреннее естество, внутреннее духовное содержание всей его научной и общественной деятельности. Его творчество представляет собой творчество выдающегося учёного и гражданина России. Он гордился достижениями русского народа и глубоко переживал его беды, поражения и катастрофы.

П. В. Палиевский считал откровенным предательством перестройку М. Горбачёва, поскольку было разрушено могучее государство – Советский Союз, где власть впервые за всю историю принадлежала рабочим и крестьянам, где не было эксплуатации человека человеком и не было места слугам мамоны. При наших встречах и беседах он откровенно говорил, что это, по существу, начало развала Советского Союза как великого государства, что Горбачёв не только невежественный, малограмотный и малокультурный человек, ничего не понимающий ни в политике, ни в экономике, ни в культуре, но он к тому же постоянно заискивает перед руководителями США, Великобритании и других стран Запада. Он постоянно сдаёт позиции, и, говорил Пётр Васильевич, кажется, что Горбачёв, Яковлев, Шеварднадзе и всё их окружение настроены не защищать интересы нашей страны, а сдавать одну позицию за другой и угождать и прислуживать Западу. Всегда уравновешенный и спокойный учёный, П. В. Палиевский здесь не жалел резких выражений и с нескрываемой яростью и презрением отзывался о Горбачёве и его ближайшем окружении, говоря, что их деятельность похожа скорее на предательство, чем на подлинную перестройку. Переговоры Горбачёва с руководителями США и Европы только подтверждали правильность суждений П. В. Палиевского. Наряду с такими писателями, как Ю. Бондарев, В. Белов, В. Распутин, и многими другими он горячо отстаивал право русского народа на свободу и независимость, веру и культуру, свои обычаи и традиции, на своё, соответствующее ему великое место в мировой истории и культуре.

Память о Петре Васильевиче Палиевском останется навсегда в умах и сердцах всех, кому были знакомы его труды и он сам как удивительно светлый, умный, оригинально мыслящий, духовно богатый, истинно интеллигентный, обаятельный, жизнерадостный человек. Его произведения давно уже стали научной классикой, а он как личность всегда будет вызывать искренний интерес учёных новых поколений.

P. S.: Около двух месяцев назад я позвонил Петру Васильевичу договориться о встрече, чтобы обсудить некоторые литературные вопросы. Он ответил своим на удивление молодым, задорным мальчишеским голосом: “Я нахожусь в больнице, а завтра уезжаю на пару недель отдохнуть. После возвращения я тебе позвоню, мы встретимся и обо всём поговорим. Кстати, – сказал он, – во втором номере “Нашего современника” у меня вышла статья “Завещание русского консерватизма”, в которой я раскрываю содержание мирозерцаний двух великих русских мыслителей-консерваторов – твоего любимого К. Н. Леонтьева и В. В. Розанова. Парадоксальные взгляды этих во многом несогласных друг с другом философов, по существу, наметили и определили как развитие основополагающих идей народов Востока и Запада, так и их реальное историческое развитие. Я думаю, ты оценишь содержание моей статьи именно как завещание русского консерватизма, духовный опыт которого нам ещё предстоит освоить и использовать как в теории, так и на практике. Я просил бы тебя также назвать твои последние работы, с которыми мне необходимо познакомиться”.

Я прочитал статью П. В. Палиевского и ещё раз убедился в философской глубине, тщательном анализе материалов, тонкости и изящности мышления человека, глубоко переживающего исторические метаморфозы, выпавшие на долю России. Я полностью согласен с его выводами о необходимости изучения и использования творческого наследия этих великих писателей и философов. Статья явилась своеобразным обобщением не только их творчества и идей, но и обобщением классического наследия всех выдающихся русских писателей и философов, которым всегда были дороги судьбы Отечества.

Однако вечером 11 октября (уже после похорон) я узнал о его кончине, которая оказалась для меня, как, может быть, и для многих других, полной неожиданностью, потрясшей меня. Я очень сожалел, что не мог проводить этого

удивительного, благородного и близкого мне человека в его последний путь. Моя статья является выражением моего преклонения перед Петром Васильевичем Палиевским и моим глубоким поклоном его светлой памяти. Я счастлив, что встретил в своей жизни такого человека, учёного, друга и товарища. В моей памяти, как и в памяти многих коллег-учёных, которые его знали, он остаётся всегда молодым, энергичным, стройным, изящным, с голосом и походкой юноши и всегда новыми, неожиданными идеями.

С горечью приходится отметить, что СМИ, прежде всего, телевидение почти единодушно проигнорировали смерть выдающегося русского мыслителя. Их молчание особенно заметно на фоне повсеместной реакции на кончину другого видного автора — Льва Александровича Аннинского. Безусловно, Лев Александрович достоин тёплых и скорбных слов, сказанных в его адрес. Но почему же российские СМИ столь избирательны?

СВЕТЛАНА РЫБАКОВА

О РУССКОМ ПРАВДОЛЮБЦЕ

Памяти Михаила Петровича ЛОБАНОВА

10 декабря 2016 года ушёл в путь вся земля Михаил Петрович Лобанов. В истории нашего Отечества и русской литературы об этом человеке останется светлая память.

Не всякому свыше даётся говорить от лица своего народа и заступаться за него. Наверное, прекрасные бесконечные просторы Рязанской земли, где “не видать конца и края” и где со всех сторон небо с землёй сходятся, рожают именно таких вольных правдолюбцев. Потому и другой уроженец этих краёв, русский национальный поэт Сергей Есенин, также в смутно-тёмные 20-е годы XX столетия позволял себе открыто выговаривать властям предрержащим то, о чём все вокруг угрюмо молчали или шептались тихо, чтобы никто не услышал. В конце такой короткой жизни лебединой песней поэта стали стихи о любви к Руси уходящей, которой он остался верен до смерти.

Михаил Петрович творил уже в другие времена, но вопрос о судьбе России и русского народа стоял так же краеугольно и остро. Впрочем, как и сегодня.

Очень кратко скажу о его жизни, об этом много уже написано. Михаил Лобанов родился 17 ноября 1925 года в Спас-Клепиковском районе Рязанской области, в деревне Иншаково. В январе 1943 года из 10 класса средней школы он был призван в армию, участвовал в боях на Курской дуге. 9 августа 1943 года был ранен в бою осколком мины. За участие в сражениях награждён двумя боевыми орденами – Красной Звезды и Отечественной войны I степени. В 1949 году окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Защитил в университете кандидатскую диссертацию по своей книге “Роман Л. Леонова “Русский лес””. Более полувека (1963–2014) был руководителем творческого семинара прозы, профессором Литературного института им. М. Горького.

Всю свою долгую и нелёгкую жизнь Лобанов был правофланговым в строе патриотов России. В 1960-е годы, когда Михаил Петрович стал членом редколлегии журнала “Молодая гвардия”, по словам В. В. Кожинова, там начало складываться “новое направление” и “прежде всего, в статьях Лобанова...” Особый резонанс вызвала статья “Просвещённое мещанство”, в которой Лобанов, в частности, писал, что в будущем “рано или поздно смертельно столкнутся между собой две непримиримые силы – американизм духа и нравственная самобытность” народа (“Молодая гвардия”, 1968, № 4). Один бывший работник комсомольского журнала, эмигрировавший в Америку, вспоминает, что “даже на кухнях говорили об этой статье шёпотом”. Будущие “архитекторы перестройки” обвиняли молодого автора столь нетипичных

для его времени публикаций в “антимарксизме”, “внеклассовости”, “почвенности”, “русском шовинизме” и т. д. В 1970-е годы он подвергался нападкам людей, не любивших историческое прошлое России, бывшей, по их мнению, лишь “тёмным царством”. Но самая трагическая страница в жизни моего учителя произошла после опубликования в 1982 году в журнале “Волга” статьи “Освобождение”. В ней говорилось о замалчиваемой современными историками народной трагедии – голоде в Поволжье в 1933 году. Сам генсек партии Ю. В. Андропов потребовал принять постановление ЦК КПСС, осуждающее статью Лобанова. Последовали гонения, проработки...

Но вскоре наступила “перестройка”, и в непродолжительное время бывшие марксисты и комсомольские вожаки “перековались” и неожиданно стали яркими противниками советской власти, либералами, модернистами... А Михаил Петрович продолжал славить великую Россию. Это был человек, всю жизнь совершавший поступки, согласные с голосом совести, и до самого конца верный своим убеждениям. На его слова и действия никогда не влияли никакие “ветры перемен”. Зато, повторюсь, многие общественные деятели, имевшие в не столь отдалённые “советские” времена большие льготы и почести, стали выливать на эти времена мутные потоки, отрицая всё: и плохое, и хорошее, которого было немало, – унижая русский народ и обвиняя его во всех смертных грехах. И Михаил Петрович вновь поднялся во весь рост и стал на защиту своего народа, рассказывая новым поколениям правду о любимой России. Одна за другой появлялись книги “Великая победа и великое поражение” (2000), “В сражении и любви” (2003), “Память войны” (2006), “Обо-лганная империя” (2008), “Твердыня духа” (2010).

Однако для меня, человека верующего, самое главное – это взаимопонимание души человека и Бога. Ведь в своё время Христос каждому из нас, невзирая на лица, должности, мировоззрение, социальное положение, задал одни и те же вопросы, совсем не о достижении в чём-то или чего-то, а о простом, но самом насущном: “Ты дал стакан воды жаждущему? Не воровал, не прелюбодействовал? Отца и мать не обижал? Накормил голодного? Проведал больного?”

Могу с радостью свидетельствовать, что Михаил Петрович был настоящим искренним христианином. Однажды он рассказывал мне, что когда в послевоенное время в стране объявили об очередной переписи населения, то в народе говорили, что одним из пунктов её может вновь стать вопрос о вероисповедании. Когда Михаил Петрович завёл об этом речь со своим старшим другом, писателем Леонидом Леоновым, то тот говорил с ним уклончиво. “Как же это, Леонид Максимович? Нельзя промолчать... Ведь это будет отречение от Христа, – заметил тогда Михаил Петрович. – Надо отвечать прямо: верующий”. Из этого разговора я сделала вывод, что Михаил Петрович был готов к исповедничеству. В те годы ещё помнили перепись 1937 года, когда в самый разгар невиданных в истории Православной Церкви гонений на веру (даже в сравнении с первыми веками мученичества) многие люди назвали себя христианами, а атеисты были в меньшинстве. Но, видимо, время открытых гонений и мученичества прошло, и Михаил Петрович и многие верующие люди, готовые стать исповедниками, нужны были Господу на нашей земле для свидетельства о высшей истине и правде. Поэтому так сложилось, что безбожные власти, вероятнее всего, желая избежать повторения случая из довоенной переписи, исключили пункт о вероисповедании.

Ещё меня очень тронул и запомнился на всю жизнь один случай. Михаил Петрович, когда я стала болеть от сильного переутомления (дело дошло до капельниц), предложил свою помощь в покупке для меня лекарств. Я даже растерялась от неожиданности.

Вообще очень благодарна Богу, что неожиданно выпала мне именно такая, творческая дорога жизни. И что встретились на ней прекрасные люди – Михаил Петрович Лобанов и Светлана Владимировна Молчанова. Сначала стало страшно, когда Светлана Владимировна, прочитав мои рассказы и передав их Михаилу Петровичу, в конце концов, предложила поступать в Лит. Сидела я в приходской библиотеке, выдавала людям богословские книги, время от времени жила в монастырях, писала об этом “в стол” для себя впечатления и рассказы, ни о каком писательстве не мечтая. И вдруг – Литинститут. Сам Михаил Петрович берёт меня в свой семинар! В первое время, сидя на лекциях, изумлялась: как меня сюда занесло? Потом почувствовала, что на семинарах

Михаила Петровича я не инородное тело. Творчество – объединяющее начало для самых непохожих друг на друга натур. У Михаила Петровича был особенный талант собирать вокруг себя одарённых и по своей сути хороших людей. Наверное, в текстах абитуриентов он чувствовал созвучных себе художников. В наших семинарах всегда были неповторимые творческие личности, работавшие в самых разных направлениях – реалистических, модернистских, сказовых, фантастических, – под объединяющим началом “да будет творчество”. Сам Михаил Петрович однажды написал: “В истории семинара всё было. Были и Виктор Пелевин, и Юрий Пономарёв из выпуска 1977 года, ныне о. Феодор, монах Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря...” (См.: В шесть часов вечера каждый вторник. Семинар Михаила Лобанова в Литературном институте. М., Изд-во Литературного института им. М. Горького, 2013).

Надо ещё сказать, что у Михаила Петровича многими замечалась ещё одна удивительная черта натуры: он в своих статьях бывал подчас резок в суждениях, точнее, называл неприглядные действия современников своими именами. Мне как читателю иногда казалось, что, может, надо бы иначе написать, не так остро... Хотя его рассуждения всегда уходили в самый корень вопроса. А по жизни, наоборот, он был весьма доброжелателен, на семинарах щадил студентов во время обсуждения рассказов и с мягким юмором относился к нашим “проколам” (мы сами, критикуя, иногда отзывались о текстах своих сокурсников во время дебатов намного жёстче). Никогда наш мастер не давил собственным авторитетом, не навязывал своих убеждений, а просто душой и сердцем рассказывал о том, что ему было дорого, исподволь передавая свою любовь студентам. И всегда предоставлял нам свободу быть собой, мы не опасались выразить перед ним своё мнение, но если кого-то в творчестве кружил дух сего лукавого времени, то Михаил Петрович весьма бережно давал понять, что это “не художество”. Однако если наш мастер принципиально был с чем-то не согласен, то высказывал свою позицию спокойно, никогда не повышая голоса, но очень веско, убедительно, и это запоминалось навсегда. Мы любили нашего учителя и, закончив Литинститут, продолжали посещать его семинар. Как было отрадно, что ему всегда можно было позвонить и поздравить с праздником либо посоветоваться о своём новом творческом начинании, получить в ответ слово одобрения или мудрый совет. Очень больно, что теперь этого уже никогда не будет. Но у меня остались друзья, наши семинарцы, и ведь это Михаил Петрович одарил нас друг другом.

Слышала несколько раз, как педагоги Лита говорили: “О! Это лобановцы, молодцы” (недаром семинар Михаила Петровича считали лучшим в институте). Так всегда бывает: наставник отражается в своих воспитанниках. Труды Михаила Петровича на ниве возвращения творческих личностей дали много прекрасных плодов. В той самой аудитории 11, где в течение полувека проходили семинары Михаила Петровича, были обсуждены тысячи рассказов студентов из всех республик великого Советского Союза, нынешней России, а также – выпускников, выходцев из зарубежных стран. На своих семинарах Михаил Петрович воспитал не только талантливых писателей, таких как Алексей Серов, Василий Киляков, Сергей Тимченко, Евгений Богданов, Андрей Тимофеев... И это перечисление можно продолжать ещё очень долго, но даже монахов и священников, исполняющих своё служение одновременно и на литературном, и на духовном поприщах: архимандрит Дамаскин (Орловский), монах Фёдор (Пономарёв), протоиерей Геннадий Рязанцев, протоиерей Владимир Чугунов, протоиерей Евгений Булин. После всех этих своих речей подумала: “Михаил Петрович был скромным человеком, и если бы это всё сейчас услышал, то, наверное, сделал бы мне замечание, что я мыслью по древу растекаюсь”. Но, как говорится, от избытка сердца...

Ушёл Михаил Петрович так, как может сподобиться только лучший из христиан. О жизни человека говорит его смерть. (К этим словам старца Силуана, разумеется, не относятся судьбы людей, живших по-христиански, но ушедших из мира трагически. Мученики – это избранники Божии, как правило, в глубине души желавшие подвига. Бог даёт людям по сердцу их, и не нам разбирать Суды Божии.) Однако для меня стало откровением то, что Бог особо принимает и жизнь людей, в борьбе отстаивающих Его и человеческую правду. Давно уже для себя я сделала вывод, что Бог не любит нераскаянных предателей и лицемеров, они обязательно за это расплачиваются уже в земных

измерениях, и вообще, как написано: “смерть грешника люта”. А вот как перед судом Божиим предстоит человек, который был здесь правдборцем и позволял себе говорить или писать подчас резко... Уход Михаила Петровича ясно показал, что Бог такого человека приемлет и что он в своих обличениях был абсолютно искренен, честен и, если появлялся в его словах гнев, то праведный. Причастившись Святых Христовых Таин, раб Божий Михаил мирно перешёл в жизнь вечную в день памяти иконы Богородицы “Знамение”.

Отпевание совершалось в храме его небесного покровителя святого Архистратига Михаила, прихожанином которого он был многие годы. Нищая у храма спросила: “Кого хоронят? Народа больно много...” Да, пришли люди, его любившие, а их было немало. Такая чудная в тот день погода случилась: яркое солнце, голубое небо, иней на деревьях — всё переливалось. На кладбище было красиво и значимо во время прощания с нашим мастером. Вдруг подумалось, что икона Богородицы “Знамение” в день его ухода тоже стала своеобразным знаком, потому что творческая судьба и жизнь Михаила Петровича были действительно неким особым примером — “знамением” для его современников и потомков.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ...”

Глава вторая

“ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА...”

Крайне важно понять, что нас, государственников, патриотов и почвенников, как правило, вышедших из крестьянства и простонародья, бесповоротно отделили от “шестидесятников” “оттепели” социальные, исторические, национальные и даже религиозные разногласия. Но кроме них, в наших распрях было немало всяческих болевых точек, из-за которых мы с каждым годом всё дальше и дальше отплывали друг от друга. Одна из этих точек называлась “Иосиф Сталин”. Проклиная Сталина, “дети XX съезда” вольно или невольно закрывали глаза на то, как думали и что писали о Сталине их знаменитые кумиры Серебряного века. Андрей Вознесенский, кричавший на вечерах поэзии в Политехническом и в Лужниках о “государственных усах” Сталина, испачканных “кровью”, предавал Пастернака, перед которым якобы благоговел, потому что именно с Пастернака, с цикла его стихотворений о Сталине началась поэтическая сталиниана XX века:

*А здесь на дальнем расстоянии
За древней каменной стеной
Живёт не человек — деянье,
Поступок ростом с шар земной.*

Весь этот “сталинский” стихотворный цикл Бориса Леонидовича был опубликован в газете “Известия” в январе 1935 года.

Белла Ахмадулина, которая, кощунственно кривляясь, декламировала: “За Мандельштама и Марину // я отогреюсь и поем”, — унизила того же Мандельштама, восславившего Сталина в своей знаменитой “Оде” и повинившегося в 1936 году перед вождём за недостойную эпиграмму 1932 года:

*И к нему, в его сердцевину
Я без пропуска в Кремль вошёл,
Разорвав расстояний холстину,
Головою повинной тяжёл.*

Евгений Евтушенко в своей Антологии “Строфы века” так оценил “сталинские стихи” Анны Ахматовой: “Одно из самых страшных испытаний обрушилось на Ахматову после повторного ареста сына, когда её, как заложницу, вынудили признать партийную критику правильной, а затем написать целый цикл угодливых стихов: “Лишь бы отстали! Лишь бы выпустили Лёву! Лишь бы они не нашли “Реквием”!” Кто посмеет в неё бросить камень?

Но к её чести, все эти стихи были так плохи, что никому не могли понравиться”.

Чтобы показать развязность и пошлость этих суждений, вспомним стихи из этого ахматовского цикла:

ПОКОРЕНИЕ ПУСТЫНИ

*Чей дух извечно-молодой
Над этим краем веял,
Пустыню напоил водой
Прохладною и золотой
Пшеницею засеял!..*

*Там, где, рождаясь, суховея
С тупым упорством дул,
Сжигая дальний цвет степей, —
Там легонькая тень ветвей,
Черкез и саксаул.*

*Цветут хлопковые поля
И великаны тополя,
Где птица не летала.
Чья воля провела канал
Там, где верблюды изнемогал
И вихрь песчаный заметал
Иссохший труп шакала?..*

И ещё одно из стихотворений этого цикла написано с подлинным вдохновением:

СЕВМОРПУТЬ

*Чей разум угадал сквозь льды
Давно желанный путь,
Куда ничьи не шли следы,
Где замерзает ртуть,
Там каждый день и каждый час
Всему конец готов,
Но чуток слух и зорек глаз
Советских моряков.
Под северным сиянием,
Когда цветут снега,
Под злобным завыванием,
Когда летит пурга, —
Опаснейшей из всех дорог
Корабль доверив свой,
Не ослабел, не изнемог
Тот разум огневой!..*

Эти стихи написаны не просто о Сталине (его имя даже не названо здесь), но ещё и в честь осуществления мечты русского народа об озеленении лесами южных земель России, где “природа жадующих степей” обрекала крестьян на засухи, на бесплодные труды и на голодные годы. А Северный морской путь тоже был великой мечтой и народа, и его правителей от Ивана Грозного и до Петра Первого, от Иосифа Сталина и до Владимира Путина.

И оба стихотворения написаны с патетическим блеском, который давался Ахматовой лишь в состоянии творческого подъёма. Во всяком случае, “просталинские” стихи Евтушенко, написанные в 1952 году (“Я знаю, Вождю бесконечно близки // мысли народа нашего, // я знаю, здесь расцветут цветы, // ведь об этом мечтаем я и ты, // значит, думает Сталин об этом. // Я знаю, грядущее видя вокруг, // склоняется этой ночью // самый мой лучший на свете друг // в Кремле над столом рабочим...”, “Слушали и знали // олениводы-звенки: // это отец их Сталин // им счастье вручил навеки...” и т. д.), настолько по-лакейски угодливы и поэтически беспомощны, что рядом с ними рифмованные оды какого-нибудь Грибачёва кажутся образцами “державной лирики”. А что касается слов Е. Е. об Ахматовой: “Кто бросит в неё камень?” – то посмел это сделать её сын Лев Гумилёв, дважды побывавший в сталинских лагерях, сказавший: “Когда меня забирали, она осталась одна, худая, голодная, нищая. Когда я вернулся, она уже была другой – толстой, сытой и облепленной евреями, которые сделали всё, чтобы нас разлучить” (М. Кралин. “Победившее смерть слово”).

А либеральный “шестидесятник” из военного поколения поэтов Александр Межиров? Не он ли с беспредельной искренностью пропел осанну Сталину в книге “Коммунисты, вперёд”, вышедшей в свет одновременно со сталинским циклом Е. Евтушенко?

*Эта речь в ноябре не умолкнет червонном
И во веки веков.
Это Сталин приветствует башенным звоном
Дорогих земляков...*

(Стихотворение “Горийцы слушают Москву” из книги “Коммунисты, вперёд”, 1952 год.)

Но мало этого. Через несколько месяцев после выхода в свет книги “Коммунисты, вперёд!” Александр Петрович в мартовские дни 1953-го сочинил воистину потрясающий реквием Сталину, текст которого до сих пор никому не известен, – ни знатку межировской поэзии Илье Фаликову, ни дочери поэта Зое, поэтессе и литературоведке, ныне проживающей в США. Дело в том, что это стихотворение, написанное сразу после смерти вождя, было передано в “Литературную газету”, но осталось неопубликованным, и лишь через шестьдесят лет, когда в двухтысячном году мы с сыном Сергеем составляли антологию стихов русских поэтов о Сталине, оно было случайно обнаружено в архиве “Литгазеты”, находящемся в РГАЛИ, в отдельной папке, где, кроме межировского, хранились стихи, написанные на смерть Сталина поэтами Арсением Тарковским и Фёдором Белкиным.

Стихи Тарковского не были напечатаны, скорее всего, потому, что он в те годы обладал репутацией переводчика, а не поэта.

Да и Фёдора Белкина как поэта, живущего в Красноярске, в столице, видимо, не знали... Но Александр Межиров, известнейший из молодых, фронтовик, надежда советской поэзии, написал:

*Не дышит... И дышать труднее людям.
Не видит... И глаза обволокло.
Но всем смертям назло мы будем, будем
Дышать и видеть — всем смертям назло.
Открыты двери траурного зала,
И очередь, что издали видна,
Повязкой чёрной город повязала,
Всю землю опоясала она.*

.....

Переведу дух и прерву поток страстного поэтического реквиема, и прошу читателя поверить мне, что с такой искренностью и страстью в те траурные дни нечто подобное не сумел извать ни один из стихотворцев, обслуживавших официальную идеологию сталинской эпохи, – ни Сергей Михалков, ни Николай Грибачёв, ни Анатолий Сафронов, ни даже Константин Симонов с Александром Твардовским...

Разве что из-под пера Михаила Исаковского вышло нечто живое, человеческое, родственное русскому народному плачу: “Мы так Вам верили, товарищ Сталин, // как, может быть, не верили себе”. Но в реквиеме Межирова, которому молодой поэт дал название “Солдаты Сталина”, градус преданности и государственной скорби куда выше:

*Перед лицом невиданной утраты,
Перед лицом неслыханной беды
Тебе клянутся в верности солдаты,
Тесней сомкнув железные ряды.
Он с нами шёл во всех боях кровавых
Путём неотвратимой правоты.
В огне на самых трудных переправах
Навёл нам всем понтонные мосты.
Он охранял наш отдых на биваке,
И нам не раз казалось, что в бою
На проволоку в трудный миг атаки
Он для солдат бросал шинель свою.
И легче нам сто раз пойти под пули,
На пулемёты ринуться опять,
Чем выстоять в почётном карауле,
Не разрыдаться, слёзы удержать.
Сводило скулы у правофланговых,
И на сердце давила тишина,
И на висках у маршалов суровых
Засеребрилась гуще седина.
Но в те же дни прощанья и печали
Над гробом полководца и вождя
Солдаты молодые возмужали,
Как через битвы грозные пройдя.
И на брусчатке гулкой, за лафетом,
В стальных руках народа своего,
Они прошли с Центральным Комитетом,
С Президиумом Сталинским его.
Ещё стволы прощального салюта
Раскалены и отзвук не замолк, —
У стен Кремля ряды сомкнулись круто.
Товарищ Сталин!*

Мы исполним долг!

Я, учившийся в те траурные дни в Московском государственном университете, по своей воле участвовал в те мартовские дни в прощании с вождём. Я жил, снимая койко-место на Рождественском бульваре, рядом с Трубной площадью, куда, выбежав из подъезда, был унесён толпой на Трубную, где не погиб в людской давке лишь потому, что был мускулист и натренирован, как гимнаст и легкоатлет.

Впоследствии, вспоминая эту ночь на “Трубе”, это облако испарений, поднимающееся к небу, этот вязкий и надрывный путь по Неглинке к Колонному залу, я написал стихи, которые мне не стыдно печатать и сегодня. Я многого тогда не понимал, но многое чувствовал.

МАРТ 1953-ГО...

*На Красной площади стоит
Почётный караул.
Над Трубной площадью висит
испарина и гул.*

*Разлив тяжёлых мутных вод —
народная река...
Как рыбы нерестовый ход,
как средние века.*

Военные грузовики.

Солдаты...

Крики...

Ночь...

Кто под ногами?

— Помоги!

Да нет...

Уж не помочь...

*Ах, ты в Историю попал —
тебя волна несёт?*

*Ты устоял, ты не упал —
тебе ещё везёт!*

*Тебя не просто раскроить,
ты — мускулы и злость.
Толпе не просто раздавить
твою грудную кость.*

*Ворота хрустнули... Скорей —
под крышу! На карниз!..*

*Всё, как во времена царей,
во времена гробниц...*

К своей чести добавлю, что в этом стихотворении нет ни глумления над вождём, ни бездумного пафоса, а есть ощущение того, что уходит эпоха, которую можно соотнести с самыми великими страницами мировой истории.

Но почему межировский шедевр остался ненапечатанным и оказался в архиве? Скорее всего, потому, что ни главный редактор тогдашней “Литгазеты” Юрийков, ни партия с правительством, ни Европа с Америкой не знали, каким политическим воздухом будет дышать страна завтра и кто после похорон “владыки полумира” взойдёт на трибуну Мавзолея. А может быть, и сам Межиров пришёл в себя и отказался от публикации реквиема.

В любом случае, я очень жалею, что он, улизнув в Америку, так и не дождался триумфальной публикации одного из лучших своих гражданских стихотворений. И всё-таки недоумеваешь: написать такие страстные стихи в тридцать лет, когда при нём прошла кампания борьбы с космополитизмом, когда был расстрелян Еврейский антифашистский комитет, когда началось “дело врачей”, — это надо было быть таким актёром, таким лицедеем! Впрочем, Александру Петровичу было у кого поучиться: его современник, классик соцреализма Василий Гроссман в те же годы в романе “За правое дело” прославил Сталина, а чуть раньше, в документальной книге “Треблинский ад” изложил исторически достоверную душераздирающую сцену, где еврейские юноши, которых гитлеровские палачи заталкивают в газовые камеры, хором поют песню “Широка страна моя родная” и кричат в лицо своим убийцам: “Сталин отомстит!”

За свой вклад в “сталиниану” Гроссман, естественно, получил Сталинскую премию, как и двадцатисемилетний студент Литературного института, сын расстрелянного врага народа Юрий Трифонов за роман “Студенты”, в котором молодой писатель в соответствии с идеологической погодой, стоявшей на дворе в последние годы жизни Сталина, внёс свой вклад в сталинскую борьбу с безродными космополитами.

Не меньший, а может быть, и больший вклад в ту же борьбу с космополитами, увенчавшийся Сталинской премией, внёс и Даниил Гранин романом “Иду на грозу”, и Анатолий Рыбаков — автор ныне забытых шедевров соцреализма “Екатерина Воронина”, “Водители” и “Кортик”... За что он получил Сталинскую премию, не помню. Сталин читал почти все книги, выдвинутые на премии его имени, и редко ошибался в своих оценках. Но то, что произошло со всеми вышеуказанными авторами, когда пришёл новый хозяин, повернувший мошенический XX съезд КПСС, Иосиф Виссарионович при всём своём уме, при всём своём политическом опыте предусмотреть не мог. Объявив себя “шестидесятниками” и став ими, все вышеупомянутые лауреаты

накарябали своими непросохшими перьями новые романы и повести, в которых дружно отреклись от Сталина, прокляли его имя и присягнули сталинскому шуру Никите Хрущёву. А на всякий случай одновременно (мало ли что с Хрущёвым произойдёт!) для подстраховки объявили себя верными ленинцами.

Но Александр Межиров, искренне рыдавший над Сталиным в марте 1953-го, так же искренне отказался от Сталина чуть ли не на другой день после окончания XX съезда КПСС в стихотворении

ТБИЛИСИ. 1956. МАРТ

*Не хватит ни любви, ни силы,
Чтоб дотащиться до конца.
Стреляет Сталин из могилы
В единокровные сердца.
.....
Он, ни о чём не сожалея,
Под крики: “Сталину — Вашá!” —
Бьёт наповал из Мавзолея,
Не содрогаясь, не дыша...*

А ученик Межирова ухватился за строчку учителя “стреляет Сталин из могилы” и покощунствовал вволю в стихотворении “Наследники Сталина”:

*Упрямо сжимая набальзамированные кулаки,
В нём (в гробу. — Ст. К.) к щели глазами приник
Человек, притворившийся мёртвым...
.....
Мне чудится, будто поставлен в гробу телефон.
Энверу Ходжа
сообщает свои указания Сталин,
Куда ещё тянется провод из гроба того...*

“Образ телефонирующего упыря вытесан мощно”, — комментирует эти “страшилики” автор ЖЗЛовской книги о Евтушенко Илья Фаликов, не зная, что до полного идиотизма евтушенковскую могильную сцену дорисовал один из самых бесталанных “шестидесятников” Петя Вегин, как и многие антисталинисты, уехавший в Америку.

...Из книги П. Вегина “Опрокинутый Олимп”. Сцена в Мавзолее. Разговор Сталина с Адиком (Гитлером):

“Лежишь, Ильич? Лежи, я хорошо тебя уложил. — Потом нажал на потайную плитку основания саркофага — плитка отодвинулась, открывая освещённый слабой лампочкой чёрный телефонный аппарат. Он снял трубку.

— Алло! Адик, это я, Есик. Возьми трубку, Адик!

— Есик, брат мой, дорогой геноссе...” и т. д.

У Евтушенко Сталин разговаривает по телефону с Энвером Ходжа, у Вегина — с Гитлером... И это всё, что могли сказать пошляки-“шестидесятники” о владыке полумира! А мы ещё удивляемся тому, что нынешние демократические вожди и кланы Европы приравнивают Сталина к Гитлеру, а гитлеровский Рейх — к Советскому Союзу.

Прозаики-сталинисты, упомянутые мной, каждый в меру своих творческих сил попытались в годы перестройки отмыться от родимых пятен сталинизма. Василий Гроссман написал ныне забытую повесть “Всё течёт”, Анатолий Рыбаков на короткое время прославился романом “Дети Арбата”, Юрий Трифонов, забыв о своих “Студентах”, оправдался перед либеральным обществом романом “Дом на набережной”.

* * *

Поскольку Владимир Высоцкий был сыном советского офицера и переводчицы с немецкого языка, при жизни Сталина работавшей в структурах НКВД, а одновременно являлся таким же стопроцентным “шестидесятником”, как

Евтушенко, Вознесенский, Рождественский и прочие “дети Оттепели”, он не мог не вставить своё словечко в литературную сталинскую. Восьмого марта 1953 года, в траурный день похорон восьмиклассник Высоцкий (в таком возрасте никто из “шестидесятников” не славил Сталина) написал стихотворение “Моя клятва”:

*Разливается траурный марш,
Стонут скрипки и стонут сердца.
Я у гроба клянусь не забыть
Дорогого вождя и отца.*

*В эти скорбно-тяжёлые дни
Поклянусь у могилы твоей
Не щадить молодых своих сил
Для великой Отчизны моей.*

*Имя Сталин в веках будет жить,
Будет реять оно над землёй,
Имя Сталин нам будет светить
Вечным солнцем и вечной звездой.*

Стихи наивные, но искренние, на уровне межировских. Тем удивительнее, что с не меньшей страстью Высоцкий ещё раз отозвался о Сталине в середине 1970-х годов, о чём пишет автор книги “Другой Высоцкий” искусствовед Фёдор Раззаков:

“Даниэль Ольбрыхский (известный польский киноактёр) с несколькими своими соотечественниками приедут в СССР, и Высоцкий повезёт их за город, на пикник. Возвращаясь обратно, они будут проезжать мимо бывший дачи Сталина в Кунцево. Высоцкий тогда бросит фразу: “Здесь сдох Сталин”. Ольбрыхский переведёт эти слова своим друзьям, смягчив одно слово: вместо “сдох” скажет “умер”. На что Высоцкий взорвётся: “Я же сказал, что сдох! Так и переводи!”

“Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся”, – сказал когда-то Фёдор Тютчев. Но если верить всем, кто вспоминал, как умирал Высоцкий (“Умер он ночью во сне, связанный верёвками. Друзья связали его, чтобы не буйствовал и отдохнул перед спектаклем...” – А. Вознесенский, книга “Ров”, М.: Советский писатель. С. 187), то хочешь не хочешь, вспоминаются его слова: “Сталин сдох!” Слова беспощадные и бесчеловечные, и, может быть, повлиявшие на драматические обстоятельства, при которых умирал сам Высоцкий. Вспоминаются русские народные пословицы: “Ради красного словца не пожалеет ни мать, ни отца”, “Слово не воробей, вылетит – не поймаешь” и т. п. А может быть, это была “к предательству таинственная страсть” – своеобразная болезнь “шестидесятнической” богемы.

* * *

Известно, что Сталин выезжал со своей Кунцевской дачи в Кремль через Арбат, и эта процессия была замечена многими поэтами-“шестидесятниками”, в том числе Слуцким:

*Однажды я шёл Арбатом.
Бог ехал в пяти машинах.
От страха почти горбата,
В своих пальтишках мышиных
Рядом дрожала охрана.
Было поздно и рано.
Серело. Брезжило утро.
Он глянул жестоко и мудро
Своим всевидящим оком,
Вспроницающим взглядом.
Мы все ходили под богом,
С богом почти что рядом.*

Этому земному богу Слуцкого свойственно и “всевидящее око”, и “всепроницающий взгляд” – всё, вроде бы отвергнутое, ветхозаветное, но вдруг всплывшее из доисторической вавилонской бездны или из “Книги царств”. Для выходца из-за черт оседлости, из белорусско-украинского местечка Сталин – это бог, которого поэт приравнивает, увы, не к Иисусу Христу, а к более привычному своему местечковому идолу:

*Он жил не в небесной дали,
Его иногда видали
Живого. На Мавзолее.
Он был умнее и злее
Того — иного, другого,
По имени Иего́ва...*

Чуткий к переменам воздуха истории Слуцкий одним из первых заметил, что “обслуга” и “охрана”, преданная “человекобогу”, после хрущёвского разоблачения “культа личности” тут же бросилась воспевать нового хозяина – мифического, лежащего в Мавзолее, но без культа которого они не могли даже представить себе своё будущее – идеологическое, материальное, властное:

*Художники рисуют Ленина,
как раньше рисовали Сталина.
А Сталина теперь не велено:
на Сталина все беды взвалены.*

*Их столько, бед, такое множество!
Такого качества, количества!
Он был не злобное ничтожество,
скорей — жестокое величество.*

В числе этих “художников” были многие деятели разных жанров культуры... *Имя им легион.* Слава Богу, что среди них нашёлся один честный “художник”, рискнувший сказать правду о Сталине, от которой он же, к сожалению, в перестроечные восьмидесятые стал отказываться.

А причиной этого “отказничества” было то, что многие почитатели Слуцкого и его современники возмутились, когда прочитали несколько его стихотворений о Сталине. Бенедикт Сарнов в своих воспоминаниях о поэте буквально выходил из себя: “*Меня особенно покорило слово “величество”.* А о стихотворении Слуцкого, посвящённом подвигу Зои Космодемьянской, крикнувшей в лицо немцам с эшафота: “*Сталин придёт!*” – Бенедикт Сарнов с возмущением писал: “*Ужасно, что чистая, самоотверженная девочка умерла с именем палача и убийцы на устах*”. Однако Слуцкий был непоколебим, и стихотворение “Зоя” заканчивалось невыносимой для сарновых строфой:

*О Сталине я думал всяко-разное,
Ещё не скоро подобью итог.
Но это слово, от страданья красное,
За ним. Я утаить его не мог.*

И всё же вода, как говорится, камень точит: в годы начавшейся перестройки на закате жизни целая армия сарновых (в книге “Борис Слуцкий: воспоминания современников” из пятидесяти авторов более сорока человек – по происхождению и убеждениям – “сарновы”) добились того, что Борис Абрамович (“Абрамыч”, как называли его мы с Кожинным и Передревым) дрогнул и написал стихотворение, удовлетворившее его местечковых соплеменников:

*Сталин взял бокал вина
(может быть, стаканчик коньяка),
поднял тост, и мысль его должна
сохраниться на века:
“За терпенье!”*

*Это был не просто тост
(здравицам уже пришёл конец).
Выпрямившись во весь рост,
великанам воздавал малец
за терпенье.*

*Трус хвалил героев не за честь,
а за то, что в них терпенье есть.*

*— Вытерпели вы меня, — сказал
вождь народу. И благодарил.
Это молча слушал пьяных зал.
Ничего не говорил.
Только прокричал: “Ура!”
Вот каковская была пора.*

*Страстотерпцы выпили за страсть,
выпили и закусили всласть.*

Стихотворение пересказывает знаменитую речь Сталина на приёме 24 мая 1945 года в честь нашей победы. Но принимая во внимание его пошловатую развязность, будем считать, что Борис Абрамович “прогнулся” дважды: один раз – с речью о Пастернаке, второй раз – со стихотворением о сталинском тосте. Скорее всего, знаменитый тост Сталина был неприемлем для Слуцкого потому, что в нём шла речь об исключительной роли русского народа в победе над мировым злом, но в нём не было ни слова о советском интернационализме, ни, тем более, о роли еврейства. И это не было случайностью, ибо Сталин и в других своих выступлениях не раз подчёркивал решающий вклад русского народа в историю Великой Отечественной войны:

“Самые большие уступки русскому национальному сознанию, — пишет историк А. И. Вдовин в книге “Российская нация”, — были сделаны в критический для страны 1942–1943 годы (сражения под Сталинградом и Курском), ставшие переломными не только в войне, но и в идеологической работе, в установках партийной пропаганды.

Именно тогда получило широкую известность беспрецедентное сталинское суждение о национальном вопросе и смысле войны. “Необходимо, — говорил он, — опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу не сказать, что мы всегда его правильно решаем... Это проклятый национальный вопрос...”

Некоторые товарищи ещё недопонимают, что главная сила в нашей стране — великая великорусская нация, а это надо понимать!” Далее в адрес некоторых недопонимающих товарищей было сказано: “Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведётся за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются. Великая Отечественная война ведётся за спасение нашей Родины во главе с великим русским народом” (Вдовин А. И. “Российская нация”. С. 130).

* * *

Однако Борис Слуцкий, всё-таки называвший Сталина “жестоким величием”, был куда более справедливым, нежели другой знаменитый поэт-“шестидесятник” — “дворянин с арбатского двора”, у которого, по его словам, “арбатство, растворённое в крови, // неистребимо, как сама природа”. Он не мог удержаться от соблазна “опустить” образ “мудрого” “человекобога” с мифологической высоты на кухонно-коммунальный уровень:

*В Дорогомилово из тьмы Кремля,
Усы прокуренные шевеля,
Мой соплеменник пролетает мимо.*

*Он маленький, немый и рябой,
И выглядит растерянным и пьющим,*

*Но суть его — пространство и разбой
В кровавой драке прошлого с грядущим.*

Однако этого Окуджаве показалось мало, и, находясь в маниакальном состоянии, он впал в другую крайность: ему стал сниться соплеменник, но уже не “растерянный”, а властный и даже всеильный в своём зле:

*Стоит задремать немного,
Сразу вижу Самого.
Рядом, по ранжиру строго,
Собутыльнички его.*

*Сталин трубочку раскурит —
Станут листья опадать.
Сталин бровь свою нахмурит —
Трём народам не бывать.*

Оставалось Булату Шалвовичу как бывшему фронтовику вспомнить о том, что представители “трёх народов” выходили с дарами навстречу гитлеровским войскам, о том, как молодые сыновья трёх народов, спасаясь от призыва в армию, уходили в горы, в ущелья, в “зелёнку” в те дни, когда немцы рвались на восточный берег сталинградской Волги, когда немецкие танки вот-вот должны были выйти к грозненской и бакинской нефти, когда судьба священной войны висела на волоске.

Но обо всём этом сын и племянник двух крупнейших грузинских профессиональных революционеров (его отец был секретарём горкома ВКП(б) Нижнего Тагила, а брат отца Мишико — руководителем партийной организации советской Грузии) не думал, лелея в своём воображении облик соплеменника — “маленького, невымытого и рябого”.

Но вот как вспоминал о Сталине его политический враг — польский генерал Андерс, в отличие от Окуджавы, встречавшийся со Сталиным: “Сталин — невысокого роста, коренастый, крепкий, широкоплечий, производит впечатление сильного мужчины. Бросаются в глаза его большая голова, густые чёрные брови, чёрные с проседью усы. Коротко остриженные волосы. Но больше всего в память врезаются глаза, чёрные без блеска, ледяные. Даже когда он смеётся, глаза его не смеются. Движения очень сдержанные, как бы кошачьи. Говорит только по-русски с довольно сильным кавказским акцентом, спокойно, обдуманно. Видно, что каждое его слово рассчитано. Властен, и это чувствуют все вокруг. Он всегда был очень вежлив... В присутствии Сталина все, не исключая и Молотова, совершенно съёживались. Чувствовалось, что они ловят каждый его жест, каждое слово и готовы выполнить любой приказ во что бы то ни стало”.

Вот вам и “маленький, невымытый и рябой”, “растерянный и пьющий”. Впрочем, эпитетом “рябой”, позаимствовав его у Окуджавы, воспользовался Евтушенко в стихе о похоронах Сахарова: “За ним следил Малюта в снежной пыли, // и Берия, и тот палач рябой”. Фантазии придумать что-либо своё у Е. Е. не хватило.

* * *

Один из мелких идеологов “шестидесятничества” и крупный чиновник ельцинско-горбачёвского режима Евгений Сидоров в своих “Записках из-под полы” попытался было защитить имя Булата Окуджавы:

“Политическая полемика, между тем, то и дело принимает в поэзии “Нашего современника” малоприличные формы. Словно бы продолжая старую линию журнала на развенчание Булата Окуджавы, малоизвестный стихотворец из Санкт-Петербурга Владимир Шемшученко бросает в спину давно ушедшего поэта грубый выпад: “Ты принял свободу — как пёс от хозяина кость”. В этом стихе, кроме плебейской уязвлённости и комплекса неполноценности, ничего другого, к сожалению, не содержится”.

Увы, Е. Сидоров ошибается: за своё глумливое и садистское оправдание крови, пролившейся в октябре 1993 года (“Для меня это был финал детектива...)

Я наслаждался этим <...> никакой жалости у меня к ним не было” – Б. Окуджава. “Подмосковные известия”, 11.12.1993), Окуджава получил от “хозяина” не просто “кость”, а целый “вкусный” набор посмертных памятных наград. Специальный указ был подписан палачом русского простонародья во имя памяти своего лакея с гитарой. Вот текст этого уникального и в истории императорской России, и в истории СССР, и в истории “России демократической” документа:

“УКАЗ Президента РФ от 19.06.1997 № 627 “ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ ОКУДЖАВЫ Б. Ш.”

Отмечая выдающееся значение творческого наследия Окуджавы Б. Ш. и его особый вклад в отечественную культуру, постановляю:

1. Учредить ежегодную Литературную премию имени Булата Окуджавы, присуждаемую Президентом Российской Федерации.

Руководителю Администрации Президента Российской Федерации в месячный срок представить проект положения о Литературной премии имени Булата Окуджавы.

2. Правительству Российской Федерации установить стипендии имени Булата Окуджавы для студентов Российского государственного литературного института и присуждать их ежегодно.

3. Министерству культуры Российской Федерации и правительству Москвы осуществить разработку на конкурсной основе проектов памятника Окуджаве Б. Ш. и мемориальной доски на доме, где жил поэт.

4. Рекомендовать правительству Москвы:
установить памятник Окуджаве Б. Ш. в районе улицы Арбат;
присвоить имя Окуджавы Б. Ш. одной из улиц или площадей г. Москвы
и одной из школ с гуманитарным уклоном в центре г. Москвы.

Президент Российской Федерации Б. ЕЛЬЦИН”

Не хватало только того, чтобы какой-нибудь город в России переименовать в Окуджавск. . .

Вдова Булата Окуджавы Ольга Арцимович выступала 27.12.2018 года в программе “Совершенно секретно” с известным “шестидесятником” Марком Розовским, выходцем, подобно Булату, из семьи профессиональных революционеров, ставших после революции семьёй профессиональных прокуроров. Марк Семёнович Розовский учился в элитарной московской 170-й школе в одном классе с Радзинским. Известный немецкий социал-демократ Платтен был мужем одной из его тёток. Чистойшей воды “шестидесятник”, единомышленник Булата!

Зная всё это, Ольга Арцимович зачитала Розовскому Указ президента Ельцина об увековечивании памяти дворянина с арбатского двора. Зачитала она этот Указ с вдохновением, горечью и причитаниями, что не до конца он исполнен нынешней властью. Марк Розовский подливал масла в этот костёр жалоб: **“Булат – столп нашего “шестидесятничества”! Столп нашего вольнолюбия!”** Но этого выходцу из семьи борцов за советскую власть показалось мало, и он тут же добавил: **“С помощью таких, как он, мы сдвинули советскую систему! Он ведь написал наш гимн: “Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!”**

Воодушевлённая Ольга тут же пожаловалась: “Нет ещё в Москве улицы имени Окуджавы!” Я крикнул им в телевизор, что в Нижнем Тагиле открыт музей памяти его отца, что там же стоит его бюст, что в Калуге висит мемориальная доска на здании областной комсомольской газеты, где работал Окуджава, что он почётный гражданин моего родного города, что литератор Дмитрий Быков издал в серии ЖЗЛ книгу об Окуджаве, но мало того, он пишет для той же серии книгу о не менее крупном антисоветчике, нежели Булат, – о генерале Андрее Власове. . . Но Ольга и Марк не слышали меня, возмущаясь тем, что в Литературном институте нет для студентов стипендии имени Окуджавы. А я, вспомнив, что за ту же самую подпись Виктора Астафьева под “письмом 42-х”, благословившим Ельцина на расстрел русского простонародья, Астафьев получил от президента целый мешок денег для издания тринадцатитомного собрания сочинений, махнул рукой: “Пускай Марк и Ольга выпросят у властей и стипендию, и улицу. . . Не всё ли равно? Если уж книга о Власове выйдет в “Молодой гвардии”, то, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут!..”

Свою лепту в яростную “антисталиниану” успел внести и Андрей Вознесенский.

После выхода в свет его поэмы “Мастера” Вознесенского печатно приветствовал Виктор Боков. Тоже “шестидесятник”, поскольку его как поэта-песенника и как яркого русского национального поэта читатели и поэты открыли для себя в одно время с Вознесенским. Боков “уравнялся” возрастом с Вознесенским из-за пребывания с начала сороковых до середины пятидесятых в кемеровских лагерях. В благодарность Бокову за печатные комплименты по поводу “Мастеров” Вознесенский включил Бокова в свой почётный список “Прорабов духа”, посвятил Виктору Фёдоровичу в 1959 году одно из своих стихотворений, пустил в литературный обиход словосочетание “Богу богово, а Бокову боково”. Но на этом их пути разошлись, поскольку молодого “шестидесятника” и “шестидесятника”, хлебнувшего тюремной баланды, разделило имя “Сталин”. Вознесенский лепил из Сталина государственного монстра-злодея: “И торжественно над страной, // словно птица страшной красы, // плыли с красной бахромою государственные усы”, — а Виктор Боков после того, как в кемеровских лагерях написал несколько стихотворений, проклиная “Сталина-Джугашвили”, встретившись со мною во время перестроечных девяностых в Переделкино, сказал: “Станислав! Обязательно напечатайте мои новые стихи о Сталине. Вот они”, — и протянул рукопись. Первое же стихотворение называлось “Фамилия”.

*Фамилия вождя, пришедшая с Кавказа,
И серая вождёвая шинель
Была сильна, отважна, многоглаза,
И не было фамилии сильней.*

*Она стояла на квадрате мрамора
Заглавной буквой в сталинской судьбе.
Над ней летали грамота охранная
И органы с названием “КГБ”.*

*Она и до сих пор ещё не стёрта,
Живая жизнь зовёт её сестрой.
Её непобедимая аорта
По трубам века разгоняет кровь.*

*Я жил при нём, при нём махал рукою,
Я понимал, что мне не жить в раю.
Прости, мой вождь, за то, что беспокою
Бессмертную фамилию твою!*

Я прочитал и, озадаченный, спросил у Виктора Фёдоровича: “А строка — “живая жизнь зовёт её сестрой” — это не переключка ли с Пастернаком?” Боков кивнул головой. Но я, зная о дружеских отношениях Бокова с Вознесенским — “Бокову боково!” — добавил вроде того, что Андрей Андреевич будет удручён этими стихами. Он ведь убеждённый антисталинист! Но Боков махнул рукой: “В мои годы, Станислав, успеть бы сказать правду...” — В этот вечер он подарил мне свою последнюю книгу “Лик любви” с дарственной надписью: “Стасику Куняеву с живым чувством любви и признания его таланта. Дружески Виктор Боков. 3 декабря 2005 года”.

А ещё одно новое стихотворение Бокова о Сталине, которое он во время той же встречи в Переделкино предложил мне для публикации в журнале, словно неожиданное откровение, удивило его самого:

*Тянется цепь его мрачных годов
По-над зубцами кремлёвских башен.
Думал свалить его подлый Адольф —
Сам свалился! А Сталин бесстрашен.*

*Что случилось со мной — не пойму:
От ненависти пришёл я к лояльности.
Тянет и тянет меня к нему,
К его кавказской национальности.*

Кроме Виктора Бокова, вкус лагерной похлёбки в 1930-е, 1940-е и 1950-е годы узнали ещё несколько выдающихся поэтов прошлого века, и так же, как Боков, каждый из них впоследствии отозвался на это стихами о Сталине. Вспомним их имена: Николай Заболоцкий, Даниил Андреев, Ярослав Смеляков. Без их стихотворных свидетельств трудно объективно оценить имя и дела Сталина. Понимая это, Ярослав Смеляков даже обмолвился: “Ежели поэты врут — // значит, жить не можно”.

Николай Заболоцкий целые 10 лет провёл в лагерях Приморья и Казахстана, а выйдя на свободу, написал в письме жене:

“Время моего душевного отчаяния давно ушло, и я понял в жизни многое такое, о чём не думал прежде. Я стал спокойнее, нет во мне никакой злобы, и я люблю эту жизнь со всеми её радостями и великими страданиями, которые выпали на нашу долю”. И недаром в стихотворении “Творцы дорог” о лагерной жизни и работе у него была строфа, написанная сразу же после выхода на волю: “Кто днём и ночью слышал за собой // Речь Сталина и мощное дыханье // огромных толп народных, — тот не мог // забыть о вас, строители дорог”... Удивительно в этом отрывке то, что и строители в лагерных бушлатах и Сталин, произносящий речь, делают одно общее дело. Жена Заболоцкого Екатерина Васильевна после его смерти вспоминала: “Он говорил, что ему надо два года жизни, чтобы написать трилогию поэм “Смерть Сократа”, “Поклонение волхвов”, “Сталин”. Меня удивила тема третьей поэмы. Николай Алексеевич стал мне объяснять, что Сталин — сложная фигура на стыке двух эпох. Разделаться со старой этикой, моралью, культурой было ему нелегко, так как “он сам из неё вырос. Он учился в духовной семинарии, и это в нём осталось”. Этот разговор происходил после 1956 года, а значит, после XX съезда КПСС и во время “оттепели”, но вскоре Заболоцкий умер (в 1958 году) и не успел создать свою трилогию о трёх великих эпохах в истории человечества — античной, христианской и советско-сталинской.

* * *

В 1947 году за религиозно-философское вольнодумство в разговорах с творческой интеллигенцией был арестован и получил 25 лет тюремного заключения поэт Даниил Андреев, сын известного русского писателя Леонида Андреева. Он отсидел 10 лет во Владимирской тюрьме, был освобождён в 1957-м и умер через два года в возрасте пятидесяти двух лет. В тюрьме были написаны книги “Роза мира”, “Русские боги” и “Железная мистерия”.

Вдова Даниила Андреева в предисловии к его книге “Русские боги”, изданной в 1990 году, вспоминает: “На одном из допросов его спросили об отношении к Сталину. “Ты знаешь, как я плохо говорю”. Это была правда, он был из тех, кто пишет, но не любит и не умеет говорить — из-за застенчивости.

“Так вот, я не знаю, что со мной произошло, но это было настоящее вдохновение. Я говорил прекрасно, умно, логично и совершенно убийственно — как для “отца народов”, так и для себя самого. Вдруг я почувствовал, что происходит что-то необычное. Следователь сидел неподвижно, стиснув зубы, а стенографистка не записывала, — конечно, по его знаку”.

Редкой особенностью взгляда Андреева на русскую историю было то, что он, в отличие от всех “оттепельных” “шестидесятников”, считавших революцию и строительство социализма совершенно новым явлением в судьбе России, был убеждён, что, несмотря на внешнюю ненависть революционеров к старому миру, несмотря на кровавый разрыв с ним, — её глубокое, скрытое от глаз неразрывное с ним единство всё равно сохраняется.

Меняются династии, возникают новые сословия, льётся кровь, но мистическое единство русской истории продолжается и остаётся живым.

Находясь в стенах Владимирской тюрьмы, поэт выразил это единство в стихотворении, посвящённом Пушкину, который для Андреева был одним из вечных символов связи времён:

*Здесь в бронзе вознесён над бурей, битвой, кровью
Он молча слушает хвалебный гимн веков,
В чьём рокоме слились с имперским славословьем
Молитвы мистиков и марш большевиков.*

(1950)

Стихи, видимо, написаны в связи с торжествами великого пушкинского юбилея 1949 года – столетия со дня рождения поэта.

Этот образ становится для Даниила Андреева своеобразной истиной, к ней он так или иначе постоянно возвращается во все последующие годы жизни.

*Этот свищущий ветер метельный,
Этот брызжащий хмель веков
В нашей горечи беспредельной
И в безумствах большевиков...*

Строфа из стихотворения “Размах” (1950), где путь России через жертвы “и злодеяния” всё равно ведёт (прямо по-клевовски!) к “безбрежным морям Братства, // к миру братскому всех стран...” С особой страстью поэт нащупывал эти связи в начале Великой Отечественной войны, ибо только в них видел победный и кровавый путь Родины и её спасение от очередного нашествия “двунадесяти языков” Европы.

Но что может их остановить? Только союз двух сил – народной русской стихии и воли строителя нового государства. И Даниил Андреев пишет жуткое и загадочное стихотворение об эвакуации мумии Ленина из Мавзолея осенью 1941 года. Тело вывезено “из Зиккурата” ... “в опечатанном вагоне” на восток, на берега Волги, а дух его, “роком царства увлекаем”, как тень, поселяется в сердце Кремля, в стенах, где склоняется над картами небывалых сражений продолжатель ленинского дела, укрепляемый этим духом, который

*Реет, веет по дворцу
И, просачиваясь снова
Сквозь громады бастионов,
Проникает в плоть живого —
К сердцу, к разуму, к лицу.*

Андреев проникает в сверхъестественные сферы жизни, когда показывает, откуда и как черпают энергию тираны, диктаторы, “вожди всех времён и народов”, “чудотворные строители”, как они передают свою силу друг другу, что и случилось во время эвакуации тела Ленина на Восток, организованной по воле Сталина:

*И не вникнув мыслью грузной
В совершающийся ужас,
С тупо-сладкой мутной болью
Только чувствует второй,
Как удвоенная воля
В нём ярится, пучась, тужась,
И растёт до туч над грустной
Тихо плачущей страной.*

(1942–1952)

В сущности, Даниил Андреев проникает в тайну того события, когда Сталин во время знаменитого парада 7 ноября 1941 года произнёс ошеломившие мир слова о связи ленинского дела с деяниями Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова и поставил их всех – вождей и полководцев тысячелетней России – под одно Знамя, объединив, как по волшебству, враждующие времена. Перед такого рода картиной (если принять её) становятся ничтожными и плоскими рассказы нынешних сванидзе о том, что минувшие 70 лет России – это “чёрная дыра”, “тупиковый путь”, бессмысленно потраченная эпоха. В этой мистической речи вождь повторил и предвосхитил

поэтическое словотворчество Андреева: поэт в те дни, когда Сталин стоял на заснеженном Мавзолее, писал стихи-молитву, обращаясь к Творцу:

*Учи же меня! Всенародным ненастьем
Горчащему самозабвенью учи,
Учи принимать чашу мук, как причастье,
А тусклое зарево бед — как лучи!*

*Когда же засвищет свинцовая вьюга
И шквалом кипящим ворвётся ко мне —
Священную волю сурового друга
Учи понимать меня в судном огне.*

(1941)

Я не буду расшифровывать, кого поэт называет “суровым другом”... Впереди его ждёт “чаша мук”, но он смутно догадывается, что такого рода “чудотворные строители” неподсудны обычному человеческому суду:

*Как покажу средь адской темени
Взлёт исполинских коромысел
В руке, не знавшей наших чисел,
Ни нашего добра и зла?*

Это сказано обо всех сделанных из одного сверхпрочного сплава российской истории — об Иоанне Грозном, Петре, Иосифе, при котором страна уже была под стать диктатору — не “грустная и тихо плачущая”, но яростная, гневная, подымающаяся на дыбы: “Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!..”

Какой высшей волей можно было объединить анархическую многоликую, многоплеменную русскую вольницу для борьбы с ордунгом тевтонским, с его колоннами, сокрушившими дряхлую Европу?

*С холмов Москвы, с полей Саратова,
Где волны зыблются ржаные,
С таёжных недр, где вековые
Рождают кедры хвойный гул,
Для горестного дела ратного
Закон спаял нас воедино
И сквозь сугробы, судры, льдины
Живую цепью протянул.*

Даниил Андреев рисует поистине апокалиптическую картину всенародного сверхнапряжения, исторгнутого из народного чрева не просто “законом”, но — и он понимал это — волей вождя, вдыхавшей энергию в ледовую Дорогу жизни — единственную ниточку, соединившую город Петра и Ленина с Россией:

*Дыханье фронта здесь воочию
Ловили мы в чертах природы:
Мы — инженеры, счетоводы,
Юристы, урки, лесники,
Колхозники, врачи, рабочие —
Мы, злые псы народной псарни,
Курносые мальчишки, парни,
С двужилным нравом старики.*

Только такой “сверхнарод”, как назвал его Даниил Андреев, мог победить жестокую орду “сверхчеловеков”. Поэт, в те времена служивший в похоронной команде, видел вымирающий, но не сдающийся Ленинград, несколько раз проходил туда и обратно через Ладогу по ледовой Дороге жизни и, конечно же, понимал, что мы устояли не просто благодаря закону или морозу:

*Ночные ветры! Выси чёрные
Над снежным гробом Ленинграда!
Вы — испытанье; в вас — награда;
И зорче ордена храню
Ту ночь, когда шаги упорные
Я слил во тьме Ледовой трассы
С угрюмым шагом русской расы,
До глаз закованной в броню.*

Образ императора и образ вождя, которые, каждый по-своему, заковывали “русскую расу” “в броню”, у поэта сливаются, совмещаются, расплываются и снова накладываются друг на друга; и тот, и другой поднимают Россию “на дыбы”, не позволяя народу расслабляться, жить по своей воле, разбойничать, проматывать наследие великих строителей России. Поэт всю свою жизнь слышал “глагол и шаг народодержца // сквозь этот хаос, гул и вой”. Не просто “самодержца” — это грозное слово для Андреева не до конца выражает суть русской истории, и поэт усиливает его значение — “народодержца”, — чтобы потом найти ещё один синоним: “браздодержец”.

Даниил Андреев, умерший почти полвека тому назад, сегодня бросает нам, ослабевшим, опустившимся, готовым признать все нынешние обвинения в “имперском мышлении”, в “великодержавности”, в “тоталитаризме”, бросает в наши растерянные, бледные лица яростное проклятье за то, что мы свернули с вечного пути России и предали её историческое призвание, продиктованное Высшей Волей. Поэт в своей жертвенной страсти бесстрашно пытается разглядеть, чью волю — адскую или небесную — выполняют русские вожди-цари, вожди-императоры, вожди-генсеки, для которых он находит особое слово — “уицраоры”, — и молит Создателя о том, чтобы это слово означало, в сущности, то, что когда-то называли “Бич Божий”:

*Пусть демон великодержавия
Чудовищен, безмерен, грозен;
Пусть миллионы русских оземь
Швырнуть ему не жаль. Но Ты —
Ты от разгрома и бесславья
Ужель не дашь благословенья
На горестное принесенье
Тех жертв — для русской правоты?*

*Пусть луч руки благословляющей
Над уицраором России
Давно потух; пусть оросили
Стремнины крови трон ему;
Но неужели ж укрепляющий
Огонь твоей Верховной воли
В час битв за Русь не вспыхнет боле
Над ним — в пороховом дыму?*

Написано не где-нибудь, а во Владимирской тюрьме при жизни Сталина. А в эти же военные годы Даниилу Андрееву из далёкой оккупированной Франции подаёт голос злейший враг советской власти Иван Алексеевич Бунин:

“Думал ли я, что сейчас, когда Сталин находится на пути в Тегеран, я буду с замиранием сердца переживать, чтобы с ним ничего не случилось”. И это написал автор книги “Окаянные дни”, в которой, казалось бы, навсегда проклял и вождей революции, и народ, пошедший за ними в годы гражданской войны. И что бы ни говорил поэт во время допроса в 1956 году об “отце народов” (“некто убийственное”, как вспоминает его вдова), высшее знание и высшая истина об “уицраорах России”, и в их числе о Сталине, высказана не подследственным Даниилом Андреевым, но автором таинственных книг “Роза мира”, “Русские боги”, “Изнанка мира”:

“Строят и строят. Строят твердыню трансфизической державы на изнанке Святой Руси. Строят и строят. Не странно ли? Даже императрицы века напудренных париков и угодий с десятками тысяч крепостных

крестьян строили её и строят. И если время от времени новый пришелец появляется в их ряду, его уже не поражает, что карма вовлекла его в труд рука об руку с владыками и блюстителями государственной громады прошлого, которую при жизни он разрушал и на её месте строил другую. Чистилища сделали его разум ясней, и смысл великодержавной преемственности стал ему понятен” (“Изнанка мира”). Эти слова применимы к любому из властителей тысячелетней России. И к Сталину тоже.

Лучше он, чем смерть народа.

Лучше он;

Но темна его природа,

Лют закон.

.....

Жестокá его природа,

Лют закон,

Но не он — так смерть народа.

Лучше — он!

(Из книги “Русские боги”).

* * *

В одно и то же время с Даниилом Андреевым жил, работал, писал стихи и отбывал неволю в лагерях и тюрьмах ещё один выдающийся поэт сталинской эпохи, которую он прославил в бессмертных стихах “Кладбище паровозов”, “Я строил окопы и доты”, “Если я заболел, то к врачам обращаться не стану”. . . Он, до последнего вздоха преданный эпохе социализма, истово верующий в её историческое величие, никогда ни на йоту не сомневавшийся в её правоте, умер 27 ноября 1972 года, в день моего рождения.

Нет, не прост был этот белорус, впервые арестованный “за моральное разложение” в конце 1934 года. Тогда при обыске в его квартире была найдена книга Гитлера “Моя борьба”. А потом — финский плен, а после вызволения из плена — подневольная работа на тульских шахтах, в 1951 году — ещё один арест, и ещё три года лагерной жизни в Инте. Но ему повезло больше, чем его друзьям — Борису Корнилову и Павлу Васильеву: где они похоронены — не знает никто. Вроде бы проклинать должен был поэт это время, но вспоминаю, как его жена, Татьяна Стрешнева, на смеляковской даче в Переделкино незадолго до смерти поэта с ужасом и восторгом рассказывала мне:

“Я иногда слышу, как он во сне бродит, разговаривает. Так вы не поверите: однажды прислушалась и поняла, что он с кем-то всё спорит, всё советскую власть отстаивает!”

Но отстаивал её Ярослав Смеляков, как и Даниил Андреев, на “изнанке” русской истории, вдохновенно соединяя не дни, не годы, а века:

Над клубящейся пылью вселенной,

Над путями величья и зла,

Как десницу, Василий Блаженный

Тихо поднял свои купола.

Современная юность России

Тут встречается с Русью отцов,

Мерно движутся танки большие

По невысохшей крови стрелцов.

В этом восьмистишии Смелякова живут разом три эпохи — эпоха Ивана Грозного с Василием Блаженным, построенным по велению самодержца Всея Руси, эпоха Петра Первого, утопившего в “невысохшей” до сих пор “крови стрелцов” бунт старого мира против нарождающейся империи, и, наконец, эпоха Иосифа Сталина с “мерно движущимися танками мимо Мавзолея к тому же Василию Блаженному и дальше — на последний рубеж обороны Москвы, навстречу танкам Гудериана. . . Ну, разве можно сравнить этот сплав трёх эпох с жалкой попыткой “шестидесятника” Евгения Евтушенко ополчить величайшие символы русской государственности, которые утверждали Андреев со

Смеляковым, своим высокопарным суесловием: “Я не люблю в её надменной ложности // фигуру Долгорукого на площади”? А ведь подобные выпады против “тоталитаризма русской истории” он, называвший себя и “пушкинианцем” и “смеляковцем”, повторял не раз.

Возможно, именно такого рода “суесловия” имел в виду Смеляков, когда писал:

*История не терпит суесловья.
Трудна её народная стезя.
Её страницы, залитые кровью,
Нельзя любить бездумною любовью
И не любить без памяти нельзя.*

Нельзя не восхититься ещё одной особенностью поэтического мира Ярослава Смелякова. В то время, когда и Твардовский, и Ахматова, и Заболоцкий, и Мандельштам, и Пастернак, кто из “страха иудейска”, кто искренне, вписывали свои стихи в “сталиниану”, Ярослав Смеляков, восхищавшийся героикой сталинской эпохи и казавшийся в 1960-е годы каким-то не желающим пересматривать свои взгляды “мамонтом пятилеток”, посвятил вождю лишь одно стихотворение, да и то после смерти Сталина, да и то не назвав его даже по имени. А стихотворенье особенное, смеляковское, где вождь очеловечен особым образом:

*На главной площади страны,
невдалеке от Спасской башни,
под сенью каменной стены
лежит в могиле вождь вчерашний.*

*Над местом, где закопан он
без ритуалов и рыданий,
нет наклонившихся знамён
и нет скорбящих изваяний,*

*ни обелиска, ни креста,
ни караульного солдата —
лишь только голая плита
и две решающие даты,*

*да чья-то женская рука
с томящей нежностью и силой
два безымянные цветка
к его надгробью положила.*

(1964)

Вот так попрощался Смеляков со Сталиным.

К российской героической трагедии XX века он, как никто другой, прикасался бережно и целомудренно. Вот почему он останется в нашей памяти изумительным поэтом, подлинным русским Дон-Кихотом народного социализма, впрочем, хорошо знавшим цену, которую время потребовало от людей за осуществление их идеалов.

Строительство новой жизни по напряжению, по вовлечению в него десятков миллионов людей, по степени риска, по цене исторических ставок было деянием, которое сродни разве что великой войне. А кто, какой историк скажет о войне масштаба 1812 или 1941 года: подневольно ли в такого рода событиях приносятся в жертву миллионы людских судеб или они живут стихией добровольного самоограничения и самопожертвования? Естественно, что в такие времена над людским выбором властвует и та, и другая сила — и принудительная мощь государства, и то, что называется альтруизмом, героизмом, аскетизмом, самопожертвованием.

И всё-таки, в конце концов, именно свободная воля решает исход великих войн и строительства. Не мысль о штрафбате и не страх перед заградотрядами заставлял солдата цепляться за каждый клочок сталинградского берега,

как бы ни тщился Виктор Астафьев доказать обратное. Мой отец погиб голодной смертью в Ленинграде, но сейчас, перечитывая его последние письма, я понимаю, что он был человеком свободной воли. Смеляков знал о таинственном законе добровольного самопожертвования, когда размышлял о судьбе своего поколения во время “незнаменитой финской войны”:

*Шумел снежок над позднюю Москвой,
гудел народ, прощаясь на вокзале,
в тот час, когда в одежке боевой
мои друзья на север уезжали.*

*Как хочется, как долго можно жить,
как ветер жизни тянет и тревожит!
Как снег валится! Но никто не сможет,
ничто не сможет их остановить...*

* * *

Одно из самых злобных и карикатурных изображений Сталина вышло из-под пера Александра Галича, человека, не сидевшего в лагерях, не воевавшего, благополучного во всех смыслах. В зарифмованном песенном фельетоне “Ночной дозор” Галич-Гинзбург просто из кожи вылез, чтобы переплюнуть в своём глумлении и Окуджаву, и Высоцкого:

*Вижу: бронзовый генералиссимус
Шутовскую ведёт процессию!
Он выходит на место лобное —
“Гений всех времен и народов!” —
И, как в старое время доброе,
Принимает парад уродов!*

О Галиче как о дельце и бесталанном сочинителе пьес и сценариев с брезгливостью вспоминали его современники — и русские, и еврейские. Илья Глазунов в книге “Россия распятая” вспоминает, как Борис Слуцкий с сарказмом предлагал ему, чтобы хорошо заработать, вступить в деловые отношения с Александром Галичем: “Вы должны нарисовать жену самого богатого писателя Саши Галича”.

С Галичем я встретился один раз. Случайно. В 1962 году бригада из трёх поэтов — Арсений Тарковский, Владимир Корнилов и я — поехала выступать в Латвию. Остановились в гостинице “Рига” и в коридоре встретили лощёного мужчину с усами, выводившего из своего номера местную путану. Корнилов и Тарковский поздоровались с этим человеком, перекинулись несколькими словами, а когда отошли от него, я спросил, кто он. Импульсивный Корнилов с раздражением ответил мне: “Это Галич! всю жизнь при Сталине безбедно прожил на своих конъюнктурных пьесах и сценариях, а теперь ещё и чистой славы захотелось, песенки стал сочинять...”

В словах прямодушного Корнилова одновременно слышались и ревность, и презрение: мол, и в суровое время благополучно существовал Галич за счёт водевилей, эстрадных скетчей и халтурных сценариев, а ещё и в либеральное захотел стать властителем дум и совестью интеллигенции.

Прав был ныне покойный Володя Корнилов, честный диссидент, не менявший своих убеждений. “Вас вызывает Таймыр”, “Верные друзья”, “Будни и праздники” и прочая официально-патриотическая драматургическая и эстрадная халтура были стихией Галича.

Но до какой человеческой, гражданской и литературной низости довела его ненависть к Сталину, если он решился написать: “Он выходит на место лобное — // “гений всех времён и народов!” — // и, как в старое время доброе, // принимает парад уродов”!

Два великих всемирно-исторических парада принял Сталин на Красной площади: 7 ноября 1941 года, когда солдаты шли мимо Мавзолея прямо на

передовую, чтобы умереть или отстоять Москву, откуда 16 октября в ужасе перед немцами сбежали на Восток в первую очередь “дети Арбата”, отпрыски “малого народа”. И второй парад – 24 июня 1945-го, парад Победы с фашистскими знамёнами, брошенными победителями к подножию Мавзолея. Этот парад означал, что Галич – человек 1918 года рождения, не призванный на фронт якобы по здоровью, вместе со своими соплеменниками мог считать себя спасённым от Холокоста, с которым после 9 Мая было покончено раз и навсегда. . . А ведь был выходцем из приличной местечковой еврейской семьи: отец – экономист, мать – администратор консерватории, бабушка – литературовед. . .

Русские солдаты, дети простонародья сразу шли с ноябрьского парада 1941 года в окопы, выдолбленные в мёрзлой земле, вставали из этих окопов в атаку, падали, истекая кровью, на подмосковный снег, жертвовали своими юными жизнями, чтобы такие откосившие от присяги и военной службы “уроды” остались живы и обливали их память слюной и желчью.

Галичам-гинзбургам было недостаточно проклинать Сталина, и они, пользуясь тем, что на дворе наступило смутное время, сделали мишенями своей клеветы победителей мирового зла, polegших в борьбе с ним в снегах под Москвой. Прости меня, Господи, но иногда приходит в голову мысль, что в случае победы коричневого зла таким гражданам мира, как Галич, была бы обеспечена дорога в рай через Освенцим.

Смерть настигла его, когда он, эмигрировавший в Германию, сунул руку в какой-то электроприбор. Где похоронен? Не знаю. Да это и не имеет значения. Имеет значение то, с каким достоинством ответила всяческим “галичам” в стихотворении о легендарном параде русская женщина Татьяна Глушкова!

ПАРАД ПОБЕДЫ

*Тот голос хриплый, окрылённый,
И грозный маршал на коне,
И ты, народ непокорённый,
В весеннем сне явились мне.*

*Июнь был влажным и зелёным,
И в искрах тёплого дождя
Оно казалось измождённым,
Лицо бессменного вождя.*

*Он не смотрел, как триумфатор.
Он с виду старый был солдат:
Полковник, что теперь за штатом, —
“Слуга царю, отец солдатам”? —
О, нет!.. А всё же некий фатум
Таил его усталый взгляд.*

*Штандарты, алые знамёна,
Фронтов неодолимый шаг.
О, как он смотрит напряжённо
На эту сталь, на чёрный прах*

*Чужих полотниц: древком долу
Как их швыряют от бедра —
Как к богоравному престолу
Иль в пасть священного костра —*

*К стене Кремля!.. И в этом жесте,
Небрежном, рыцарском, — не месь: —
Брезгливость, воля, чувство чести —
Отчизны царственная честь!*

*А он спокойного вниманья
Исполнен — вместо торжества.
Недвижный в дождевом тумане
И на ликующем экране
Приметный, может быть, едва.*

*Он не сказал тогда ни слова —
Как и положено тому,
Кто глянет ясно и сурово
С небес в зияющую тьму*

*Своей, столь одинокой, смерти
Своей, уже чужой, страны...
И он мне чудится, поверьте,
Невозвратившимся с войны.*

10 мая 1994

Но об этом сталинском параде один из младших “шестидесятников” Фаликов пишет в книге о Слуцком (из серии “ЖЗЛ”), может быть, ещё изощрённее и подлее, нежели Галич:

“Самое невероятное и самое роковое для поколения Слуцкого — произошло: с фронта на парад. И это был парад Победы. Печатая шаг по брусчатке Красной площади, сапоги победителей ставили точку на прениях вокруг правоты идеологии. Сталин вывернул наизнанку жертвенный подвиг народа, высший смысл жертвы, подменив служением доктрину”.

И это сказано о вожде, который 3 июля 1941-го обратился к народу со словами: “Братья и сёстры! К вам обращаюсь я, друзья мои”, — и, не думая о доктрине, отчеканил: “Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!” О вожде, который 7 ноября 1941 года вспомнил не идеологию, а Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. О вожде, который поблагодарил за доверие не идеологов из Института марксизма-ленинизма, а русский народ, поверивший советской власти, возглавляемой Сталиным.

А каковы слова из знаменитого приказа № 227, написанного его рукой, в страшные дни июля 1942-го, когда немецкая танковая орда прорвала фронт и покатила к Сталинграду и кавказской нефти:

“Отступить дальше — загубить Родину”, “Солнце позора”, “Каждый клочок земли”, “Ни шагу назад!” Какая там “доктрина”! Доктриной танки не остановишь...

* * *

Весьма оригинально демонстрировала свой антисталинизм Белла Ахмадулина.

Многие ветераны советской литературы в эпоху “оттепели” как бы обрели, если говорить словами Пастернака, “второе рождение”. Известный критик Иосиф Гринберг, прославлявший в 1930-е годы чекистскую поэзию Эдуарда Багрицкого и утверждавший, что его “поэзия затмила и отодвинула в сторону поэзию Есенина”, в 1960-е годы, встречаясь со мной во дворе нашего писательского кооперативного дома, с азартом спрашивал меня, вернувшегося из Тбилиси, как там поживают Симон Чиковани или Карло Каладзе, и, вздымая выбритый до синевы подбородок, начинал с артистическим завываньем читать грузинские стихи Осипа Мандельштама:

*Человек бывает старым,
а барашек молодым,
и под месяцем поджарым
с розоватым винным паром
поплывёт шашлычный дым...*

С наслаждением продекламировав изящный стишок Мандельштама, Иосиф Львович склонил ко мне на грудь свою седую шевелюру и проникновенным голосом спросил:

— А как там в Грузии принимали нашу Белочку?

Белла Ахмадулина как раз в то время становилась культовой фигурой в среде русскоязычной и грузинской интеллигенции. Я порадовал душу Гринберга, рассказав ему, что “Белочкой восхищалась вся грузинская интеллигенция, особенно после того, как она в Кахетии, куда нас привёз Иосиф Нонешвили, на веранде деревенского дома, увитой виноградными лозами, после того, как в застолье Феликс Чуев провозгласил тост за “великого сына грузинского народа Иосифа Виссарионовича Сталина”, нырнула на мгновение под стол, сорвала со своей ножки туфельку и, отчаянно взвизгнув, запустила её, как из пращи, в закоренелого сталиниста... Застолье после подобного скандала должно было бы немедленно развалиться, но положение спас кто-то из грузинских евреев: то ли Боря Гасс, то ли вездесущий Гия Маргвелашвили. Не дав никому опомниться, он подхватил чуть ли не на лету туфельку, мгновенно плеснул в неё виноградной водки и выпил сразу за обоих именитых гостей — за поэта с огненным гражданским темпераментом Феликса Чуева и за божеественный лирический талант Беллы Ахатовны.

Ахмадулина, швырнув в Чуева туфельку, тут же стерла со своего лица гримасу отвращения, словно актриса, сыгравшая роль и тут же позабывшая и о Сталине, и о Чуеве, и о туфельке.

Если говорить серьёзно, то я бы понял негодование Окуджавы или Аксёнова, у которых были личные, семейные трагедии в сталинскую эпоху. Но принимать за чистую монету негодование дочери генерала таможенной службы и сотрудницы Лубянки (я говорю о родителях Ахмадулиной, благополучно проживших свой век) — по меньшей мере, не серьёзно. На мой взгляд, это было одной из вершин её лицедейства. Что же касается убеждений Феликса Чуева, то надо вспомнить, что его отец был *сталинским соколом* — выдающимся лётчиком Великой Отечественной войны.

* * *

Осмысление того, кем и чем был Сталин для отечественной и мировой истории XX века, было необходимо для каждого значительного поэта минувшей эпохи как из стана “западников”, так и из сословия патриотов—“славянофилов”. При этом у сыновей и дочерей “оттепели” такого рода стихотворений было больше, потому что многие из них сначала вознесли вождя на пьедестал, а потом, после XX съезда КПСС им же пришлось свергать творение своих рук с пьедестала. А ведь это были весьма известные поэты: П. Антокольский, И. Сельвинский, К. Симонов, М. Алигер, Е. Евтушенко и пр. А ближе к нашему времени весьма изощрённую карикатуру на Сталина изваял лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский:

ОДНОМУ ТИРАНУ

*Он здесь бывал: ещё не в галифе —
в пальто из драпа; сдержанный, сутулый.
Арестом завсегдаатаев кафе
покончив позже с мировой культурой,
он этим как бы отомстил (не им,
но Времени) за бедность, униженья,
за скверный кофе, скуку и сраженья
в двадцать одно, проигранные им.*

.....
*И Время проглотило эту месть.
Теперь здесь людно, многие смеются,
гремят пластинки. Но пред тем, как сесть
за столик, как-то тянет оглянуться.
Везде пластмасса, никель — всё не то;
в пирожных привкус бромистого натра.*

*Порой, перед закрытьем, из театра
он здесь бывает, но инкогнито.*

*Когда он входит, все они встают.
Одни — по службе, прочие — от счастья.
Движением ладони от запястья
он возвращает вечеру уют.
Он пьёт свой кофе — лучший, чем тогда,
и ест рогалик, примостившись в кресле,
столь вкусный, что и мёртвые: “О, да!” —
воскликнули бы, если бы воскресли.*

Январь 1972

Строки о том, как “один тиран” “арестом завсегдатаев кафе” покончил “позже с мировой культурой”, свидетельствуют, что Бродский читал сталинские тексты, ибо в беседе с немецким писателем Эмилом Людвигом в 1931 году Сталин так сказал о революционерах-эмигрантах: “Тех товарищей, которые остались в России, которые не уезжали за границу, конечно, гораздо больше в нашей партии и её руководстве, чем бывших эмигрантов (...) Я знаю многих товарищей, которые прожили по 20 лет за границей, жили где-нибудь в Шарлоттенбурге или в Латинском квартале, сидели в кафе годами, пили пиво и всё же не сумели изучить Европу и не поняли её”.

И Сталин, в отличие от Иосифа Бродского, был прав. То, что через несколько лет после 1931 года объединённая Гитлером Европа станет “коричневой” и будет подмята под свастику, никакие Радеки, Белы Куны, Кольцовы, Красины и Пятницые-Тарсисы действительно понять не могли. Это мог понять лишь человек, побывавший в ссылках и тюрьмах в Батуми, в Сольвычегодске, в Вологде, в Нарыме, на енисейской Курейке, в иркутской Новой Уде, в красноярском Ачинске.

Кстати сказать, Юзик Алешковский в своей песне “Товарищ Сталин, Вы большой учёный” невольно отдал дань этой стороне жизни вождя: “Сижу я там же, в Туруханском крае, // где при царе не раз бывали вы”, и к тому же, стараясь осмеять Сталина-лингвиста (“в языкознание знаете вы толк”), он на деле побудил вспомнить нас, что Иосиф Виссарионович, не согласившись с выводами академика Марра о “классовой сущности языка”, был, как это ни парадоксально, куда ближе к истине, нежели многие академики от марксизма.

* * *

У камерного питерского поэта Александра Кушнера тоже есть стихотворение о Сталине, но оно ещё более пустое и ещё более “кафеино-гастрономическое”, нежели вирши Бродского о венском кафе.

*В ресторане “Аттила” на скатерти луч плясал.
Посмотрел бы Аттила на чистенький этот зал,
Где нам подали кофе с мороженым и варенье.
Интересно, что он подумал бы, что сказал?
Вавилонское, ты мне нравишься, столпотворенье.
.....
И когда-нибудь, лет через тысячу, интурист
Отутюжит гостиницу, чистую, как батист,
И на вывеске будет написано “Джугашвили” —
Тем приятнее номер, что солнечен так и чист.
И не всё ли равно, как назвать, — так его забыли.*

1990

Кто знает, кто знает... Тысячелетия уже прошли, а мы всё помним о великих египетских фараонах, о Юлии Цезаре и Аттиле... Думаю, что стихи Кушнера забудутся быстрее, нежели фамилия, а тем более великий псевдоним

героя его стихотворения. Да они и написаны-то, в сущности, не о Сталине, а о “Джугашвили”. А это громадная разница, о чём знал Иосиф Виссарионович, когда выговаривал своему сыну Василию, кричавшему во время хмельных скандалов, в которых проходила его молодость: “Моя фамилия Сталин!” Узнав об этом, отец пристыдил сына: “Ну, какой ты Сталин? Я – и то ещё не Сталин!”

Метания “детей Арбата” от славословий к проклятиям были частью того потока пошлости, лжи и страхов, о которых Иосиф Сталин сказал когда-то Александре Коллонтай: *“После моей смерти на мою могилу нанесут столько мусора...”* – и добавил: *“Но ветер истории развеет его...”*

Ненависть к Сталину лишала “шестидесятников” не только литературных способностей, которыми многие из них всё-таки обладали, не только ума, но и честности по отношению к истории Отечества. Мы, русские патриоты, не выдёргивали имя и дела Сталина из потока истории, но, наоборот, погружали в неё, понимая, что при тогдашних обстоятельствах картина жизни эпохи не могла быть другой. Победы и поражения, подвиги и преступления, взаимоотношения народа и власти... Эта стихия истории – и в мелочах, и в величии, в судьбах наших отцов и матерей – была вся нашей... И проживя вместе со своими отцами и матерями весь XX век, мы научились отличать правду от правдоподобной лжи, научились понимать, что такое неизбежный, а порой и необходимый ход истории. Который раз вспоминаю о том, что три дочери моей бабушки Дарьи при помощи сталинских социальных лифтов не остались крестьянками, но вышли в люди: одна стала директором швейной фабрики, другая – главным диспетчером железной дороги, третья – врачом-хирургом, а их младший брат, учившийся сапожному делу, стал “сталинским соколом” и знаменитым лётчиком, записанным в калужскую “Книгу славы” Отечественной войны. Мои встречи и знакомство с известным современным социологом Александром Зиновьевым окончательно утвердили меня в правильности моих взглядов. Вот что писал Зиновьев о сталинской эпохе:

“Чтобы ответить на вопрос о сущности сталинизма, надо установить, чьи интересы выражал Сталин, кто за ним шёл. Почему моя мать хранила портрет Сталина? Она была крестьянка. До коллективизации наша семья жила неплохо. Но какой ценой это доставалось? Тяжкий труд с рассвета до заката. А какие перспективы были у её детей (она родила одиннадцать детей!)? Стать крестьянами, в лучшем случае – мастеровыми. Началась коллективизация. Разорение деревни. Бегство людей в города. А результат этого? В нашей семье один человек стал профессором, другой – директором завода, третий – полковником, трое стали инженерами. И нечто подобное происходило в миллионах других семей. Я не хочу здесь употреблять оценочные выражения “плохо” и “хорошо”. Я хочу лишь сказать, что в эту эпоху в стране происходил беспрецедентный в истории человечества подъём многих миллионов людей из самых низов общества в мастера, инженеры, учителя, врачи, артисты, офицеры, учёные, писатели, директора и т. д., и т. п.

Сталин был адекватен породившему его историческому процессу. Не он породил этот процесс, но он наложил на него свою печать, дав ему своё имя и свою психологию. В этом была его сила и его величие. Не исключено, что молодёжь ещё будет когда-нибудь тосковать по сталинским временам. Народ (тот самый, якобы обманутый и изнасилованный) уже тоскует и встречает упоминание его имени аплодисментами...

И Великую Отечественную войну мы могли выиграть только благодаря коммунистической системе. Я ведь войну с первого дня видел, всю её прошёл, я знаю, что и как было. Если бы не Сталин, не сталинское руководство, разгромили бы нас уже в 1941 году”.

* * *

А сколь искренни и значительны мысли такого же, как и Александр Зиновьев, крестьянского сына Николая Рубцова в стихотворении, где он вспоминает Сталина и его время, и вообще всю судьбу России в трагическом XX веке:

НА КЛАДБИЩЕ

Неужели

одна суета

*Был мятеж героических сил
И забвением рухнут лета
На сиротские звёзды могил?*

*Сталин что-то по пьянке сказал —
И раздался винтовочный залл!
Сталин что-то с похмелья сказал —
Гимны пел митингующий зал!*

*Сталин умер. Его уже нет.
Что же делать — себе говорю, —
Чтоб над Родиной жидкий рассвет
Стал похож на большую зарю?*

*Я пойду по угрюмой тропе,
Чтоб запомнить рыданье пурги
И рожденные в долгой борьбе
Сиротливые звёзды могил.*

*Я пойду поклониться полям...
Может, лучше не думать про всё,
А уйти, из берданки паля,
На охоту*

в окрестности сёл...

1960

Очень “рубцовское” единственное о Сталине стихотворение молодого русского поэта с характерной для него строкой: “Может, лучше не думать про всё...” Никакого глумления, никакого кощунства, никакой ярости, столь щедро изливающейся до сих пор из уст потомков “проклятой касты”... Сын русского простонародья, воспитанник детского дома из вологодской деревни Никола, дитя чудом выжившей в XX веке России — вот каким предстаёт Николай Рубцов в стихотворении, неспроста названном “На кладбище”.

Живя в деревне Никола, Рубцов в последние годы жизни читал Слуцкого и даже в одном из писем к нему просил денег взаймы, но его, видимо, крайне удручило глумливое отношение Бориса Абрамовича к сталинскому тосту за русский народ. Я понимаю чувства и мысли Рубцова, прочитавшего в стихотворении Слуцкого:

*Это был не просто тост
(здравицам уже пришёл конец).
Выпрямившись во весь рост,
великанам воздавал малец
за терпенье.*

*Трус хвалил героев не за честь,
а за то, что в них терпенье есть...*

Всей сущностью своего стихотворения “На кладбище” Рубцов спорит со Слуцким. Он верит, что “мятеж героических сил” не может быть “суетой”, потому что за этот мятеж заплачено “сиротскими звёздами могил”. Рубцов верит, что “жидкий рассвет”, загоревшийся “над Родиной”, станет похожим “на большую зарю”. Поэтому он идёт поклониться полям, поэтому он помнит “рыданье пурги” и с удручением вспоминает глумливые стихи Слуцкого в четырёх строчках своего трагического стихотворения:

*Сталин что-то по пьянке сказал —
И раздался винтовочный залп!
Сталин что-то с похмелья сказал —
Гимны пел митингующий зал!*

Николай Рубцов умел в своих стихах радоваться жизни или печалиться о ней. Но не мог лишь одного — глумиться над нею. Он, веривший, что именно “крест” есть памятник каждому из нас, смиренно соглашается с тем, что и “звёзды на могилах” — тоже памятники, “рождённые в долгой борьбе”.

* * *

Столь же, как у Рубцова, простодушное, а потому по-своему честное понимание истории отражено в стихотворении замечательного русского поэта Алексея Прасолова. “В слезах народа лицемерья нет”, — вот истина, недоступная изощрённому рафинированному письму Иосифа Бродского или Александра Кушнера, я уж не говорю о развязной сталиниане “дворянина с арбатского двора”. “Я рос под властью имени вождя” — откровенно и простодушно пишет Прасолов, словно бы продолжая искренность и откровенность Михаила Исаковского: “Мы так вам верили, товарищ Сталин, // как, может быть, не верили себе”.

*Мы многое не знали до конца,
И в скорбном звоне мартовской капели
Его, приняв покорно за отца,
Оплакали и преданно отпели.
В слезах народа лицемерья нет,
Дай Бог другим завидный этот жребий!
Ведь был для нас таким он в годы бед,
Каким, наверно, никогда и не был.
Я рос под властью имени вождя,
Его крутой единоличной славы,
И, по-ребячьи строчки выводя,
В стихе я гордо имя это ставил!*

1963

Недаром же Александр Твардовский, будучи главным редактором журнала “Новый мир”, открыл читателям нашей страны творчество сына воронежской земли Алексея Прасолова.

* * *

С глубокой народной простотой мысли и слова написано стихотворение о Сталине Юрия Лощица. Сюжет и смысл его несравненно глубже стихов “детей оттепели”, смакующих кофе в австрийской столице или в венгерском ресторане “Аттила”. Всё дело в том, что для Юрия Лощица Иосиф Сталин — это (как он сказал сам о себе) “русский грузинского происхождения”, и потому во всех многочисленных тюрьмах и ссылках выжить ему помогли русские народные песни, о чём Юрий Михайлович Лощиц вспомнил в Прощёный день:

ПРОЩЁНЫЙ ДЕНЬ

*Облаянный всеми, кому не лень,
во всём обвинённый, за всех,
позволь мне, в этот Прощёный день
хоть один сниму с тебя грех.
Советской попсы как ни боек припляс,
а всё же в застолья час
ты наши долгие песни певал
про степь да про море-Байкал.*

*С бродягой бродяжил,
пил с ящичком,
по матери старой тужил.
В такую-то ночь, от себя тайком,
ты русским запасом жил.
В тайге не пропал, не замёрз во льдах,
но за песни те до сих пор
обвывает тебя и кромсает твой прах
ненасытный шакалий хор.*

А “ненасытный шакалий хор” до сих пор не умолкает, о чём вспомнил новосибирский наш друг и ветеран русских “шестидесятников”, поэт и философ Юрий Ключников:

*Который год перемывают кости,
полощут имя грозное в грязи.
Покойникам нет места на погосте,
нет и живым покоя на Руси.*

*Нам говорят, что он до самой смерти
был дружен с князем тьмы. Но отчего
трепещут и неистовствуют черти
до сей поры при имени его?*

Прочитал я эти стихи в письме Юрия Ключникова, присланном мне в редакцию, и подумал: “Нет, борьба “за Родину, за Сталина” до сих пор не окончена и нам нельзя проиграть её, как нельзя было проиграть Отечественную войну”.

* * *

Удивительно и закономерно то, что некоторые честные либералы – убеждённые антисталинисты конца 50-х – начала 60-х годов прошлого века – по мере того, как ход истории всё глубже обнажал все беды, которые принесла нам перестройка к концу 1990-х, безо всяких усилий с нашей стороны приближались к нам, к нашим взглядам и убеждениям. Мне, часто в те времена бывавшему в Грузии, вспоминается, как восторженно приняла в 1961 году грузинская интеллигенция антисталинское стихотворение Юнны Мориц, посвящённое памяти Тициана Табидзе, погибшего в 1937-м. . .

*На Мцхету падает звезда...
.....
Кто это право дал крестину
Совать звезду под гильотину?*

Зал хлопал, Юнну Мориц поздравляли, в её честь Гиви Маргвелашвили и семейство Фейгиных поднимали тосты, тбилисские газеты на следующий день после вечера поэзии печатали её портреты на своих страницах. . . И вот прошло полвека, и обнаружив, что наша “пятая колонна” спорит о том, кто хуже – Гитлер или Сталин, честная русская поэтесса Юнна Пейсаховна Мориц ответила им:

ХОЗЯЙСТВО

*Когда бы жили вы в Европе
При Геббельсе и Риббентропе,
Где европейского еврея
Швыряли в печку, небо грея,
Тогда бы спорить вы не стали:
Кто хуже — Гитлер или Сталин?*

*Когда бы жили вы в Европе
При Геббельсе и Риббентропе,
Где европейские фашисты
Пушисты были и душисты
На мыловарне, где, зверея,
Варили мыло из еврея, —
Тогда бы спорить вы не стали:
Кто хуже — Гитлер или Сталин?*

*Зато хозяйства корифеи
Прозрели (в том числе евреи),
Что Гитлер, мыслящий злодейски,
Хозяйство вёл по-европейски,
А Сталин вёл по-азиатски,
Отстав от европейцев адски.*

*Кто хуже — Гитлер или Сталин,
Который был опьедестален
И зверски выиграл войну,
Спася от Гитлера страну?..
Но, блям, хозяйства корифеи
Прозрели (в том числе евреи), —*

*Что Гитлер, победив злодейски,
Хозяйство вёл бы европейски!..*

* * *

В 2019 году, в издательстве “Молодая гвардия” вышла книга Дмитрия Быкова “Шестидесятники”. В главе о Новелле Матвеевой автор пишет о “гриновских чудесах” её поэзии, о её “сумеречном состоянии”, о “пристрастии к таинственному”, но молчит о том, что в последние годы жизни Новелла Матвеева всеми мыслями и чувствами обратилась к “Нашему современнику”, желанным автором которого она стала, что ей стал близок образ не кого-нибудь, а Иосифа Сталина, что она дарила мне свои книги с такими дарственными надписями, от которых литературоведам вроде Быкова может стать плохо.

И у Новеллы Матвеевой сближение с нами произошло стремительно и без всяких комплексов, поскольку она вышла из коренной русской семьи.

Помню свои впечатления от её песен, услышанных мною в начале 1960-х. Они задевали какие-то особенные струны души, в них было столько разливающейся свободы, что я до сих пор вспоминаю, как “развесёлые цыгане”, гулявшие “по Молдавии”, украли в одном селе “молодую молдаванку” и “воспитали, как цыганку”... И стала она скитаться по земле с табором в паре с медвежонком, который подчинялся ей и “просил деньжонок” у слушателей и зрителей этой дивной сказки о том, как люди рано или поздно прощаются с прошлой жизнью:

*Позабыла всё, что было,
И не видит в том потери...
Ах, вернись, вернись, вернись,
Ну, оглянись, по крайней мере...*

Новелла Матвеева, к сожалению, в то время была окружена почитателями из либеральной интеллигенции и далека от нашего круга. Несколько десятилетий мы жили и творили в разных слоях общества и в разных домах. Но время, как вода, точит камень, и какво было моё радостное удивление, когда незадолго до смерти она прислала мне свою последнюю книжицу с неожиданной надписью: “Замечательному человеку, Поэту, Публицисту, Прозаику, Издателю, — тёмных сил Гонителю — Станиславу Куняеву на праздник Победы — от автора. Н. М.

8–9 мая 2015 г. (книга, правда, детская, но в конце есть некоторые песни)”.
Но мало того, вскоре мы напечатали несколько её стихотворений, свидетельствующих о том, что Новелла бесстрашно приняла нашу сторону в спорах об историческом пути России, о Великой Отечественной войне, о Сталине.

*Клеймя “тирана” с трубкой и усами,
Вы первые тиранствуете сами;
На пробующих робко спорить с вами
Бросаетесь клокочущими псами!
Но... топая ногой, но лбом тараня,
Ассаргадонствуя и тамерланя,
Желая подчинить себе Россию,
Не напроситесь на тиранию,
Вам встречную! Настроенную грозно!
Уймитесь же, эй, вы! Пока не поздно...*

Вот такое клеймо поставила на “шестидесятничестве” Новелла Матвеева, о которой в своей антологии “Строфы века” впавший в сентиментальную высокопарщину Евгений Евтушенко писал: “Новелла Матвеева стала Ассолью, а свою поэзию превратила в корабль под алыми парусами”.

В начале сентября 2016 года она пригласила сотрудников журнала “Наш современник” к себе на подмосковную дачу, но наше свидание не состоялось. 4 сентября Новеллы не стало. Либеральная пресса почти не заметила этой утраты, но в некрологе “Нашего современника” мы нашли слова, достойные её памяти:

“Добрейший и душевнейший человек в личном общении, закрытая для празднотлюбивых, она явила себя подлинно гражданским поэтом, непримиримым к проповедникам социального расизма, клеветникам России нового разлива.

“Мы не покладисты. Мы не покладисты. Мы не из бархата! Вот только жаль: немного меньше стало сил у нас...” – писала она сравнительно недавно. Но ещё много лет назад Новелла Матвеева, добрая сказочница, в своих памятных песнях отчётливо сформулировала своё кредо:

*Всё едино? Нет, не всё едино.
Пламя, например, отнюдь не льдина.
Плут о благе ближних не радетьель,
А насилие — не добродетель.*

.....
*Всё едино? Нет, не всё едино:
В рощах нет повторного листочка!
Потому что, если “всё едино”,
Значит — “всё дозволено”. И точка.”*

* * *

Но что это были за люди – Владимир Ленин и Иосиф Сталин, – стоявшие в центре событий первой половины XX века, в центре эмиграции, революции, гражданской войны, в центре жесточайших кровопролитий и красного террора? Одни историки убеждены, что они творили мировую и советскую историю сами, другие верят, что они, обладавшие особым слухом, лучше и раньше других угадывали ход истории и выполняли её волю. Но ясно одно: они оба служили строительству не виданного до них общества и не существовавшего до сей поры государства. Всё, что мешало им на этом неизведанном пути, они разрушали, уничтожали, стирали с лица Земли...

Ради достижения высшей цели они могли, если этого требовали обстоятельства, принимать казавшиеся со стороны гибельными решения.

Ленин мог пойти на “позорный” Брестский мир, чтобы вскоре отвоевать у поляков Украину. Он мог отдать грузинским и армянским националистам Закавказье, потому что знал, что через год-другой вернёт его в состав рождающегося в его воображении Советского Союза.

Сталин мог мобилизовать все дипломатические силы советского послевоенного блока государств, чтобы они проголосовали за создание государства Израиль, поскольку эта победа ослабляла позиции англосаксов на Ближнем Востоке в разгар “холодной войны” с ними. Портреты Сталина после этого висели во всех еврейских кибуцах, бывших своеобразными колхозами Израиля. Но когда деятели Еврейского антифашистского комитета в ультимативной форме потребовали от Сталина создания еврейской республики на Крымском полуострове, то в ответ на этот ультиматум все пятнадцать видных деятелей ЕАКа были расстреляны, а его руководитель Соломон Михоэлс погиб в Минске при загадочных обстоятельствах. И евреи в кибуцах перестали понимать – оставлять ли портреты Иосифа Виссарионовича в кибуцах или растоптать их, но вождю до этого не было дела. Недаром же историк Рой Медведев, чей отец погиб в 1937 году, писал в книге “Иной Сталин” (2001): *“Для таких людей, как Ленин и Сталин, невозможно определить, сыграли ли они в судьбе человечества отрицательную или положительную роль. Они сыграли историческую роль. Советский Союз не был аномалией исторического развития, это был шаг вперёд из того тупика, в который завела мир Первая мировая война”*.

До сих пор историки не могут понять, что заставило Сталина раскрутить кровавое “ленинградское дело”, в результате которого были репрессированы около тридцати тысяч партийных работников разного уровня, вплоть до председателя Госплана СССР и члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. Вознесенского, первого секретаря ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова и первого секретаря горьковского обкома ВКП(б) М. И. Родионова. Расхожие мнения историков таковы, что эти выдающиеся партийные кадры русской национальности готовили создание коммунистической партии Российской Федерации, чтобы укрепить позиции РСФСР в семье всех шестнадцати союзных республик. Но вот как эта немыслимая жестокость была объяснена самим Сталиным, который ещё 7 ноября 1937 года на банкете в честь 20-летия Октябрьской революции произнёс тост, в котором предупредил и будущих “русских” патриотов, и будущих “еврейских” сепаратистов, чтобы они не лелеяли всяческих “национальных планов” – ни создания компартии РСФСР, ни создания еврейской советской республики в Крыму, о чём мечтала группа еврейских лидеров во главе с Михоэлсом:

“Каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только бы нанесла ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто попытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он – враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, хотя бы и был он старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью... беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца – их самих и их рода!” Особенно злое и пророчески звучит сталинская угроза в адрес “старых большевиков” – соратников Ленина.

Это кажется чудом, но лишь сейчас, спустя 80 лет после сталинского оправдания жестокости тех лет мы, видя потоки крови, пролившиеся в 90-е годы в Чечне, в Таджикистане, в Молдове, в Абхазии, в Осетии, в Нагорном Карабахе, в нынешней Украине (какие там 30 тысяч – сотни тысяч!), начинаем понимать, насколько он был прав, предвидя, что, расчленив нас на национальные государства, враги СССР будут поочередно расправляться с каждым из них. Особенно неотразимо звучит его предсказание в отношении Украины, о судьбе которой вождь поведал своему ближайшему окружению за полтора года до окончания войны.

В самый разгар нашего контрнаступления на захваченные в начале войны гитлеровцами западные территории Советского Союза один из самых популярных кинорежиссёров сталинской эпохи украинец Александр Довженко задумал снять фильм по своей киноповести “Украина в огне”. Узнав об этом, Сталин затребовал киноповесть, прочитал и приказал срочно устроить её обсуждение, куда были приглашены все виднейшие руководители государства и партии (Молотов, Щербаков, Маленков, Хрущёв, Берия, Микоян), а также, наряду с Довженко, многие самые авторитетные украинские писатели.

Вот несколько важнейших отрывков из выступления Иосифа Сталина на этом обсуждении, состоявшемся 30 января 1944 года:

“Кому-кому, а Довженко должны быть известны факты выступлений петлюровцев и других украинских националистов на стороне немецких захватчиков против украинского и всего советского народа. Эти подлые изменники родины, предатели советского народа не отстают от гитлеровцев, убивая наших детей, женщин, стариков, разоряя наши города и села. Они целиком перешли на сторону немецких злодеев, стали палачами украинского народа и активно борются против советской власти, против нашей Красной армии. Если бы Довженко задался целью написать правдивое произведение, он должен был бы в своей киноповести заклеить этих изменников. Но Довженко, видимо, не в ладах с правдой. <...>

Нетерпимой и неприемлемой для советских людей является откровенно националистическая идеология, явно выраженная в киноповести Довженко. Так, Довженко пишет:

“Помните, на каких бы фронтах мы сегодня ни бились, куда бы ни послал нас Сталин – на север, на юг, на запад, на все четыре стороны света, – мы бьёмся за Украину! Вот она дымится перед нами в пожарах, наша мученица, родная земля!.. Мы бьёмся за то, чему нет цены в мире, – за Украину!

– За Украину! – тихо вздохнули бойцы.

– За Украину! За честный украинский народ! За единственный сорокамиллионный народ, не нашедший себе в столетиях Европы человеческой жизни на своей земле. За народ растерзанный, расщепленный!”

Ясно, насколько несостоятельны и неправильны такого рода взгляды. Если бы Довженко хотел сказать правду, он должен был бы сказать: куда ни пошлёт вас Советское правительство – на север, на юг, на запад, на восток, – помните, что вы бьётесь и отстаиваете вместе со всеми братскими советскими народами, в содружестве с ними наш Советский Союз, нашу общую Родину, ибо отстоять Союз Советских Социалистических Республик – значит отстоять и защитить и Советскую Украину. Украина как самостоятельное государство сохранится, окрепнет и будет расцветать только при наличии Советского Союза в целом.

Довженко не в ладах с правдой, поэтому он всё поставил с ног на голову. Однако свет клином не сошёлся, – ...чего не понимает Довженко, прекрасно понимают трудящиеся Украины. Украинцы героически бьются с врагом на всех участках нашего большого фронта. Они хорошо борются с врагом, и они понимают, что бороться за Советский Союз означает бороться за их родную Украину. Они понимают то, чего не понял Довженко, а именно: все народы Советского Союза борются за Украину. В ходе этой борьбы те области Украины, которые были захвачены врагом в первый период войны, теперь освобождены. Это оказалось возможным благодаря боевому содружеству русских и украинцев, грузин и белорусов, армян и азербайджанцев, казахов и молдаван, туркмен и узбеков – всех народов Советского Союза.

Если судить о войне по киноповести Довженко, то в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы.

Значит, и здесь Довженко опять не в ладах с правдой. Его киноповесть является антисоветской, ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности...

...Националистическая идеология Довженко рассчитана на ослабление наших сил, на разоружение советских людей, а ленинизм, то есть идеология большевиков, которую позволяет себе критиковать Довженко, рассчитан на дальнейшее упрочение наших позиций в борьбе с врагом, на нашу победу над злейшим врагом всех народов Советского Союза – немецкими империалистами”.

Всё, что произошло на Украине с 1991 года, всё, что произошло с 2014 года и происходит сегодня, – всё было предсказано Сталиным в 1944-м... Он, говоря об украинском петлюровско-фашистском национализме, предвидел его нынешнюю бандеровско-американскую разновидность. Прочитав его приговор украинскому национализму, мы начинаем понимать, почему он был так жесток со своими по крови грузинскими националистами в 1920-е – 1930-е годы, почему по его воле были высланы на Восток страны чеченцы, крымские татары,

калмыки... И даже почему он расправился за два года до своей смерти с идеологами русской коммунистической партии. Бог ему судья, как говорится, но он, в отличие от всех последующих генсеков и вождей СССР и России, умел брать всю ответственность на себя и отвечать перед историей и Господом Богом за все свои деяния и злодеяния.

* * *

Блистательный по точности диагноз поставил нашему “шестидесятничеству” историк Андрей Фурсов.

Как человек науки, он изложил свой приговор без лишних слов – сухо и неотразимо:

“Шестидесятничество” – это **реакционная** утопия советского общества (а также советской номенклатуры и приноменклатурной части советской интеллигенции). Реакционная в том смысле, что сталинскому периоду они противопоставляли прошлое – ленинский период, ленинские нормы. Это очень соответствовало целям и задачам номенклатуры второй половины 1950-х – начала 1960-х годов, когда своё превращение в слой-для-себя, в квазикласс она представляла и камуфлировала как критику “культа личности Сталина” и “возвращение к ленинским нормам”. Вообще десталинизация верхов и их обслуги в СССР (“развенчание культа личности”) есть показатель и мерило олигархизации власти и превращения верхов в квазикласс, а в РФ – в квазибуржуазию, в новых “толстяков”. И чем более сытой и вороватой является верхушка, тем больше ненавидит она и Сталина, и его систему, и социалистическую революцию, и – в конечном счёте – народ. Ненависть к Сталину – явление классовое. Впрочем, для определённых этнических групп, точнее, их части – национальное, однако и в этом случае работает сталинская формулировка “национальное по форме, классовое по содержанию”.

Во-вторых, превращение номенклатуры в квазикласс и олигархизация её власти в 1950-1960-е годы потребовали в качестве прикрытия обращения к ленинскому прошлому (и обоснования им), к временам гражданской войны. “Шестидесятничество” с его “идеалами” (“и комиссары в пыльных шлемах // склонятся молча надо мной” – Б. Окуджава) не просто оказалось созвучно олигархизации-“оттепелизации” номенклатуры, но придало ему некое внешнее привлекательное дополнительное фрондерское обрамление и обаяние”.

* * *

В истории человечества пламя революций приходилось сначала раздувать, а потом гасить многим “нелегитимным” диктаторам: Кромвелю, Робеспьеру, Наполеону, Ата Тюрку, Мао Цзедуну (а скорее, его преемнику Дэн Сяо Пину) и, конечно же, Ленину со Сталиным. Каждый из них рано или поздно, но осознавал, что, совершив должные перемены в обществе, каждая из революций начинает жить под властью закона, гласящего, что она пожирает своих детей. Этот закон афористично выразил один из самых думающих советских “шестидесятников” Борис Слуцкий:

*У государства есть закон,
Который гражданам знаком.
У антигосударства
Не знает правил паства.*

*Держава, подданных держа,
Диктует им порядки,
Но нет чернил у мятежа,
У бунта нет тетрадки.*

*Когда берёт бумагу бунт,
Когда перо хватает,
Уже одет он и обут
И юношей питает,*

*Отраду старцам подаёт,
Уже чеканит гривны,
Бунтарских песен не поёт,
Предпочитает гимны.*

*Остыв, как старая звезда,
Он вышел на орбиту
Во имя быта и труда
И в честь труда и быта.*

Об одном обстоятельстве только умолчал Слуцкий: чтобы окончательно выйти на орбиту “труда и быта”, обществу надо расправиться со всеми “пламенными революционерами”, то есть осуществить то ли *термидор*, то ли 1937-й год, то ли майдан, чего до сих пор не могут понять доживающие свой век дети XX съезда КПСС, они же дети Арбата, они же кумиры нынешней “5-й колонны”. В середине 1930-х годов в Советском Союзе схватились не на жизнь, а на смерть два потока сознания: один требовал, чтобы мы “дошли до Ганга”, чтобы завоевали “землю крестьянам” в испанской Гренаде, чтобы народ, не щадя себя, жил революционными страстями: “...не до ордена, // была бы Родина // с ежедневными Бородино”. Но Сталин уже повернул руль истории “во имя быта и труда”, во имя Днепрогэса и Магнитки, во имя реабилитации казачества и Кузбасса, во имя “Страны Муравии” и Конституции, где было написано, что “человек у нас имеет право на ученье, отдых и на труд”.

* * *

Споры о Сталине в России, да и в мире не утихают до сих пор. Однако, как это ни странно, но английский аристократ, писатель, воспитанник Кембриджа и пожизненный пэр британской короны Чарльз Перси Сноу был куда более справедлив и осведомлён, нежели наши “шестидесятники”, когда писал в своих размышлениях о Сталине:

“Не теряя времени, он приступил (в какой-то мере, был вынужден к тому, ибо ход подобных процессов неумолим и неизбежен, тут одна из причин, почему его враги оказались столь слабы) к величайшей из промышленных революций. “Социализм в одной стране” должен был заработать. России в десятилетия предстояло сделать примерно то же, на что у Англии ушло 200 лет. Это означало: всё шло в тяжёлую промышленность, примитивного накопления капитала хватало рабочим лишь на чуть большее, чем средства пропитания. Это означало необходимое усилие, никогда ни одной страной не предпринимавшееся. Смертельный рывок! И всё же тут Сталин был совершенно прав. Даже сейчас, в 60-е годы, рядом с техникой, не уступающей самой передовой в мире, различимы следы первобытного мрака, из которого приходилось вырывать страну. Сталинский реализм был жёсток и лишён иллюзий. После первых двух лет индустриализации, отвечая на мольбы попридержать движение, выдержать которое страна больше не в силах, Сталин заявил: “Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: “Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь”. ... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут”.

Нас не смяли. И по этому поводу наши “шестидесятники” рыдают вот уже почти столетие, словно евреи на реках вавилонских... Однако, рыдай не рыдай, но логика мышления, пытаюсь принять всю чрезвычайную сложность нашей революции и последующего сталинизма, бывает бессильна, и нам приходится прибегать к языку чувств, чтобы осознать всю трагедию минувшей эпохи. Вот он, этот язык:

“Многие диссиденты на склоне лет приходили к новому пониманию того, что случилось со страной. Не так давно в возрасте 96 лет скончался писатель Олег Васильевич Волков. Дворянин из богатой и знатной семьи, он 28 лет просидел в сталинских лагерях и, понятно, был антисоветски настроен. Перед

смертью он сказал: “Я по-прежнему не принимаю и ненавижу коммунизм, но я с ужасом думаю, что теперь будет с Россией. Она слишком уязвимая и хрупкая страна, ей нужна была эта броня из СССР. А теперь я умираю с ужасом за будущее России”. Это – слова Вадима Валериановича Кожина, после которых он добавил: “Не Сталин определял ход истории, а история определяла ходы Сталина”.

А вот что писал о Сталине наш “шестидесятник” Владимир Алексеевич Солюхин:

“Как ни странно, в сердцах русских эмигрантов, относящихся к СССР сугубо враждебно, победа СССР вызвала волну патриотизма. Победил СССР, но победил и русский народ, победила Россия. Кстати сказать, это словечко – “Россия” – применительно к государству стало звучать всё чаще и чаще. И вовсе не случайно один из русских эмигрантов бросил в лицо французам четверостишие, исполненное национальной гордости:

*Молитесь, толстые прелаты,
Мадонне розовой своей.
Молитесь, русские солдаты
Уже седлают лошадей.*

Сейчас уже не удастся установить степень искренности либо степень холодного рассудка и хитрости в действиях Сталина, но совершенно очевидно, что эти действия носили реставрационный характер. Сталин решил напомнить русским, что они – великий народ. Причём его действия в этом направлении можно даже нумеровать. Во-первых, он напомнил народу о его великих предках. Большевики двадцатых – начала тридцатых годов уничтожили памятники Скобелеву и Багратиону, ворошили их и царские могилы, а тут вдруг зазвучало: “Пусть вдохновляет вас... мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!..” Можно ли представить себе военачальников первых лет революции – Троцкого, Якира, Тухачевского – с орденами Александра Невского на груди?!

Вторым шагом были погоны. До этого слово “погоны” было ругательным словом, не говоря уж о слове “золотопогонник”. В один день вся армия, от рядовых до маршалов, оказалась в погонах. Командиров и комиссаров (кстати сказать, вскоре упразднённых) стали называть офицерами. Помню, как впервые я услышал команду (вошёл в комнату для занятий командир полка): “Встать! Товарищи офицеры!” Прозвучало как гром среди ясного неба, но все приняли это как должное и, по-моему, даже с радостью.

Появилась гвардия. Появились Суворовские и Нахимовские училища (то есть кадетские), появилось раздельное обучение, появились школьные формы, белые фартучки у девочек, как у гимназисток. Начали культивировать среди молодёжи старинные бальные танцы, возвращавшие людям грацию, чувство прекрасного и чувство собственного достоинства. В армии среди офицеров начали потихоньку культивировать дуэли как средство к возрождению понятия о чести (видимо, дело шло к возрождению привилегированной прослойки людей с понятием о чести, нечто вроде неодворянства).

В 1944 году в Кремль откуда-то привезли орлов, которые некогда находились на кремлёвских башнях. Зачем?

Сопоставим ещё два факта. 20 апреля 1920 года декретом Совнаркома (то есть Ленина) была закрыта Троице-Сергиева лавра, а всё её имущество изъято. 21 апреля 1946 года лавра была открыта, более того, при ней возникли Духовная семинария и Духовная академия. Открыта была лавра не как-нибудь, а в Пасхальный день. Можно представить себе, какое было там ликование. Оппоненты тут как тут: “Это Сталин заигрывал с народом, чтобы устоять в войне”, “Жареный петух в темечко клонул”. Но в 1946 году никакого нашествия уже не было, была полная победа...

Вспоминаю, как отмечался юбилей Ивана Андреевича Крылова. Это было национальное, всенародное торжество и празднование с гуляниями по всей Москве, на Манежной площади. Это Сталин напоминал народу, что он великий народ. Я уж не говорю о торжествах по случаю 800-летия Москвы.

Доказать не могу, но убеждён, что, проживи Сталин ещё несколько лет, он провозгласил бы себя императором.

Между прочим, никто не заметил, когда и как он снял с себя звание генсека. Да, последние лет пять своей жизни он генсеком уже не был. Кем же он был? Просто Сталиным. Да и без провозглашения был фактическим самодержцем, если забыть, что монархия должна быть народной. Впрочем, разве народ, несмотря на зверства, творимые Сталиным на протяжении своего властвования, не любил его самозабвенно? Разве не рыдали в дни его похорон миллионы россиян, начиная с домохозяек, кончая маршалами Рокоссовским и Жуковым (а ведь Рокоссовский успел уже “посидеть”, прежде чем его позвали командовать)? Разве сотни стихов и песен о Сталине не говорят о фанатичной и всё же во многих случаях искренней любви к этому неоднозначному человеку? Почему нет ни одного стихотворения о Хрущёве, о Брежневе? Одни анекдоты”.

Размышляя о роли Сталина в строительстве социализма, надо помнить не только о том, что он построил, но и о том, от чего он был вынужден отказаться. Вспомним, что главная книга Льва Троцкого называлась очень точно и справедливо “Преданная революция” и была написана в 1936 году. Но лишь в 1956 году Белла Ахмадулина заявила своим товарищам-“шестидесятникам”: “Наша революция сдохла”, – то есть повторила то, о чём писал Троцкий.

В этой книге Троцкий вне себя от ярости перечислил всю цепочку сталинских предательств революции: возрождение культа семьи, восстановление в правах казачьего сословия, которое ненавидел Троцкий, возвращение гражданских прав социальным группам и сословиям (кулаки, бывшие чиновники, офицеры из дореволюционного офицерского корпуса и белогвардейских частей), придание юридической силы принципу “сын за отца не отвечает”, возвращение из ссылки крестьян, репрессированных “по закону о колосках”.

А ещё можно вспомнить изъятие из репертуаров московских театров пьесы Демьяна Бедного “Богатыри” с формулировкой “за глумление над крещением Руси” или репрессии, постигшие ленинских соратников Бухарина, Каменева, Зиновьева, Радека, Пятницкого, оставшихся к середине 1930-х годов идеологами мировой революции. А чистка органов НКВД от таких комиссаров, как Ягода, Трилиссер, зампреда ОГПУ Агранов, Ал-р Орлов (Лейба Фельдбин), Игнатий Рейс (Н. Порецкий), Вальтер Кривицкий (Самуил Гинзбург), Глеб Бокий, Александр Бармин (Графф), писавший о “ликвидации дела Ленина” и сетовавший, что “Каины рабочего класса уничтожают детей революции”...

* * *

Когда Евгений Евтушенко сочинял свою необъятную поэму “Казанский университет”, то много раз вспоминал имя Пушкина: “Я пушкинианец”, “мы под сенью Пушкина росли”, “Наследники Пушкина, Герцена // мы – завязь, мы вырастим плод. // Понятие “интеллигенция” // сольётся с понятием народ” и т. д.

Но никогда диссидентская “5-я колонна”, в 1970-е годы уже сформировавшаяся и начавшая хлопоты об эмиграции, о выезде из страны, о двойном гражданстве, сочинявшая коллективные письма в защиту Даниэля и Синявского, выходящая на Красную площадь с протестами против “вторжения наших войск в Чехословакию”, – никогда такая “интеллигенция” не могла “слиться” с народом и простонародьем хотя бы потому, что со времён революции и гражданской войны, со времён Великой Отечественной в памяти коренного народа было прочно заложено понимание того, что всякое посягательство в России на государство, всяческая тотальная борьба с ним рано или поздно оборачивается всенародной бедой и унижением наших людей перед чужеземной волей.

Никогда эта интеллигенция не понимала Пушкина, не желавшего **“сменить Отечество или иметь другую историю, кроме той, которую нам дал Бог”**. Е. Е., называя себя “пушкинианцем”, тем не менее демонстративно глумился в “Казанском университете” над историческим символом русского государства – “Медным всадником”:

*Не раз этот конь окровавил копыта,
но так же несёт он скачет во тьму.*

*Его под уздцы не сдержат! Динамита
в проклятое медное брюхо ему!*

Эти суперреволюционные стихи Евтушенко стоят в одном ряду с известными стихами Джека Алтаузена **“Я предлагаю Минина расплавить”**, со стихами Демьяна Бедного, призывавшего все великие памятники тысячелетней России **“взрывать не порохом, а динамитом”**, со стихотворным разговором Шлёмы Корчака (он же Семён Кирсанов), который он вёл с памятником Петру Великому:

*— Смысл ваших речей разжуя,
за бравадою вижу я
замаскированное хитро
монархическое нутро.
И если будете вы грубить —
мы иначе поговорим
и съедем новую, может быть,
столицу для вас — Нарым!*

Все по духу русские таланты — Ярослав Смеляков, Даниил Андреев, Алексей Толстой — восхищались собирателями Руси, строителями, полководцами — Иваном Калитой, Иваном Грозным, Петром Первым, Александром Суворовым. А русскоязычные — Семён Кирсанов, Наум Коржавин, Давид Самойлов — возмущались их деяниями и высмеивали их.

Евтушенко, называвший себя “пушкинианцем”, прожив долгую жизнь, так и не понял, что Пётр Первый, наряжавший свою элиту в европейские парики и камзолы, упразднивший русское православное патриаршество, стригший бороды у бояр, не жалевший чёрную мужицкую кость при строительстве Петербурга, приговоривший своего неверного сына к смерти, был дорог и притягателен для Пушкина не этими деяниями, а победами, легендами, мифами и той готовностью к самопожертвованию во имя будущего России, которую мог почувствовать только родственник петровскому гению пушкинский гений.

Трагедийность российской истории была заключена в том, что к концу двадцатых годов в нашей идеологической системе сформировались антинациональные силы, создавшие концепцию, по которой за все многовековые грехи феодально-самодержавного, крепостнического периода нашей истории предьявлялся политический и идеологический счёт русскому народу и русской культуре. Они как бы объявлялись ответственными за всё несовершенство минувшего тысячелетия. Эта антирусская, антинациональная в своих крайних формах идеология оправдывала в XX веке жестокие репрессии по отношению к русскому крестьянству как к реакционному классу, оправдывала разрушение великих памятников русской культуры и истории, якобы обслуживавших идеологию самодержавия, объявляла русский национальный характер консервативным, бездеятельным, неспособным к строительству нового общества. Вот, к примеру, какую программу культурного строительства развёртывала перед читателем массовая коммунистическая пресса 30-х годов:

“Пора убрать исторический мусор с площадей. В этой области у нас накопилось немало курьезов. Ещё в прошлом году в Киеве стоял (а может быть, скорее всего, и по сей день стоит) чугунный “святой” князь Владимир.

В Москве напротив мавзолея Ленина и не думают убираться восвояси “гражданин Минин и князь Пожарский” — представители боярско-торгового союза, заключённого 318 лет тому назад на предмет удушенья крестьянской войны. Скажут: мелочь, пустяки, ничему не мешают эти куклы, однако почему-то всякая революция при всём том, что у неё были дела поважнее, всегда начинается с разрушения памятников. Это вопрос революционной символики, и её надо строить планоно, рационально. Уцелел ряд монументов, при идеологической одиозности не имеющих никакой художественной ценности или вовсе безобразных — ложно классический мартосовский “Минин-Пожарский”, микешинская тумба Екатерина II, немало других истуканов, уцелевших по лицу СССР (если не ошибаюсь, в Новгороде как ни в чём не бывало стоит художественный

и политически оскорбительный микешинский же памятник 1000-летию России) – все эти тонны цветного и чёрного металла давно просятся в утильсырьё. Если сама площадь “требует” монумента, то почему бы с фальконетовского Петра I не сцарапать надпись “Петру Первому – Екатерина Вторая”, и останется безобидно украшающий плац, никому не известный стереотипный “Римский всадник” и т. д. Улицы, площади – не музеи, они должны быть всецело нашими”.

Это отрывок из статьи известного марксистского критика тех времён В. Блюма, опубликованной в газете “Вечерняя Москва” в 1930 году.

Обратим внимание, что в своём призыве к тотальному разрушению памятников русской истории и культуры нигилист тридцатых годов, в сущности, покушается на наследие Пушкина. Ведь все монументы и реалии, недостойные, по его мнению, существования в новую эру, – это герои пушкинского мира. Владимир Святой, отождествляющийся в русском былинном эпосе с Владимиром Красное Солнышко, – персонаж из “Руслана и Людмилы”; на фоне имён Минина и Пожарского развивается действие “Бориса Годунова”, вспомним мысль Пушкина о том, что “имена Минина и Ломоносова вдвоём перевесят, может быть, все наши старинные родословные”; “микешинская тумба” Екатерина II – действующее лицо “Капитанской дочки”; ну, а о “Медном всаднике” и говорить нечего... Словом, покушаясь на русскую историю, пигмей тридцатых годов покушался на Пушкина так, как ещё никто не покушался на него. Скепсис современников в конце жизни поэта, критика Писарева, невежественные призывы футуристов или догматические рассуждения Луначарского рядом с этой тотальной программой выглядят безобидным детским лепетом.

Но грянул 1937 год – столетие со дня смерти Пушкина, ставшее и государственным, и общенародным праздником, и мечты Блюма о разрушении Пушкинского мира окончательно развеялись. В 1937 году множество городов и посёлков получили имя поэта, по всему пространству Советского Союза возникло множество улиц, домов культуры, парков имени Пушкина. Было издано Полное академическое собрание его сочинений, со страниц советской прессы целый год не сходило его имя, дети в школах наизусть учили его стихи, повсюду целый год проходили вечера памяти поэта.

А что же делал в это время идеолог борьбы с историческим наследием России В. Блюм, в своё время приложивший много усилий, чтобы не допустить на сцену МХАТа пьесу М. Булгакова “Дни Турбиных”, которую он назвал “сплошной апологией белогвардейцев”? Он с ужасом видел, что на экраны страны вышли фильмы “Пётр I”, “Александр Невский”, а на сценах были поставлены опера “Иван Сусанин”, пьеса “Богдан Хмельницкий”, что страна от интернационализма поворачивала не просто к патриотизму, но к “русскому великодержавному шовинизму”. И Блюм садится писать письмо Иосифу Сталину.

“Москва. 31.1.39 год.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Люди нашего с Вами поколения воспитались в обстановке борьбы за интернациональные идеи – и мы не можем питать вражды к расе, к народам: мы всегда будем считать “своими” Мицкевича, Гейне, немецкого рабочего <...> бить врага фашиста мы будем отнюдь не его оружием (расизмом), а оружием гораздо лучшим – интернациональным социализмом... Всесоюзный Комитет по делам искусств берёт ставку на всякий “антипольский” и “антигерманский” материал <...> несмотря на то, что мы видели антигерманский характер нашей белогвардейской контрреволюции”.

Полностью пересказывать это письмо – дело неблагодарное, и Сталин, конечно же, не ответил “члену партии с июля 1917 года”. Товарищ Блюм был вызван на беседу в ведомство Жданова, которое констатировало, что “В. Блюм считает, что идёт пропаганда расизма и национализма в ущерб интернационализму”, что “исторический Богдан Хмельницкий подавлял крестьянские восстания и являлся организатором еврейских погромов... В. Блюм недоумевает, почему сейчас так много идёт разговоров о силе русского оружия, которое служило в прошлом средством закабаления и угнетения других народов <...> В отделе пропаганды ЦК ВКП(б) В. Блюму было указано на ошибочность его теоретических положений <...> С этими указаниями В. Блюм не согласился...”

Ну, не согласился, и ладно. Главное в том, что беседа была проведена и что письмо к тов. Сталину стало последним сочинением не понимавшего, “какое время на дворе”, еврея-интернационалиста, искренне не любившего мир исторической России, мир Александра Пушкина. Возможно, что В. Блюм стал “жертвой незаконных политических репрессий”. Но логика истории той эпохи была такова, что количество блюмов, ратовавших за дружбу с “немецкими рабочими”, после 1937 года значительно сократилось, что помогло нам выиграть войну и не сдать врагу город, построенный по воле Петра Великого, сидящего со времён Екатерины Великой на “бронзовом коне”, столь ненавистном В. Блюму и Е. Евтушенко и столь дорогим сердцу Александра Пушкина:

*Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.*

Всадник и конь – это, по Пушкину, единое целое, как у Фальконе, и это целое называется в роковые времена “единством власти и народа”.

*О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?*

А что же при такой власти происходит с тёзкой Евтушенко чиновником Евгением из “Медного всадника”? Что случилось с его бунтом, которому вторит наш Евгений, проклиная Медного всадника за то, что у его коня “окровавлены копыта”, за то, что его “под уздцы не сдержат”... И он бросает в лицо бронзовому всаднику: “Динамита в проклятое медное брюхо ему”... Но из этого бунта у нашего Евгения тоже ничего не получается, он тоже “бежать пустился” и добежал аж до Америки. И если пушкинского Евгения похоронили на пустынном острове: “Нашли безумца моего // и тут же хладный труп его // похоронили ради Бога”, – то прах его тёзкой, нашего “пушкинианца”, как он сам себя аттестовал, упокоился тоже на своеобразном острове – в патриархальном сталинском Переделкино. Е. Е. так и не успел сказать Путину: **“Добро, строитель чудотворный!”** А бессмертному красавцу-коню, на котором гарцевали и Вещий Олег, и монах Пересвет, и “властелин судьбы” Пётр, и командир Первой конной Семён Будённый, и маршал Георгий Жуков на параде Победы, “бедный безумец” Евгений жаждал “разорвать брюхо динамитом!” А ведь из этой же конской породы были “кони НКВД”, изображённые мной в стихотворении “Очень давнее воспоминание”, которое Евгений Александрович не смог не напечатать в своей антологии “Строфы века”... За что я ему благодарен, хотя он в предисловии к этой публикации не удержался и упрекнул меня за то, что, любясь “конями НКВД”, я вольно или невольно, но прославляю силу государства, то есть “медного всадника”.

В его поэме “Непрядва” русские князья, прислушиваясь к знамениям природы в ночь перед Куликовской битвой, печалются о том, что им слышится плач не только русских, но и ордынских матерей. С такими фальшивыми чувствами нечего выходить на смертный бой. “Нет чужеземцев – есть земляне”, – вещает Е. Е. Да все мы земляне. Но когда одни “земляне” поработают других, они называются “чужеземцами” и “врагами”.

Однако наши “шестидесятники”-либералы, надо отдать им должное, в отличие от Евтушенко, не раз обращались к Пушкину. Белла Ахмадулина писала о том, что Пушкин “смеялся и озорничал”. И это правда. Андрей Вознесенский благоговел перед тенью Анны Керн: “Ах, как она совершила // его на глазах у всех – // Россию завороживший // смертельный грех” (наверное, он хотел сказать “смертный”? – **Ст. К.**). Да и сам Евтушенко, видимо, позабыв, что он призывал взорвать при помощи динамита “бронзовое брюхо коня”, поклялся, что он любит не просто Россию, а “её Пушкина, Стеньку и её Ильича”... Но все обращения детей XX съезда к Пушкину выглядят пустословными и мелкими рядом со стихотворением “нашего шестидесятника” Анатолия Передрева “Дни Пушкина”, написанного в 1984 году к 185-й годовщине со дня рождения Александра Сергеевича:

*Всё беззащитнее душа
В тисках расчётливого мира,
Что сотворил себе кумира
Из тёмной власти барыша.*

*Всё обнажённой его суть,
Его продажная основа,
Где стоит всё чего-нибудь,
Где ничего не стоит слово.*

*И всё дороже, всё слышней
В его бездушности преступной
Огромный мир души твоей,
Твой гордый голос неподкупный.*

*Звучи, божественный глагол,
В своём величье непреложный,
Сквозь океан ревущих волн
Всемирной пошлости безбожной...*

*Ты светлым гением своим
Возвысил душу человечью,
И мир идёт к тебе навстречу,
Духовной жаждою томим.*

“Тёмная власть барыша”, “преступная бездушность”, “всемирная бездушная пошлость” – не в бровь, а вглаз всё это сказано о сегодняшнем мире...

Тема – Иосиф Сталин и русская поэзия XX–XXI века – бесконечна. На моих книжных полках лежит неизданный двухтомник поэтической антологии “Иосиф и его музы”, в котором собраны все искренние и талантливые стихи русских поэтов о Сталине. Прославляющие и проклинающие, гневные и мудрые, языческие и христианские. В антологии присутствуют четыре поколения поэтов: поколение свидетелей революции, поколение поэтов, родившихся в 1920-е годы, названное “солдаты и зеки”, поколение “ихних” и “наших” “шестидесятников” и поколение поэтов, родившихся после смерти Сталина. В антологии более пятисот страниц и более двухсот авторов. По этой антологии можно изучать историю нашей страны, при работе над главой “За Родину... За Сталина...” я использовал лишь небольшую часть “простаalinского” и “антистаalinского” взрывного вещества, в который раз перечитывая, перелистывая толстенный фолиант и бормоча про себя пушкинское, незабываемое, поддерживающее меня всю мою жизнь:

*Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущённые народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.*

Составляя эту антологию, мы с сыном, можно сказать, чувствовали, как качаются то вниз, то вверх – то во славу Сталина, то в осуждение его – веса истории. Страшно подумать, что может случиться такое, что Россия, чтобы не погибнуть, вызовет к жизни из глубин своей истории инстинкт самосохранения, и он продиктует ей единственный путь к спасению. И тогда в обществе и народе в короткие сроки созреет мысль о диктатуре, новом самодержавии, мобилизационной экономике, самоограничении и неизбежных на этом пути

репрессиях. Мы снова сможем ухватиться за спасительную нить, как хватались за неё все великие и жестокие властители русской истории, преодолевшие смутные времена, — Иван Грозный, Пётр Великий, Иосиф Сталин... Для того чтобы осознать, насколько это возможно, мы и работали многие годы. Не может быть, чтобы столько талантливейших поэтов России тянулись умом и сердцем к явлению Сталина из корысти, по глупости или наивности, либо страха ради иудейска... Нет, на деле всё обстоит гораздо серьёзнее...

А в доказательство того, что в воздухе нынешней России вновь витает идея новой спасительной диктатуры — политической, нравственной, религиозной, — не знаем, какой она будет, — мы завершили поэтический раздел книги стихами поэтов, большинство из которых родились после Великой Отечественной. Они выросли в относительно спокойное и свободное время, но, когда в России началась очередная смута, превосходящая все предыдущие, то даже они, рождённые во второй половине XX века, вдруг вспомнили роковое и мистическое имя “Сталин”.

Лишним подтверждением этой мысли служат строки из письма минского поэта Михаила Шелехова:

“Высылаю стихи о Сталине. Первые я написал ещё в детстве. Всю жизнь у нас дома висели портреты Сталина, отец их не убирал никогда. Поэтому, должно быть, влияло. Потом я писал о Сталине, часто даже не думая, что пишу о нём. Таких стихов у меня множество. Шёл с ним у меня разговор. Позже я стал со Сталиным встречаться во снах. Но это отдельная тема.

Спасибо за предложение — о подборке сталинских стихов. Наконец чья-то светлая голова решила делать такую книгу. Давно пора”.

Дальше шла целая книга стихотворений Шелехова, из которых приведу лишь одно, чтобы показать, какими чувствами жил поэт, родившийся после смерти Сталина и возмущавший в эпоху олигархов, ренегатов и партийных расстриг.

ЗАКЛИНАНИЕ

*Из гроба встань на час, товарищ Сталин!
И погаси горящую Чечню,
Как чертову Кавказа головню
И как гасить нам деды завещали.*

*Товарищ Сталин, встань на час из гроба!
И погаси горящую Москву,
“Титаник” полумёртвый на плаву,
Проклятую и дымную утробу.*

*Товарищ Сталин, встань на час жестоко
К безумному и дикому рулю!
Дай роющему гибель кораблю
В пучине — императорское око.*

*Товарищ Сталин, встань ногой на выи
Бесстыжих сих — и смертью одари.
Всего лишь час на родине — цари!
...Но даже часа нету у России.*

1993

Смотрю на расширенную рукопись нашей “Сталинианы”, перебираю уже пожелтевшие и выцветшие страницы, наталкиваюсь на поэмы, на циклы стихотворений, на строчки, написанные слезами, душою, благоговением, ненавистью, кровью...

А вот на очередной странице антологии — строчки из знаменитого сталинского цикла, написанного рукой переделкинского небожителя Бориса Пастернака, который внезапно понял, что ему близки и дороги “и смех у завалин, и мысль от сохи, и Ленин, и Сталин, и эти стихи”... В роковом 1937-м, когда Мандельштам был арестован, и Сталин, позвонивший по телефону Пастернаку, спросил небожителя, как он относится к стихам Осипа Эмильевича, Пастернак стушевался и пролепетал что-то несуразное, на что Сталин ответил:

“Мы, революционеры, своих товарищей защищали более самоотверженно”, — и положил трубку... А ведь всего-то навсего Борису Леонидовичу вспомнить бы строчки Осипа Эмильевича и прочитать их вождю:

*И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жизнь Сталин.*

Глядишь, и Осип Эмильевич остался бы в живых... Думая об этом, я со вздохом отложил страницу с мандельштамовской одой и вытащил наугад из бумажной груды стихотворение неизвестного поэта, ветерана Великой войны Валерия Алексеева, жившего в начале 3-го тысячелетия в Ангарске. И оно произвело на меня впечатление не меньшее, нежели стихи Осипа Эмильевича и Бориса Леонидовича...

МОЛИТВА СТАЛИНИСТА

*Уж ты прости меня, Отчизна,
я жил великой цели для
и, веря в царство коммунизма,
не нажил лишнего рубля.
Жил не валютой пресловутой,
а солнцем сталинских идей...
О, где ты, наш правитель лютый,
восстань из гроба хоть на день!
В стране потряслось у нас такое,
что сердце ёкает в груди.
Восстань!.. И твёрдою рукою
порядок строгий наведи.
Я был под Брестом и под Псковом,
но не погиб в бою от ран...
И я тебя, отца родного,
прошу как старый ветеран:
устрой стране головоломку
и разберись, кто друг, кто враг?!
По тем, кто начал перестройку,
давно соскучился ГУЛаг.
Для новоявленных баронов,
в царьки шагнувших из нулей,
колючки ржавой и патронов,
прошу тебя, не пожалей.
Услышь одну молитву-оду,
восстань из гроба хоть на день
на радость нашему народу
и китель праздничный надень!
г. Ангарск
2003*

И этому ветерану-сталинисту вторит поэт, родившийся после Великой Отечественной через десять лет! Не зная стихов Алексеева, он по какому-то наитию произносит свою молитву и называет её точно так же, как его единомышленник. Я не знаю, какова литературная судьба этого ленинградца, да это и не важно. Я ничего не знаю о нём, кроме того, что его зовут Александр Люлин.

СТАЛИНИСТ

*Приблизились ночи хрустальные:
Идеи-курки взведены...
Восстаньте, наследники Сталина,
Чистейшие люди страны!*

*Очистим от нечисти Родину —
Воспрянет Отчизна моя!
Пусть Солнце горит ярким орденом
На пиджаке бытия.*

А что касается всех знаменитых поэтов, написавших яростные антисталинские стихи, то история неожиданно посмеялась над ними.

Дело в том, что самый главный враг Сталина Адольф Шикльгрубер-Гитлер был даже по сверхчеловеческим меркам существом страшным, но по-своему выдающимся, и нам, победившим не просто Германию, но всю коричневую европейскую империю Гитлера, надо задуматься над некоторыми размышлениями, которые были записаны им на бумаге, когда он ещё не был вождём, фюрером, а был всего лишь навсегда ефрейтором кайзеровской армии, начинающим публичным оратором, сидевшим в 1924 году в баварской тюрьме за игрушечный пивной путч и написавшим в недолгой неволе книгу “Моя борьба”, которая была в несколько последующих лет переведена на многие языки мира и напечатана в количестве десяти миллионов экземпляров. Только лишь прочитав эту книгу, можно понять, почему этот “сверхчеловек” сначала был вознесён судьбой на вершину власти, славы и почитания, а потом низвергнут в пучину катастрофы и позора вместе со своим “сверхвеликим народом”. Но то, что он не был глупцом, — об этом свидетельствуют слова о Сталине, сказанные им в тесном кругу соратников 22 июля 1942 года в разгар боёв под Сталинградом:

“И чем больше мы узнаём, что происходит в России при Советах, тем больше радуемся, что вовремя нанесли решающий удар. Ведь за ближайшие десять лет в СССР возникло бы множество промышленных центров, которые постоянно становились бы всё более неприступными, и даже представить себе невозможно, каким вооружением обладали бы Советы, а Европа в то же самое время окончательно деградировала. . .

И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной армии — наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души.

И к Сталину, безусловно, тоже нужно относиться с должным уважением. В своём роде он просто гениальный тип. . . А его планы развития экономики настолько масштабны, что превзойти их могут лишь четырёхлетние немецкие планы. Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит Черчилля и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения. Наша задача — раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись”.

А насмешка истории над антисталинистами Евгением Евтушенко, Александром Галичем-Гинзбургом, Иосифом Бродским и другими заключается в том, что каждый из них старался, подобно Адольфу Шикльгруберу, сделать всё, чтобы “люди масштаба Сталина” больше никогда не появлялись в русской истории и в русском народе. . .

* * *

В 1937 году, который так проклинают либералы-шестидесятники, вся наша страна читала, вспоминала и заново осмысливала творчество и судьбу Александра Сергеевича Пушкина в связи со столетием со дня его смерти. Удивительно то, что это обстоятельство не накладывало никакой траурной пелены на встречи писателей и читателей, на чувства народа, на деяния власти. Одно несколько озадачивало меня, когда я изучал общественную жизнь пушкинских дней тридцать седьмого года: не удавалось мне найти свидетельств того, как Иосиф Сталин относился к этому юбилею, в который, конечно же, были вложены его мысли и его понимание истории.

Лишь совсем недавно мне удалось разыскать документ, который убедил меня, что у Сталина было своё поразительное осознание того, чем был Пушкин для нашей страны и её народа. Вот что написал об этом один из виднейших военных людей сталинской эпохи.

“В конце 1944 года на очередном заседании ГКО обсуждались новые образцы вооружения, в том числе и армейские радиостанции. Докладывал начальник связи Красной Армии И.Т. Пересыпкин. Сталин остался недоволен большими габаритами радиостанции и её малой дальностью действия, но вдруг сменил тему.

– Мне стало известно, что некоторые работники министерства иностранных дел тайком ведут интенсивные переговоры с представителями императора Эфиопии Хайле Селассие о перенесении праха Пушкина из Святогорского монастыря в Аддис-Абебу, на родину его предков. Они начисто забыли, кем является для нас Пушкин – национальной гордостью и величайшим достоянием. Я не позволю глумиться над могилой поэта, вороша его останки! Вот наглядный пример того, как сверхдружеские связи заслонили собой государственные интересы. В этой связи становится понятно, почему появляются на свет столь никудышные радиосредства!

После этой жёсткой тирады лица Молотова и Пересыпкина пошли багровыми пятнами. И вскоре, как по мановению волшебной палочки, ускорилось издание Полного собрания сочинения Пушкина, начатое в 1937 году.

Николай Николаевич Воронов,
главный маршал артиллерии”

(Из книги Юрия Изюмова “Сталин не ушёл в прошлое”. М., 2016 г. С. 325).

Вот так пушкинские дни тридцать седьмого года переплелись в истории СССР с заботами о вооружении Красной Армии и с распоряжением Сталина считать Александра Сергеевича русским национальным поэтом, несмотря на интриги императора Эфиопии.

Всё успевал Иосиф Виссарионович – и Пастернаку позвонить, и с Троцким расправиться, в языкознание внести свою лепту, и Сталинские премии вручить кому надо...

Ну как не назвать его “гением всех времён и народов”!

(Продолжение следует)

ЕЛЕНА ЛАРИНА, ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

“ДАННЫЕ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ СЛОВ”

Алгоритмическое управление миром как цель руководства КНР?

Мировые аналитические центры с интересом изучают материалы проходившего в конце октября 2019 года **4-го пленума ЦК КПК 19-го созыва**. Интерес вызывают многие решения, в том числе зафиксированная в коммюнике задача **“активного участия в глобальном управлении и последовательного внесения вклада в построение сообщества единой судьбы человечества”**. Аналитики акцентируют внимание на том, что эта задача ставится одновременно с другой – создания, а главное, воплощения в жизнь нового высокотехнологического общества.

В этой связи на Западе обсуждаются выводы исследования ведущего аналитика *Международного центра киберполитики Австралийского института стратегической политики Саманты Хоффман*. Главный её вывод состоит в том, что Китай не ограничивается оборонительной стратегией превращения страны в высокотехнологичное общество, а стремится преобразовать, в конечном счёте, сначала – ближайших соседей, потом – сферу влияния, и в завершение – весь мир по китайским лекалам высокотехнологичного управления на базе традиционных конфуцианских ценностей (*Engineering global consent. The Chinese Communist Party’s data-driven power expansion, Report No. 21/2019*).

Используя государственные предприятия, китайские технологические компании и партнёрские отношения по всему миру как с западными компаниями, так университетами, Китай **строит глобальную экосистему цифрового управления**. Эта система включает в себя постоянно пополняемые хранилища данных, развитую безопасную, по возможности трансграничную облачную систему хранения данных, собственную аппаратную базу и, наконец, полный комплекс искусственного интеллекта.

Большую часть этих компонентов разрабатывает и производит сам Китай. Другую он заимствует на Западе, в основном, в американских компаниях и переделывает сам. Третью берёт у стран-партнёров и союзников, прежде всего, у России.

По мнению Саманты Хоффман, **китайский киберсоциализм или киберконфуцианство, – это первая в мировой истории государственная машина, функционирующая на основе жёстких правил (алгоритмов)**. Алгоритм,

в отличие от законодательной нормы, всегда жёсток, однозначен и не предполагает различного толкования или приспособления к ситуации. Алгоритм в виде столь модных ныне смарт-контрактов – это условно исполняемая программа. То есть при наличии определённых условий программа, невзирая ни на что, осуществляет определённые действия.

По сути, **Китай впервые в мире создаёт принципиально новую превентивную автоматизированную государственную машину, которая рассчитана не только на внутреннее, но и на внешнее использование.** По мнению авторов, в реальности китайское руководство поставило задачу создать систему эффективно функционирующего государственного аппарата как гигантской машины, естественно, свободной от коррупции, кумовства, хищений и других недостатков, свойственных государственным структурам во все времена и во всём мире.

Согласно выводам австралийского доклада, для правящей группы партийного китайского государства современные высокие технологии, включая большие данные, искусственный интеллект, суперкомпьютеры и облачные вычисления, а также умные города, системы сплошного видеонаблюдения и т. п. представляют собой ценные инструменты создания алгоритмического управления не только Китаем и китайским народом, не только союзниками и партнёрами Китая, а в перспективе – и всем человечеством.

Некоторые западные фабрики мысли, а вслед за ними и разведывательные круги пришли к выводу, что **вероятной подлинной целью Китая является не информационно-коммуникационный суверенитет страны и вечное сохранение господства коммунистов в Китае, а переделка всего мира по китайским алгоритмическим лекалам в соответствии с китайской исторической традицией и мировоззрением.**

Без такой широкой перспективы до последнего времени оставалась непонятной удивительная щедрость Китая в передаче друзьям и союзникам технологий электронного государственного управления, наблюдения и контроля за гражданским обществом. С 2017 года по настоящее время Китай передал программно-аппаратных, организационных и информационно-коммуникационных решений в области наблюдения и контроля над гражданами на миллионы юаней и долларов своим союзникам и клиентам по всей планете совершенно безвозмездно.

Мало кто понимает, пишет Саманта Хоффман, что широкие жесты Китая в области бесплатной замены западных аппаратно-коммуникационных решений на китайские, огромные масштабы содействия в создании систем государственного управления и национальной безопасности и, наконец, открытие филиалов китайских компаний и центров разработок в странах-партнёрах являются ничем иным, как **инструментом глобализации китайского государственного наблюдения и контроля за поведением людей.**

С этим же связывается и замеченный в сообществе Пяти глаз (*Five Eyes – единое киберкомандование Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании и США*) рост, начиная с 2015 года, безвозмездных или льготных поставок программно-аппаратных комплексов для вооружённых сил и разведывательных агентств стран-партнёров, конфиденентов и друзей Китая. Фактически через замену западных китайскими серверами, компьютерами, маршрутизаторами и т. п. Поднебесная ставит под контроль НОАК вооружённые силы других стран, стремящихся к дружбе с Китаем.

Инженерия доминирования

Цифровые инструменты революционизируют старое искусство манипулирования общественным мнением. В XXI веке Запад окончательно признал мощь и превосходство китайского стратегического искусства. Необходимо констатировать, пишет Хоффман, что только сегодня западные военные, разведчики, политики проникаются, но ещё не полностью прониклись сознанием, что мир может быть более разрушительным, чем война, а манипулирование – эффективнее принуждения. Фактически вся китайская стратегия и тактика, насчитывающая тысячи лет непрерывного развития, базируются на предпочтительности косвенной, незаметной и оттого наиболее эффективной власти. Не будет преувеличением сказать, что алгоритмическое доминирование – это технологическая реализация знаменитых трактатов Сунь Цзы

и других китайских военных мыслителей, предлагающих обходной, а не лобовой путь к победе в противоборствах, “не путь войны, а путь хитрости”.

Достижения в области сбора данных, технологии искусственного интеллекта и поведенческого мягкого принуждения, наконец, позволили китайцам на инструментальном уровне реализовать то, что на уровне суждений было хорошо известно им несколько тысяч лет назад. Если традиционные западные реклама и пропаганда являются достаточно грубыми способами коррекции мнения населения, то алгоритмическая политика позволяет не просто манипулировать, а формировать и использовать глубинные, вплоть до инстинктивных, установки масс, определяющие их действия в реале и виртуале. Это позволяет целевым группам не выпячивать своё господство, а реально с высокой степенью вероятности добиваться нужных результатов за счёт слабых воздействий и экономного расходования ресурсов.

Возможно, одним из самых поразительных результатов, достигнутых Китаем, является молчание разведывательного сообщества, политиков, гражданского общества на Западе относительно китайской экспансии интеллектуальной обработки данных по всему миру, поверх границ и т. п.

Как ни странно, впервые опасность поведенческой агрессии была осознана по обе стороны Атлантического океана в результате скандалов вокруг президентских выборов в США. Удивительным образом Запад сотрясают скандалы, связанные с политической консалтинговой фирмой Cambridge Analytica, использовавшей данные по 50 млн участников социальной сети Facebook для осуществления целевых операций, связанных с голосованием за Трампа и Brexit.

Помимо Cambridge Analytica, внимание, связанное с незаконными поведенческими воздействиями, постоянно привлекается медиа к России и неуловимым русским хакерам. Именно Россия, по мнению Хоффман безосновательно, обвиняется в широком использовании цифровых технологий для манипуляций общественным мнением в Соединённых Штатах и ряде европейских стран.

В докладе отмечается, что никто ничего не говорит о Китае. Более того, складывается впечатление, что китайцы намеренно используют в качестве своих невольных пособников склонные к сенсациям и неглубоким обобщениям американские и европейские медиа. По мнению сообщества Пяти глаз, вместо того чтобы исследовать главное – глобальную китайскую поведенческую инициативу, – они сосредотачиваются на второстепенном – конкретной программе Cambridge Analytica и незадокументированном вмешательстве России в президентские выборы 2016 года.

Сделать мир гармоничным с партией

КПК даже не скрывает внутри Китая своей фундаментальной цели – обеспечить не просто господство в мировом информационном пространстве, а превратить весь мир в ресурс для китайского развития. Генеральный секретарь Си Цзиньпин, как уже было отмечено, главной целью развития страны называет “формирование сообщества общей судьбы для человечества”.

Инструментарий, который призван элиминировать в зародыше угрозы партийной и государственной безопасности, известен руководству партии и государства как **“система социального кредита”**. Через формирование системы показателей социального кредита к гражданам государства и количественную оценку этого доверия по каждому гражданину КПК стремится создать первый в мире сплошной глобальный инструмент обеспечения нужного партийному руководству поведения на основе в равной степени принуждения и поощрения.

Китайское руководство полагает, что **наибольшие угрозы идеологической, культурной и политической безопасности сопряжены не с внутрикитайскими проблемами, а формируются и проявляются извне**. Принцип “внешняя маленькая угроза разрушительнее большой внутренней проблемы” является важнейшим принципом китайской внутренней политики, который недооценивают за рубежом. Китайцы, опираясь на пять тысяч лет своей непрерывной истории, пришли к непоколебимому для себя выводу: действительно разрушительные для китайского единства, процветания и спокойствия проблемы всегда начинались извне. Внутренние потрясения либо накладывались на внешние катастрофы, либо порождались ими.

Именно здесь заключается главный секрет китайской политики. Этот секрет совершенно не осмыслен западными руководителями, разведывательным сообществом и исследователями. Китайцы даже на внутренние события всегда смотрят через призму внешних. Для китайской цивилизации, в отличие от западной, характерно особо пристальное внимание именно к внешним, а не внутренним событиям, рискам, угрозам. Во многом это связано с тем, что в течение своей истории Китай никогда не стремился политически расширяться за пределы достаточно ограниченного района бассейнов рек Янцзы и Хуанхэ, в котором исторически и существовала китайская нация.

Первой за многие столетия попыткой взять под контроль внешние процессы, а соответственно и внешние риски и угрозы, стала оккупация после Второй мировой войны Тибета, Уйгурии, которые ранее не входили в состав Китайской империи. Китайская элита за истекшие 50 лет пришла к выводу, что прямой захват сопредельных территорий порождает у китайцев ещё больше проблем, чем борьба с ними. Тема Тибета развела Китай и Индию, негативно сказавшись на восприятии Китая в англосаксонском мире. Оккупация Уйгурии осложнила китайско-мусульманские отношения.

В настоящее время китайское руководство решает задачу стабилизации и гармонизации ситуации в Евразии на основе формирования сферы совместного сотрудничества, обеспечиваемой, в том числе, эффективной коллективной системой защиты суверенитета. Западными разведками эта система трактуется как стремление Китая распространить на соседние с Китаем государства китайскую систему управления и мониторинга поведения граждан на основе данных. Согласно одной из статей, опубликованных в партийных китайских изданиях, «инженерия поведенческих данных не только гармонизирует внутрикитайские отношения, но и может быть успешно использована вовне в рамках конфуцианского принципа: **различия – не препятствия для гармонии**».

Теперь более подробно о механизмах алгоритмического воздействия.

GTCOM

GTCOM – это одна из ведущих мировых компаний в области больших данных и искусственного интеллекта. Компания была создана в 2009 году как дочерняя компания Центрального департамента пропаганды, прямо контролируемая крупнейшим в мире издателем и телерадиовещателем на иностранных языках – China Publishing Group. Эта структура в настоящее время издаёт литературу, а также ведёт интернет- и телерадиовещание на 65 языках в 200 странах мира.

GTCOM первоначально должна была создать и обеспечивать современную программно-аппаратную базу по сбору, обработке и хранению данных для материнской компании. Однако в настоящее время указанная деятельность является лишь небольшим сегментом специализации GTCOM.

GTCOM выполняет главные подряды по созданию, адаптации и эксплуатации платформ работы с большими данными для НОАК, китайской разведки, крупнейших государственных и коммерческих компаний. Также компания отвечает за создание материально-технической базы в рамках формирования системы социального кредита.

По оценке американского разведывательного сообщества, GTCOM является либо крупнейшим, либо вторым (после Axiom, США) агентством по работе с неструктурированными данными. GTCOM создала и эффективно эксплуатирует, возможно, наиболее продвинутое в мире интегрированное хранилище данных временных рядов, индивидуализированных данных по физическим и юридическим лицам, данных финансовых транзакций, а также данных из интернета вещей. Хотя значительная часть данных о компаниях засекречена, представители сообщества Five Eyes убеждены, что **GTCOM превосходит АНБ по возможностям сбора и интеграции неоднородной информации, включающей структурированные и неструктурированные данные, видео- и аудиоизображения, данные датчиков, данные финансовых транзакций, стандартизированные объектные данные, юридические, физические, городские данные и т. п.**

Сеть партнёрств и альянсов GTCOM собирают все виды данных. Так, одна из его многочисленных платформ Insidersoft, занимающаяся визуализацией,

собирает 10 терабайт данных в день и около 2,5–3 петабайт в год. 10 терабайт – это 4000 часов видео высокой частоты, 5 трлн слов. 3 петабайта эквивалентны 20 млрд фотографий или 1,8 трлн страниц. Хотелось бы подчеркнуть, что это лишь одна из 12 платформ, которые создала и с которыми работает GTCOM.

По оценке АНБ, ещё одна платформа YeeSight интегрирует 12 наиболее передовых программ анализа природных языков и позволяет в день анализировать до 700 млрд текстов ёмкостью 4 машинописных страницы. В последнее время GTCOM создала крупнейшую в мире корпоративную систему семантического перевода с матрицей 35 на 35. То есть подключенные к этой платформе могут ежедневно в онлайн или архивном режиме переводить сколь угодно большой объём текстов с 35 на 35 языков.

Чтобы подкрепить информационную агрессию, Китай на соответствующих международных форумах выдвинул и добился одобрения инициативы “Понимание – ключ к сотрудничеству”. В рамках инициативы все государства и юридические лица – участники инициативы “Один пояс и один путь” и её компоненты “Цифровой Великий Шелковый Путь” – в обязательном порядке подключаются к переводческой системе GTCOM. Таким образом, они де-факто передают все данные, в том числе внутреннего характера, китайскому правительству в лице GTCOM. В рамках этой инициативы в настоящее время **в системе GTCOM хранятся пополняемые в онлайн-режиме данные на 30 млн юридических лиц и 500 млн физических лиц, проживающих и зарегистрированных за пределами Китая.**

GTCOM является частью партийно-государственной экосистемы субъектов, отвечающих за прогнозирование, элиминацию рисков политической и государственной безопасности. Значение этой системы выходит далеко за первоначальные рамки создания лучшей в мире семантической переводческой системы с китайского на иностранные языки и наоборот.

В 2018 году директор по большим данным GTCOM **Лян Хаою** сказал: “Благодаря прослушиванию и интерпретации трансязычных данных в режиме реального времени компания ввела новые стандарты обеспечения оперативно-политической безопасности для страны в целом и отдельных её регионов... Только с помощью своевременного распознавания изображений и голосов, а также перевода видео в фотоконтент с последующим распознаванием стране удалось на десятки процентов снизить риски политической и государственной безопасности”.

Коренным отличием китайской системы от всех других является функциональная, а не ведомственная специализация. Например, в Великобритании, Соединённых Штатах, Австралии каждый сегмент, например, министерство иностранных дел, министерство обороны, разведывательные агентства и т. п. имеют собственные системы хранения, обработки и анализа разнородных данных. **В Китае же ведомственных хранилищ как таковых нет. Все эти функции выполняет GTCOM.** Соответственно в рамках функции каждое ведомство имеет свой объём допуска. Подавляющее большинство специалистов по хранению данных убеждены, что китайский подход по эффективности и экономичности значительно, возможно, на порядки превосходит традиционные западные.

Начиная с 2015 года, китайское руководство выдвинуло подход: **“данные предпочтительнее слов”**. Традиционно руководство партии и государства получало информацию о настроениях в обществе для обеспечения политической безопасности, опираясь на сложившуюся на Западе социологию. Главным инструментом получения информации были опросы. После провозглашения инициативы GTCOM так же, как и многие компании по обе стороны Атлантического океана, взялись за анализ социальных медиа. Вся разница между китайцами – с одной стороны, и европейцами и американцами – с другой, в том, что вторые так и остались на уровне поведенческого анализа социальных сетей. Они продолжают играть с количеством твитов по той или иной теме, их эмоциональной нагрузкой, частотой цитирования, охватом аудитории и т. п.

Китайцы же, принимающие во внимание значительное различие между словами и делами, впервые использовали для поведенческого анализа не данные социальных сетей, а результаты видеонаблюдения, данные финансовых транзакций, данные, поступающие от датчиков интернета вещей, и т. п.

По состоянию на сегодняшний день **Китай в лице GTCOM является единственной державой, располагающей инструментарием массового мониторинга практического поведения, а не высказываний. Китайская методика позволяет прогнозировать и анализировать настроения в реальном времени не только в инфосфере, но и в действительности, в повседневной реальности, оценивать не только слова, но и, что гораздо более важно, поступки.**

Среди последних инициатив GTCOM – создание **Института 2020 или Института когнитивных и поведенческих исследований**. Главной задачей Института 2020 на современном этапе является “разработка принципиально новых технологий машинного обучения, глубоких нейронных сетей обработки естественного языка, распознавание речи, формирование текстовых массивов целенаправленного, неосознаваемого воздействия”. Эти технологии в соответствии с задачами, поставленными перед Институтом, должны позволить к концу 2020 года создать первую действующую платформу идентификации текстов и видеоряда по критериям возбуждения определённых эмоций, формирования глубинных убеждений и активизации установок и доминант.

Иными словами, **Китай первым в мире собирается перейти от анализа текстов как на китайском, так и на английском и других языках, не только по критерию содержания в тексте призывов или побуждений к “насильственным, реакционным, антиобщественным действиям, наличию порнографической и другой конфиденциальной информации”, но и автоматизированной идентификации и оценке поведенческой эффективности текстов и видеорядов.**

При помощи платформы имеется в виду не только измерять, а соответственно повышать эффективность воздействия генерируемого контента на поведение граждан Китая и других стран, но и распознавать подобные действия и их влияние со стороны иностранных государств и заграничных операторов информации.

Принципиальным отличием китайской системы от используемой в Соединённых Штатах является отказ от применения чисто количественных формальных признаков типа количества задействованных в информационных операциях аккаунтов в социальных сетях, частоты цитирования, ссылочной массы и т. п. Китайцы собираются измерять не саму по себе информацию, как это делают американцы, а эмоциональное, культурное, а главное – поведенческое воздействие генерируемого контента.

Руководитель Института **Джава Ти Джун**, помимо руководства Институтом, является профессором и заведующим кафедрой компьютерных наук и технологий в Харбинском технологическом институте (НТТ – аналог американского MIT). Институт является так называемым одним из “семи сыновей национальной обороны КНР”, то есть одним из семи ведущих китайских научно-исследовательских центров, вносящих наибольший вклад в исследования и разработки для НОАК.

Что касается вооружений, основанных на данных, включая технологии поведенческого воздействия, то Китай опробует иную последовательность. Фундаментальные исследования и базирующиеся на них прикладные разработки, осуществляемые в рамках GTCOM, дополняются инструментарием, финансируемым Национальным фондом естественных и компьютерных наук Китая, и разработками, созданными в рамках реализации Национальной программы исследований и разработок разведки Китая. Указанные достижения систематизируются, превращаются, если речь идёт об IT-сфере, в приложения, программы, платформы и отдаются для использования внутри Китая – в рамках Программы Государственного Совета и вне Китая – в рамках внешнеполитических инициатив МИД страны.

Особо следует подчеркнуть, что фактически GTCOM выполняет функцию IT-подразделения для всего китайского руководства. Это позволяет развивать все информационные, аналитические и программные инструменты самых различных китайских министерств и ведомств на одной программно-аппаратной, информационной, кадровой и организационной базе. Поскольку все платформы национальной безопасности Китая, включая не только министерства и ведомства, но и региональные подразделения Министерства общественной безопасности в наиболее чувствительных для Китая регионах типа Синьцзяня и Тибета, базируются на единой платформе – GTCOM, – это делает

совместимыми все базы данных и знаний китайских министерств и ведомств, государственных, партийных и иных организаций.

Фактически Китай стал первой страной в мире, где, по крайней мере, в рамках внутренней и внешней национальной безопасности действует единая интегрированная, так называемая “бесшовная” (в смысле отсутствия барьеров и границ) информационная среда, охватывающая данные, программы и инфраструктуру.

В качестве примера можно привести сотрудничество между GTCOM и Haivun Data (HD). HD является генеральным разработчиком, а соответственно, нишевым подрядчиком всего полицейского софта. Не так давно компании удалось создать эффективную технологию распознавания микродвижений губ, позволяющую читать по губам на видео, где отсутствует звуковой ряд. После того как технология была разработана и стала использоваться для идентификации людей в рамках деятельности полиции, HD передала разработку GTCOM. В результате удалось совместить систему беззвучного чтения с системами автоматизированного перевода. Китай получил фантастический инструмент извлечения информации из видеопотоков, передаваемых из разных стран мира.

GTCOM В США

GTCOM активно представлена в Соединённых Штатах. Она зарегистрирована в Нью-Джерси и Калифорнии в качестве иностранного акционерного общества “GTCOM Technology Corporation”. Руководителями компании являются **Ян Гоцин и Том Нигро**. Компания в Соединённых Штатах позиционирует себя как стратегический партнёр Alibaba, Cisco, Microsoft и Softbank. В Соединённых Штатах GTCOM подчёркивает, что так же связана с официальным Китаем, как и материнская компания.

Несмотря на попытки нынешней администрации США заблокировать или, по крайней мере, значительно сузить поле деятельности компании в Америке, это не удаётся сделать из-за позиции компьютерной индустрии. С одной стороны, американские IT-компании, несмотря на Великий китайский файервол, активно продолжают работать на одном из трёх крупнейших планетарных IT-рынков и поэтому категорически не поддерживают требования администрации Трампа по изоляции китайских компаний на американском рынке.

С другой стороны, по целому ряду направлений, особенно связанных с системами автоматизированного перевода, а также бихевиористского анализа контента, GTCOM предлагает весьма конкурентоспособные решения, которые используют ведущие американские IT-компании, включая Google, Facebook и т. п.

Управление через удобства

Китайские партийно-государственные технологии управления чем дальше, тем больше носят стимулирующий, а не принудительный характер. Гораздо более эффективный контроль над человеком и организациями может быть получен не путём страха и принуждения, а через создание инстинктивных желаний стать частью сообщества и в обмен пользоваться удобными, экономичными и эффективными решениями этого чего-то. В китайской школе управления такой тип руководства получил название **“управление через удобства”**.

При *управлении через удобства* происходит размен самостоятельности на возможность дёшево или бесплатно пользоваться чем-то привлекательным для удовлетворения повседневных нужд или решения других важных для человека или организации задач.

Согласно китайской доктрине, *правительственное управление через удобства* реализуется с помощью предоставления гражданам услуг бесплатными государственными службами. Например, системы управления трафиком в умных городах на основе искусственного интеллекта позволяют заметно повысить качество жизни жителей перегруженных мегаполисов. Соответственно правительство, а точнее – администрация города в обмен может ожидать от граждан более чёткого соблюдения общественного порядка и дисциплины.

Как показывает практика, для подавляющего большинства граждан какой-либо проблемы в том, что их данные собираются и отслеживаются, нет

в случае, если в обмен они получают первоклассные бесплатные услуги. Собственно оплата услуг данными или *управление через удобства* стало базисной моделью развития англоязычного интернета ещё с середины 1990-х годов. Именно бесплатные поисковики, собирающие данные своих клиентов, — это и есть наиболее чистая модель *управления через удобства*. Если для Запада это было случайной находкой в период раннего развития интернета, то в Китае управление через удобства — это историческая традиция, насчитывающая столетия.

Глобальная система данных

Распространено заблуждение, что только производители приложений и другого софта типа поисковиков, социальных сетей, компьютерных игр, электронной коммерции и т. п. становятся собственниками чужих данных. Прежде всего, собственником чужих данных становится собственник инфраструктуры и харда, где бы он ни был расположен физически. Тот, кто произвёл сервер, гаджет или суперкомпьютер, использует его как внешний терминал для получения данных, обрабатываемых установленными программными средствами.

Важнейшее положение, до сих пор не осознанное политиками, состоит в том, что собственность на данные определяется, прежде всего, не собственностью на софт и даже не собственностью на хард, а монополией на производство харда. Производитель харда — серверов, компьютеров, гаджетов и различного рода коммуникаторов — всегда могут получить данные, обрабатываемые на его компьютере, вне зависимости от физического расположения этого сервера.

Поэтому китайцы, рассматривая данные, видят в собственности на них главное неперемное условие современного суверенитета. Соответственно, они понимают, что суверенитет сможет быть соблюден, если только хард, причём не в собственном виде, а в виде производства первоначальных основных компонентов компьютеров — микропроцессоров, памяти, видеокарт и т. п. — осуществляется не просто на территории того или иного государства, а полностью подконтролен ему. Поэтому Китай — это не столько Baidu и Alibaba, сколько, в первую очередь, Huawei, GTCOM и Lenovo.

Лишь полностью собственное производство и потому полная подконтрольность производства харда, софта и больших данных гарантирует в современном мире государственный суверенитет.

Китайцы, имея колоссальные финансовые ресурсы, не пошли по пути скупки долей участия в компаниях, производящих хард самого различного вида и системы телекоммуникаций, а вложили средства в создание пусть и уступающих американским, японским и т. п. суперкомпьютерам и гаджетам собственных линий по производству важнейших компонентов, включая процессоры, видеокарты, чипы с памятью и т. п. В итоге Китай, в отличие, скажем, от стран ЕС, полностью контролирует все три компонента — хард, софт и данные, — в совокупности обеспечивающие полный информационный суверенитет.

Концепция Пяти кругов

Согласно открытым докладом, подготовленным в рамках решения сообщества Пяти глаз, в настоящее время Китай реализует концепцию пяти направлений и пяти кругов в рамках задачи, поставленной Си Цзиньпином по превращению “конгломератов данных в большие и умные данные, открывающие путь к знанию, гармонии и процветанию”. В настоящее время и в ближайшей перспективе китайские наука, бизнес, органы государственного управления сконцентрированы на комплексной разработке и реализации передовых информационно-коммуникационных технологий, позволяющих, в конечном счёте, превратить Китай в информационную державу номер один. Происходит это по пяти направлениям. Они включают:

— создание полностью самодостаточной отрасли производства компьютерных компонентов и телекоммуникационных систем для суперкомпьютеров, серверов, персональных устройств и гаджетов. Поставлена задача производить китайские суперкомпьютеры и сервера полностью за счёт комплектующих,

включая процессоры, элементы памяти, видеокарты и т.п., разработанных и произведённых в Китае;

– достижение лидирующего положения в области программных пакетов искусственного интеллекта во всём их разнообразии, интегрированных в китайские платформы искусственного интеллекта;

– закрепление глобального лидирующего положения китайских производителей оптоволоконна, телекоммуникационного оборудования и программных решений для сетей 5G – основы интернета всего мира;

– переход от вертикальной интеграции в рамках больших данных, свойственных современным масштабным хранилищам информации, к бесшовной распределённой системе хранилищ структурированной и неструктурированной информации, а также разноформатных данных, представляющих собой единую информационную среду;

– разработку, производство и эффективное управление всеобъемлющего комплекса устройств, относящихся к интернету всего мира, а также средств контроля и наблюдения, в совокупности представляющих собой внешнюю сенсорную периферию единой информационной среды.

В настоящее время поставлена задача: обеспечить упрочение уже достигнутого лидерства Китая в области IT-технологий по наблюдению, контролю и гармонизации массового поведения. По мнению разведывательных аналитиков, Китаем в настоящее время реализуется **концепция пяти кругов использования данных в интересах китайского народа и государства**. В данной концепции в полной мере проявился китайский стиль мышления. Он предполагает органическое соединение древних традиций с текущими возможностями их реализации.

Древней традицией Китая является специфическая мировая политическая география. Картина мира по-китайски – это расширяющиеся от центра в зависимости от заинтересованности и конфликтности с Китаем круги локаций.

Центром мира является Китай, который в самоназвании страны именуется Серединой землёй. Во **внутреннем круге** главным является гармонизация через данные, использование данных как “способ включить каждого китайца, каждую китайскую семью, каждую китайскую деревню, каждый китайский город и каждую китайскую провинцию в общенародную деятельность по совместному гармоничному процветанию Китая под руководством партии и государства”.

Второй круг составляют страны, включённые в глобальный проект Китая “Один пояс и один путь”. Здесь данные являются ключом к гармоничному учёту интересов тех или иных стран и народов в целевых задачах китайского проекта единого пути.

Третий круг составляют страны – друзья и союзники Китая, вне зависимости от их участия в проекте “Один пояс и один путь”. Применительно к этим странам через данные обеспечивается симбиотическое сопроцветание друзей в рамках китайского лидерства.

Четвёртый круг – это страны, которые в одних областях сотрудничают и взаимодействуют с Китаем, а в других – конкурируют с ним. Относительно них реализуется курс на влиятельное присутствие и доверие через использование преимуществ. Имеется в виду, что Китай по-прежнему открыт для взаимодействия с теми же Соединёнными Штатами и предлагает в условиях соперничества взаимовыгодное сотрудничество, в том числе в обработке больших умных данных, как способ сохранения взаимодействия даже в конфликтных ситуациях.

Китайские руководители разъясняют взаимоотношения на этом уровне следующим образом: “Трудно ожидать, что противоречия между Соединёнными Штатами и Китаем могут быть полностью сведены на нет. Однако определяющим являются не противоречия, а взаимодействие в рамках мировой торговли, обмена знаниями, людьми, культурой. Нормализация отношений предполагает не превращение Китая в США, а США – в Китай, а сохранение своеобычности и разнообразия. К каждой стране нужно подходить с её меркой, а не с чужими критериями. На этом должен базироваться и информационный обмен”.

Наконец, **пятый круг охватывает весь глобальный мир**. В рамках этого круга провозглашён курс на рост связанности за счёт роста обмена, в том числе информацией.

Китайцы убеждены, что для обеспечения информационной независимости государства недостаточно, как это предусмотрено законом Китая об интернет-безопасности 2017 года, обеспечить хранение всех данных на территории страны и запретить передачу данных за её пределы без разрешения властей.

Сущность информационных технологий такова, что сама по себе собственность на программно-аппаратные комплексы и телекоммуникационные сети недостаточна для обеспечения суверенитета страны. В отличие от физического мира, где переход собственности означает полный переход контроля над ней, применительно к информации дело обстоит по-иному.

При копировании и передаче информации она, оказавшись в другом месте, не исчезает из первоначальной локации. В этой связи **подлинной собственностью на информацию владеет только тот, кто гарантирован от её санкционированной или несанкционированной передачи на сторону**. Согласно официальным взглядам китайского руководства, подлинный суверенитет обеспечивает не собственность сама по себе, а создание собственных, произведённых полностью внутри страны программно-аппаратной и сенсорно-телекоммуникационной систем. Только в этом случае страна может гарантировать невозможность копирования и передачи информации на сторону, в том числе конкурирующим и враждебным государствам.

* * *

Многие положения доклада Австралийского института стратегической политики весьма дискуссионны. Однако заслуживает не только пристального изучения, но и размышления применительно к российским реалиям описанная **концепция информационного лидерства**. Курс на мониторинг и корректирующее управление массовым поведением является не китайской прерогативой, а общемировым феноменом. Те же процессы в масштабах мегаполисов происходят в США и Великобритании, в Южной Азии и Латинской Америке. Постоянно возрастающая хрупкость мира в сочетании с лавинообразным нарастанием сложности и мощи технологий заставляют органы национальной безопасности и охраны правопорядка повышать эффективность своей работы, в том числе за счёт роста информированности, переноса акцента с расследования на предупреждение правонарушений, эксцессов, волнений и т. п.

В этих условиях необходимо, трезво понимая собственные сильные и слабые стороны, преимущества и недостатки, найти свой путь к упрочению информационного суверенитета, как нашёл его дружественный нам Китай.

СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ

ЛОГИКА ИСТОРИИ

ГЛАВА 4. Закономерности долгосрочного развития современной экономики

Разрушение глобальной имперской государственности, становление капиталистических производственных отношений, формирование демократических институтов, рационализация общественного сознания и десекуляризация повлекли кардинальные изменения в механизмах социально-экономического развития. Воспроизводство экономики стало определяться процессами накопления капитала, во властно-хозяйственных отношениях стала доминировать буржуазия, общество расколосось на классы с антагонистическими интересами. Становление гражданского общества и правового государства сопровождалось разрушением общинных форм социальной организации с иерархическими структурами личной зависимости. Их место занимали договорные отношения эгоистически мыслящих индивидов, частные интересы которых стали двигателем социально-экономического развития. Идеология веры в Бога и служения Царю была замещена теорией Общественного договора равных по своим политическим правам граждан. Их положение в обществе определялось уже не наследуемым статусом и государственными заслугами, а количеством подконтрольного им капитала.

Человечество вступило в новую эпоху, ритм которой стал определяться не бесконечным повторением сезонных циклов жизнедеятельности сельскохозяйственной общины, одних и тех же ритуалов царской власти и рутинных процедур имперской государственности, а воспроизводством стремящегося к максимизации прибыли капитала. В этом стремлении он постоянно создавал новые производственные возможности, генерируя технический прогресс и изменяя социально-экономическую среду. Предпринимательский дух породил веру в прогресс – линейный процесс постоянного развития производительных сил общества и совершенствования его устройства, – которая заменила в сознании властвующей элиты прежнюю убежденность в неизменности циклов воспроизводства одних и тех же технологий и институтов. Однако, хотя научно-технический прогресс постепенно становился главным фактором социально-экономического развития, оно не приобрело линейную форму поступательного развития производительных сил и постоянного совершенствования производственных отношений. В расколотом на враждующие между собой социальные группы и антагонистические классы обществе возникли свои механизмы разрешения противоречий между обществом и властвующей

Окончание. Начало в №11 за 2019 год.

элитой, периодически принимающие формы мировых войн и социальных революций.

4.1. Вековые циклы накопления капитала

В историческом исследовании Арриги⁴⁴ приводится периодизация развития капитализма как последовательности системных циклов накопления капитала. По наименованию стран, лидировавших в ходе соответствующего цикла и задававших образец организации воспроизводства капитала, он выделяет Испано-Генуэзский, Голландский, Английский и Американский циклы, каждый из которых занимал около столетия. В этом исследовании не раскрывается механизм расширенного воспроизводства капитала в каждом вековом цикле его накопления. Автор ограничивается детальным описанием исторических обстоятельств развёртывания каждого из выделенных им циклов и перехода от одного цикла к другому, сопровождавшегося сменой мировых лидеров и происходившего через мировые войны.

Предположим, что основу каждого из этих циклов составляет соответствующий мирохозяйственный уклад – целостная система взаимосвязанных институтов и сложившихся социально-экономических, валютно-финансовых, военно-политических отношений, обеспечивающих расширенное воспроизводство капитала, а также национальных и мировой экономик в соответствующем вековом цикле накопления⁴⁵. Формируясь изначально на уровне национальной экономики, институциональные системы соответствующего мирохозяйственного уклада достраиваются на уровне региональной интеграции и мирохозяйственных отношений. Особое значение имеют институты страны-лидера, которые оказывают доминирующее влияние на международные нормы, регулирующие мировой рынок и международные торгово-экономические и финансовые отношения. Посредством этого влияния страна-лидер обустроивает свою экономическую периферию, навязывая зависимым странам соответствующие её интересам институты. Отстающие страны, в свою очередь, пытаются копировать институты страны-лидера, способствуя, таким образом, распространению соответствующего мирохозяйственного уклада.

Каждый мирохозяйственный уклад имеет свой жизненный цикл, пределы которого определяются накоплением внутренних противоречий в рамках воспроизводства составляющих его институтов. Этот процесс охватывает всю мировую экономику, в которой глобальный центр эксплуатирует зависимую от него периферию до тех пор, пока ему удастся обеспечивать поступательное развитие производительных сил, плодами которого пользуется властвующая элита как доминирующих, так и зависимых стран. В силу объективных законов убывающей производительности любой технологической системы, а также ограниченных возможностей совершенствования любой системы управления, расширенное воспроизводство каждого мирохозяйственного уклада имеет свои пределы.

Развёртывание противоречий между заинтересованной в сохранении своей глобальной гегемонии властвующей элитой передовых стран и эксплуатируемой ею международной периферией происходит до момента дестабилизации системы международных экономических и политических отношений, разрешавшихся до сих пор мировыми войнами. Последние организовывались и провозглашались теряющей доминирующие позиции страной-лидером устаревающего мирохозяйственного уклада с целью укрепления контроля над периферией мировой экономики для усиления своих конкурентных преимуществ и ослабления позиций возможных конкурентов. Из числа последних, однако, всегда появлялся новый лидер – носитель более прогрессивной системы институтов и производственных отношений, который до последнего момента уклонялся от участия в войне, чтобы вступить в неё на завершающем этапе в стане победителей и захватить глобальное лидерство. Одновременно со сменой мирового лидера расширяются институты нового мирохозяйственного уклада, обеспечивающие удержание имеющихся материально-технических достижений и создающие новые возможности для развития производительных сил общества.

Система институтов нового мирохозяйственного уклада не может выжить в стране-лидере предыдущего мирохозяйственного уклада вследствие связанности её институтов экономическими интересами. Доминирующая

в мировой экономике национальная властвующая элита страны-лидера не заинтересована в переменах и последовательно отвергает попытки изменения мирохозяйственного уклада, воспроизводство которого вследствие этого приобретает инерционный характер. Поэтому становление институтов нового мирохозяйственного уклада происходит в стороне от страны-лидера, на одном из защищённых от прямого принуждения сегментов её периферии. Одновременно со сменой мирового лидера расширяются институты нового мирохозяйственного уклада, которые обеспечивают удержание имеющихся материально-технических достижений и создают новые возможности для развития производительных сил общества.

Гипотеза о периодической смене мирохозяйственных укладов как целостных институциональных систем, обеспечивающих воспроизводство экономики, объясняет прерывистый характер долгосрочной экономической и политической эволюции. Согласно этой гипотезе, смена мирохозяйственных укладов происходит дискретным образом вследствие неспособности доминирующих стран изменить институты, исчерпавшие возможности обеспечения устойчивого экономического роста. Формирование нового мирохозяйственного уклада происходило на принципиально новых идеологических и организационных основаниях. *Этот переход сопровождался сменой лидеров и центров развития мировой экономики – доминирование переходило к странам, ранее других сформировавшим новую, более эффективную институциональную систему воспроизводства экономики.*

Разумеется, предложенная типология международных торгово-экономических отношений весьма условна и отражает лишь поверхностный “срез” производственных отношений и институтов, определяющих воспроизводство доминирующей в мире экономической системы. Мирохозяйственные уклады отличаются не только по типу организации международной торговли, но и по системе производственных отношений и институтов, которые позволяют лидирующим странам добиваться глобального превосходства и детерминировать тем самым режим международных торгово-экономических отношений.

Использование понятия “уклад” призвано отразить воспроизводящую целостность взаимосвязанных элементов: соединённых технологической кооперацией производств (технологический уклад) и объединённых институтами хозяйственных образований (мирохозяйственный уклад). Связанность элементов предопределяет синхронизацию их жизненных циклов, по меньшей мере, в фазе зрелости и упадка, а также прерывистый характер экономического развития, в котором периодически происходит одновременная смена большого количества элементов, приобретающая скачкообразный характер технологических (при смене технологических укладов) и политических (при смене мирохозяйственных укладов) революций.

В данной трактовке технологические революции отражают качественные изменения в составе производительных сил, а политические – в содержании производственных отношений. Они необязательно должны совпадать, хотя их взаимовлияние и принцип соотvetствия представляются очевидными. Однако инерционность производственных отношений существенно выше, чем технологических связей производительных сил, вследствие чего жизненный цикл мирохозяйственного уклада намного длиннее технологического. Вслед за Айвазовым, мы предполагаем, что в один жизненный цикл мирохозяйственного уклада вписываются два технологических⁴⁶.

Согласно авторскому определению, технологический уклад представляет собой совокупность технологически сопряжённых производств, связанных друг с другом однотипными технологическими “цепочками” и образующих воспроизводящую целостность⁴⁷. Технологический уклад формируется в рамках всей экономической системы, охватывая все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроизводственного потребления, образуя макроэкономический воспроизводственный контур. Таким образом, каждый технологический уклад является самовоспроизводящейся целостностью, вследствие чего техническое развитие экономики не может происходить иначе, как путём последовательной смены технологических укладов. Жизненный цикл каждого образует содержание соответствующего этапа технико-экономического развития.

Формирование воспроизводственного контура нового технологического уклада – длительный процесс, имеющий два качественно разных этапа.

Первый этап – появление его ключевого фактора и “ядра” в условиях доминирования предшествующего технологического уклада, объективно ограничивающего становление производств своего преемника потребностями собственного расширенного воспроизводства. С исчерпанием экономических возможностей этого процесса наступает второй этап, начинающийся с замещения доминирующего технологического уклада новым и продолжающийся затем в виде очередной “длинной волны” экономической конъюнктуры. Период между завершением первого и началом второго этапа характеризуется экономической депрессией, в ходе которой происходит структурная перестройка экономики. В этот период оставшийся после обесценения в устаревших производствах капитал, трудовые и другие ресурсы перетекают в технологические совокупности нового технологического уклада. По мере формирования его воспроизводственного контура начинается новая “длинная волна” экономического роста.

Достоверность существования технологических укладов и представления эволюции экономики как последовательного процесса смены их жизненных циклов доказывается эмпирическими исследованиями динамики соответствующих показателей технико-экономического развития. В результате проведения измерений технологических сдвигов, связанных с ростом различных технологических укладов, удалось показать, что жизненный цикл технологического уклада охватывает более полувека с двумя явно выраженными “всплесками” в его показателях и обуславливает содержание соответствующего этапа технико-экономического развития⁴⁸.

Форма жизненного цикла технологического уклада определяется хорошо известной в теории НТП ограниченностью жизненного цикла любой технологии, который описывается логистической кривой, проходящей фазы вызревания, бурного роста, зрелости и упадка. При достижении предпоследней фазы жизненного цикла инвестиции в развитие технологии приносят убывающую отдачу, переходящую в отрицательную одновременно с началом фазы упадка. В силу технологической сопряженности составляющих технологический уклад производств их развитие синхронизируется, вследствие чего форма жизненного цикла технологического уклада приобретает аналогичную форму логистической кривой, растянутой почти на столетие.

В силу охарактеризованных выше закономерностей технико-экономического развития и воспроизводства общественного капитала жизненный цикл технологического уклада на поверхности экономических явлений отражается в форме “длинной волны” экономической конъюнктуры с фазами, соответствующими этапам этого цикла. Фаза депрессии соответствует этапу зарождения соответствующего технологического уклада, фаза оживления – этапу его становления, фаза подъёма “длинной волны” – этапу его роста, фаза рецессии – этапу его зрелости, характеризующемуся исчерпанием возможностей дальнейшего экономического роста, продолжение которого становится возможным с переходом к новому технологическому укладу.

Закономерности периодической смены технологических укладов позволяют объяснить неравномерность и неравновесность процесса развития экономики, обусловленную динамикой соответствующих технологических изменений. Новый технологический уклад зарождается, когда в экономической структуре ещё доминирует предшествующий, и его развитие сдерживается неблагоприятной технологической и социально-экономической средой. Лишь с достижением доминирующим технологическим укладом пределов роста и падением прибыльности составляющих его производств начинается массовое перераспределение ресурсов в технологические “цепи” нового технологического уклада.

Открытие закономерности периодической смены технологических укладов подтверждается периодически происходящими технологическими революциями, в ходе которых наблюдаются резкий рост инновационной активности, быстрое повышение эффективности производства, социально-экономическое признание новых технологических возможностей, изменение ценовых пропорций в соответствии со свойствами новой технологической системы. Технологическая революция сопровождается массовым обесценением капитала, задействованного в производствах устаревшего технологического уклада, их сокращением, ухудшением экономической конъюнктуры, углублением внешнеторговых противоречий, обострением социальной и политической

напряжённости. На поверхности экономических явлений этот период выглядит как глубокая депрессия, сопровождающаяся ухудшением макроэкономических индикаторов, — падением или снижением темпов роста ВВП и промышленного производства, увеличением уровня безработицы. Высвобождающийся из устаревших и ставших убыточными производств капитал не находит сразу себе приложения в новых и зависает на некоторое время в сфере обращения, подпитывая финансовые “пузыри”. Как отмечает К. Перес⁴⁹, переход к фазе роста очередной “длинной волны” начинается после того, как оставшийся после обесценения в лопнувших финансовых “пузырях” капитал находит дорогу к инвестициям в принципиально новые технологии. Так начинается фаза роста нового технологического уклада.

По мнению А. Айвазова и В. Беликова, каждая технологическая революция порождает жизненный цикл двух спаренных технологических укладов, когда второй порождается первым. Из этой гипотезы следует, что технологические изменения, опосредующие этот процесс, носят менее радикальный характер, чем технологические революции, которые приводят к необходимости смены мирохозяйственных укладов. В действительности, однако, эта точка зрения представляется упрощённой. Например, переход от второго к третьему технологическому укладу происходил посредством электрификации экономики, которая оказала столь революционизирующее воздействие на организацию производства, что вождь мировой социалистической революции В. И. Ленин, обосновывая первый в мире стратегический план ГОЭЛРО, заявил, что “коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны”. Хотя созданные в ходе жизненного цикла второго технологического уклада паровые машины подготовили возникновение промышленной электрогенерации, последствия электрификации экономики носили явный характер полномасштабной технологической революции. С другой стороны, переход к четвёртому технологическому укладу, хоть и был опосредован Великой депрессией, вылившейся во Вторую мировую войну, в технологическом смысле был менее радикальным. Автомобилизация экономики была подготовлена организацией конвейерного производства благодаря электрификации машиностроения. А появление пятого технологического уклада нельзя считать продолжением четвёртого, поскольку изобретение интегральной схемы и микропроцессора породило совершенно новую технологическую траекторию.

Синхронизация двух жизненных циклов технологических укладов в одном цикле накопления капитала происходит скорее не по технологическим, а по управленческим и экономическим причинам. Формирование нового мирохозяйственного уклада происходит на основе нового технологического уклада по той причине, что новый глобальный лидер может вырваться вперёд только на восходящей фазе “длинной волны” Кондратьева. Только в эти моменты смены технологических укладов открываются возможности для отстающих стран в совершении рывка в экономическом развитии. Поэтому возникающему на периферии мировой экономики носителю более прогрессивной системы производственных отношений приходится ждать становления нового технологического уклада и накапливать капитал в его ключевых производствах, чтобы совершить рывок в период исчерпания возможностей воспроизводства существующего мирохозяйственного уклада на старой технологической основе.

Так происходит синхронизация начал новых технологического и мирохозяйственного укладов. Первая фаза жизненного цикла последнего — материальная экспансия — по содержанию совпадает с опережающим ростом производства на основе нового технологического уклада. При этом глобальный центр накопления капитала перемещается в страну, лидирующую одновременно в формировании нового мирохозяйственного и технологического укладов. Накапливаемый на “длинной волне” экономического роста капитал создаёт этой стране возможности для финансовой экспансии, которая имеет как географическое (инвестиции в другие страны с целью освоения возможностей периферии), так и технологическое (инвестиции в производства следующего технологического уклада) измерения. В силу высокой инерции сформировавшихся в глобальном центре накопления капитала институтов, финансовая экспансия порождает прогрессивные изменения не столько в ядре, сколько на периферии мировой экономической системы. Отстающие страны, импортируя из глобального центра накопления капитала одновременно инвестиции

и новые технологии, вырываются вперёд, совершая *экономическое чудо*. Ко времени исчерпания возможностей роста очередного технологического уклада они накапливают необходимые технологические, производственные и финансовые ресурсы, чтобы вступить в схватку за глобальное лидерство, опираясь на созданную у них более прогрессивную систему производственных отношений, формирующих новый мирохозяйственный уклад. Старый лидер оказывается поверженным вследствие падения эффективности системы управления, сформировавшейся в начале жизненного цикла устаревшего мирохозяйственного уклада.

Так происходит “переток” капитала от центра мировой экономической системы в те периферийные страны, которые сумели оседлать волну роста нового технологического уклада в рамках сложившегося мирохозяйственного уклада. Завершение их жизненных циклов синхронизируется в силу одновременного наращивания конкурентных преимуществ, успешно развивающихся на волне роста нового технологического уклада периферийных стран и падения эффективности воспроизводства капитала в глобальном центре его накопления. Он накапливается в финансовых “пузырях”, вместо того, чтобы вкладываться в производства очередного нового технологического уклада. Наряду с характерным для смены технологических укладов “технологическим патом”⁵⁰, в ядре глобального накопления капитала наступает “инвестиционный пат”, когда инвестиции не идут в новые технологии из-за ориентации институтов старого МХУ на финансовые спекуляции в результате его финансовой экспансии. Новая технологическая революция открывает дорогу новым лидерам – носителям более передовой системы управления и институтов нового мирохозяйственного уклада, которые втягивают в себя оставшийся после обесценения в лопнувших финансовых “пузырях” капитал.

Происходящее в настоящее время наложение этих двух циклических процессов в фазе кризиса создаёт опасный резонанс, угрожающий разрушением всей системы мировых экономических и политических отношений. В такие периоды отмечается резкая дестабилизация системы международных отношений, разрушение старого и формирование нового миропорядка. Исчерпываются возможности социально-экономического развития на базе сложившейся системы институтов и технологий. Лидировавшие до этого страны сталкиваются с непреодолимыми трудностями в поддержании прежних темпов экономического роста. Перенакопление капитала в устаревающих производственно-технологических комплексах ввергает их экономику в депрессию, а сложившаяся система институтов затрудняет формирование новых технологических цепочек. Они вместе с новыми институтами организации производства пробивают себе дорогу в других странах, прорывающихся в лидеры экономического развития.

Прежние лидеры стремятся удержать доминирование на мировом рынке посредством усиления контроля над своей геоэкономической “периферией”, в том числе методами военно-политического принуждения. Как правило, это влечёт за собой крупные военные конфликты, в которых стареющий лидер растрачивает ресурсы, не добываясь должного эффекта. Находящийся к этому времени на волне подъёма потенциальный новый лидер старается занять выжидательную позицию, чтобы сохранить свои производительные силы и привлечь спасающиеся от войны умы, капиталы и сокровища сражающихся стран. Наращивая возможности, новый лидер выходит на мировую арену, когда воюющие противники достаточно ослабеют, чтобы присвоить себе плоды победы.

4.2. Ритм современного глобального экономического развития

Конфликты, характеризующие смену глобальных лидеров, определяют следующие поворотные события мировой истории. Переход от Генуэзско-испанского векового цикла накопления к Голландскому и замещение соответствующего ему торгового мирохозяйственного уклада, основанного на трансокеанской торговле дарами природы, укладом торгово-мануфактурным, базирующимся на торговле продуктами ремесленного производства, был опосредован перманентными войнами, начиная с Испано-Английского конфликта, закончившегося в 1588 году гибелью Великой Армады. Этим воспользовалась голландская буржуазия, чтобы освободиться от испанского контроля. Перестроив свою политическую систему в соответствии с потребностями уже сложившихся

институтов воспроизводства капитала, основанных на отношениях частной собственности свободных и организованных в цеха ремесленников, она выстроила самую высокоэффективную в то время экономику. Создав институт акционерного общества в форме Объединённой Ост-Индской компании, которая вскоре оказалась крупнейшей в мире торговой монополией, Амстердамский обменный банк и фондовую биржу⁵¹, Голландия обеспечила своему предпринимательскому сословию возможности для экспансии за счёт резкого расширения деловой активности. Голландия стала мировым лидером по использованию передовых для того времени технологий, что позволило ей захватить доминирующие позиции в строительстве парусного флота, сооружении водных каналов и производстве товаров массового потребления. Опираясь на свои конкурентные преимущества, Голландия создала глобальную торговую империю, соединив Европу с другими частями света регулярными торговыми маршрутами.

Частью этой системы становится и Россия. Пётр I возвращается из Голландии с технологиями строительства морских кораблей, гаваней, каналов, фортификационных сооружений и каменных зданий. С ним приезжают голландские инженеры и менеджеры. Пётр пытается импортировать из Голландии не только технологии, но и способы организации производства, образ жизни, символику и институты обращения капитала. Проблема, однако, заключается, в отсутствии последнего. На учреждённой Петром по аналогии с Амстердамской фондовой бирже нечего было продавать. В отличие от самоуправляющихся гражданским обществом голландских городов, в Российской империи усиливался гнёт имперской бюрократии и крепостного закабаления народа.

Внешне Петербург строится, как новая Голландия, но система управления основывается на ордынских порядках, которые стали ещё более прочными вопреки европейским тенденциям демократизации. В то время как в Российской империи усиливается абсолютная монархия, в Европе продолжают начатые Реформацией процессы демократизации и либерализации социально-экономического устройства, складывается Вестфальская политическая система, адекватная интересам национальных властвующих элит, защищаемых институтами государственного суверенитета и международного права. С начала XVIII века эта система обеспечивает стабильные политические условия воспроизводства национального капитала.

С точки зрения организации международной торговли этот мирохозяйственный уклад можно назвать торгово-монополистическим с целью отражения ведущей роли первой в мире транснациональной корпорации в организации международных торгово-экономических отношений того времени. Голландская Ост-Индская компания стала образцом для организации международной торговли, а впервые созданная в Голландии фондовая биржа и банк стали прототипом центральных институтов регулирования воспроизводства капитала во всех последующих мирохозяйственных укладах. Но их функции менялись так же, как и режимы международных торгово-экономических отношений. Если Голландская Ост-Индская компания была национальной, и чуть ли не каждая уважающая себя страна в XVII–XVIII создавала свою Ост-Индскую национальную компанию, которая обладала монопольным правом торговли с Ост-Индией, то при переходе к следующему мирохозяйственному укладу Британская Ост-Индская компания, сохраняя эту монополию, обладала своими собственными войсками и занималась не столько торговлей, сколько осуществляла колониальную экспансию. К середине XIX века именно на её основе была создана Британская колониальная система накопления капитала.

Из торгово-монополистического мирохозяйственного уклада вырастают колониальные империи европейских государств, национальный капитал которых подчиняет интересам своего воспроизводства целые регионы мира. В столкновениях между ними идёт процесс формирования нового мирохозяйственного уклада, завершившийся наполеоновскими войнами. Их результатом стало возникновение общеевропейского экономического и правового пространства, а также создание устойчивой политической системы, адекватной интересам властвующих элит. К этому времени освоенные в Голландии технологии получили распространение в других европейских странах. Маленькая Голландия не могла более удерживать лидерство на фоне быстро развивающихся европейских великих держав. Спасаясь от военно-политических угроз

на континенте, голландский капитал перемещался в тесно связанную с Голландией Англию, неся с собой передовые технологии, а также методы организации производства и торговли. Англия быстро развивала свой флот, строила каналы, расширяла мануфактурное производство. Под защитой монархии по образцу Ост-Голландской торговой компании были созданы английские – Ост-Индская, Вирджинская, Плимутская компании, ставшие крупнейшими торгово-промышленными корпорациями того времени.

“Скачок” в концентрации капитала создал условия для промышленной революции, начавшейся в Англии в конце XVIII века с создания ткацких фабрик на водной тяге. Становление фабричной системы оказалось возможным с широким применением института найма выпавших из общины, лишённых земельной и какой-либо другой собственности рабочих и развитием соответствующих производственных отношений между капиталом и трудом. Быстрое расширение машинного производства в сочетании с безграничными возможностями найма дешёвой рабочей силы позволило Англии совершить промышленную революцию и освоить механизмы производственно-технологической кооперации на основе машинных мануфактур, создать первый технологический уклад индустриального общества. Воспользовавшись ослаблением конкурентов в результате наполеоновских войн и опираясь на передовые для того времени технологии и институты организации международной торговли, Великобритания к середине XIX века завершила процесс колониальных завоеваний, обеспечив себе глобальное лидерство в системе мирохозяйственных связей.

Сформировавшаяся в Великобритании система институтов организации деловой, общественной и политической активности создала возможности концентрации капитала любого масштаба. Под протекцией английской короны Ост-Индская компания превратилась в гигантскую трансокеанскую монополию, успешно осваивавшую колоссальные ресурсы Индии, Китая и Америки. Ориентированная на объективное разрешение хозяйственных споров судебная система обеспечила быстрое развитие гражданского права и конкуренции, исходя из защиты интересов частного предпринимательства. Это создало благоприятные условия для накопления капитала, которое перешло на качественно более высокий уровень с широким распространением акционерных обществ. Развитие институтов частного, акционерного и государственного капитализма открыло дорогу для строительства крупных объектов инфраструктуры и создания промышленных предприятий. Разрушение сельских общин и разорение парцеллярных хозяйств влекло за собой обезземеливание крестьян, обеспечивая стройки и заводы дешёвой рабочей силой. Тем самым были созданы условия для промышленной революции, открывшей эпоху индустриализации экономики с характерной для неё закономерностью становления и смены технологических укладов.

Начиная с промышленной революции в Англии в мировом технико-экономическом развитии можно выделить периоды доминирования пяти последовательно сменявших друг друга технологических укладов, включая вступивший в настоящее время в фазу зрелости информационный технологический уклад.

Ключевым фактором *первого* технологического уклада, с формирования которого началась эпоха современного экономического роста и установился его ритм, явилась механизация текстильной промышленности. Базисными нововведениями этого уклада были станок челнок-самолёт Кэя (1733), прядильные машины Уатта (1735), Харгрива и Аркрайта, механические ткацкие станки Робертсона и Хоррокса (1760-е годы). Нововведения в сфере механизации текстильной промышленности дополнялись внедрением новых технологий обработки тканей (крашения, печатания тканей и т. п.). Механизация текстильной промышленности стимулировала развитие производства конструкционных материалов.

Однако рост их производства сдерживался отсутствием технологической базы для развития чёрной металлургии. Сдерживал её развитие и дефицит энергоресурсов, главным образом, древесного угля. Этот дефицит был преодолен замещением древесного угля каменным. Тогда же были внедрены нововведения в сфере металлообработки: сверлильные машины, токарные станки, машины для нарезывания винтов, чеканные машины и др. Однако массовое производство конструкционных материалов из чугуна стало возможным лишь с формированием ядра второго технологического уклада и расширением спроса на чёрные металлы со стороны его базисных отраслей.

Экономический подъём в период роста первого технологического уклада стимулировал развитие транспортной инфраструктуры – улучшение сухопутных дорог и создание сети водных каналов, бурное развитие торгового флота. Удешевление перевозок грузов стало важным фактором формирования национальных рынков и послужило мощным стимулом расширения промышленного производства.

Насыщение спроса на продукцию текстильной промышленности, последовавшее несмотря на быстрое снижение цен на готовые изделия и сырьё в начале XIX века, обусловило длительное ухудшение экономической конъюнктуры и стимулировало поиск новых направлений вложения капитала. К тому времени были созданы нововведения, ставшие основой второго технологического уклада. Ключевое место среди них занимает паровой двигатель, использование которого революционизировало промышленное производство и стало основой для развития тяжёлой промышленности. Замещение водяного колеса как основного двигателя паровой машиной создало возможности для концентрации производства и его существенного удешевления с ростом масштабов, а также сняло географические ограничения на размещение предприятий, что, в свою очередь, стимулировало начало процессов урбанизации.

Внедрение парового двигателя и быстрый технический прогресс в металлообработке создали условия для производства разнообразных машин и механизации труда во многих отраслях промышленности и в строительстве, стимулировали быстрый рост чёрной металлургии, угольной промышленности.

Быстрый прогресс в транспортном машиностроении, изобретение паровоза и парохода обеспечили возможности резкого расширения перевозки грузов на большие расстояния и поддержания большей ритмичности поставок, что создало возможности для концентрации производства и становления мирового рынка.

Наряду с замещением древесного угля каменным в качестве основного энергоносителя характерной чертой второго технологического уклада было крупномасштабное железнодорожное строительство, связанное с ростом спроса на транспортные услуги в перевозке крупнотоннажных грузов, процессами урбанизации, формированием национальных и международного рынков.

Широкая механизация труда и концентрация производства сопровождались ростом тяжёлого машиностроения и горнодобывающей промышленности, развитием металлургии и станкостроения, что, в свою очередь, создало предпосылки для становления базисных производств *третьего* технологического уклада. Их распространение стало возможным с падением эффективности производств *второго* в результате исчерпания возможностей совершенствования технологии и организации крупного производства с использованием парового двигателя и насыщения спроса населения, ограничивавшегося в то время ещё, главным образом, продуктами сельского хозяйства и лёгкой промышленности. Развитие производства машиностроительной продукции потребительского назначения стало возможным со становлением более гибких базисных технологий *третьего* технологического уклада, использовавших мобильные электродвигатели и опиравшихся на адекватную для городского образа жизни технологию энергопотребления в форме электрического тока.

Главной особенностью *третьего* технологического уклада было широкое использование электродвигателей и бурное развитие электротехники. Одновременно происходила специализация паровых двигателей, которые в основном стали использоваться в качестве парогенераторов в транспортных средствах и в производстве электроэнергии. Строительство линий электропередачи обеспечило внедрение адекватной технологии энергопотребления в городах, что способствовало дальнейшей урбанизации размещения населения и производства. Широкое распространение получило электрическое освещение на основе лампы Эдисона.

Электротехнология революционизировала ряд отраслей промышленности, обеспечив дальнейший рост механизации производства и производительности труда. В частности, были внедрены гальванотехнические процессы рафинирования меди и добыча электролитическим путём кислорода и водорода. Возник ряд электрометаллургических и электрохимических производств. Получила распространение электросварка.

С замещением парового двигателя электрическим радикально изменилась организация труда на машиностроительных предприятиях. Машины, ранее

соединённые громоздкой системой передач с паросиловой установкой в жёсткую технологическую линию, получили автономные электродвигатели и стали более мобильными и гибкими. Это существенно повысило разнообразие комбинаций машин и технологических возможностей, гибкость производства и позволило расширить ассортимент выпускаемой продукции. Стало возможным внедрение технологий массового поточного производства, с увеличением масштабов которого происходило быстрое снижение издержек.

Рост разнообразия и расширение машиностроительного производства стимулировали дальнейший прогресс в чёрной металлургии, являвшейся главным поставщиком конструкционных материалов в промышленность. Фактически в ходе жизненного цикла *третьего* технологического уклада произошёл переход к новым способам получения металлов: были внедрены доменная и мартеновская технологии, технологии проката стали, обеспечившие массовое производство дешёвой стали, ставшей основным конструкционным материалом.

Быстрый рост производства продукции машиностроения и чёрной металлургии стимулировали техническое перевооружение и рост добывающей промышленности, основой которого также стал электродвигатель. С его использованием было создано мобильное и высокопроизводительное горнодобывающее и транспортное оборудование, заместившее громоздкие машины с паровым двигателем.

Развитие технологий *третьего* технологического уклада обеспечило быстрый прогресс и расширение химической промышленности. В течение периода его доминирования были внедрены и получили широкое распространение базовые технологии неорганической химии: аммиачный процесс получения соды; получение серной кислоты контактным способом; получение азотной кислоты контактным окислением аммиака и непосредственной фиксацией азота атмосферы, производство минеральных удобрений; коксохимическое производство; нефтехимическое производство; производство синтетических красителей; производство взрывчатых веществ; электрохимическая технология. Таким образом, были созданы предпосылки для становления *четвёртого* технологического уклада, в структуре которого химическая промышленность заняла ключевое положение.

Среди важнейших предпосылок становления *четвёртого* технологического уклада, сформировавшихся в период доминирования *третьего*, следует также указать развитие автодорожной транспортной инфраструктуры, сетей телефонной связи, освоение технологии и создание инфраструктуры нефтедобычи, технический прогресс и расширение производств в цветной металлургии. Ещё в период доминирования *третьего* уклада был внедрён двигатель внутреннего сгорания, произошло становление автомобилестроительной отрасли промышленности и освоение первых образцов гусеничной техники, сформировавших впоследствии ядро нового технологического уклада.

Механизация производства, рост квалификации занятых в нём, расширение потребления прогрессивных энергоносителей и увеличение общего потребления энергии, создание новых систем массовых коммуникаций и новой транспортной инфраструктуры, насыщение потребительских рынков традиционными товарами создали в начале 1930-х годов в развитых капиталистических странах условия для расширения технологических совокупностей *четвёртого* технологического уклада. Технологические совокупности *третьего* технологического уклада продолжали воспроизводиться вплоть до середины 60-х годов XX века, но основным двигателем ТЭР с середины 1930-х годов стали производства нового технологического уклада, который занял доминирующее положение в послевоенные годы.

В числе отраслей, входивших в «ядро» *четвёртого* технологического уклада, были химическая промышленность (прежде всего, промышленность органического синтеза и связанное с ней производство синтетических смол и пластмасс), автомобиле- и тракторостроение, производство моторизованных вооружений. Для этого этапа характерны комплексная механизация производства, автоматизация многих основных технологических процессов, широкое использование квалифицированной рабочей силы, рост специализации производства.

В течение жизненного цикла *четвёртого* технологического уклада продолжалось опережающее развитие электроэнергетики. Основным энергоносителем

стала нефть, видом наземного транспорта – автомобильный. Была создана глобальная система телекоммуникаций на основе телефонной и радиосвязи. Население освоило новый тип потребления, отличающийся массовым потреблением товаров длительного пользования, синтетических товаров, резким расширением предметных потребностей человека. В быту стали использоваться различные электрические приборы: холодильники, радиоприемники, электрофоны, телефоны, хозяйственные электротовары. Расширилась сфера потребления электроэнергии на бытовые нужды.

К середине 70-х годов XX века *четвёртый* технологический уклад достиг в развитых странах пределов своего расширения. Произошло удовлетворение спроса населения на предметы длительного пользования, товары массового потребления; во многих регионах с высокой концентрацией производств *четвёртого* технологического уклада исчерпался ассимиляционный потенциал окружающей среды; базовые технологии данного уклада приблизились к пределам своего совершенствования. Всё это привело к падению эффективности производств *четвёртого* технологического уклада, ещё более упавшей вследствие изменения структуры экономических оценок в середине 1970-х годов. С этого времени основным носителем экономического роста становятся производства *пятого* технологического уклада, доминировавшего в экономике развитых стран с середины 80-х годов вплоть до мирового финансового кризиса 2008 года.

Пятый технологический уклад может быть определён как уклад информационных и коммуникационных технологий. Микроэлектроника стала ключевым фактором развернувшейся в середине 70-х годов прошлого века научно-технической революции. Широкое распространение микроэлектронных устройств обусловило радикальные изменения в структуре общественного производства и повышение его экономической эффективности. Другим ключевым фактором стало программное обеспечение. Вместе с микроэлектронными технологиями оно определяет основные параметры траектории современного технико-экономического развития.

В “ядро” *пятого* технологического уклада вошли технологические совокупности по производству электронных компонент и устройств, электронно-вычислительной техники, телекоммуникационного оборудования, лазерного оборудования, услуг по обслуживанию вычислительной техники. Генерирование технологических изменений происходило внутри указанного комплекса технологических совокупностей и опосредовано сильными нелинейными обратными связями между ними.

Распространение *пятого* технологического уклада определилось диффузией новых технологических принципов в экономике, опосредованной несущими отраслями. Среди основных несущих отраслей *пятого* технологического уклада следует указать производство средств автоматизации и телекоммуникационного оборудования. Последнее необходимо для создания информационной инфраструктуры, которая является необходимой предпосылкой распространения производства нового технологического уклада. В свою очередь, средства автоматизации обеспечивают перевооружение обрабатывающей промышленности в соответствии с новыми технологическими принципами.

Большинство нововведений, связанных с новым технологическим укладом, внедряются, как правило, ещё в фазе доминирования предшествующего. По некоторым оценкам около 80% основных нововведений *пятого* технологического уклада были внедрены ещё до 1984 года, когда он вошёл в фазу роста. В качестве начальной точки жизненного цикла информационного технологического уклада можно назвать 1947 год – год освоения производства первого транзистора. С появлением первой ЭВМ (1949), операционной системы (1954), кремниевого транзистора (1954) сформировалось “ядро” нового технологического уклада и началось его созревание в эмбриональной фазе. Одновременно с развитием полупроводниковой промышленности происходил быстрый прогресс в области программного обеспечения. К концу 1950-х годов появилось семейство первых программных языков высокого уровня. Они открыли новые возможности обработки данных (главным образом, в государственном секторе экономики).

Следующий этап в становлении информационного технологического уклада связан с появлением коммерчески эффективных ЭВМ (в частности, серии IBM-360 в 1965 году). Эти нововведения открыли возможности для диффузии

нового технологического уклада на разнообразных рынках. Но эта диффузия была по-прежнему ограничена. ЭВМ использовались для автоматизации обычных процедур обработки данных в информационно интенсивных секторах экономики (банковское дело, наука, армия).

Начиная с появления транзистора, а затем интегральных схем, технический прогресс в полупроводниковой промышленности принял кумулятивный характер – сложилась технологическая траектория развития соответствующей технологической совокупности. Её основные характеристики: скорость обработки информации, миниатюризация, надёжность, стоимость единицы полезного эффекта (обработки единицы информации). С улучшением этих характеристик новые технологии получали коммерческую реализацию, постепенно завоевывая всё новые и новые рынки. Одновременно в жёсткой конкурентной борьбе фирм – производителей электронных компонентов происходил отбор технических альтернатив и формировался олигополистический рынок полупроводниковой продукции. Развитие технологических траекторий формирования пятого технологического уклада приняло характер устойчивого кумулятивного процесса, подготавливающего его роды по мере упадка предыдущего технологического уклада.

Прорыв был осуществлён с внедрением микропроцессора (1971). Это новшество (которое, в свою очередь, было подготовлено серией предшествующих нововведений в производстве интегральных схем) открыло новые возможности для быстрого прогресса по всем направлениям технологической траектории нового технологического уклада. Совершенствование базисных технологий данного технологического уклада приняло форму устойчивого, кумулятивного технического прогресса – траектория эволюции нового технологического уклада установилась, и с середины 80-х годов он вошёл в фазу роста своего жизненного цикла⁵², которая продолжалась вплоть до мирового финансового кризиса в 2008 году.

Быстрое развитие базисных технологий и повышение эффективности по всем параметрам траектории движения нового технологического уклада индуцировало соответствующие технологические сдвиги во всех базисных технологических совокупностях и открыло широкие возможности для внедрения технических принципов нового технологического уклада в экономику. Изобретение микрокомпьютера и связанный с этим быстрый прогресс в программном обеспечении сделали информационную технологию удобной, дешёвой и доступной как для производственного, так и для непроизводственного потребления. В середине 1980-х годов широкие возможности по использованию информационных технологий в различных сферах социальной и промышленной деятельности стали очевидными. Базисные технологические совокупности пятого технологического уклада сформировались. Дальнейшая диффузия нового технологического уклада, в основном, стала определяться спросом со стороны различных хозяйствующих субъектов в разнообразных сферах потребления.

Смена ТУ сопровождается и сменой систем управления, институтов. Если первый ТУ возник ещё в среде традиционных экономических отношений, то второй ТУ требовал уже большей квалификации людей, умения обращаться с машинами, требовал техники безопасности на рабочем месте, сопровождался появлением наёмного труда, который стал самоорганизовываться в виде профсоюзов. Третий ТУ, который связан с формированием больших систем инфраструктурного обеспечения, потребовал возникновения соответствующих систем государственного регулирования. Государство брало на себя во многом затраты на формирование энергетической инфраструктуры. Четвёртый ТУ сопровождался формированием институтов социального государства. Это связано с тем, что в ходе его жизненного цикла возрастает роль науки и образования. Впервые в 60-х годах прошлого века инвестиции в человека – в знания, образование, здравоохранение – начинают в общем объёме инвестиций превышать инвестиции в машины и оборудование, то есть воспроизводство человеческого капитала начинает требовать больше денег и больше усилий, чем машины и оборудование. Наконец, пятый ТУ, связанный с микроэлектронной революцией, сопровождается переходом в экономику знаний, когда требования к качеству образования, уровню подготовленности работника таковы, что в передовых отраслях требуются не просто люди с высшим образованием, но ещё и умеющие творчески подходить к делу. Экономика знаний ещё

в полной мере не сформировалась, но уже сейчас в передовых отраслях в структуре общих инвестиций большую долю занимают инвестиции в НИОКР.

В значительной степени меняются и режимы экономического регулирования. В первом ТУ государство фактически собирало бизнес под своим крылом, делалось это в монархических государствах путём формирования квазигосударственных компаний, образцом которых является английская Вест-Индская компания. Вторым ТУ, который резко расширил масштабы производства и повлёк за собой появление первых крупных корпораций, сопровождался максимальной степенью эксплуатации труда, включая рабский труд, использовался и детский труд. Социальное государство появляется в ходе жизненного цикла третьего ТУ и начинает доминировать с появлением четвёртого ТУ. Если в первом и втором ТУ доля государства в структуре использования ВВП не превышала 10% и государство занималось, в основном, полицейскими функциями, то с четвёртого ТУ доля государства достигает 30–40, а теперь уже 50%, потому что государство вынуждено огромные деньги тратить на воспроизводство человеческого капитала.

Меняется система экономических институтов. То, что мы видим сегодня, – система транснациональных корпораций, альянсы, международная интеграция – это продукт международного разделения труда четвёртого и пятого ТУ, хотя первые крупные транснациональные корпорации возникают уже в третьем ТУ. Сейчас мы переходим к интегрированным структурам, где наука, производство и государство переплетаются и крупные производственно-технологические системы охватывают множество стран.

Меняются системы управления инновациями. Увеличивается значение инновационной деятельности. НИИ формируются с началом второго ТУ, в третьем ТУ появляются научные лаборатории внутри предприятий, появляется фирменная (отраслевая) наука. В четвёртом ТУ возникает наука как специализированный вид деятельности, она становится неотъемлемой частью научно-производственного цикла. Сейчас мы переходим к непрерывному инновационному процессу, который сопровождает весь жизненный цикл изделия, становится возможным проектирование всего производственного цикла – от первичного освоения (технико-внедренческих мероприятий) нововведения и его обкатки до его усовершенствования по мере выявления “детских болезней” и возникновения “вспомогательных” инноваций в смежных отраслях.

Существенные изменения претерпит культура управления. Дальнейшее развитие получают системы автоматизированного проектирования, которые вместе с технологиями маркетинга и технологического прогнозирования позволяют перейти к автоматизированному управлению всем жизненным циклом продукции на основе так называемых CALS-технологий, которые становятся доминирующей культурой управления развитием производства. CALS (от англ. *Continuous Acquisition and Life-Cycle Support*) – принятая в большинстве промышленно развитых стран технология (концепция, парадигма) использования единого информационного пространства (интегрированной информационной среды) на основе международных стандартов для единообразного информационного взаимодействия всех участников жизненного цикла продукции: разработчиков, заказчиков (включая государственных) и поставщиков продукции, эксплуатационного и ремонтного персонала.

Наряду с ростом ассигнований на поддержку инновационной активности усложняется процесс управления и возрастает роль государства в координации этой деятельности. При этом особое значение приобретают методы косвенного стимулирования инновационной активности – налоговые льготы, госзакупки, формирование инновационной инфраструктуры⁵³.

Как следует из изложенного выше, современный ритм долгосрочного технико-экономического развития как процесса становления и смены технологических укладов формируется после промышленной революции, начавшейся в Англии в конце XVIII века. Это период колониального мирохозяйственного уклада, который можно считать эпохой классического капитализма. В основе характерных для неё производственных отношений лежит институт частного семейного предприятия, стремящегося к максимизации прибыли на основе расширения и совершенствования производства товаров. Господство частного капитала закрепила в политических институтах партийной демократии с ограниченным избирательным правом, которое гарантировало крупному капиталу благоприятные и стабильные условия расширенного воспроизводства.

Технологическое лидерство обеспечивало высокую конкурентоспособность английской экономики, воспроизводящейся в рамках самого большого в мире рынка свободно обращающихся товаров.

Весь мир был разделён между европейскими колониальными империями, в рамках каждой из которых создавалась своя система воспроизводства капитала, защищённая институтами метрополии. На этом основании данный мирохозяйственный уклад назван нами колониальным. Каждая из европейских империй пыталась создать привилегированные условия воспроизводства для своих капиталистов, конкурируя с другими за территории и коммуникации. Созданные в ходе предыдущего мирохозяйственного уклада институты накопления капитала были умножены на мощь государственного протекционизма глобальных колониальных империй. Сами эти империи были настроены на глобальную экспансию в целях максимизации пространства для расширенного воспроизводства капитала метрополии.

Как указывает В. Никонов, «апогей Британии пришёлся на период между 1845–1870-ми годами, когда она производила более 30% мирового ВВП и 2/5 промышленного производства». В течение XIX столетия площадь и население Британской империи увеличились на порядок, достигнув 11 млн кв. миль и 390 миллионов человек соответственно⁵⁴. Заметим, что большинство из них было лишено гражданских прав и не обременено собственностью.

Надо сказать, что Британская и другие европейские колониальные империи существенно отличались от ордынского типа. Если он основывался на традиционных представлениях о божественном устройстве мира с раз и навсегда заданной иерархией социальных отношений, то экспансией европейских империй двигала жажда наживы их властвующих элит за счёт присвоения национальных богатств и человеческих ресурсов колоний. Так, англичане превратили значительную часть своих подданных в живой товар, организовав торговлю людьми в невиданных ранее масштабах. Десятки миллионов людей были лишены собственности, обращены в рабов, перемещены с мест проживания на плантации Нового Света. Да и в самой Англии положение рабочего класса мало чем отличалось от рабского – «освобождённые» от земельной собственности вчерашние крестьяне вынуждены были продавать свой труд за бесценок, подвергаясь беспощадной эксплуатации. С развитием рынка труда противостояние между капиталистами и лишённым собственности пролетариатом стало приобретать глобальный характер.

Отчуждение рабочего населения от собственности и от продуктов своего труда дало основание К. Марксу для построения теории прибавочной стоимости, интерпретирующей доходы от собственности как результат эксплуатации наёмного труда⁵⁵. Из этой теории следовал вывод о внутренних пределах развития капитализма, уничтожающего базу собственного воспроизводства посредством тенденции к снижению нормы прибыли и усугубления противоречия между общественным характером производства и частнособственническим способом присвоения его результатов.

Во времена Маркса ещё не были очевидны возможности НТП, так же как и значение человеческого фактора в его обеспечении. Он интерпретировал техническое развитие сквозь призму повышения органического строения капитала, из чего выводил упомянутую тенденцию к снижению нормы прибыли. Эта тенденция действительно имеет место в рамках жизненного цикла одного технологического уклада вследствие постепенного исчерпания возможностей совершенствования составляющих его производств. К. Маркс писал «Капитал» в период зрелости и упадка *второго* технологического уклада с характерной для него концентрацией производства вокруг циклопических паровых двигателей и связанных с ними машин, обслуживаемых низкоквалифицированной рабочей силой. Исчерпание возможностей развития производительных сил, ограниченных данным технологическим укладом, было преодолено с переходом к *третьему* технологическому укладу, основанному на электрификации экономики, которая открыла новые возможности повышения эффективности производства и развития производительных сил. В их составе резко повысилось значение квалификации и образования работников, что требовало появления институтов социального государства и существенного изменения производственных отношений. Сложившийся в Англии и в материковой Европе мирохозяйственный уклад с жёсткой системой институтов, ориентированных на защиту привилегий правящего класса, в том числе права частных

собственников на безграничную эксплуатацию рабочей силы, стал сдерживать развитие производительных сил.

Политическим выражением обострившегося в тот период противоречия между развитием производительных сил и производственных отношений стало коммунистическое движение, интерпретировавшее обозначившиеся пределы развития доминировавших в тот период технологического и мирохозяйственного укладов как конец капитализма. Однако по своей идеологии оно было продолжением ранее сформировавшейся тенденции отчуждения людей от результатов своего труда. Коммунисты предлагали её распространить на всю собственность, осуществив “экспроприацию экспроприаторов” и разрешив это противоречие путём окончательной ликвидации частной собственности на средства производства и их обобществления. Они объявили классовую войну капиталистам, которая стала зеркальным отражением угнетения пролетариата. Тем самым, они оставались в рамках характерного для того мирохозяйственного уклада разделения людей на полноценных и ущербных, проявившегося до этого в расизме и дискриминации по имущественному положению. Практическая реализация этой идеологии в СССР сопровождалась лишением гражданских прав и собственности, а также физическим истреблением значительной части населения, выделяемой по имущественному и социальному положению с обратным знаком.

Хорошо известно, что у захвативших власть в России большевиков не было плана ни по государственному устройству, ни по организации общественного производства. Руководствуясь марксистскими идеями о ликвидации частной собственности как основы эксплуатации трудящихся, большевики, по сути, реставрировали ордынское государственное устройство. Всеобщая национализация имущества с превращением всего населения в государственных служащих и прикрепленных к заводам и земле рабочих и крестьян наряду с правящей партией и её вождём, а также обожещаемыми классиками научного коммунизма парадоксальным образом напоминает традиционные империи прошлого, пренебрежительно отнесённые Марксом к азиатскому способу производства.

Социалистическая индустриализация и коллективизация сопровождалась принудительным прикреплением людей к государственным средствам производства, что дало основание ряду наблюдателей для обозначения этих производственных отношений как государственного капитализма. Однако, в отличие от капитализма, целью производства в СССР стала не максимизация прибыли, а развитие производительных сил ради коммунистического строительства. Категория прибыли вообще потеряла смысл, а деньги превратились не более чем в один из инструментов директивного планирования. Советские коммунисты действительно упразднили капитализм, однако не смогли выйти за пределы основанных на принуждении производственных отношений того мирохозяйственного уклада вплоть до Второй мировой войны.

Выше этот мирохозяйственный уклад был назван колониальным по классификационному принципу принудительного раздела мира между европейскими колониальными империями. Колониальным он был потому, что суть данной системы отношений – накопление капитала, и оно происходило в рамках отдельных колониальных империй от колоний к метрополиям. Источником накопления капитала было ограбление колоний.

По типу производственных отношений его можно было бы обозначить как рабовладельческий, если бы это понятие не укоренилось в марксистской теории исторического материализма как определение соответствующей социально-экономической формации времён Древнего Рима. Хотя масштаб применения рабского труда того времени не идёт ни в какое сравнение с торговлей людьми и эксплуатацией рабов в глобальном масштабе в период Британского цикла накопления капитала. Если принять марксистскую трактовку производственных отношений и адекватно оценить степень унижения и эксплуатации рабочего класса в европейских метрополиях, то можно уверенно определить этот мирохозяйственный уклад как классический капитализм. В дальнейшем, после отмены рабства, развития демократических институтов и появления социального законодательства канули в Лету и разделяющие человечество расистские, нацистские и классовые идеологии.

С конца XIX века, по мере становления *третьего* технологического уклада, глобальное лидерство Великобритании стало размываться. Её быстро догоняла

Российская империя, не уступающая Великобритании по военной мощи и глобальному политическому влиянию. Она сохраняла традиционные институты абсолютной монархии и государственной религии, обеспечивающие политическую стабильность в условиях бурного развития промышленности, быстрого повышения образовательного уровня и социальной активности населения.

Отмена крепостного права и другие реформы Александра II упразднили ряд феодальных институтов, сдерживавших развитие рыночных отношений, и открыли возможности для быстрого роста промышленного производства на основе производственных отношений данного мирохозяйственного уклада. В конце XIX – начале XX века Россия перешла с траектории догоняющего развития в режим опережающего роста. Хотя российская экономика отставала от мировых лидеров на один технологический уклад и овладевала производствами *второго* ТУ, когда передовые страны овладели уже *третьим*, в России одновременно закладывались основы и для его развития, а также предпосылки формирования следующего, *четвёртого* ТУ. Перед Первой мировой войной Россия вырвалась в лидеры не только по темпам экономического роста, но и по наращиванию электротехнической продукции, освоению нефтедобычи и химической промышленности, строительству автомобильных заводов и даже по авиастроению.

С 1860-го по 1870 годы уровень выпуска продукции текстильной и бумагопрядильной промышленности возрос в 2 раза. Наряду с расширением роста производств *первого* технологического уклада в России в это время началось быстрое становление технологических совокупностей *второго* технологического уклада (заметим, что в Англии *второй* технологический уклад формировался с 1820-го по 1840–1848 годы). Оно осуществлялось при активном государственном стимулировании инвестиций в развитие крупной промышленности на основе импорта технологий с широким привлечением иностранного капитала и оборудования. С 1860-го по 1876 годы производство чугуна возросло на 30%, железа – на 40%⁵⁶. С 1875-го по 1892 годы количество паровых двигателей в России увеличилось вдвое, мощность – втрое. Выплавка чугуна в 1880-е годы повысилась в 2,5 раза. Заметим, что эти темпы роста превышали темпы, достигнутые в соответствующий период в Англии.

Одновременно с Россией бурно развивалась объединённая Бисмарком Германия, становясь мировым лидером в машиностроении. Опираясь на свои институциональные особенности, эти страны вырывались вперёд как по техническому уровню, так и по масштабам концентрации капитала. Германия опиралась на предпринимательскую активность быстро обучающихся жителей городов, Россия – на гигантский природно-ресурсный и человеческий потенциал. Они успешно восприняли освоенные в Англии технологии и формы организации производства, придав им дополнительные глубины кооперации и масштаб производства. Великобритания ответила на этот вызов с европейской периферии развязыванием мировой войны, умело столкнув две поднимающихся сверхдержавы между собой.

Российско-Германский союз мог составить самую мощную в то время коалицию, способную стать доминирующей силой в мировой политике и удержать мир от войны, которая не была нужна этим странам, успешно развивавшимся на новой “длинной волне” экономического роста. Но война была нужна Великобритании, чтобы сохранить своё лидерство. Ей удалось разрушить российско-германский союз⁵⁷ и путём цепочки последовательных интриг с физическим устранением влиятельных противников войны втянуть две родственные монархии в самоубийственную конфронтацию без существенных объективных причин. Ни убийство наследника австрийского престола, ни угроза автономии Сербии, ни иррациональная тяга к освобождению от турок Константинополя и захвату проливов не могут расцениваться в качестве веской причины для мировой войны. Она стала результатом изощрённых интриг английской дипломатии, стремящейся сохранить мировое лидерство путём стравливания конкурентов.

Первая мировая война уничтожила главных соперников Англии в Старом Свете, что позволило ей удержать глобальные доминирующие позиции вплоть до середины XX века. К этому времени лидирующие позиции занимают Соединённые Штаты, институты которых изначально формировались, исходя из интересов крупного частного капитала. Избавленный от необходимости оплаты политической ренты в пользу монархии и аристократии, капитал получил

безграничные возможности для расширения. Приток активного населения из ведущих бесконечные колониальные войны европейских стран, задыхавшихся от аграрного перенаселения и военных расходов, обеспечивал американский капитал дешёвыми и квалифицированными трудовыми ресурсами.

Принципиальным отличием формирующейся в США после гражданской войны системы институтов было отрицание всех легальных оснований разделения общества на различающиеся по своим правам сословия, группы или классы. Все граждане юридически считались равными, хотя их положение в обществе определялось величиной личного капитала. Ничем не ограниченный дух предпринимательства и частной инициативы, перспективы безграничного расширения производства на основе свободной концентрации капитала предоставляли возможность инженерам и учёным создавать промышленные предприятия любых размеров и самых сложных для того времени технологий. США к концу позапрошлого столетия вышли на передовой уровень промышленного развития и одновременно с Великобританией приступили к формированию *третьего* технологического уклада на базе электротехнической промышленности.

В результате организованной английской дипломатией Первой мировой войны выиграли больше всех США. Как и Великобритания в эпоху наполеоновских войн, вступив в войну на завершающем этапе, США присвоили себе основные плоды победы. Они не только поучаствовали в новом разделе мира, но и приняли у себя сбежавшие от ужасов войны и следовавших за ней революций и гражданских войн в России, Германии и Австро-Венгрии умы, капиталы и сокровища. Переехавшие в США инженеры и учёные обеспечили американский капитал новейшими для того времени технологиями. США становились лидерами глобального технико-экономического развития. Они развернули крупномасштабное строительство энергетической, инженерной и транспортной инфраструктуры, соответствующей требованиям *третьего* технологического уклада, основанного на химико-металлургической промышленности, электрификации и электротехнике, дальнейшем развитии железнодорожного и судостроения.

Институциональная структура, ориентированная на концентрацию капитала и развитие крупного промышленного производства, обеспечивала американскому капиталу преимущества по отношению к европейским колониальным империям. “Переток” умов и технологий из них в США продолжался. Это способствовало опережающему развитию американской экономики. Формирующиеся в ней институты расширенного воспроизводства капитала на основе ничем не ограниченной частной собственности закладывали фундамент нового мирохозяйственного уклада, стержнем которого стали транснациональные корпорации. В 1913 году была создана Федеральная резервная система, обеспечивавшая американскому капиталу неограниченные возможности кредита для глобальной экспансии.

Создание ФРС проталкивалось американскими финансистами, тесно связанными с британским финансовым капиталом и, в первую очередь, с Ротшильдами, для установления контроля за американскими финансами. Но парадокс заключается в том, что именно создание ФРС помогло сплотить американский финансовый капитал, который вытеснил британский капитал из ФРС, а Великая депрессия позволила избавить ФРС от британского финансового контроля.

Чуть позже США на новую “волну” экономического роста встала Советская Россия. Построенный на руинах Российской империи СССР создал институты централизованного планирования и организации производства, позволившие концентрировать ресурсы в невиданных до той поры масштабах. Советская система директивного планирования преодолела ограничения частного накопления капитала, подчинив денежное обращение задачам роста производства в политически задаваемых целях. Тем самым снимались институциональные ограничения расширенного воспроизводства экономики, которое могло теперь вестись в глобальных масштабах. В ходе Великой депрессии институты централизованного планирования и организации производства доказали свои преимущества по сравнению с задыхающимися от недостатка спроса и перепроизводства товаров корпорациями капиталистического мира.

Советская система централизованного планирования имела общую с американской федеральной системой способность к безграничному финансовому

обеспечению глобальной экономической экспансии. Хотя оно осуществлялось на диаметрально противоположных отношениях собственности (в СССР — для финансирования народнохозяйственных планов госпредприятий, а в США — для рефинансирования частных корпораций), общей была принципиальная возможность безграничного расширенного воспроизводства в глобальных масштабах. Проявилась она в полной мере после Второй мировой войны, когда система расширенного воспроизводства капитала в США дополнилась обслуживающими её глобальную экспансию международными экономическими институтами (ВТО, МВФ, Всемирным банком), а созданная СССР мировая социалистическая система была подкреплена Советом экономической взаимопомощи с переводным рублём в качестве международной валюты. Данный мирохозяйственный уклад мы назвали Имперским, подчёркивая глобальный характер составляющих его институтов и механизмов расширенного воспроизводства.

В период Первой мировой войны этот мирохозяйственный уклад был в начальной фазе становления. Наряду с американской и советской моделью возникла германская модель Третьего рейха с национал-социалистической идеологией, представляющей собой доведённую до крайности характерную для колониального мирохозяйственного уклада дифференциацию людей на полноценных и рабов по этническому признаку. Может быть, поэтому германский нацизм был спокоен воспринят западноевропейскими державами, колониальные империи которых строились на расистской идеологии. Английский и американский капитал немало способствовал восстановлению и милитаризации экономики Германии.

В 30-е годы прошлого века СССР и Германия вновь совершили технологический рывок, догнавшие в Великой депрессии США и Великобританию. Чтобы их остановить, ангlosаксы прибегли к испытанному приёму столкновения поднимающихся с периферии лидеров между собой. При помощи американских корпораций и английской дипломатии гитлеровская Германия была подготовлена к войне. Пожертвовав своими союзниками — Польшей и Францией, — Великобритания толкнула фашистскую Германию против СССР. США повторили свой успех, войдя, как и в Первую мировую войну, в схватку на завершающем этапе и присвоив себе плоды победы в Западной Европе и на Тихом океане. Колониальные империи европейских стран развалились, и доминирование в капиталистическом мире перешло к американским корпорациям. Одновременно возник социалистический мир, демонстрировавший высокие темпы развития и стремительно догонявший США. Созданное ангlosаксонской дипломатией противостояние между двумя системами способствовало концентрации капитала в США. Они захватили технологическое лидерство в ходе формирования четвёртого технологического уклада, базировавшегося на двигателе внутреннего сгорания, органической химии, автомобильном строительстве. Это лидерство было закреплено в период становления следующего, информационно-телекоммуникационного технологического уклада, основанного на микроэлектронике и программном обеспечении. Оно обеспечило преимущества США в ходе гонки вооружений, подорвавшей технологически многоукладную экономику СССР.

Таким образом, доминирование Великобритании окончательно закончилось в результате двух мировых войн прошлого столетия, повлекших разрушение европейских колониальных империй и переход лидерства в капиталистическом мире к США. После “холодной войны” между США и СССР с распадом Советского Союза США захватили глобальное лидерство за счёт превосходства в развитии информационно-коммуникативного технологического уклада и установления монополии на эмиссию мировых денег. Связанные с мировым “печатным станком” американские транснациональные корпорации завершили формирование этого мирохозяйственного уклада, идеологией которого стала либеральная глобализация.

Интересно отметить, что каждый гегемон в соответствующем МХУ фактически “собственными руками” создавал своего могильщика — будущего гегемона в новом МХУ: экономика Британии была подготовлена к скачку голландским капиталом, США — британским, Китая — американским. Эта закономерность имеет свою логику: новый лидер с новой системой институтов воспроизводства капитала и управления развитием экономики возникает на периферии старого МХУ, перенимая у его лидеров не только накопленный

опыт, но и капитал. При этом Россия во всех жизненных циклах МХУ формировала свой центр накопления капитала, который одновременно дополнял доминировавший в Западной Европе и противостоял ему.

Жизненный цикл имперского мирохозяйственного уклада проходил в борьбе между социалистической и капиталистической мировыми системами. Их взаимодействие обеспечило объединение мира вокруг общечеловеческих ценностей и глобальных институтов. Окончательно канули в Лету рабовладение, расизм, фашизм, большевизм, исходившие из дифференциации человечества на полноценных и ущербных людей и оправдывавшие угнетение и даже уничтожение одних в интересах других. Оформилось международное право, фундаментом которого стал принцип государственного суверенитета, возникли глобальные институты ООН.

Вместе с тем, в рамках имперского мирохозяйственного уклада фактическое применение международного права оставалось ограничено интересами глобальных империй. Если в мировой системе социализма управление велось на основе политических решений руководства КПСС, то международная политика в капиталистическом мире определялась американскими корпорациями. Ради соблюдения их интересов спецслужбами США устраивались государственные перевороты, совершались политические убийства и репрессии в периферийных странах. Конституция США исходит из примата национального законодательства над международными обязательствами, к которым американские власти относятся как к некоей условности. Пренебрежение международным правом стало нормой американской экспансии после распада СССР — созданные США сети глобального влияния функционируют вне правового пространства, не считаясь ни с национальным суверенитетом государств, ни с международными договорами⁵⁸.

Пытаясь распространить свою юрисдикцию на весь мир, США завершают жизненный цикл имперского мирохозяйственного уклада. Устанавливаемое в его рамках единообразие массовой культуры, образовательных и идеологических стандартов, сведение всех проявлений человеческой деятельности к единому критерию денежного богатства в долларовой выражении подавляет разнообразие человеческой культуры, без которого невозможно развитие. Отражением завершения американского цикла накопления капитала стали антиутопии Фукуямы⁵⁹ и Аттали⁶⁰, объявивших о “конце истории” и установлении царства мировых денег. Однако культ доллара, создаваемый ФРС США в целях бесконечного обогащения её собственников, не может сделаться основой жизни различных народов без уничтожения их культурной идентичности. Завершение жизненного цикла имперского мирохозяйственного уклада ставит предел дальнейшему развитию производительных сил человечества, преодоление которого предполагает переход к новому мирохозяйственному укладу.

Его предпосылки уже созрели в ходе предшествующей эволюции производительных сил и производственных отношений. Развитие производительных сил в рамках жизненного цикла четвертого и пятого технологических укладов сопровождалось кардинальным повышением роли науки и профессиональных знаний в организации производства. Соответственно возрастало значение человеческого фактора в процессе воспроизводства и накопления капитала. Со второй половины прошлого века инвестиции в воспроизводство человеческой составляющей капитала (расходы на образование и здравоохранение) в передовых экономиках стали превышать инвестиции в воспроизводство его материальной составляющей (здания, сооружения, машины и оборудование). Возникли институты социального государства, которые обеспечивали основную часть расходов на расширенное воспроизводство человеческого капитала за счёт соответственно возросшего налогообложения доходов. Таким образом, логика развития и смены технологических укладов оказывала влияние на формирование институтов и социального государства, создавая предпосылки становления интегрального мирохозяйственного уклада. Они постепенно вызревают в недрах имперского мирохозяйственного уклада, принявшего зрелые формы после Второй мировой войны. Соревнование капиталистической и социалистической систем сопровождалось развитием всеобщего образования, повышением значения творческого и интеллектуального труда, вовлечением трудящихся в управление производством и обществом, демократизацией политических систем. Появляется теория конвергенции двух систем. П. Сорокин пытается обосновать неизбежность их синтеза в новом —

интегральном – строе, объединяющем преимущества каждой из них и устраняющем их недостатки.

4.3. Новый мирохозяйственный уклад и конец истории

Переход от колониальных империй европейских стран к американским глобальным корпорациям в качестве ведущей формы организации мировой экономики осуществлялся посредством развязывания двух горячих и третьей – “холодной” – мировых войн, завершение которых всякий раз сопровождалось кардинальными изменениями мирового политического устройства. В результате Первой мировой войны рухнул монархический строй, сдерживавший экспансию национального капитала. В результате Второй развалились колониальные империи, ограничивавшие международное движение капитала. С крахом СССР вследствие Третьей – “холодной” – мировой войны свободное движение капитала охватило всю планету.

Но на это история не заканчивается. Вопреки популярному мнению Фукуямы о “конце истории”, гегемония США подрывается неразрешимыми в рамках существующей системы институтов воспроизводства капитала внутренними противоречиями. Теоретически можно предположить, что они и дальше будут сниматься за счёт притока капитала извне. США могут развязывать всё новые войны с целью списания своих долгов и присвоения чужих активов. Но есть предел в использовании этих механизмов поддержания неэквивалентного международного обмена, основанных на природе современных денег.

Смыслом американской империи, как и предшествующих ей британской и голландской, остаётся обеспечение накопления капитала в руках их властвующей элиты, которая, вероятно, сохраняла наследственную преемственность при смене вековых циклов накопления капитала. Институты буржуазного государства обеспечивали защиту этого капитала от политических и социальных посягательств изнутри, а имперская мощь гарантировала его защиту от внешних конкурентов, а также возможности извлечения сверхприбылей от эксплуатации колоний и периферийных стран.

В то же время под давлением нарастающей вследствие НТП конкуренции государство, призванное обеспечивать воспроизводство не только капитала властвующей элиты, но и всего общества, становилось всё более затратным. Чтобы снизить социальные обязательства, властвующая элита западных стран попыталась навязать своим государствам подписание договоров Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства и Транстихоокеанского партнёрства, содержащих норму об их отказе от использования национального права для разрешения споров с иностранными инвесторами и замене их национальных судов международным коммерческим арбитражем. Тем самым должна была произойти эмансипация крупного капитала от зависимости со стороны государств, лишённых правовой возможности противостоять интересам капитала.

Инициатором и основным мотором создания Транстихоокеанского и Трансатлантического партнёрств и проводником политики глобализации были ТНК и ТНБ. Преодолев национальные границы в 1970–1980-х годах, они стремились к такой организации мировой экономики, в которой не было бы никаких сдерживающих моментов для их всемирной экспансии. И они пришли в противоречие с интересами национальных государств. Поэтому повсеместно в мире поднимаются националистические движения. Даже в самих США Д. Трамп провозгласил себя “экономическим националистом”.

Интересно заметить, что крупные монополистические структуры, возникнув на основе полученных от государства привилегий в период торгово-монополистического мирохозяйственного уклада, становятся главной движущей силой экономической экспансии соответствующих государств в период колониального мирохозяйственного уклада. Затем они трансформируются в контролируемые государством крупные национальные монополистические корпорации в период имперского мирохозяйственного уклада. А со вступлением его в фазу зрелости пытаются сбросить с себя бремя государственного контроля и обязательств перед страной происхождения, трансформируясь в транснациональные корпорации и продвигая идеологию либеральной глобализации.

С переходом имперского МХУ в фазу упадка транснациональные корпорации стремятся установить контроль над мировой экономикой, сбросив с себя всякую социальную ответственность и обязательства перед государствами, присвоив себе функции мирового правительства. Однако переход к новому, интегральному мирохозяйственному укладу предел их доминированию. Китай, Индия, страны Индокитая, формирующие его ядро, заставляют ТНК подчиниться интересам развития национальных экономик.

Если бы эти договоры были подписаны, то можно было бы, действительно, говорить о конце истории. Вслед за крахом монархий в XX веке глобальному капиталу удалось бы стреножить национальные государства и установить свою безграничную власть над миром, управлять которым стали бы несколько олигархических семейных кланов, контролирующих ФРС США и манипулирующих центральными банками Европы и ведущих стран мира. Отказ Трампа подписывать эти договоры и становление нового мирохозяйственного уклада нейтрализовали эту возможность.

Особенностью современного социального государства стало использование денег в качестве инструмента развития экономики. Государственная банковская система создаёт кредит и размывает монополию капиталистов на управление денежными потоками. После того как СССР продемонстрировал возможность успешного кредитования экономического развития без капиталистов, многие государства взяли на вооружение инструментарий целевой денежной эмиссии. Этот опыт стал краеугольным камнем в модернизации имперских институтов государственной власти, сделав возможным становление интегрального мирохозяйственного уклада. В нём денежное обращение подчиняется целям социально-экономического развития, а частный капитал ставится в рамки служения обществу.

Таким образом, логика истории замыкает круг разрушения и возрождения мировой империи. Развалившись под натиском личных интересов рационально мыслящей продуктивной элиты полтысячелетия назад, имперские институты организации экономики в общественных интересах возрождаются под давлением рационализированного общественного сознания, напуганного перспективой последней мировой войны. Движимая стремлением к мировому господству властвующая в западных странах капиталистическая олигархия создаёт угрозу последней мировой войны. Общественное сознание передовых стран этому спонтанно противодействует, создавая предпосылки становления интегрального мирохозяйственного уклада, в котором власть будет принадлежать не капиталистическому олигархату, а легитимно формируемым институтам на основе национального и международного права.

Исчерпание потенциала роста доминирующего технологического уклада стало причиной глобального кризиса и депрессии, охватившей ведущие страны мира в последние годы. Переживаемая в настоящее время фаза “родов” нового технологического уклада на поверхности экономических явлений предстаёт как сочетание финансовой турбулентности, сопровождающейся образованием и “схлопыванием” финансовых “пузырей”, и экономической депрессии, характеризующейся снижением прибыльности и объёмов привычных производств, падением доходов и цен, в том числе на базовые энергоносители и конструкционные материалы, а также быстрым распространением принципиально новых технологий, находящихся на начальных фазах своего научно-производственного цикла⁶¹.

“Эпицентр” кризисных процессов находится в “ядре” нынешнего мирохозяйственного уклада – в финансовой системе США. Первый “толчок” глобального финансового кризиса поразил его ключевые институты – крупнейшие в мире инвестиционные банки. Вслед за ними обрушились несущие конструкции государственных институтов, обеспечивавших воспроизводство капитала, – страховые и ипотечные агентства. Хотя американская финансовая система устояла за счёт резкого наращивания денежной эмиссии, её диспропорции с тех пор лишь усилились: скачкообразно, до 21 трлн долларов вырос государственный долг, продолжилось раздувание финансовых “пузырей” деривативов, вобравших в себя около квадриллиона долларов активов.

Параллельное с ростом государственного долга и объёмов деривативов наращивание эмиссии доллара свидетельствует о том, что работает в режиме

финансовой пирамиды: текущие обязательства обслуживаются за счёт эмиссии новых. Этот режим вошёл в фазу обострения, когда система теряет устойчивость и становится уязвимой к внешним и внутренним “шокам”. Всё это свидетельствует о достижении пределов расширения Американского векового цикла накопления капитала и исчерпаниии возможностей экономического развития в рамках имперского мирохозяйственного уклада. Чтобы нейтрализовать эти угрозы, властвующая элита США идёт по пути дестабилизации и хаотизации стран-кредиторов, коллапс которых позволяет списать значительную часть американских обязательств и присвоить активы.

Выход из нынешней депрессии будет сопровождаться масштабными геополитическими и экономическими изменениями. Как и в предыдущих случаях, страны-“чемпионы” демонстрируют неспособность к совместным кардинальным институциональным нововведениям, которые могли бы канализировать высвобождающийся капитал в структурную перестройку экономики на основе нового технологического уклада, продолжая воспроизводить сложившуюся институциональную систему и обслуживать воплощённые в ней экономические интересы.

В настоящее время разворачивается структурная перестройка мировой экономики, связанная с её переходом на новый технологический уклад, опирающийся на комплекс нано-, биоинженерных и информационно-коммуникационных технологий. Вскоре передовые страны выйдут на “длинную волну” его экономического роста. Падение цен на нефть является характерным признаком завершения периода “родов” нового технологического уклада и его выхода на экспоненциальную часть траектории роста за счёт бурного распространения новых технологий, кардинально улучшающих ресурсоэффективность и снижающих энергоёмкость производства. Именно в такие периоды глобальных технологических “сдвигов” у отстающих стран возникает возможность для экономического “рывка” к уровню передовых стран, пока последние сталкиваются с перенакоплением капитала в устаревших производственно-технологических комплексах.

Такой “рывок” совершают сегодня Китай и другие страны Юго-Восточной Азии. За три последних десятилетия КНР добились впечатляющих успехов. Из глубокой периферии мировой экономики Китай шагнул в число лидеров, выйдя в 2014 году на первое место в мире по физическому объёму ВВП и экспорту высокотехнологичной продукции. За три десятилетия объём ВВП вырос в Китае в 30 раз (с 300 млрд долларов до 9 трлн долларов по текущему курсу юаня к доллару), промышленного производства – в 40–50 раз, валютных резервов – в несколько сотен раз (с нескольких десятков млрд долларов до 4 трлн долларов). По уровню экономического развития, измеряемого показателем ВВП на душу населения, Китай поднялся с места в конце списка беднейших стран мира до места в первой тридцатке стран (среднего достатка)⁶².

Китай становится мировым инженерно-технологическим центром. Доля китайских инженерно-технических и научных работников в их мировой численности достигла в 2007 году 20%, удвоившись по сравнению с 2000 годом (1420 и 690 тысяч соответственно). Согласно прогнозам, к 2030 году в мире будет насчитываться 15 млн инженерно-технических и научных работников, из которых 4,5 млн человек (30%) будут составлять учёные, инженеры и техники из КНР⁶³. К 2030 году Китай по объёму затрат на научно-технические разработки выйдет на 1-е место в мире, и его доля в объёме мировых затрат составит 25%⁶⁴. Из крупных стран одновременно с КНР опережающие темпы роста демонстрирует Индия и страны Индокитая.

Благодаря продолжающемуся быстрому подъёму Китая и Индии заинтересованные в переходе к новому мирохозяйственному укладу страны уже обладают достаточной научной и производственно-технологической базой для совершения технологического “рывка”.

Одновременно с быстрым ростом “ядра” Азиатского цикла накопления “ядро” Американского относительно уменьшается. Этот процесс носит устойчивый характер и в перспективе продолжится. Таблица лишь частично отражает этот процесс – к ядру азиатского цикла накопления капитала можно прибавить страны Индокитая, Иран, Пакистан, а также в перспективе – ЕАЭС, Японию и Корею.

Сопоставление ВВП “ядра” Американского и Азиатского циклов накопления капитала⁶⁵

Страны / годы	1913	1950	1973	2000	2010	2020	2030
США и ЕС	54,7	54,4	49,2	43,4	36,5	32,4	18,2
Китай и Индия	16,3	8,8	7,7	17,0	28,7	41,1	52,0
Япония	2,6	3,0	7,8	7,2	5,4	4,4	3,2
Россия	8,5	9,6	9,4	2,1	2,4	2,7	3,0

В отличие от стран “ядра” существующего мирохозяйственного уклада, навязавшего миру универсальную систему финансово-экономических отношений как основу либеральной глобализации, формирующееся “ядро” нового мирохозяйственного уклада отличается большим разнообразием.

Для России наибольшее значение в выборе стратегии экономического развития имеет пример Китая, который не только является крупнейшим соседом и лидером в формировании нового мирохозяйственного уклада, но и творчески использует достижения общего для двух стран опыта построения социализма. Китайский подход к построению рыночной экономики кардинально отличается от постсоветского своим прагматизмом и творческим отношением к реформам. В их корне лежат не догматические шаблоны, исходящие из идеологических и оторванных от реальности представлений о социально-экономических процессах, а практика управления хозяйством. Подобно инженерам, конструирующим новую машину, китайские руководители последовательно отработывают новые производственные отношения через решение конкретных задач, проведение экспериментов, отбор лучших вариантов. Терпеливо, шаг за шагом они строят свой рыночный социализм, постоянно совершенствуя систему государственного управления и выделяя только те институты, которые работают на развитие экономики и повышение общественного благосостояния. Сохраняя завоевания социализма, китайские коммунисты включают в систему государственного управления регуляторы рыночных отношений, дополняют государственные формы собственности частными и коллективными таким образом, чтобы добиваться повышения эффективности экономики в общенародных интересах.

Быстрый экономический рост Китая, продолжавшийся в ходе и после глобального финансового кризиса (на фоне стагнации мировой экономики), объясняется эффективностью системы управления народнохозяйственным развитием. Она сочетает стратегические и индикативные планы с целевым кредитованием инвестиционных проектов и программ, с одной стороны, и рыночную конкуренцию в открытой экономической среде с избирательным государственным регулированием, с другой.

Стратегическое планирование указывает перспективные направления развития экономики, опираясь на долгосрочные прогнозы НТП и понимание возможностей опережающего развития китайской экономики в рамках мировой. Индикативное планирование даёт ориентиры деятельности органам государственной власти всех уровней по созданию условий для наращивания инвестиционной активности в целях роста производства и повышения уровня жизни населения. Оно также предоставляет предпринимателям возможность воспользоваться этими условиями. Рыночная конкуренция обеспечивает эффективность, а целевое кредитование – финансирование реализации инвестиционных проектов и достижение запланированных целей. Государственное регулирование стимулирует деловую активность в направлении роста производства и сдерживает её деструктивные проявления (вывоз капитала, финансовые пирамиды и т. п.). Открытость даёт возможность импорта передовых технологий и экспорта готовой продукции, побуждая предпринимателей к повышению конкурентоспособности продукции.

Стержнем всей системы регулирования китайской экономики является всемерное стимулирование инвестиционной и инновационной активности. Ключевую роль в этом играет госсектор, основу которого составляют государственная банковская система, генерирующая кредит под индикативные планы роста инвестиций и производства; транспортная и энергетическая инфраструктура,

развитию которой придаётся приоритетное значение в государственных планах; госкорпорации, концентрирующие ресурсы для научно-технического развития экономики, разработки и внедрения передовых технологий. Как убедительно показано Дж. Россом, локомотивом развития китайской экономики служат госинвестиции. Вслед за их ростом наращиваются и частные инвестиции: предприниматели опираются на снижение рисков и используют государственную инфраструктуру. При этом государство проводит антициклическую политику, наращивая инвестиции в периоды спада частной инвестиционной активности⁶⁶.

Последовательное быстрое наращивание инвестиций в перспективных направлениях развития экономики обеспечило опережающий рост китайской, как и индийской, экономики. Первоначальным источником их финансирования являлась упомянутая целевая кредитная эмиссия. Определённую роль сыграли прямые иностранные инвестиции, привлекаемые правительством в целях освоения передовых технологий и развития международной кооперации производства. В дальнейшем, по мере роста производства, увеличивались доходы и сбережения населения, создавая восходящий финансовый поток кредитования новых инвестиций. При этом Народный банк Китая продолжает наращивать кредитную эмиссию по каналам государственных банков и институтов развития под инвестиционные потребности модернизации и расширения производства, заявляемые в индикативных планах правительства, провинций, городов и корпораций. Создаваемые в этих целях финансовые инвестиционные платформы позволяют снизить риски и обеспечить направление эмитируемых Национальным банком Китая кредитных ресурсов в развитие перспективных производств в соответствии с государственными приоритетами.

Сами китайцы называют свою формуацию социалистической, развивая при этом частное предпринимательство и выращивая конкурентоспособные на рынке корпорации. Коммунистическое руководство Китая продолжает строительство социализма, избегая идеологических клише. Они предпочитают формулировать задачи в терминах народного благосостояния, ставя цели преодоления бедности и создания общества средней зажиточности, а в последующем – выхода на лидирующие позиции по уровню жизни. Они стараются избежать чрезмерного социального неравенства, сохраняя трудовую основу распределения национального дохода и ориентируя институты регулирования экономики на производственную деятельность и долгосрочные инвестиции в развитие производительных сил. В этом общая особенность стран, формирующих «ядро» нового мирохозяйственного уклада.

Возвышение Китая влечёт за собой реформирование мирового экономического порядка и международных отношений. Возрождение планирования социально-экономического развития и государственного регулирования основных параметров воспроизводства капитала, активная промышленная политика, контроль за трансграничными потоками капитала и валютные ограничения – всё это может превратиться из запрещённого вашингтонскими финансовыми организациями «меню» в общепринятые инструменты международных экономических отношений. В противовес Вашингтонскому, ряд учёных заговорили о Пекинском консенсусе, являющемся куда более привлекательным для развивающихся стран, в которых проживает большинство человечества. Он опирается на принципы недискриминации, взаимного уважения суверенитета и национальных интересов сотрудничающих государств, ориентируя их не на обслуживание международного капитала, а на подъём народного благосостояния. При этом может возникнуть новый режим защиты прав на интеллектуальную собственность и передачи технологий, вероятно, принятие новых норм международной торговли в сфере энергетики и ресурсов, новых правил международной миграции, могут быть заключены новые соглашения об ограничении вредных выбросов и т. д. Китайский подход к международной политике (отказ от вмешательства во внутренние дела, от военной интервенции, от торговых эмбарго) даёт развивающимся странам реальную альтернативу выстраивания равноправных и взаимовыгодных отношений с другими государствами⁶⁷.

В международном аспекте интегральный мирохозяйственный уклад становится основой нового мирового порядка.

Наряду с Китаем в формирование ядра нового мирохозяйственного уклада вовлечены Япония, Сингапур и Южная Корея. Несмотря на существенные отличия от КНР по политическому устройству и механизмам регулирования

экономики, между ними формируется множество устойчивых кооперационных связей, быстро растут взаимная торговля и инвестиции.

К формирующемуся “ядру” нового мирохозяйственного уклада подтягиваются Россия, Индия, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Бразилия и другие государства Латинской Америки. Усиливается притяжение к нему стран Африканского континента. В совокупности экономическая мощь этих государств уже сопоставима со странами “ядра” Американского цикла накопления. Есть у них и общий элемент, который может сыграть роль своего рода канала для перемещения капитала из одного цикла накопления в другой, — Япония, обладающая мощной финансовой системой.

Вне зависимости от доминирующей формы собственности — государственной, как в Китае или во Вьетнаме, или частной, как в Японии или Корее, — для нового мирохозяйственного уклада Азиатского векового цикла накопления характерно сочетание институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы. При этом формы политического устройства могут принципиально отличаться — от самой большой в мире индийской демократии до крупнейшей в мире коммунистической партии Китая. Неизменным остаётся приоритет общенародных интересов над частными, выражающийся в жёстких механизмах личной ответственности граждан за добросовестное поведение, чёткое исполнение своих обязанностей, соблюдение законов, служение общенациональным целям. Причём формы общественного контроля могут тоже принципиально отличаться — от харакрири руководителей обанкротившихся банков в Японии до исключительной меры наказания проворовавшихся чиновников в Китае. Система управления социально-экономическим развитием строится на механизмах личной ответственности за повышение благополучия общества.

Примат общественных интересов над частными выражается в характерной для нового мирохозяйственного уклада институциональной структуре регулирования экономики. Прежде всего — в государственном контроле над ключевыми параметрами воспроизводства капитала посредством механизмов планирования, кредитования, субсидирования, ценообразования и регулирования базовых условий предпринимательской деятельности. Государство при этом не столько приказывает, сколько выполняет роль модератора, формируя механизмы социального партнёрства и взаимодействия между основными социальными группами. Чиновники не пытаются руководить предпринимателями, а организуют совместную работу делового, научного, инженерного сообществ для формирования общих целей развития и выработки методов их достижения. В свою очередь, предприниматели вписывают мотив максимизации прибыли и обогащения в этические нормы, защищающие интересы общества. Расширяется использование институтов предпринимательской деятельности, ориентированных не на максимизацию прибыли, а на социально значимый результат — создание и развитие некоммерческих организаций, институтов развития, исламского и православного банкинга. При управлении денежными потоками принимаются во внимание этические нормы и вводятся ограничения против финансирования преступной и аморальной деятельности. На это настраиваются и механизмы государственного регулирования экономики.

Государство обеспечивает предоставление долгосрочного и дешёвого кредита, а бизнесмены гарантируют его целевое использование в конкретных инвестиционных проектах для развития производства. Государство предоставляет доступ к инфраструктуре и услугам естественных монополий по низким ценам, а предприятия отвечают за производство конкурентоспособной продукции. В целях повышения её качества государство организует и финансирует проведение необходимых НИОКР, образование и подготовку кадров, а предприниматели реализуют инновации и осуществляют инвестиции в новые технологии. Частно-государственное партнёрство подчинено общественным интересам развития экономики, повышения народного благосостояния, улучшения качества жизни. Соответственно, меняется и идеология международного сотрудничества — модель либеральной глобализации в интересах частного капитала ведущих стран мира сменяется парадигмой устойчивого развития в интересах всего человечества.

Китайское руководство скромно продолжает называть свою страну развивающейся. Это так, если судить по темпам роста, но по своему экономическому потенциалу Китай уже встал на уровень ведущих стран мира. По структуре же производственных отношений КНР становится образцом для многих развивающихся стран, стремящихся повторить китайское экономическое чудо и сближающихся с “ядром” нового мирохозяйственного уклада. Сложившиеся в Китае производственные и общественно-политические отношения следует рассматривать не как переходные, а как характерные для самой передовой в этом столетии социально-экономической системы – интегрального мирохозяйственного уклада.

Ещё в 1964 году проживающий в США замечательный русский мыслитель П. Сорокин предвидел этот исторический переход и дал определение ключевого отличия новой эпохи от предыдущей: “Доминирующим типом возникающего общества и культуры не будет, вероятно, ни капиталистический, ни коммунистический, а тип *suí generis*, который мы обозначили как интегральный тип. Этот тип будет промежуточным между коммунистическим и капиталистическим порядками и образами жизни. Он должен вобрать в себя большинство позитивных ценностей и быть свободным от серьёзных дефектов каждого типа. Больше того, возникающий интегральный строй в своём развитии не будет, вероятно, простой эклектичной смесью специфических особенностей обоих типов, но объединённой системой интегральных культурных ценностей, социальных институтов и интегрального типа личности, существенно отличных от капиталистических и коммунистических образцов”⁶⁸.

Имперский МХУ характеризуется вертикально-интегрированной централизованной формой организации производства, а Интегральный МХУ отличается горизонтально-интегрированной сетевой структурой организации производства. Её характерными особенностями является частно-государственное партнёрство, стратегическое планирование совместными усилиями науки, бизнеса и государства, превращение его в государство развития.

В рамках интегрального мирохозяйственного уклада будет восстановлен государственный суверенитет при соблюдении договорных норм международного права. Каждая страна выстроит свой вариант цифрового общества, с учётом собственных традиций и этических норм. Согласно гипотезе Поршнева, разработавшего типологию человеческого общества, в перспективе должна увеличиваться доля неантропов – людей с самостоятельной творческой мотивацией, руководствующихся в своём поведении научными знаниями, логическим мышлением, рациональными соображениями, не подверженных психологическим манипуляциям⁶⁹. Цифровая революция создаёт условия для быстрого увеличения доли неантропов за счёт сокращения доли так называемого “диффузного типа” – людей с манипулируемым сознанием, ориентирующихся на устанавливаемые стереотипы социального поведения и легко поддающихся внушению. В этом смысле человечество ждёт качественный эволюционный “скачок” за счёт кратного увеличения творческой активности людей. Но в каком направлении они смогут самореализоваться – созидательном или разрушительном – зависит от этических норм и государственных политик ведущих стран мира. Не исключён вариант и самоистребления человека путём создания регулируемой искусственным интеллектом “цивилизации роботов” как нового оружия в ведущейся США гибридной войне за удержание глобальной гегемонии. Чтобы минимизировать вероятность такого фатального развития событий, необходимо раскрыть их логику. Вскрытие причинно-следственных зависимостей распада больших социальных образований позволит купировать кризисные процессы и направлять их в созидательное русло.

ГЛАВА 5. Есть ли логика в истории?

В нашей работе предпринята попытка раскрытия логики развития общественного устройства как движения к всё более сложным формам организации социально-экономической деятельности. Она была бы не полной, если бы мы не рассмотрели исключения из этой логики, связанные с периодами деградации общества.

5.1. Логика воспроизводства и распада имперских государственных образований

Воспроизводство всех евразийских империй происходило по следующим контурам, обеспечивающим формирование и поддержание устойчивости социальных связей.

1. Идеологический контур, объединяющий людей на основе общего понимания смысла и правильности существующего общественно-государственного устройства. Как известно, советская империя имела коммунистическую идеологию. Идеология Российской империи отражена в ёмкой формуле: “Православие, самодержавие, народность”. Отметим, что общим стержневым принципом всех исторически присутствовавших в общественном сознании Империи идеологий оказывается требование социальной справедливости, чему должно соответствовать общественно-государственное устройство. Нарушение этого условия влекло разрушение идеологического контура и хаотизацию общественного сознания.

2. Политический контур, объединяющий людей посредством институтов государственной власти. И в Советской, и в Российской империях он строился иерархическим образом во главе, соответственно, с Политбюро ЦК КПСС и царём.

3. Нормативный контур, объединяющий людей на основе правил поведения и санкций за их нарушение. Он формируется политическим контуром путём принятия законов, указов, постановлений и других обязательных для исполнения норм. Расшатывание политического контура ослабляло легитимность нормативного контура, создавая возможность массового нарушения законодательства и неподчинения органам власти. Так, свержение царя породило быстрое разрушение институтов организации общества, порязшего в беззаконии и гражданской войне. Аналогичным образом самоликвидация КПСС повлекла за собой быструю делегитимизацию советской правовой системы, нарастание национал-сепаратизма, развал государства и криминализацию общества.

4. Экономический контур, объединяющий хозяйственную деятельность людей. Он формируется нормами и институтами, регулирующими различные её виды. Делегитимизация нормативного контура влечёт за собой разрушение сложных видов хозяйственной деятельности и деградацию экономики. Непосредственным экономическим итогом катастроф и распадов единой государственности становилось запустение хозяйства, вывоз за рубеж и уничтожение значительной части накопленного богатства, разрушение производительных сил и падение народного благосостояния. Требовался достаточно длительный период для их восстановления в рамках новой системы воспроизводства экономики, задаваемой другими нормативным, политическим и идеологическим контурами.

5. Семейно-родовой контур, обеспечивающий воспроизводство народонаселения. Семейный уклад и кровнородственные отношения находятся под сильным воздействием всех перечисленных выше воспроизводственных контуров, но при этом сохраняют относительную автономность, позволяющую уберечь от разрушения историческую память и способность общественного сознания к регенерации социальных структур, хоть и в иных форматах. Развал семейно-родового контура сопровождается взрывом неуправляемой социальной энергии, характеризующейся крайней агрессивностью утративших привычные смыслы жизни и связи людей. Оно влечёт за собой социальную дезинтеграцию и одичание значительной части общества, его распад на самоорганизующиеся враждующие группы, всплеск насилия и появление архаичных социальных структур. Преодоление этого хаоса достигается за счёт насильственного подавления асоциальных форм поведения путём сверхжёсткой организации перечисленных выше воспроизводственных контуров обновленной Империи.

Катастрофы, повлекшие крах Империи, происходили путём поочередного разрушения указанных воспроизводственных контуров. Вначале размывался идеологический контур, что подрывало устойчивость политического, чьё ослабление, в свою очередь, влекло за собой делегитимизацию нормативного и последующую деградацию экономического контуров. В подобных условиях семейно-родовой контур не мог удерживать утративших привычные жизненные

ориентиры людей, значительная часть которых радикализировалась и пополнила революционную среду. Общим проявлением этих катастроф было удивительно быстрое одичание значительной части населения, опускавшегося с распадом всех пяти контуров воспроизводства социально-государственного устройства до самых примитивных форм асоциального поведения, уничтожая остатки общественно-государственного устройства. Последующая самоорганизация общества происходила насильственным образом принципиально новой социальной группой – носителями иной идеологии, определявшей конструкцию остальных воспроизводственных контуров.

Общей чертой всех переходов к новому общественно-государственному устройству было наличие достаточно мощного внешнего импульса, направленного на разрушение вначале идеологического, а затем и политического воспроизводственного контуров. Причём главным объектом воздействия являлась властвующая элита, где образовывалась прослойка агентов влияния, претендующая на превосходство новой идеологии.

В отсутствие решительного отторжения со стороны политического воспроизводственного контура происходит “заражение” властвующей элиты новой идеологией с последующим размыванием идеологического воспроизводственного контура и разрушением политического. После этого быстро рушится нормативный контур и деградирует экономический. Семейно-родовой контур сохраняет относительную устойчивость, обеспечивая дальнейшее воспроизводство населения, которое постепенно включается в новую систему социально-властных отношений и соответствующие ей воспроизводственные контуры.

Так, падению самодержавия предшествовал длительный процесс дискредитации Православия с отпадением от веры значительной части властвующей элиты, воспринимавшей тогдашнее общественно-государственное устройство как архаичное, неэффективное и позорное для страны. Руководствуясь западными ценностями, образцами и установками, направляемая извне сеть агентов влияния добилась свержения самодержавия, после чего быстро рухнули все остальные воспроизводственные контуры социально-государственного устройства. Аналогичный процесс произошёл с ликвидацией КПСС и последующим крахом СССР.

Следует отметить, что структура воспроизводства западноевропейских социумов после падения Византийской империи претерпела существенные изменения. Идеологический и политический воспроизводственные контуры, ранее связанные воедино в жёсткой иерархической структуре теократического государства во главе с облечённым светской и духовной властью Императором, развалились и затем восстанавливались лишь частично в ослабленном виде. Семейно-родовой воспроизводственный контур в этих условиях приобрёл относительно большее значение, что отразилось в феодальном устройстве европейских протогосударств. Их относительно небольшой размер и раздробленность властвующей элиты мешали концентрации власти, необходимой для восстановления имперской воспроизводственной структуры. Препятствием стало также разделение идеологического и политического воспроизводственных контуров, первый из которых вращался вокруг папского престола в Ватикане, а вторые оказались локализованы в западноевропейских королевствах. Хотя каждое из них стремилось воспроизвести империю, воссоздать её в прежнем виде никому из них не удалось. На небольшой период времени это получилось у российского императора после разгрома армии объединившего Западную Европу Наполеона. Но эрозия идеологического и политического контура западноевропейского социально-государственного социума зашла слишком далеко, к тому же православный император не мог заместить влияние Римского папы, вследствие чего идеологический контур оставался разомкнутым. Созданный Александром Первым Священный Союз оказался непрочным и требовал слишком много дорогостоящих усилий для воспроизводства. Это было противоестественное объединение двух идеологически и цивилизационно различных империй, поэтому он не мог не распасться. К тому же против этого союза выступало и формирование колониального МХУ под эгидой Британии.

Эрозия идеологического и локализация политического воспроизводственных контуров в Западной Европе создала возможности для относительно автономного воспроизводства семейно-родового и экономического контуров, чьё переплетение способствовало накоплению капитала. Стремление последнего к самовозрастанию обостряло противоречие между торгово-ростовщическим

и аристократическими условиями, обеспечивавшими воспроизводство, соответственно, экономического и политического контуров. Указанное противоречие разрешалось формированием властно-хозяйственных организаций, формы которых менялись с течением времени – от крестовых походов до государственно-монополистических корпораций. Они были “заточены” на внешнюю экспансию, снимая внутренний конфликт интересов извлечением сверхприбылей за счёт разграбления других стран. Делать это можно было либо путём колонизации недоразвитых обществ за пределами Евразии, либо путём подрыва воспроизводственных контуров евразийских империй, разрушения их социально-государственного устройства и хаотизации их экономического пространства. Именно таким образом организовывались великие смуты, повлекшие за собой катастрофические падения империй, образовавших евразийское пространство.

Здесь необходимо отметить, что при всех различиях в институтах трёх сменявших друг друга мирохозяйственных укладов, обеспечивавших воспроизводство капитала в странах Запада в разные исторические периоды, неизменным оставалось отмеченное выше переплетение экономического и политического контуров в создаваемых их властвующей элитой властно-хозяйственных организациях. Они всегда были ориентированы на внешнюю экспансию с целью извлечения сверхприбыли за счёт неэквивалентного экономического обмена с зависимыми странами. Предел этой экспансии был определён границами евразийских империй, которые западный капитал всегда пытался раздвинуть путём разрушения их воспроизводственных контуров. Технологии такого разрушения хоть и существенно отличались по форме, оставались неизменными по логике и последовательности применения.

Первым подвергается распаду идеологический контур, составляющий “стержень” воспроизводства социально-государственного устройства Российской империи.

Аналогичным образом был разрушен СССР. Подрыв коммунистической идеологии осуществлялся путём внедрения в сознание властвующей элиты идей демократических прав и свобод личности. Дискредитация социалистического государства, провозгласившего принцип “от каждого по способностям, каждому – по труду”⁷⁰ и утверждавшего своё материально-техническое преимущество, осуществлялась на основе потребительской идеологии, доказывавшей материально-техническое превосходство капитализма. Часть властвующей элиты пошла на поводу у этих идей, занявшись размытием вначале идеологического контура, а затем – демонтажом политического. После самоликвидации КПСС, скреплявшей эти контуры, дальнейшее разрушение империи силами манипулируемых извне агентов влияния оказалось делом политических технологий.

Если бы властвующая элита имела историческую память, она могла бы предотвратить катастрофу как в 1917-м, так и в 1991 году, совершенствуя воспроизводственные контуры социально-государственного устройства. Разрушительное воздействие внешних импульсов стало возможным только вследствие процессов внутреннего разложения, затронувших все эти контуры. Самодовольство, догматизм и невежество властвующей элиты создавали благодатную среду для агентов враждебного внешнего влияния, размывавших и расшатывавших воспроизводственные контуры социально-государственного устройства империи.

Попробуем идентифицировать основные пороки властвующей элиты, повлекшие за собой разрушение идеологического и политического контуров воспроизводства империи и её последующий распад.

Первый – догматизм, мешавший своевременной адаптации идеологии к происходящим изменениям. В результате она теряла способность не только оправдывать социально-государственное устройство, но и объяснять происходящие изменения. Так, советский агитпроп продолжал утверждать неизбежность и скорую гибель капитализма вследствие классового антагонизма вопреки очевидным для всех достижениям развитых капиталистических стран, построивших социальные государства с более высоким, чем в СССР, уровнем жизни. У властвующей элиты Российской империи вовсе отсутствовало понимание значения идеологии. В итоге произошло настолько глубокое разложение идеологического контура, что граждане не оказали сколько-нибудь серьёзного сопротивления краху режима власти.

Второй — самонадеянность властвующей элиты, намеревавшейся править вечно. Даже её оппозиционная часть, размывая идеологический контур воспроизводства империи, не подозревала о неизбежной утрате своих властно-хозяйственных позиций в результате его разложения. Почти все ниспровергатели идеологических основ режима не смогли сохранить после его краха своё властное и имущественное положение, а многие из них лишились семьи, свободы и жизни.

Третий — наивность и безответственность руководства страны, которое, с одной стороны, недооценило коварство западных “партнёров”, а с другой стороны, с лёгкостью отдало власть заговорщикам. Сегодня очевидно, что Антанта оказалась “ловушкой” для Николая Второго, а дружба с западными лидерами — для Горбачёва. Оба могли удержать власть, но не стали связывать себя политическими репрессиями, явно недооценив последствия своей уступчивости.

Все три порока носят субъективный характер, хотя имеют объективное основание, заключающееся в последствиях длительного воспроизводства властных отношений при отсутствии конкуренции. Наиболее распространённые из них — коррупция, кумовство, некомпетентность, самодовольство, безответственность руководящих кадров. Отрицательный кадровый отбор, осуществляемый по критериям личной преданности и материальной заинтересованности, — закономерные свойства иерархических бюрократических систем, хорошо известные современной теории управления. Определены и способы борьбы с ними — временные и возрастные ограничения на замещение руководящих должностей, ротация руководящих кадров, их периодическая аттестация, последовательная и принципиальная борьба с коррупцией и кумовством, персональная ответственность руководителей за объективные результаты деятельности возглавляемых ими организаций, а органов исполнительной власти — за итоги и последствия проводимой социально-экономической политики, экзаменационная система рекрутирования кадров и т. п.

Качество властвующей элиты — главное уязвимое место имперского социально-государственного устройства. По меньшей мере, она должна быть самокритичной, чтобы избежать типичных “ловушек” гнивающего воспроизводства. Перечислим знаковые ошибки советской властвующей элиты, повлекшие размывание идеологического и последующий разрыв политического контуров воспроизводства социально-государственного устройства.

В идеологической области ключевым провалом стала постоянная постановка нереальной задачи скорейшего построения коммунизма⁷¹, порождавшая завышенные ожидания населения и разочарование от несбывшихся надежд. Ошибкой было игнорирование огромного количества фактов, расхоронившихся с теорией научного коммунизма, что подрывало доверие к ней и ставило под сомнение её научный характер. Ещё большим заблуждением оказалось отрицание каких бы то ни было ошибок вообще, что, с одной стороны, провоцировало безответственность власти, а с другой стороны, налагало на неё всю ответственность за ранее совершённые промахи и даже преступления с миллионами невинных жертв. К последним относятся раскулачивание и принудительное переселение в непригодные для жизни местности зажиточных крестьян, обусловленное идеологически ошибочным тезисом об обострении классовой борьбы после утверждения советской власти; принудительная украинизация исторически русских земель с насаждением в них языка и власти исключительно создаваемых наций для борьбы с мифологической угрозой великорусского шовинизма; тотальное уничтожение храмов, убийства и репрессии против священнослужителей в целях атеистической “зачистки” общественного сознания. Эти вызванные идеологическими провалами преступления не были осмыслены и преодолены в общественном сознании, что позволило национал-сепаратистам их использовать для антисоветской агитации.

Ещё большие ошибки совершались в политической области. Подтверждая на словах верность идеологическим догмам, руководство страны предпринимало несовместимые с ними действия, что вызывало смятение во властвующей элите и дискредитировало власть в общественном сознании, порождая сомнения в её компетентности и дееспособности. Это, прежде всего, самоликвидация КПСС, подорвавшая легитимность всего государственного устройства и повлёкшая утрату управляемости и нарастание хаоса в стране. Ошибкой стало открытие информационного пространства страны для дискредитации власти

под видом гласности. Ещё одним промахом оказалось попустительство национал-сепаратизму в форме регионального хозрасчёта. Он обострил последствия более старого системного провала, заложенного в основу территориального устройства страны как союза искусственно созданных республик. Всё это так и не было исправлено и предопределило распад страны на созданные советской властью протогосударственные образования с собственной протонациональной идентичностью. Как только Империя начала разваливаться, подобные протогосударственные устройства стали стремительно обретать черты реальных государств, а ранее единый народ — раскалываться на новые нации, образуемые на основе противопоставления общей Родине.

Идеологически обусловленные ошибки допускались во внешней политике. Прежде всего, это касается спонсирования коммунистических партий и повстанческих движений в странах Запада и на контролируемых ими территориях, следствием чего оказалась постоянная политическая напряжённость и гонка вооружений, отвлекавшая значительные ресурсы и подрывавшая благосостояние советского народа. Апофеозом этой провальной политики стало вторжение Советской армии в Афганистан. После её вывода была допущена другая, зеркальная, ошибка, которая заключалась в отказе от контроля за внутривнутриполитической ситуацией в государствах Варшавского договора, вследствие чего произошёл перехват инициативы геополитическим противником. В отсутствие противодействия агентура стран НАТО быстро расправилась с восточноевропейскими структурами коммунистических и социалистических партий. Крах государственно-политического устройства стран ЦВЕ вызвал цепную реакцию разрушения мировой социалистической системы.

Не менее серьёзные промахи допускались в экономической сфере. Исходя из идеологической догмы о недопустимости частной собственности как основы возрождения капитализма, было проведено тотальное огосударствление экономики, результатом чего выступили её известная жёсткость, низкое качество потребительских товаров, недоразвитость сферы услуг, слабая инновационная активность и другие недостатки. Противоположная идеологическая догма о безусловном преимуществе планирования по сравнению с рыночной конкуренцией повлекла за собой недооценку нарастающего усложнения производственно-технологических связей и разнообразия товаров, с одной стороны, и ограниченности избирательной способности органов планирования, с другой стороны. В итоге произошло рутинное расширенное воспроизводство однажды освоенных технологий, вследствие чего возникла технологическая многоукладность народного хозяйства, связывавшая ограниченные ресурсы в устаревших производствах⁷².

Идеологические догмы довели над советским руководством вплоть до самого краха СССР. Попытки развивать рыночные отношения без частной собственности посредством расширения самостоятельности госпредприятий и выборности их руководителей, кооперативов, центров научно-технического творчества молодёжи не учитывали главного — того, что движущей силой рыночной экономики является конкуренция, — и преувеличивали второстепенное — то, что частная собственность может быть сколь угодно жёстко ограничена в свободе распоряжения как ею, так и получаемыми за счёт эксплуатации наёмных работников доходами. Вместо того чтобы совершенствовать идеологию, исходя из реалий, руководство КПСС пыталось вписать реформы в нереалистичные догмы, расшатывая сложившиеся контуры воспроизводства народнохозяйственного комплекса и усиливая нарастающие дисбалансы.

Подчеркнём, что системная ошибка руководства СССР заключалась в желании совершенствовать идеологию, несмотря на её очевидные расхождения с действительностью. В результате система управления страной оказалась заложницей нереалистичной догматики, следствием чего стали её нарастающая неэффективность, замедление социально-экономического развития и, в конечном счёте, усугубление хаоса.

К сожалению, догматизм мышления унаследовали российские реформаторы, просто заменившие постулаты научного коммунизма на противоположные, не менее далекие от реальности. Вместо планирования центральное место заняла рыночная самоорганизация, вместо тотального огосударствления проведена всеобщая приватизация, место классиков марксизма-ленинизма заняли меморандумы МВФ. Управляемость экономикой была окончательно утрачена, её воспроизводство подчинено влиянию внешних факторов. Вопреки

катастрофическим результатам проводимой экономической политики, её последовательно продолжают проводить уже третье десятилетие. Руководство страны остаётся в плену догматики рыночного фундаментализма, не обращая внимания ни на её провальные итоги, ни на международный опыт, ни на требования профсоюзов, ни на рекомендации отечественного научного и делового сообществ.

Приходится констатировать, что *в нашем случае история ничему не учит*. Важно найти объяснение этому загадочному феномену необучаемости властвующей элиты.

Первая причина связана с её тотальной заменой при каждом крахе Империи. В результате всех катастроф к власти приходили ниспровергатели прежней идеологии, обретавшей к тому времени догматический характер. Они несли с собой противоположные идеи, которые догматичным общественным сознанием принимались на веру. Прежние догмы заменялись на противоположные и внедрялись насильственным путём. Поскольку они формировались внешними, враждебными Империи центрами влияния с целью её разрушения, то успешной конструктивной их реализации не предполагалось. Известно, например, что никто из западных кураторов большевиков не верил в реалистичность их намерений. Так же, как и западные кураторы “прорабов перестройки” не ждали от них ничего, кроме попустительства развалу собственной страны.

Вторая причина обусловлена ненавистью революционеров к собственной стране и её народу. Большевики видели в России топку мировой революции, где местному населению была уготована роль “пушечного мяса” в войне с европейской буржуазией. Российские рыночные реформаторы были озабочены ликвидацией СССР и совершенно не беспокоились насчёт туземного населения, большая часть которого “не вписалась в рынок”⁷³. Они ставили перед собой задачу ликвидации Империи путём ниспровержения её государственного устройства даже ценой расчленения и гибели страны вместе с её народом. Критерий успешного социально-экономического развития даже не принимался во внимание.

Третья, пожалуй, самая загадочная причина заключается в удивительной способности Империи к реинкарнации. Она восстанавливается с новым социально-государственным устройством и новыми контурами воспроизводства. Они надстраиваются над сохраняющимся в переходный период семейно-родовым воспроизводственным контуром, генерирующим социальную поддержку новой властвующей элите. До сих пор она не могла устоять против соблазна имперской власти. И после первой, и после второй катастрофы очередная властвующая элита после разрушения прежней Империи, вопреки изначальным намерениям, начинает формировать новую. Так, уничтожив Российскую империю и захватив власть в целях “раздувания” мировой революции, большевики принялись строить социализм в одной стране, создав, в итоге, мировую систему социализма. Поставленные на правление в оставшемся после Рюриковичей Московском царстве Романовы пошли на конфликт со своими европейскими партнёрами, создав Российскую империю. И в настоящее время компрадорский режим рыночных фундаменталистов, благодаря политике по восстановлению государственности В. В. Путина, трансформируется в новую Великую державу.

Получается, что вне зависимости от воли действующих лиц, Империя возрождается с кардинально изменёнными идеологическим, политическим и экономическим воспроизводственными контурами. Причём каждый раз реформируется историческая память. Новая властвующая элита переписывает историю под свою идеологию, отрицая какую-либо преемственность. И затем Империя вновь разрушается вследствие разложения идеологического и политического контуров под воздействием внешних сил, несущих одну и ту же альтернативную идеологию. Вместо социальной справедливости – права личности, вместо солидарности – индивидуальную свободу, вместо общенародного единства – раскол общества на антагонистические группы классового, национального или религиозного характера.

В этом кругообороте есть, разумеется, поступательное движение. Спиралевидный характер исторического процесса многократно отмечался философами. С развитием производительных сил усложняются система управления обществом и социально-государственное устройство. Циклическая форма

такого движения отражена в теории смены технологических и мирохозяйственных укладов⁷⁴. Их жизненные циклы задают ритм современного социально-экономического развития, отчётливо проявляющийся в западных странах, но стирающийся в Империи. Если в Западном мире посредством кризисов и войн происходила смена технологических и мирохозяйственных укладов, то в Империи они наслаивались друг на друга до тех пор, пока позволяли ресурсные ограничения. Воспроизводственные контуры имперского социально-государственного устройства воспринимают технологические и институциональные изменения во внешней среде как вызовы, которые необходимо ассимилировать для сохранения устойчивости. Однако с накоплением диспропорций сверх ассимиляционных возможностей социально-экономической среды изменения приобретают революционный характер, сопровождаясь революционной ломкой всего социально-государственного устройства.

В этом сложном процессе пока не удавалось сохранить историческую память, как и физическую преемственность властвующей элиты в Империи.

5.2. Что дальше?

Как известно, после распада СССР американские власти сформулировали свою главную цель на постсоветском пространстве так: «Наша первоочередная задача – не допустить появления на территории бывшего Советского Союза или где-либо ещё нового соперника, представляющего угрозу, аналогичную исходившей от СССР⁷⁵. Вот почему они столь резко и агрессивно отреагировали на инициативу глав России, Белоруссии и Казахстана создания Евразийского экономического сообщества, а затем Таможенного и Евразийского Союза. Хотя он формируется не более, как общий рынок по правилам ВТО, без единых надгосударственных политических институтов, американской политической верхушке тут же померещилась реинкарнация СССР⁷⁶.

Тем временем реальная угроза американскому доминированию возникла со стороны Китая. Сохранив коммунистическую идеологию «с китайской спецификой» и творчески переработав опыт социалистического строительства в СССР, утя его и собственные ошибки, китайское руководство создало эффективную систему управления социально-экономическим развитием на основе сочетания планирования и рыночной самоорганизации при регулирующей роли социалистического государства. Сохранив идеологический и политический контуры воспроизводства советской империи, китайские коммунисты трансформировали экономический контур на базе рыночных механизмов, раскрепостив социальную энергию семейно-родового контура и направив её на решение задач развития экономики и повышения уровня народного благосостояния.

Социально-государственное устройство, сочетающее имперские воспроизводственные контуры с капиталистическими отношениями, было характерно и для Российской империи. Но впервые в истории сосуществования имперского и капиталистического мира формирование нового мирохозяйственного уклада происходит внутри Империи, захватывая близлежащую капиталистическую «периферию». Возможно, в этом заключается предпосылка смены более «длинных» – цивилизационных – циклов. Одни специалисты утверждают, что заканчивается эра капитализма⁷⁷, другие говорят о переходе к постиндустриальному обществу⁷⁸, третьи – о ноосферной цивилизации с парадигмой устойчивого развития и мировой гармонии⁷⁹.

Формирующийся в Китае и прилегающих странах Азии интегральный мирохозяйственный уклад предусматривает ограничение капиталистической деятельности социально-приемлемыми рамками. Причём, в отличие от Российской империи, делается это на сугубо рациональной идеологической основе и жёстко закрепляется в политическом и экономическом воспроизводственном контурах нормативным образом. Критерием их отбора является не соответствие идеологическим догмам, а экономическая эффективность в смысле роста объёмов и качества производства благ для повышения уровня и качества жизни народа. Достигаемый в рамках этого мирохозяйственного уклада экономический рост обеспечивает его быстрое развитие и расширение на всё большую часть мирового пространства.

Воспроизводство прежнего американоцентричного финансово-монополистического мирохозяйственного уклада натолкнулось на внутренние диспропорции, преодолеть которые в рамках его институциональной системы

невозможно⁸⁰. Накопление капитала приобрело фиктивный характер в силу экспоненциальной эмиссии фиатных (необеспеченных) денег и так же не обеспеченных реальными активами обязательств. Вследствие концентрации денег и деловой активности в финансовых пирамидах практически прекратилось расширенное воспроизводство реального сектора экономики. В “ядре” такого мирохозяйственного уклада не повышается уровень жизни населения, растёт социальное неравенство.

Дальнейшее развитие НТП и расширенное воспроизводство реального сектора экономики требует повышения уровня квалификации населения, а следовательно, роста его благосостояния и уровня образования, в то время как накопление капитала ведёт к падению жизненного уровня трудящихся и росту социального неравенства. Это главное противоречие переходного периода от одного МХУ к другому. Накопление капитала как главный стимул роста экономики уже исчерпало потенциал своего роста, а следовательно, капитализм как способ организации производства должен стать достоянием истории и на смену ему должен прийти не социализм или коммунизм или их конвергентный образ, а новый интегральный способ организации производства, соединяющий общественный интерес с частной инициативой, который назван нами Интегральным МХУ.

Дальнейшее развитие производительных сил требует перехода к новому, интегральному мирохозяйственному укладу. Его формирование в Китае, Индии, Индокитае на основе сочетания государственного планирования и рыночной самоорганизации, общенародной собственности на инфраструктуру и частного предпринимательства, подчинения предпринимательской инициативы общественным интересам при гармонизирующей роли государства показало принципиальные преимущества по сравнению с нынешним финансово-монополистическим мирохозяйственным укладом.

Впервые в истории переход к новому мирохозяйственному укладу связан не с расширением возможностей развития капиталистических отношений, а с их ограничением. Эта существенная разница означает, что одновременно меняется, как говорят математики, производная функции социально-экономического развития. Прекращается опережающее развитие капиталистического мира, который должен вернуться под контроль идеологического и политического воспроизводственных контуров имперского социально-государственного устройства. Только само это устройство приобретает глобальный характер, что тоже является признаком смены цивилизационных циклов – от локальных конфликтующих цивилизаций к глобальному разнообразию сотrudничающих цивилизаций в интересах гармоничного развития человечества.

В современных условиях Империя не может быть образована в результате завоевания или даже принуждения одних стран другими. Она образуется только на основе международного права как коалиция государств, заинтересованных в переходе к интегральному мирохозяйственному укладу и противостоящих агрессивной реакции транснационального капитала. Этот переход, однако, не произойдёт сам собой, без создания антивоенной коалиции активных стран. Чтобы такая коалиция приобрела влияние, нужен идеологический и политический контур её воспроизводства как целостного социально-государственного образования. Для этого необходимо восстановление исторической памяти совместного развития народов Евразии, что позволит осознать фундаментальность конструирования современного Евразийского партнёрства со всеми необходимыми для устойчивого развития контурами воспроизводства.

Общая идеология должна соответствовать современной парадигме устойчивого развития и принципам интегрального мирохозяйственного уклада. Она накладывает следующие требования на воспроизводственные контуры.

Общий политический воспроизводственный контур должен строиться на базе норм международного права, исходя из суверенитета всех объединяющихся в коалицию государств, взаимовыгодности и добровольности сотрудничества на основе общих интересов в гармоничном устойчивом развитии.

Экономический контур должен быть достаточно гибким для учёта разнообразия хозяйственных систем стран коалиции, оставляя им свободу введения любых внешнеэкономических ограничений для обеспечения собственного устойчивого развития. Он призван ограждать участников коалиции от попыток дестабилизации их экономики извне, втягивания её в неэквивалентный финансовый обмен, ограничения технологического развития. Одновременно он

обязан обеспечивать участников коалиции необходимыми для развития экономики ресурсами, что предполагает наличие общего стратегического планирования, институтов развития, единого экономического пространства.

Семейно-родовые контуры социально-государственной системы коалиции должны получить благоприятные условия для гармоничного развития, что подразумевает приоритетное развитие образования, здравоохранения, культуры и науки, формирование общего рынка труда и единого образовательного пространства.

Для доказательства необходимости перехода к новому мирохозяйственному укладу и новому цивилизационному циклу остаётся рассмотреть противоположный сценарий. Если такого процесса не произойдёт, то мир ждёт один из следующих вариантов катастрофического развития событий:

- дальнейшая эскалация мировой гибридной войны с переходом в неуправляемую фазу и возможным применением оружия массового поражения;
- использование достижений нового технологического уклада в антигуманных целях (клонирование людей, конструирование киборгов, разработка и применение избирательного биологического оружия);
- техногенная глобальная катастрофа в результате непродуманного развития производств нового технологического уклада.

Имеющиеся научно-технические прогнозы свидетельствуют о реальности перечисленных угроз. Это служит ещё одним доказательством безальтернативности перехода к интегральному мирохозяйственному укладу. В противном случае человеческая цивилизация самоуничтожится вследствие либо мировой войны, либо перехода к принципиально новому технобиологическому виду.

Сохранение человеческой цивилизации, как и её зарождение, будет зависеть от евразийского интеграционного процесса. Чтобы соответствовать современным вызовам, он должен иметь прочный идеологический фундамент, основанный на исторической памяти народов Евразии. Такой фундамент может быть создан на основе сопряжения ЕАЭС и китайского проекта “Один пояс – один путь” и формирования Большого Евразийского партнёрства, объединённой единой исторической судьбой входящих в него стран и народов.

Такой взгляд на логику развития в мировой истории наводит на следующие размышления относительно современного положения России и перспектив нашего будущего. По прошествии четверти века после распада СССР и массированного импорта американско-европейских институтов Имперского МХУ с целью поглощения России и бывших европейских республик мировой капиталистической системой можно сделать следующие выводы.

1. Вне зависимости от декларируемых целей властвующая элита всех постсоветских республик отторгает институты демократии и свободной конкуренции, а также принцип разделения властей. Во всех этих республиках сформировались авторитарные политические режимы, опирающиеся на силовые структуры и подчиняющие систему государственного управления интересам обогащения властвующей элиты.

2. Все попытки западных “партнёров” навязать постсоветским республикам свои представления о социальной организации и роли государства не дали ожидаемого результата. При этом, чем сильнее было западное вмешательство с целью насаждения “прогрессивных” идей, тем архаичнее была реакция общества на их внедрение. Наибольшим это вмешательство было в государствах Прибалтики и на Украине, ответом на которое стало формирование нефашистских и криминальных властных структур с реинкарнацией образов гитлеровской Германии. В России на почве, навязанной западными финансовыми институтами и экспертами радикальных реформ, выросла криминально-компрадорская олигархия, эксплуатирующая в целях личного обогащения институты государственной власти. В богатых полезных ископаемыми среднеазиатских республиках восстановились ханские структуры власти. В тех же республиках, где формально закрепилась парламентская форма правления, идёт перманентная борьба кланов, сопровождающаяся хронической политической нестабильностью и периодическими революциями.

3. Сложившаяся в России структура властных отношений напоминает XVIII век. Опираясь на имперские институты власти, прозападная властвующая элита беспощадно эксплуатирует народ и природные ресурсы страны, вывозя капитал за рубеж, вместо того чтобы вкладывать его в развитие отечественной экономики. Хотя государственные институты приобретают всё более

выраженный имперский характер, используются они в значительной степени вопреки интересам народа и страны для обслуживания интересов властвующей элиты, которая озабочена, главным образом, личным обогащением и обустроивается в Европе и США. Как и во времена Екатерины Великой, мы видим то же кичливое богатство на фоне народной нищеты, то же влияние в мире при стагнации внутреннего развития и т. д.

Следует заметить, что подобное состояние дел типично для состояния центра глобального накопления капитала в фазе финансовой экспансии соответствующего мирохозяйственного уклада. Во времена Екатерины это был период финансовой экспансии Голландского системного цикла накопления капитала (СЦНК) и разрушения торгово-мануфактурного мирохозяйственного уклада при переходе к Британскому СЦНК. Сегодня мир переживает финансовую экспансию американского СЦНК с разрушением имперского мирохозяйственного уклада и переходом к интегральному МХУ. Россия вовлечена в эти процессы в качестве периферии внешнего центра СЦНК, а не части ядра нового мирохозяйственного уклада, что делает проблематичным её дальнейшее самостоятельное развитие. Её экономика может оказаться затянутой в воронку распада “ядра” уходящего мирохозяйственного уклада, утратив возможность к самостоятельному воспроизводству.

В отсутствие идеологии государство быстро коррумпируется. Место идеологии занимает культ денег и наживы, разлагающий общество. Происходит устойчивая дисфункция государственной власти, которая перестаёт соответствовать ожиданиям общества, определяемым традиционными ценностями социальной справедливости. В результате в общественном сознании происходит делегитимизация власти и её носителей, что порождает революционную ситуацию.

4. Приобретая авторитарный, если не сказать цезаристский характер, государство опирается на силовые структуры, подавляющие оппозицию и подминающие суды. При этом оно не обладает механизмами внутреннего контроля за качеством государственного управления. Отсутствие механизмов ответственности за последствия принимаемых решений и политической конкуренции влечёт за собой падение эффективности государственного управления и образование разрыва между властвующей и продуктивной элитой, а также формирование антагонистических противоречий между властью и народом. Эта ситуация напоминает вторую половину XIX века, когда освобождённый от крепостной зависимости и заодно от земли народ, подвергаясь жесточайшей эксплуатации, утратил доверие к царю⁸¹. Потребовалось около полувека, чтобы он взялся за дубинушку, которую подготовленные на Западе революционеры направили против власти. Достаточно вспомнить высказывание Председателя Совета министров Российской империи графа Сергея Юльевича Витте (1849–1915): “Большинство дворян представляют собой кучку дегенератов, которые, кроме своих личных интересов и удовлетворения личных похотей, ничего не признают, а потому и направляют все усилия на получение тех или иных милостей за счёт народных денег, взыскиваемых с обедневшего русского народа для государственного блага... В конце XIX и начале XX века нельзя вести политику средних веков, когда народ делается, по крайней мере в части своей, сознательным, невозможно вести политику несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счёт большинства. Правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом же случае. Вся наша революция произошла оттого, что правители не понимали и не понимают той истины, что общество, народ движется. Правительство обязано регулировать это движение и держать его в берегах, а если оно этого не делает, а прямо грубо загроживает путь, то происходит революционный потоп...”

В нашу эпоху процессы социальной эволюции разворачиваются в несколько раз быстрее, а опыт “оранжевых” революций говорит о стремительности процессов обрушения власти, утратившей доверие народа даже при слабости демократических институтов.

Современное состояние России носит переходный и неустойчивый характер. Продолжение проводимой политики обогащения властвующей элиты за счёт сверхэксплуатации народа и природных богатств страны с вывозом капитала за рубеж неизбежно повлечёт за собой революцию и очередную смуту с продолжением распада страны на небольшие государственные образования,

в которых реинкарнация имперских институтов власти будет уже невозможна. По этому пути прошла Европа, лишившись вначале имперских, а затем и национальных институтов власти, место которых заняла обслуживающая интересы капитала евробюрократия.

Второй вариант – приведение социально-экономической политики в соответствие с традиционными ценностями социальной справедливости и укрепление имперских институтов власти механизмами ответственности и народного контроля. По этому пути пошёл Китай, совершив за три десятилетия скачок из руин культурной революции в процветающую сверхдержаву.

Не вдаваясь в историю Китая, констатируем, что, как и Россия, он веками сохранял имперскую систему управления. Поднебесная всегда была империей, которая, правда, время от времени распадалась. Поэтому не случайно теоретики китайской бюрократии утверждают, что политика подвержена известному циклу: “децентрализация ведёт к хаосу, хаос ведёт к централизации, централизация ведёт к застою, застой ведёт к децентрализации”. И всё это порождается “феноменом необучаемости властвующей элиты” – это всеобщий закон общественного развития.

И так же, как и Россия, Китай подвергался небезуспешному подрывному влиянию западных “партнёров”, к числу которых после революции Мейдзи с конца XIX века стали отнести Японию. Но, в отличие от наших, китайские руководители сумели модернизировать устаревшую систему директивного планирования, придав ей более индикативный характер и дополнив её рыночными механизмами. Сохранив неизменной политическую систему и социалистическую идеологию, компартия Китая дала свободу частному предпринимательству, подкрепив его созидательную составляющую эффективной системой государственной поддержки.

Руководство КПСС оказалось неспособно провести системную модернизацию в силу зашоренности марксистскими догмами о недопустимости частной собственности и работы по найму. Сменившее его руководство России оказалось неспособно к историческому творчеству и поверило в догмы Вашингтонского консенсуса, дав себя увести в тупик колониальной зависимости. Появившаяся в 60-е годы прошлого века теория конвергенции, доказывавшая возможность и целесообразность перехода к смешанной экономике, сочетающей преимущества капиталистического и социалистического способов производства, была отвергнута.

Исходя из логики исторического процесса движения к всё более сложным формам человеческого творчества, следует отбросить примитивные теории, упрощающие смысл экономической деятельности до извлечения прибыли любым способом или выполнения плановых директив любой ценой. “Невидимая рука” рынка – это столь же надуманная абстракция, как оптимальный план. И формула римского права собственности (владею, пользуюсь, распоряжаюсь), и фетишизация денег, и абсолютизация свободы движения капитала – все эти популярные в российской властвующей элите “символы веры” в действительности являются не более чем выражением её интересов в максимизации доходов и власти путём сокращения регулирующих возможностей государства.

В академической науке давно осмыслены сложносоставной характер современных отношений собственности, инструментальный характер современных денег, смешанный характер современной экономики, не сводимой к чисто рыночным механизмам самоорганизации или планово-директивного управления. Также как растущее значение государства, функции которого не сводятся к защите интересов правящего класса. Государство в новом мирохозяйственном укладе выражает интересы всего общества, стремясь к их гармонизации и выступая в качестве интегратора деятельности различных социальных групп с разными интересами в целях социально-экономического развития.

Логика мировой истории подтверждает спиралевидную форму социально-экономического развития, при которой смена привычных признаков государственной политики сопровождается обогащением их содержания и усложнением структуры. Институты нового мирохозяйственного уклада на порядок разнообразнее, сложнее и гибче, чем система управления народнохозяйственным комплексом СССР. В свою очередь, эта система была на порядок сложнее использовавшейся в Российской империи. Их не стоит романтизировать или облагораживать по сравнению с мрачной средневековой реальностью, в которой

систематически применялось насилие для преодоления внутренних распри с огромным количеством жертв. Но их нельзя и хулить по сравнению с родившейся в Европе либерально-демократической тенденцией, которая в своих предельных формах доходила до торговли людьми, расизма и фашизма. При этом современные представления о рыночной конкуренции с ведущей ролью НТП среди факторов производства на порядок сложнее построений Смита, Рикардо и даже Самюэльсона в его “Экономикс”.

Иными словами, раскрытая в нашей работе логика истории состоит в бесконечном движении человеческого общества ко всё более сложным и разнообразным формам организации, порождающим всё новые достижения НТП и социально-экономического развития. Это движение направляется диалектикой взаимодействия личных и общественных интересов. Зародившийся в уме А. Смита *homo economicus*, хоть никогда и не существовал в реальности, стал жупелом либерального государства, обслуживающего интересы крупных владельцев денег.

Следует заметить, что либеральная экономическая идеология всегда становилась экономическим мейнстримом в фазе финансовой экспансии любого системного цикла накопления капитала, в то время как дирижизм или авторитарная модель всегда становились мейнстримом в фазе материальной экспансии любого СЦНК, так как реальному производству требуется защита и помощь государства, а финансовому капиталу, наоборот, требуется свобода перемещения. Эта закономерность экономического развития отчётливо прослеживается, начиная с XV века, когда периодически на смену фритредерства в фазе финансовой экспансии СЦНК с переходом к новому мирохозяйственному укладу и фазой материальной экспансии нового СЦНК приходил протекционизм в качестве главной экономической идеологии, и наоборот.

В смене либеральной и авторитарной моделей глобального социально-экономического развития формировались вековые циклы накопления капитала после Реформации. Возможно, с переходом к интегральному мирохозяйственному укладу сопутствующие их смене мировые войны прекратятся, а человечество выйдет на ноосферный путь развития. И заодно избавится от исторической мифологии.

Как показано Т. Сергейцевым⁸², система ценностей, лежащая в основе образа американской сверхсилы, олицетворением которой стало глобальное доминирование американоцентричной олигархии, исходит из постмодернистской концепции освобождения человека от Бога и установленных им нравственных ограничений. Абсолютизация человеческого произвола, в конечном счёте, выливается в право сильного, что и демонстрирует американская олигархия, пытающаяся управлять по своему усмотрению всей планетой, опираясь на присвоенную ею монополию эмиссии мировой валюты. Положить конец этому произволу можно только на основании более высокой системы ценностей, ограничивающей свободу человеческой воли. Выше воли человека и общества могут быть только объективные законы мироздания, признаваемые рациональным мышлением, а также установленные Всевышним нравственные заповеди, непреложные для религиозного сознания. Первые устанавливаются, исходя из научной парадигмы устойчивого развития, вторые должны приниматься за аксиомы в системе глобального законотворчества.

Все великие религии ограничивают свободу человеческого произвола соблюдением определённой системы нравственных норм. “Широк человек, слишком даже широк, я бы обузил!” – говорит один из героев Достоевского в “Братьях Карамазовых”. Современная постхристианская западная цивилизация не признаёт абсолютного характера этих норм, интерпретируя их как относительные и устаревшие, которые можно нарушать, если того требуют обстоятельства. Американская олигархия располагает возможностями глобального доминирования в той мере, в какой позволяют международные условия. Их можно изменить, ограничив возможности США путём расширения шансов и потенциала их конкурентов. Это изменение достигается в рамках существующего миропорядка посредством мировой войны. Чтобы её избежать, нужно перестроить сам миропорядок – ввести абсолютные ограничения на произвол как человеческой личности, так и любых общностей, включая государства и их объединения. Тем самым будет ликвидировано само основание для существования сверхсилы, угрожающей безопасности человечества в институциональной системе имперского мирохозяйственного уклада.

Идеологическим фундаментом для нового миропорядка может стать концепция социально-консервативного синтеза, объединяющая систему ценностей мировых религий с достижениями социального государства и научной парадигмой устойчивого развития⁸³. Эта концепция может использоваться в качестве позитивной программы для формирования глобальной антивоенной коалиции, которая должна предложить понятные всем принципы упорядочивания и гармонизации социально-культурных и экономических отношений в мировом масштабе.

Гармонизация международных отношений достижима только с опорой на фундаментальные ценности, разделяемые всеми основными культурно-цивилизационными общностями. К числу таких ценностей относятся принцип недискриминации (равенства людей) и декларируемая всеми конфессиями любовь к ближнему без разграничения человечества на “своих” и “чужих”. Они могут выражаться в понятиях справедливости и ответственности, а также в юридических формах прав и свобод граждан. Причём фундаментальная ценность человеческой личности и равенства прав всех людей вне зависимости от их вероисповедания, национальной, классовой и какой-либо ещё принадлежности должна быть признана всеми конфессиями. Основанием для этого, во всяком случае, в монотеистических религиях, является принятие единства Бога и того, что каждое вероучение указывает к нему свою дорогу спасения человека, имеющую право на существование. Исходя из такого понимания, можно устранить принудительно-насильственные формы межрелигиозных и межнациональных конфликтов, перевести их в плоскость идеологически свободного выбора всякого человека. Необходимо выработать правовые формы участия конфессий в общественном жизнеустройстве и разрешении социальных противоречий. Это позволит нейтрализовать одну из самых разрушительных технологий американской стратегии ведения мировой хаотической войны – использование межконфессиональных противоречий для разжигания межрелигиозных и межнациональных вооружённых конфликтов, переходящих в гражданские и региональные войны.

Вовлечение конфессий в формирование международной политики даст нравственно-идеологическую опору для предотвращения этно-национальных конфликтов и создаст предпосылки для перевода межнациональных противоречий в конструктивное русло, снятия их посредством разнообразных инструментов государственной социальной программы. В свою очередь, включение конфессий в разработку и реализацию социальной политики подведёт под государственные решения нравственное основание. Это поможет обуздать дух вседозволенности и распущенности, доминирующей сегодня во властвующей элите развитых государств, восстановить понимание социальной ответственности власти перед обществом. Пошатнувшиеся сегодня ценности социального государства получают мощную идеологическую поддержку. В свою очередь, политическим партиям придётся признать значение фундаментальных нравственных ограничений, защищающих основы человеческого бытия. Всё это будет способствовать осознанию глобальной ответственности политических лидеров и ведущих наций за гармоничное развитие международных отношений и содействовать успеху антивоенной коалиции.

Концепция социально-консервативного синтеза даёт идеологическую базу для реформирования международных валютно-финансовых и экономических отношений, исходя из принципов справедливости, взаимного уважения национальных суверенитетов и взаимовыгодного обмена. Их реализация требует существенного ограничения свободы действия рыночных сил, постоянно порождающих дискриминацию большинства граждан и стран по доступу к благам.

Либеральная глобализация подорвала возможности государств влиять на распределение национального дохода и богатства. Транснациональные корпорации получили право бесконтрольного перемещения ресурсов, ранее контролировавшееся государствами. И они оказались вынуждены сокращать степень социальной защищённости граждан, чтобы сохранять привлекательность своих экономик для инвесторов. Одновременно уменьшилась эффективность государственных социальных инвестиций, потребители которых освободились от национальной принадлежности. В результате присвоения растущей части генерируемых в мировой экономике доходов американоцентричной олигархией происходит снижение уровня жизни населения большинства стран с открытой

экономикой, усиление дифференциации граждан по доступу к благам, вновь растёт социальное неравенство. Для преодоления этих разрушительных тенденций необходимо изменение всей архитектуры международных финансово-экономических отношений путём введения ограничений на движение капитала с целью блокирования возможностей его ухода от социальной ответственности, с одной стороны, и выравнивания издержек социальной политики национальных государств, с другой стороны.

Сужение границ уклонения капитала от социальной ответственности включает ликвидацию офшорных зон, позволяющих ему уходить от налоговых обязательств, и признание права национальных государств регулировать его трансграничное перемещение. Выравнивание социальных издержек различных государств потребует формирования глобальных минимальных стандартов, предусматривающих опережающее повышение уровня социального обеспечения населения относительно бедных стран. Для этого должны работать международные механизмы выравнивания уровня жизни населения, что предполагает создание соответствующих инструментов их финансирования.

Исходя из концепции социально-консервативного синтеза, допускается постановка задачи формирования глобальных механизмов социальной защиты как элементов нового (интегрального) мирохозяйственного уклада. Например, для обеспечения их деятельности может быть введён налог на валютнообменные операции в размере 0,01% от суммы транзакций. Такой налог должен взиматься на основе соответствующего международного соглашения в рамках национальных налоговых законодательств и перечисляться в распоряжение уполномоченных международных организаций. Расходование полученных средств должно вестись на основе соответствующих бюджетов, утверждение которых рекомендуется делегировать Генеральной Ассамблее ООН.

Ещё одним направлением формирования институтов интегрального мирохозяйственного уклада может стать создание глобальной системы защиты окружающей среды, финансируемой за счёт её загрязнителей. Для этого целесообразно заключить соответствующее международное соглашение с введением универсальных норм штрафов за загрязнение окружающей среды и перечислением их на экологические цели в соответствии с национальным законодательством и под контролем уполномоченной международной организации. Часть собранных средств должна использоваться для проведения глобальных экологических мероприятий и организации мониторинга состояния окружающей среды.

Важнейшим направлением формирования институциональной системы нового мирохозяйственного уклада должно стать создание глобальной системы ликвидации безграмотности и обеспечения доступа всех граждан планеты к информации и получению современного образования. Организация такой системы в обязательном порядке предусматривает унификацию минимальных требований к всеобщему начальному и среднему образованию с выделением дотаций на их реализацию слаборазвитым странам за счёт средств, собираемых путём предложенного выше налога. Должна быть также создана доступная для участия всех граждан планеты система предоставления услуг высшего образования ведущими вузами развитых стран. Последние могли бы по своему усмотрению выделять квоты на приём иностранных студентов, набираемых по международному конкурсу с оплатой обучения из того же источника. Параллельно силами участвующих в этой системе вузов должна быть развернута глобальная система предложения дистанционных образовательных услуг, открытая для всех граждан планеты со средним образованием на бесплатной основе. Создание и поддержание соответствующей информационной инфраструктуры рекомендуется возложить на ЮНЕСКО и Мировой банк с финансированием из того же источника.

Формирование интегрального мирохозяйственного уклада предполагает программу стабилизации мировой экономики, опирающуюся на оптимизацию глобальных финансово-экономических отношений, исходя из принципов взаимной выгоды и добросовестной конкуренции, исключающей возможность монополизации тех или иных функций регулирования международного экономического обмена в чьих-либо частных или национальных интересах. Увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми странами, создающий угрозу развитию и самому существованию человечества, воспроизводится и поддерживается присвоением ряда функций международного экономического

обмена национальными институтами США и их союзников, действующих исходя из собственных частных интересов. Они монополизировали эмиссию мировой валюты, используя эмиссионный доход в личных целях и обеспечивая неограниченный доступ к кредиту своим банкам и корпорациям. Они монополизировали установление технических стандартов, поддерживая технологическое превосходство своей промышленности. Они навязали всему миру выгодные им правила международной торговли, заставив другие государства открыть внутренние товарные рынки и резко ограничить собственные возможности влиять на конкурентоспособность национальных экономик. Они принудили большинство стран к открытию рынков капитала, создав условия для господствующего положения своей финансовой олигархии, опирающейся на присвоенную ею монополию безграничной эмиссии мировой валюты.

Обеспечение устойчивого и успешного для человечества в целом социально-экономического развития предполагает устранение дискриминации и монополизации функций международной экономического обмена в чьих-либо частных или национальных интересах. Для этого могут вводиться его глобальные и национальные ограничения.

В частности, для предотвращения глобальной финансовой катастрофы необходимы срочные меры по формированию новой безопасной и эффективной архитектуры мировой валютно-финансовой системы, основанной на взаимовыгодном обмене национальных валют и исключающей присвоение глобального эмиссионного дохода в чьих-то частных или национальных интересах. Коммерческие банки, обслуживающие международный экономический обмен, должны быть обязаны проводить операции во всех национальных валютах. При этом курсы их обмена должны устанавливаться по процедуре, согласованной национальными банками в рамках соответствующего международного договора. При необходимости роль всеобщего эквивалента может играть золото, специальные права заимствования МВФ или иные международные расчётные единицы. В качестве таковых предлагаются наднациональные цифровые валюты, создаваемые вначале на уровне региональных интеграционных структур.

Соответственно должны быть изменены функции и система управления МВФ. На него могла бы быть возложена ответственность за мониторинг курсообразования национальных валют, а также роль эмитента мировой валюты, используемой для чрезвычайного кредитования временных дефицитов платёжных балансов отдельных государств и их национальных банков в целях предотвращения региональных и мировых валютно-финансовых кризисов и поддержания стабильных условий международного экономического обмена. Совместно с Базельским институтом МВФ мог бы также выполнять функции глобального банковского надзора, устанавливая обязательные нормативы для всех коммерческих банков, обслуживающих международный экономический обмен. Для этого необходимо демократизировать систему управления МВФ, все государства-участники которого должны получить равные права.

Для выравнивания возможностей социально-экономического развития нужно обеспечить свободный доступ развивающихся стран к новым технологиям при условии их отказа от использования получаемых технологий в военных целях. Государства, согласившиеся на это ограничение и открывшие доступ к информации о своих военных расходах, должны выводиться из-под ограничений международных режимов экспортного контроля. Им также необходимо помощь в получении важных для их развития новых технологий. Для этого в обязательном порядке следует резко активизировать деятельность ЮНИДО (в том числе по организации соответствующей информационной сети) и Всемирного банка. Он должен предоставлять кредитные ресурсы, эмитируемые МВФ, для долгосрочного финансирования необходимых для развивающихся стран инвестиционных проектов в сфере освоения современных технологий и создания инфраструктуры. Доступ к этим ресурсам на тех же условиях рефинансирования должны получить и международные региональные банки развития.

В целях обеспечения добросовестной конкуренции следует ввести международный механизм пресечения злоупотреблений ТНК монопольным положением на рынке. Соответствующие функции антимонопольной политики рекомендуется возложить на ВТО посредством специального, обязательного для всех государств-членов международного соглашения. Этим соглашением для

субъектов международного экономического обмена должно быть предусмотрено право требовать устранения указанных злоупотреблений со стороны ТНК, а также компенсации вызванных ими потерь за счёт введения соответствующих санкций. В число преступного использования прав ТНК наряду с завышением или занижением цен, фальсификацией качества продукции и другими типичными примерами недобросовестной конкуренции необходимо включить занижение оплаты труда по отношению к региональному прожиточному минимуму, подтвержденному МОТ. В отношении естественных глобальных и региональных монополий должны быть установлены процедуры регулирования цен на разумном уровне.

В условиях неэквивалентного экономического обмена государствам в обязательном порядке следует оставить достаточную свободу для регулирования национальных экономик в целях выравнивания уровней социально-экономического развития. Наряду с принятыми в рамках ВТО механизмами защиты внутреннего рынка от недобросовестной внешней конкуренции, инструментами такого выравнивания являются разнообразные механизмы стимулирования НТП и государственной поддержки инновационной и инвестиционной активности; установление государственной монополии на использование природных ресурсов; введение норм валютного контроля для ограничения вывоза капитала и нейтрализации спекулятивных атак против национальной валюты; удержание под национальным контролем важнейших секторов национальной экономики; другие формы повышения национальной конкурентоспособности.

Особое значение имеет создание благоприятных условий для добросовестной конкуренции в информационной сфере, включая средства массовой информации. Доступ в глобальное информационное пространство должен быть гарантирован всем жителям планеты, выступающим как в качестве потребителей, так и в статусе поставщиков информации. Для поддержания открытости этого рынка следует применять жёсткие антимонопольные ограничения, не позволяющие какой-либо стране или группе аффилированных лиц доминировать в глобальном информационном пространстве. Одновременно должен быть обеспечен свободный вход на рынок информационных услуг представителям различных культур. Важную для этого поддержку в силах оказать ЮНЕСКО за счёт поступлений предложенного выше налога на валютнообменные операции и платежей за доступ к ограниченным информационным ресурсам. Одновременно необходимо принять международные нормы по пресечению распространения информации, угрожающей социальной стабильности.

В случае отказа США и их союзников по НАТО от переустройства мирового экономического порядка на указанных выше принципах, страны, заинтересованные в скорейшем переходе к новому мирохозяйственному укладу, должны быть готовы сформировать собственные международные институты, альтернативные МВФ, Мировому банку и Базельскому институту. Это вполне реально сделать, опираясь на консолидированную позицию стран ШОС, БРИКС, АСЕАН. Нужно смелее формировать эти институты Интегрального МХУ, не обращая внимание на противодействие старых институтов. Никто же не перестраивал Лигу Наций в ООН, а сначала в 1945 году была организована ООН, а потом в 1946 году умерла Лига Наций.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁴⁴ Arrighi G. The long twentieth century: money, power and the origins of our times. London: Verso, 1994.

⁴⁵ Глазьев С. Закономерность смены мирохозяйственных укладов в развитии мировой экономической системы и связанных с ними политических изменений // Наука. Культура. Общество. 2016. № 3. С. 5–45.

⁴⁶ Айвазов А., Беликов В. Экономические основы цивилизационных волн развития человечества // Партнёрство цивилизаций. 2016. № 3–4.

⁴⁷ Глазьев С. Методы оценки динамических характеристик НТП / Известия АН СССР, Серия экономическая, 1985. № 1; Научное открытие “Закономерность смены технологических укладов в процессе развития мировой и национальных экономик” (свидетельство о регистрации № 65-С выдано Международной академией авторов научных открытий и изобретений).

- ⁴⁸ Подробное изложение закономерности периодической смены технологических укладов впервые обстоятельно приведено в авторской монографии: Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993.
- ⁴⁹ Perez C. *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. London: Elgar, 2002.
- ⁵⁰ Mensch G. 1979. *Stalemate in Technology – Innovations Overcame the Depression*. New York: Ballinger Publishing Company.
- ⁵¹ Никонов В. Современный мир и его истоки. М.: Издательство Московского университета, 2015.
- ⁵² См.: Ayres R. U. *Future Trends in Factory Automation* // IASA Working Paper. 1987. N 22; Chiang J.-T. *Technology Life Cycle in Semiconductor Industry*. IASA, 1988.
- ⁵³ OECD Work on Innovation – A Stocktaking of Existing work – OECD Science, Technology and Industry working papers, 2009/2.
- ⁵⁴ Никонов В. Указ. соч. 2015.
- ⁵⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 10, 632.
- ⁵⁶ Львов Д. С., Фетисов Г. Г., Глазьев С. Ю. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992.
- ⁵⁷ Бьёркский договор – секретный русско-германский союзный договор, который был подписан во время встречи императора Николая II с германским императором Вильгельмом II 11(24) июля 1905 года у балтийского острова Бьёркё (недалеко от Выборга) на борту императорской яхты “Полярная звезда”. Инициатива заключения договора принадлежала германской дипломатии, стремившейся разрушить русско-французский союз и предотвратить создание Антанты. С этой целью предполагалось превратить российско-германский союз в тройственный российско-германско-французский, направленный против Великобритании.
- ⁵⁸ Филимонов Г. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность. М.: Российский университет дружбы народов, 2012.
- ⁵⁹ Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. Free Press, 1992.
- ⁶⁰ Attali J. *Millennium: winners and losers in the coming world order*. New York: Random House, 1991.
- ⁶¹ Глазьев С. О политике развития российской экономики / Доклад. М.: 2013.
- ⁶² Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС / Под ред. В. Садовниченко, Ю. Яковца, А. Акаева. М.: МГУ – Международный институт Питирима Сорокина-Николая Кондратьева – ИНЭС – Национальный комитет по исследованию БРИКС – Институт Латинской Америки РАН, 2014.
- ⁶³ 2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай – 2030: вперёд, к всеобщей зажиточности) / Центр изучения положения в стране Университета Цинхуа / Под ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. Пекин: Изд-во Китайского Народного университета, 2011. С. 30.
- ⁶⁴ Садовничий В., Яковец Ю., Акаев А. Указ. соч. 2014.
- ⁶⁵ Данные ВВП получены по показателям паритета покупательной способности (ППС); расчёты за 1820–2000 годы проведены А. Мэддисоном; расчёты за 2010–2030 годы проведены китайскими учёными на основе расчётов А. Мэддисона; Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD, 1995.
- ⁶⁶ Росс Дж. Китай и новый период в мировой экономике // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 40–53.
- ⁶⁷ Ramo J. *The Beijing Consensus*. London: The Foreign Policy Centre, 2004.
- ⁶⁸ Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 350.
- ⁶⁹ Поршнев Б. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.
- ⁷⁰ 11 июня 1936 года ЦИК СССР одобрил проект новой советской конституции. Первый раздел (“Общественное устройство”) заканчивается так: “В СССР осуществляется принцип социализма: от каждого по его способности, каждому – по его труду”. Фраза Конституции СССР 1936 года в тексте Конституции 1977 года была незначительно изменена: “От каждого – по способностям, каждому – по труду”.

- ⁷¹ На XXII съезде КПСС в 1961 году была принята новая (третья) Программа КПСС. В ней предусматривалось за 20 лет (к 1980 году) построить материально-техническую базу коммунизма, обеспечив советским гражданам изобилие материальных и культурных благ. Уже за 10 лет, к 1970-му, СССР должен был выйти на первое место в мире по производству продукции на душу населения. Программа выдвигала задачу создания единой коммунистической формы общественной собственности, что предполагало повышение “уровня обобществления” в колхозной сфере и, в конечном счёте, слияние колхозно-кооперативной собственности с общенародной. Ставилась также задача преодолеть различия между городом и деревней, а в дальнейшем – между умственным и физическим трудом. Всё это должно было привести к стиранию классовых различий в советском обществе и формированию бесклассового общества.
- ⁷² Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
- ⁷³ “Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом – новые вырастут”. Эту фразу, по утверждению бывшего Председателя Госкомимущества В. П. Полеванова, его предшественник на этом посту А. Чубайс произнёс в личной беседе с ним.
- ⁷⁴ Глазьев С. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 2; Глазьев С. Прикладные результаты теории мирохозяйственных укладов // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 3; Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016; Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М.: Книжный мир, 2016.
- ⁷⁵ Из подготовленного Пентагоном доклада “Директива в области обороны” на 1994–1998 финансовые годы.
- ⁷⁶ Бывший Госсекретарь США Хиллари Клинтон на пресс-конференции в Дублине 6 декабря 2012 года заявила: “Сейчас предпринимаются шаги по ресоветизации региона. Называться это будет иначе – Таможенным союзом, Евразийским Союзом и так далее. Но не будем обманываться. Мы знаем, какова цель этого, и пытаемся найти действенные способы замедлить или предотвратить это”.
- ⁷⁷ Яковец Ю. Политическая экономия цивилизаций. М.: Экономика, 2016.
- ⁷⁸ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010.
- ⁷⁹ Акаев А. А. Экономика XXI века – это нооэкономика, экономика справедливости и разума // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11. С. 8–12.
- ⁸⁰ Кобяков А., Хазин М. Закат империи доллара и конец “Рах Americana”. М.: Вече, 2003.
- ⁸¹ Этот исторический период аналогичен нынешнему – финансовизации Британского СЦНК и разрушения Колониального МХУ.
- ⁸² Сергейцев Т. Падение мировой сверхвласти: крымский рубеж. М.: Однако. Июнь-июль. 2014. № 174.
- ⁸³ Глазьев С. Социалистический ответ либеральной глобализации. М.: АПН, 2006.

АННА ВСЕВОЛОДОВА

РУССКИЙ МИНИСТР ВО ГЛАВЕ РОССИИ

*Восхождение и казнь Артемия Волынского
(к 330-летию со дня рождения)*

Образ министра Артемия Петровича Волынского неоднократно привлекал внимание историков и романистов, за без малого три века о личности и деятельности его было высказано множество самых противоречивых суждений, именно это обстоятельство следует особо подчеркнуть – “противоречивыми” можно назвать свидетельства, касающиеся имени министра, а не черт его личности. Противоречие это объясняется тем, что в связи с опалой множеству сплетен и ложных обвинений в адрес подсудимого в целях его дискредитации был предан официальный, весомый вид. Впоследствии, в зависимости от политических нюансов и представлений современного им общества, писатели использовали материалы доносов как не подлежащие сомнению факты. Последнее замечание касается не только лиц, по тем или иным причинам сознательно очерняющим образ министра, но и симпатизирующим Волынскому, однако невольно разделяющим общепринятое заблуждение.

Аккредитованные дипломаты, находившиеся в Петербурге весной 1740 года, доносили своим дворам самые нелепые толки о политических планах министра, в обществе носились истории, рисующие его жестоким, корыстным человеком, а вскоре чиновник Тайной канцелярии с помоста эшафота, приготовленного для казни А. П. Волынского и его друзей, громогласно зачитывал длинный перечень “злодейских вин и намерений” осуждённых. С течением лет обстоятельства жизни героя аннинского царствования трактовались с большей или меньшей бесцеремонностью.

Нужно было обладать гением великого русского писателя и историка Лажечникова И. И., чтобы уметь отличить главное от поверхностного, ложь от правды. Не мало документального исторического материала доносят нам произведения других романистов: Полежаева, Писемского, Авенариуса и иных, но именно Лажечников передал душевный масштаб и благородство своего героя. Причём художнику удалось достичь исторической правдивости во многом интуитивно, не имея возможности познакомиться с рядом доступных теперь сведений. То, что Лажечников предвидел и угадал в герое популярнейшего некогда романа “Ледяной дом”, ныне должно знать всякому русскому человеку, неравнодушному к отечественной истории, и уже не как гениальную фантазию романиста, но как бесспорную историческую истину. В своём месте мы вернёмся к имени Лажечникова и его роману. А теперь постараемся с помощью

историков прежних лет – Готье, Зазюлинского, блестящего востоковеда советского периода Бушуева, а также новых – Петрухинцева, Лаврентьева – дать верную картину событий и лиц интересующей нас эпохи.

Артемий Петрович Волынской родился в 1689 году в дворянской семье. По некоторым историческим источникам, это событие произошло в Москве 2 ноября по новому стилю. Род Волынских берёт начало от славного князя Боброк-Волынского, героя Куликовской битвы, и родной сестры князя Дмитрия Донского, Анны. Князь командовал засадным полком, своевременный натиск которого решил исход сражения в пользу русских. В числе предков Артемия Петровича имеется и прославленный святой – игумен Троицкого Клопского монастыря Михаил, канонизированный в 1547 году. По традиции своего времени в 15-летнем возрасте Артемий Петрович вступил в военную службу простым солдатом. Он принимал участие в Северной войне России со Швецией, участвовал во многих сражениях, в том числе и в Полтавской битве. Его мужество было отмечено командирами и самим Петром Великим. В 1712 году Артемий Петрович отправляется с посольской миссией в Турцию. Государственный деятель и дипломат П. Шафиров просит о награждении “нарочитого молодца” Волынского, который “терпит с нами общий страх” – заточение в турецкую темницу, куда были брошены все участники русского посольства. Турецкая сторона, угрожая физической расправой, пыталась оказать давление на русских дипломатов, вынудить их к уступкам, невыгодным Российской империи. Столкнувшись с мужеством патриотов, дипломаты Османской Порты должны были отступить. Уверившись в высоких способностях Волынского, царь Пётр поручил ему возглавить посольство в Персию. Благодаря таланту и настойчивости Артемия Петровича, ему удалось основать первую русскую консульскую службу в Персии, заключить выгодные для российской торговли соглашения, начать переговоры о строительстве православных храмов в мусульманских государствах. Деятельность русского посольства проходила в очень непростых условиях. Несколько раз Артемию Петровичу грозила участь другого русского дипломата – Грибоедова, растерзанного толпой фанатиков в Персии. На русского посланника оказывалось жесточайшее давление, посредством самых разнообразных мер, от предложения крупных взяток до блокады посольства, приведшей к голоду и болезням среди его сотрудников, от лести и лжи до угроз физической расправы и отмены прежде согласованных решений. Артемий Петрович проявил удивительные присутствие духа, принципиальность и государственный ум, позволившие ему ни в чём не уронить чести государя и интересов русской дипломатии. За эти и иные заслуги Волынскому было поручено губернаторство в Астрахани, а затем – в Казани. В обеих губерниях Артемий Петрович неустанно трудился, заботясь о благополучии жителей и всего края: искоренял нищету, безграмотность, грубость нравов, учреждал школы, прокладывал дороги, закрывал притоны и кабаки, боролся с разбоем и административными не порядками. В 1725 году губернатор пишет сочинения назидательного характера: “Об управлении деревень”, “О десяти Божьих заповедях” и другие. Во всю жизнь Артемий Петрович неукоснительно жертвовал часть своих доходов на дела милосердия: устраивал школы, больницы, украшал церкви, содержал больных, увечных, сирот, вдов и престарелых, разыскивал и оплачивал обучение талантливых самородков из народной среды. Между тем, сам он постоянно нуждался в деньгах и входил в долги, не получая вовремя жалования. Меры, принятые деятельным чиновником, в короткий срок значительно изменили ход дел в губернии, изменили жизнь людей, её населяющих. Артемий Петрович был пожалован в генерал-адъютанты. Быстрое возвышение талантливого политика вызвало зависть и озлобление некоторых людей из окружения государя*. Они оклеветали Артемия Петровича и много вредили

---

* Вопреки расхожему мнению, попавшему даже в энциклопедии, царь Пётр Великий подвергнул Артемия Петровича наказанию отнюдь не за взятки, в которых тот никогда не был повинен. Неприятная сцена между астраханским губернатором Волынским и царём произошла вследствие наушничанья Апраксина и Толстого, стремящихся переложить всю вину за неудачи Персидского похода на Артемия Петровича. Переписка с царём 1723 года, наполненная подробнейшими хозяйственными отчётами и донесениями по всем пунктам обвинения, не оставляет места для кривотолков. Итогом разбирательства можно считать слова Екатерины Первой из письма к губернатору Волынскому: “По докладам армейских чинов (Апраксина и Толстого), были на вас сомнения, но доносители были признаны неправыми”.

ему, опалы, однако, удалось добиться только в 1730 году. Этот год был тяжёлым испытанием в жизни Артемия Петровича: он похоронил любимую жену, на руках у него осталось трое детей-сирот, он был объявлен под судом. Но время мученической кончины Артемия Петровича ещё не настало. Новым повелением он был назначен в действующую армию в Польшу, вместе с фельдмаршалом Минихом участвовал в боевых действиях. Затем Артемий Петрович возглавил комиссию о разведении конских заводов, по сути, подготовил появление собственной русской породы лошадей, что позволило значительно повысить боеспособность русской армии, сэкономить русской казне миллионы рублей, требовавшихся на покупку иностранных лошадей. Именно Артемию Петровичу обязаны мы появлением первого в России исторического музея – «мемории Куликовской баталии».

Экспонаты для музея тщательно разыскивались, об одном из них, которым Артемий Петрович дорожил особо и который сыграл роковую роль в трагической судьбе хозяина, следует рассказать подробнее. Коснёмся и истории создания самого музея, расположенного в доме А. П. Волынского в Петербурге.

В составленной по указанию императора Николая I графом Д. Н. Блудовым «Записке об Артемии Волынском» (1831) отмечено, что кабинет-министр «хранил у себя найденную на Куликовом поле саблю, к которой сделал... надпись», желая оставить её детям на память участия их родоначальника в Куликовской битве. Изданная более четверти века спустя «Записка...» стала первой публикацией с упоминанием находки. Лист с рисунком надписи, выполненной Еропкиным П. М., был предъявлен следователями императрице Анне Иоанновне, которая «соизволила отдать им, генералу и тайному советнику (руководителям следствия Ушакову и Неплюеву) для сообщения к делу, понеже о том (преступных умыслах А. П. Волынского) ...о сабельной полосе... по оному делу явствует... И оной рисунок сабельной полосе... сообщен к сему».

Таким образом, рисовка сабли по воле императрицы стала «вещественным доказательством» в деле кабинет-министра. В начале прошлого века Н. П. Павлов-Сильванский воспроизвёл «криминальную» надпись на прорисовке сабли. Одна сторона сабли, как выяснил исследователь по документам следствия, была отшлифована для нанесения надписи, последняя же вроде бы так на оружие перенесена и не была. Итак, рисунок из следственного дела являет собой эскиз неосуществлённого замысла Волынского, призванного придать находке с Куликова поля мемориальный характер. Все известные ныне сведения о предметах вооружения, найденных на месте Куликовской битвы, относятся только к XIX веку, и саблю, хранившуюся в петербургском доме А. П. Волынского, должно считать старейшей документированной реликвией «Донского побоища». Надо сказать, что сам клинок, возможно, и не имеет прямого отношения к Куликовской битве. Прорисовка, сделанная в размер оригинала, представляет сабельную полосу без верхней части, форма и размеры которой заставляют подозревать, что оружие относится к более позднему времени. Среди образцов вооружения, найденных в XIX веке на Куликовом поле, таковые попадались неоднократно: здешние места в XVI–XVII веках не раз становились районом как боестолкновений с крымскими татарами, так и сражений эпохи Смутного времени. Но в исторической памяти современников А. П. Волынского и его самого Куликово поле ассоциировалось с единственным сражением – Мамаевым побоищем XIV века, поэтому неудивительно, что иные датировки найденного оружия даже не приходили в голову. Судьи постарались выяснить, каким образом сабля с Куликова поля попала в дом кабинет-министра, очевидно, рассчитывая поймать подследственного на лжи, а легенду о происхождении сабли считали его выдумкой, преследующей политические цели. Но нашлись те, кто знал о происхождении сабли всё буквально в деталях, и прежде всего, разумеется, сам кабинет-министр. Допрошенный, в том числе по поводу сабли, А. П. Волынский показал, что «наперёд сего слышал он... что на Куликовом поле, где была с Мамаем баталия, находятся тогдашнего времени ружье (оружие) и протчие нетленные вещи, которые из земли выплывают временно (время от времени) и донныне. И так он... в 1732-ом году для осмотра конюшенных заводов был в городе Богородицком, который близко онаго Куликова поля имеется, и в то де время в том городе при конюшенных заводах был управитель Яков Суровцов, которой ему объявил, что такие ружья находятся. И он де (Волынской) просил его (Суровцева), ежели такую целую вещь найдёт, чтоб прислал

к нему”. “Найденные на оном поле тесак да медная чернильница... имеются у него ныне в Санкт-Петербурге в доме, на котором тесаке намерен он был... надпись написать в таком... виду, что... родственник его... Дмитрий Волынец на означенном поле на баталии был с пришедшим... вспомогательным войском, которой (тесак) почитал он... за диковинку и хотел оной с тою надписью оставить для памяти детям своим”. Гордясь обретенной реликвией, Волынской “всегда публично... казывал саблю старинную всем, которая найдена на Куликовом поле и прислана от управителя Суворовцева с тех мест...”. Город Богородицк, основанный в 1663 году в верховьях Дона “верх речки Уперты”, в Деделовском уезде, находился всего в двадцати верстах от Куликова поля. С начала XVIII века здесь действовал казённый конный завод, подведомственный Конюшенной канцелярии, отданной в управление будущему кабинет-министру в 1732 году, в связи с чем последний и предпринял в этом году поездку по конским заводам, включая Богородицкой. В дальнейшем конское поголовье Богородицкого завода выросло с 14 жеребцов в 1732 году до 262 в 1739 году, превратившись, стараниями А. П. Волынского, в процветающее предприятие.

Из показаний кабинет-министра понятно, что находки вооружения делались на Куликовом поле и до его приезда в 1732 году в Богородицк. На допрос в следственную комиссию был вызван подчинённый А. П. Волынского по Конюшенной канцелярии секретарь П. Муромцев. По поводу сабли секретарь показал, что кабинет-министр действительно получил реликвию Куликовской битвы “из города Богородицкого от управителя маэора Якова Суворовцева выпавшую на Куликовом поле... а ныне то поле пашут богородицкие крестьяне”. Артемий Петрович послал в город Богородицк к управителю подпоручику Потресову ордер, в котором писал, “чтоб объявить тамошним крестьянам, ежели кто из них на Куликовом поле будут находить некие старинные всякие вещи, бердыши, сабли и прочее, чтоб то находимое объявляли ему, Потресову, а он бы... приняв от них то находимое, платил бы на того Волынского счёт за каждую вещь по пяти рублёв и присылал оное к нему... а он по получении платить будет деньги”. Подтверждая слова П. Муромцева, аналогичные показания следствию дали другой секретарь Конюшенной канцелярии В. Гладков и адъютант кабинет-министра И. Родионов. Сабля через служащих Конюшенного ведомства была уже после отъезда А. П. Волынского из Богородицка переправлена в Москву, где размещалась Конюшенная канцелярия; из старой столицы в Петербург, в дом кабинет-министра её перевёз некий офицер, присланный А. П. Волынским специально за саблей в Москву. Как видим, последнего не просто живо интересовала “мемория Куликовской битвы”. Кабинет-министр был готов платить деньги, и немалые, за другие находки, которые будут сделаны на месте сражения. Пять рублей для эпохи Анны Иоанновны составляли весьма серьёзную сумму. Ежегодная подушная подать для всех категорий крестьян равнялась 74 копейкам с души мужского пола, и кроме неё, богородицкие крестьяне, приписанные к Коношенной канцелярии, платили ежегодно ещё как черносошные 40 копеек. Следовательно, установленное А. П. Волынским вознаграждение за каждую находку почти пятикратно превосходило ежегодный государственный налог, платившийся местными крестьянами! Для того чтобы нам по достоинству оценить личность министра Волынского, следует отметить, что после казни его сабля, как и прочее имущество “государственного преступника”, была описана комиссией комиссара Фёдора Лопухина в бытности его у приёма и у приготовления к продаже описанных пожитков, оценена в один рубль и осенью 1740 года выставлена на торги. Покупателя на драгоценную для Артемия Петровича реликвию так и не нашлось, несмотря на то, что среди посетителей аукциона и приобретателей конфискатов были, например, историк В. Н. Татищев, князь Трубецкий и Волконские. В итоге саблю отослали назад, в Тайную канцелярию, с припиской в “Щётной ведомости” “по оценке безденежно”. Этот факт ещё раз говорит нам о том, что Артемий Петрович не просто был человеком своего времени, он сильнее и острее многих своих современников понимал необходимость изучения истории Отечества.

Дальнейшая судьба старейшей реликвии Куликова поля неизвестна. Парадоксальная ситуация – учредитель первого русского музея не имеет собственного! Не настала ли, наконец, пора почтить его память должным образом – основав музей, посвящённый его личности и служению?

Государственный ум и сердце патриота не позволяли Артемию Петровичу оставаться равнодушным к бедственному положению русских в царствование императрицы Анны Иоанновны, пренебрежению к пользе вскормившей их отца лиц немецкой нации. Одновременно с производством в министры он становится во главе группы русских патриотов, объединивших лиц из разных слоёв общества от архиереев и сенаторов до младших офицерских чинов и секретарей, всего более 30-ти человек. Под руководством Артемия Петровича с ведома императрицы разрабатывался проект о “поправлении государственных дел”, о котором можем судить лишь по сохранившимся фрагментам. Тем не менее, его прогрессивный просветительский характер, меры, направленные на то, чтобы русские имели привилегии в собственном Отечестве, не вызывают сомнений. Артемий Петрович полагал излишним усиление военной мощи России за счёт устройства внутренних её дел, хотел заполнить пустующие земли свободными земледельцами, установить правовое и “прозрачное” административное управление, обязательное академическое образование духовенства, поднять общий культурный уровень всех сословий, не исключая крестьянского, для чего открыть ряд университетов. Беспокоило его и печальное состояние русского монашества, реформы, предполагаемые Волынским, должны были укрепить положение монастырей и облегчить вступление на путь иночества для всех желающих, что до некоторой степени расходитя с петровским курсом, оставляющим такую возможность преимущественно для пожилых людей и увечных. Яркая личность министра и его деятельность вызвала ожесточённое политическое сопротивление, осуществлявшееся, как было принято говорить тогда, “силою персон”. Об этом трагическом противостоянии и о некоторых пунктах государственного проекта Артемия Петровича поговорим подробнее.

Завязавшаяся при дворе двухлетняя (весна 1738 – весна 1740) закулисная борьба прошла в своём развитии по меньшей мере три фазы.

Первая (май – октябрь 1738) была связана с сопротивлением первому проекту пока ещё частичной приватизации казённых металлургических заводов, инициированному генерал-берг-директором Шембергом при поддержке Бирона. Этот проект отдавал в наследственную собственность лицам немецкой нации стратегически важные для государства горные заводы и месторождения. Если бы даже А. П. Волынской не принёс Отечеству никакой иной пользы, кроме борьбы против этого проекта, одна она уже стоит благодарной памяти, музея и памятника. Уже на этом этапе произошло заметное охлаждение отношений между герцогом Бираном и Волынским.

Вторая (зима – весна 1739) ознаменовалась лишь частичными успехами Бирона, сумевшего реализовать первый “приватизационный проект” Шемберга и создавшего почву для приватизации всей уральской государственной металлургии, но потерпевшего поражение в своих династических планах – проекте женитьбы сына Петра на фактической наследнице престола, племяннице Анны Иоанновны, принцессе Анне Леопольдовне.

Третья (лето 1739 – весна 1740) была отмечена прямым столкновением Волынского с Остерманом и завершилась сплочением так называемой “немецкой” придворной группировки против кабинет-министра, заявившего именно в тот момент о претензиях на формулирование самих основ внутриполитического курса страны. Результатом стало “дело Волынского”, устранение его с политической сцены, мучение в застенках крепости, убийство и дискредитация его имени и деятельности.

Сама “завязка” первой фазы дворцовой интриги, последовавшая сразу после назначения в апреле 1738 года Волынского кабинет-министром, ставит под сомнение укоренившееся представление, что своим возвышением он был обязан исключительно Бирану, искавшему противовеса против влияния Остермана, – мнение, основанное на суждениях врагов министра Волынского А. П. Уже через месяц после назначения он перестал оправдывать надежды курляндского герцога.

Во-первых, Бирон не получил ожидаемой поддержки в вопросе о передаче в частные руки казённых металлургических заводов. Подготовленный ещё до конца мая 1738 года доклад кабинет-министром отверг выдвинутый в начале 1738 года Шембергом проект приватизации открытых на Белом море “лапландских” месторождений серебряной и медной руды и строящихся В. Н. Татищевым на Урале Гороблагодатских казённых железных заводов.

Во-вторых, Волынский начал атаку против руководителя Адмиралтейской коллегии адмирала Н. Ф. Головина – сына одного из самых талантливых сподвижников Петра Ф. А. Головина. Н. Ф. Головин не унаследовал выдающихся способностей отца, сделал карьеру преимущественно в дипломатическом ведомстве, руководимом Остерманом. Оттуда он и был назначен в 1732 году руководителем Адмиралтейской коллегии, обойдя нескольких опережавших его рангами, старшинством и заслугами адмиралов. Ф. И. Соймонов прямо называл Головина креатурой не Остермана, а Бирона. Атаке на Головина способствовал и личный конфликт Волынского с ним, вызванный тем, что Головин в 1737 году присвоил 10 тысяч рублей, выданных Адмиралтейству Конюшенной канцелярией в счёт займа, взятого её руководителем Волынским у флотского ведомства на покупку лошадей в Башкирии. Этой некрасивой финансовой комбинации Головина способствовало отсутствие Артемия Петровича, отправленного на Немировский конгресс. В конфликт оказался вовлечённым и Соймонов, заставивший Головина осенью 1737 года вернуть деньги, но не сумевший предотвратить свою публичную ссору с адмиралом и огласку дела, дошедшего до государыни, у которой Головин едва вымолил на коленях прощение. Этот конфликт способствовал дальнейшему сближению Волынского с одним из своих главных “конфидентов” – атака на Головина была начата финансовой ревизией флотского ведомства по предложению Соймонова, заслушанному в Сенате 29 мая 1738 года (то есть буквально в те же дни, когда кабинет министров, при горячем участии Волынского А. П., отклонил первый шемберговский план приватизации металлургии). Подобное совпадение не позволяет представить атаку на Головина лишь следствием случайного личного конфликта, оно свидетельствует о том, что по интересам Бирона уже в мае 1738 года был нанесён двойной удар: в случае успеха интриги он лишился не только ожидаемой прибыли от заводов, но и контроля (через Головина) над военно-морским ведомством и запирающими выход в Финский залив линейными кораблями и расквартированными в самом Петербурге и в Кронштадте 10.000 матросами.

А. П. Волынской, конечно, не был орудием в этой интриге. Он не мог не осознавать её последствий и не видеть явного неудовольствия Бирона. О его активной, принципиальной позиции свидетельствует и дальнейший ход интриги, которая продолжала нарастать и достигла кульминации в августе 1738 года.

Созданная указом императрицы 31 мая 1738 года (всего через два дня после рассмотрения соймоновского предложения о флотской ревизии и вскоре после получения негативного для Бирона мнения кабинет-министров о заводах) особая комиссия о заводах, переданная 2 июня 1738 года под управление брата фельдмаршала барона Х. В. фон Миниха, пришла к выводу о целесообразности их передачи в частные руки. Но в докладе 1 августа 1738 года она снова отвергла шемберговский вариант приватизации лапландских заводов, фактически повторив и углубив аргументацию майского доклада кабинет-министров. Это было новая победа министра Волынского, новое доказательство настойчивости проводимого им курса. Бирон снова потерпел ощутимое поражение. Для времени царствования Анны Иоанновны, для атмосферы постоянного страха “слова и дела” нужно было иметь поистине удивительные мужество и принципиальность для столь острой борьбы с временщиком!

Почти в то же время по позициям Бирона был нанесён и второй удар.

Флотская ревизия, начатая внезапной проверкой комиссии, состоящей из сенатора В. Я. Новосильцева, президента ревизион-коллегии А. И. Панина и сенатского обер-прокурора Ф. И. Соймонова, выявила невозвращённые Н. Ф. Головиным в течение пяти лет займы 40 тысяч рублей у ведавших финансами подчинённых ему флотских офицеров. Даже сам Головин, жаловавшийся уже после падения А. П. Волынского на “неправедную” ревизию, признал факт заимствования им по векселям 25000 рублей из флотских сумм. Волынской практически уже исходатайствовал у императрицы указ о предании адмирала воинскому суду. Соймонов “... тот указ у Волынского видел и думал, что на другой день он государыней подписан будет...”

Решающие события развернулись на следующий день. Когда Артемий Петрович подал, минуя Бирона, на подпись императрице уже заготовленный указ о суде над Головиным, обер-камергер, “... взяв оной у Государыни из рук, бросил Волынскому в глаза, упрекая его, что он неправильно подаёт на

графа Головина, а он-де человек честной и доброй”. Изумлённый Соймонов уже в следующий воскресный день, будучи с визитом у императрицы в Петергофском дворце, видел, как адмирал из её покоев “... вышел в залу в весёлом виде...”, а потом мало-помалу помощью своего патрона Бирона пришёл в прежнюю свою силу”.

Но даже открытая демонстрация ярости фаворита не остановила министра Волынского. Ход всей борьбы с самого её начала свидетельствует о его активной и принципиальной позиции и тем самым заставляет сомневаться в его “чёрной неблагодарности” и обязанности его своей карьерой “исключительно” Бирону, как стремятся представить иные историки.

Ранние стадии карьеры А. П. Волынского протекали в Конюшенном ведомстве под руководством не менее влиятельного, чем Бирон, умершего в 1735 году К. Г. Левенвольде. Последний был порой весьма откровенен с будущим кабинет-министром, ибо неоднократно высказывался при нём о негативных сторонах характера Остермана и даже сообщал Волынскому об остермановских попытках настроить и сплотить “немецкую” придворную группировку против русских вельмож: “... оной граф Остерман говаривал им (Ягужинскому и Левенвольде), что многие русские люди иностранцев не любят...” и пр. Возможно, первые шаги в приближении к особе императрицы А. П. Волынской сделал уже тогда. Кроме того, с 1736 года он был обер-егермейстером, отвечавшим за организацию охот, входивших в число любимых забав императрицы (что обеспечивало устойчивый контакт с ней), и его возвышение могло объясняться личными симпатиями Анны Иоанновны в сочетании с определённой поддержкой близких к императрице русских вельмож, которые явно или неявно поддерживали Волынского и в дальнейшем, что также противоречит современному взгляду на события тех лет. Несомненно, пусть не вполне сознающая себя национальной силой, “русская партия” существовала. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, ибо на протяжении очень долгого времени саму идею возможности “русской партии” ставили под сомнение, а образ русских сановников того времени старались представить как разрозненное сообщество людей невежественных, грубых, лишённых каких-либо убеждений, словом, таких лиц, которые немногим лучше животных и для которых немецкое ярмо – сущее благоденствие. В связи с этим очень любопытна трилогия Василия (Вильгельма) Авенариуса (немца по рождению!) “Бироновщина. Два регентства”, его взгляд никак не может быть назван предвзятым. Станным кажется убеждение некоторых современных историков в “сгущении красок” при описании ужасов “бироновщины” – убеждении, основанном на цифрах числа казнённых, подвергшихся репрессиям в эти годы. По воспоминаниям современников (например, Болотова, Аксакова, отец которого был избит палками до полусмерти по вздорному нраву старшего по чину немца), для истязания ни в чём неповинных русских людей заведения судебных дел и не требовалось. Командир-немец при любом конфликте, разбирая дела, держал сторону своих единоплеменников, не скрывая, что “русским канальям” никогда не поверит, и не скупясь на жестокие наказания. Немцами в ту пору были почти все командиры, а исключения только подтверждали правило.

В этой атмосфере перспектива женитьбы сына Бирона на Анне Леопольдовне не просто была неприятна русским вельможам (это откровенно обсуждали Волынской и Черкасский), она грозила бедой всему русскому обществу. Но два министра вряд ли сумели бы одни оказать решительное противодействие. Влияние А. П. Волынского продолжало укрепляться и в последующие месяцы – в ноябре-декабре 1739 года. Результат не замедлил сказаться как в истории знаменитого “Генерального проекта” Волынского, так и в конкретных внутриполитических акциях последующего периода. Вряд ли стоит отвлекать непосредственную связь проекта с набросками несколько утлачённых записок по политическим и этическим вопросам. Артемий Петрович обладал большим писательским талантом и любил на протяжении всей жизни составлять сочинения на тему самых разных материй. Проект, над которым работал Волынской и его “конфиденты” в конце 1739 – начале 1740 года, скорее всего, имеет иные истоки. Не исключено, что толчком для него послужил отданный императрицей “около Рождества 1739 г. особый приказ для сочиненья некоторого проекта, дабы ученье в России распространить и завести академии для обучения священников и секретарей”, известный по показаниям

Еропкина. Работа над этой запиской могла подтолкнуть министра Волынского к осмыслению более общих проблем внутренней политики. Закончившаяся русско-турецкая война завершила период “экстраординарной” военной политики и поставила вопрос об основах мирного внутривнутриполитического курса страны, потребовав формулировки “послевоенной” внутривнутриполитической программы.

А. П. Волынской, талантливый политик, к тому же претендовавший к этому времени на роль лидера в правительстве, ранее других уловил эту потребность, что и привело к появлению его знаменитого проекта.

Исследователи отмечали, что ещё до начала работы над “Генеральным проектом” Волынской уже набрасывал записку-трактат о важнейших государственных проблемах, но позднее (вероятно, попав в опалу) уничтожил её. Артемий Петрович делился некоторыми проектами с императрицей и получил её одобрение, все участники дела показывали, что Волынской говорил об этом.

О легальном характере проекта говорят и сами обстоятельства его составления.

Работа над ним шла открыто, к оформлению и редактуре его отдельных частей привлекались государственные чиновники различных рангов: от капитана флота и руководителя уральской металлургии Хрущёва, архитектора П. М. Еропкина, секретаря иностранной коллегии Суды, работавшего у Волынского над черновиками проекта неделю после нового 1740 года с позволения своего начальника Бреверна, бывшего обер-прокурора Сената Ф. И. Соймонова, до секретарей Военной коллегии П. Ижорина и Демидова, фактически подготовивших текст записки по военным вопросам. В нём использовалась документация государственных учреждений; черновые редакции различных частей проекта читались и обсуждались (помимо указанных лиц, личного секретаря императрицы Эйхлера и президента Коммерц-коллегии П. И. Мусина-Пушкина) сенаторами А. Л. Нарышкиным и В. Я. Новосильцевым, а также Я. П. Шаховским. Кроме того, чрезвычайно демократичный, простой уклад отношений в доме министра, особенности прямого характера последнего делали слушателями, участниками обсуждения его сочинений младших офицеров, дворецкого, некоторых слуг, секретарей, дочерей. Свидетельства полемики Артемия Петровича с младшими подчинёнными, да ещё на тему своего любимого сочинения – выстраданного проекта, – рисует нам его очень терпимым (что бывает крайне редко) писателем и снисходительным начальником.

А. П. Волынской желал свести все части обширного проекта в единую систему, оформленную в виде одного документа “наподобие книги”. Хрущёв (в основном занимавшийся систематизацией текста проекта и подбором “пункта к пункту”) “поправления и дополнения чинил... 3 месяца”, то есть примерно с января 1740 года, что подтверждает датировку начала работы над проектом примерно декабрём 1739 года. “Флотскую” его часть фактически писал Соймонов.

Вероятно, готовая работа предназначалась к подаче императрице после завершения празднеств по случаю мира и начала перехода к “мирному курсу” в развитии страны (она даже формально начиналась “Приношением Её Величеству”, “. . . к тому же и пишет он по повелению Её Императорского Величества”). К моменту ареста Волынского работа была далеко ещё не закончена. Но, как известно, тексты проекта до сих пор не обнаружены (их не оказалось в самом деле, по сведениям из которого “проект и к тому некоторые непристойные оного Волынского рассуждения” были собраны Ушаковым и Неплюевым в один пакет и запечатаны). Однако примерное его содержание добротнее реконструировано Готье по показаниям на следствии участников “дела Волынского”. “Генеральный проект” распался на шесть частей, охватывающих в совокупности почти все основные сферы внутренней политики – от сословной политики и организации центрального государственного управления до изменений в составе и структуре вооружённых сил и вопросов развития торговли.

К Сенату, видимо, должна была перейти часть функций Кабинета; кроме того, предусматривался контроль выросшего численно Сената за местной администрацией (ежегодные инспекционные поездки сенаторов по губерниям – своего рода “сенаторские ревизии”). Должность генерал-прокурора ликвидировалась (“. . . понеже оной много на себя власти иметь будет и тем может сенаторам замешание чинить. . .”), однако при этом сохранялась должность куда менее влиятельного сенатского обер-прокурора, контролирующего порядок и законность в работе Сената.

Нелепо предположить, будто А. П. Волынской при этом руководствовался борьбой за личную власть, — усиление Сената объективно ослабляло позиции кабинет-министра. Тем не менее, на протяжении нескольких столетий неприятели масштабной личности Артемия Петровича старались с большим или меньшим успехом внедрить в сознание общества эту мысль.

В чём-то эти идеи Волынского были реализованы в период “дворянских реформ” Екатерины II.

Проект А. П. Волынского отражал интересы шляхетства и частично выражал ряд выдвинутых последним ещё в 1730 году претензий на более широкое участие его в политической власти, но без республиканских крайностей.

“Экскузация” — своеобразное предисловие к читателям проекта, под которыми Волынской видел, прежде всего, кабинет-министров и сенаторов, весьма примечательна. Министр не только предлагал собственную внутривнутриполитическую программу, не считая её верхом совершенства, он приглашал к обсуждению выдвинутых им вопросов и других (“и ежели вы, господа почтенные, усмотрите сверх что к изъяснению и дополнению, прошу в том потрудиться, и я на резонабельное буду склонен и сердиться и досадовать на то не стану”). Такое высказывание явно не вяжется с принятым нынче представлением министра Волынского человеком излишне амбициозным.

Как уже говорилось выше, в отличие от шляхетских проектов 1730 года проект Волынского уделял гораздо большее внимание положению духовенства. Он предусматривал обязательность его обучения (“чтоб неучёных в попы не поставлять”) не только с намерением улучшить духовное воспитательное влияние Церкви на население, но и с целью поднять социальный престиж духовного сословия.

На последнее были рассчитаны и другие меры, например, улучшение материального положения приходского духовенства (“чтоб им самим не пахать, а чтоб приходским людям платить им деньги”), а также намерение “... в священнический чин вводить шляхетство”. Предложение “убогие монастыри все превратить в сиропитательные дома, а монастыри чтоб довольны были, также и монахи” также свидетельствует о намерении отойти от антимонастырских тенденций “Духовного регламента” и улучшить материальное положение “чёрного” духовенства.

Волынской намеревался предпринять ряд шагов по реальной интеграции духовенства в “благородное сословие”, приближающей его социальный статус к западноевропейским образцам, — всё это, вероятно, обеспечило бы ему хотя бы психологическую поддержку не только шляхетства, но и российского духовенства. Характерно, что Кубанец, по его собственным показаниям, читал (очевидно, с санкции Волынского) “нечто из проекта” вологодскому архиерею Амвросию. Планируемая Волынской политика резко контрастировала с открытым ущемлением интересов православного духовенства в аннинское царствование, о чём не худо бы с благодарностью молитвенно вспомнить современному священноначалию. Даже композиционно проект Волынского был построен в соответствии с основными элементами сложившейся в России общественно-сословной структуры. Первые четыре части касались армии, духовенства (“о церковных чинах”), шляхетства и купечества. И, таким образом, будучи ориентирован на публичную его огласку (по показаниям Соймонова, Волынской говорил, что “будет то своё сочинение друзьям раздавать, чтоб об оном везде известно было”), предполагал апелляцию к широким слоям общества. Проект, таким образом, выходил за рамки обычной бюрократической записки и был ориентирован на удовлетворение запросов и интересов основных российских сословий, реализовывал их стремление к участию в политической жизни страны.

А. П. Волынской делал и конкретные практические шаги в этом направлении. 14 февраля 1740 года одновременно с манифестом об окончании войны был подтверждён манифест от 31 декабря 1736 года об отставке шляхетства из службы и объявлено о вступлении его в силу; была декларирована отмена возврата переплаченного жалования гражданским чиновникам, частичная амнистия за должностные преступления и заявлено о намерении простить часть штрафов по недоимкам. Все эти меры были приняты по неподписанному докладу одного из кабинет-министров, известному лишь в писарской белой копии. Стиль и лексика доклада, не характерные для Остермана, заставляют склоняться к предположению об авторстве А. П. Волынского.

3 марта 1740 года появился почти не замеченный в историографии указ императрицы о назначении сразу шести новых членов в Сенат: генерал-лейтенантов М. И. Леонтьева и М. С. Хрущова, генерал-майоров И. И. Бахметева, П. М. Шилова, Н. И. Румянцева и М. И. Философова. Это было первое с 1730 года в аннинское царствование столь значительное расширение состава Сената, также явно отвечавшее интересам “генералитета и шляхетства”, вполне соответствовавшее идеям проекта Волинского и, очевидно, предпринятое по его инициативе, — во всяком случае, отнюдь не “с подачи” Остермана, откровенную неприязнь которого к Сенату формулировал в беседах с Волинским Черкасский: “Остерману... противно, что Сенат есть, хотелось бы ему, чтоб Сената не было, а съезжались бы коллежские президенты для совещания; Остерман боится, что Сенат усилится, если в нём будет много членов”.

Активная позиция А. П. Волинского в появлении столь важных правительственных актов и, возможно, в персональных назначениях свидетельствует о его достаточно сильных позициях во власти и о весьма значительном личном влиянии на императрицу. В конце марта 1740 года он эффектно выступил перед генеральным собранием против слишком щедрого возмещения польским землевладельцам за ущерб, нанесённый кампаниями 1738–1739 годов (этот эпизод послужил сюжетом знаменитой картине Якоби), а на вопрос о причинах не поспешил заявить, что он противник обеспечения таким образом интересов Бирона в сохранении и укреплении им за собой Курляндского герцогства. “Только польский вассал согласится на вознаграждение, но никто, кому дороги честь и польза своего Отечества, не даст на то своего согласия!”

Эти успехи в новом витке политической борьбы были вряд ли достижимы без явной или неявной поддержки русских вельмож из бюрократической верхушки России. Речь не может идти о заговоре, но итоги ноябрьского процесса Долгоруких 1739 года, впервые с петровского времени закончившегося не опалой, тюрьмой и ссылкой, а казнью представителей знатного аристократического рода и снова напомнившего о событиях, связанных с ограничением самодержавия в 1730 году (подлинных инициаторов которого императрица пыталась выявить в ходе этого нового дела), могли заставить многих представителей знати, участвовавших в шляхетском движении, подспудно содействовать Волинскому. Фельдмаршал Б. Х. Миних считал, что целью интриги было “удалить Бирона от двора”. Кстати сказать, Миних, не будучи другом Артемия Петровича и являясь представителем “немецкой” партии, с глубоким уважением вспоминает о нём в своих записках.

Французский посол маркиз Шетарди отмечал 23 февраля 1740 года явные проявления общественного недовольства: “...находят, что Россия недостаточно много выиграла в последнюю войну, чтобы устраивать такое великое торжество по поводу заключённого ею мира; доходят даже до высказывания мысли, что слава России должна пострадать от этих неуместных проявлений радости...” Дворянство не могла удовлетворять закончившаяся почти безрезультатно и стоившая огромных людских потерь (если учитывать её короткий срок — куда более значительных, чем петровская Северная) русско-турецкая война 1735–1739 годов. Если за 53 “петровских” набора с 1699 по 1725 годы было взято в рекруты 284, 2 тысячи человек, то всего за 8 наборов “аннинского” десятилетия — 276, 5 тысячи. Таков был основной итог “порядочного управления” — “бириновщины”! Объединившиеся Остерман и Бирон в разгар пасхальных торжеств в начале апреля 1740 года нанесли решительный удар по противнику, вылившийся, в конце концов, в “дело Волинского”. Формальным поводом к аресту послужила жалоба В. Третьяковского.

Интересно отметить, что этот выходец из бедной семьи священника, служившего в астраханской церкви, получил возможность широкого образования благодаря усилиям губернатора Волинского А. П., сумевшего открыть в этом городе несколько школ. Напрасно ссору Третьяковского с кабинет-министром стремятся представить как наглядный пример жестокости последнего. Конфликт этот назревал давно, ибо придворный пиит в угоду своим покровителям систематически сочинял и декламировал оскорбительные для Артемия Петровича сатиры, и даже более того — тешил двор пантомимами, представляя обер-егермейстера Волинского в образе русака и намекая таким образом на “русскую партию”. “Охота” на её главу по ходу действия и ужимкам Третьяковского оканчивалась неизменно гибелью “русака”. Зная об этих выходках, нельзя принять укоренившийся ныне в сознании общества сценарий ссоры:

“Третьяковский не сочинил в нужный срок стихи и был наказан”. Третьяковский, несомненно, действовал в качестве руководимого провокатора – иначе как можно толковать такую ситуацию: в ответ на вопрос министра о стихах, Третьяковский не только не приносит извинений в своей забывчивости, но обрушивается с бранью на посланного за ним слугу Артемия Петровича и возмущается самим фактом предъявления к нему каких-то требований. На другой день после первой неприятной сцены Третьяковский встречается с министром Волынским в приёмной Бирона. На вопрос Артемия Петровича: “По какому делу здесь?” – Третьяковский опять вместо раскаянья в намерении жаловаться на министра временщику совершает на глазах свидетелей очередную грубую выходку – демонстративно отворачивается от собеседника. Подобная манера поведения не вяжется с представлением о “тирански замученном, униженном, невинно пострадавшем” поэте, который “боялся мести” министра Волынского. Конечно, положение клиента Куракина никак не давало Третьяковскому возможность столь грубо попирать нормы этикета, вероятно, он был научен действовать именно таким образом. Следуя осторожности историка Зазюлинского, повторим: “что конкретно произошло тогда, нам не известно”. Артемий Петрович признавался в том, что “вытолкал в шею Третьяковского из приёмной в сени”. Вероятно, какое-то телесное наказание грубиян получил, однако смешно серьёзно рассматривать его жалобу, явно сильно преувеличенную. Пострадавший, избитый человек не сможет на другой день активно веселиться на маскараде, испытывавший шок, насмерть запуганный не станет сочинять новые жалобы. А именно так пытается обрисовать ситуацию Третьяковский. О каком “бесчеловечном увечье” может идти речь, если Третьяковский дожил до старости, не страдал никакими серьёзными заболеваниями, женился и имел детей, охотно участвовал во всех дворцовых увеселениях? Екатерина Великая, в отличие от современного читателя хорошо знавшая подобные нюансы, не придавала жалобе Третьяковского никакого значения. Обесценивает этот документ и тот факт, что за приобщение его к “делу Волынского” Третьяковский получил от Бирона более трехсот рублей, что превышало годовое жалование секретаря “Академии де сиянс”. Помимо весьма повредившей ему ссоры с учеником-министром, он многие годы вредил другому нашему просветителю – М. В. Ломоносову, хотя и с меньшим успехом: Михаила Васильевича, благодаря проискам Третьяковского, сажали в тюрьму, но пыткам и казни не предали. Одним из первых попытался привить русскому читателю иной взгляд на трагедию 1740 года Пушкин, усомнившийся, как бы обнаружение новых фактов (Пушкин смог указать только на факт ссоры с Третьяковским) из жизни министра не повредило герою прославленного бестселлера “Ледяной дом”. Но содержание письма Пушкина к И. И. Лажечникову никак нельзя считать исторической истиной. Оно объясняется чрезвычайной в те годы популярностью “Ледяного дома”. Известно, что А. С. Пушкин был не только весьма ревнивым супругом, но и таким же ревнивым сочинителем. Впрочем, даже он не смог найти у романа иных слабостей, кроме неправильной, на его взгляд, трактовки образов придворного пиита и Бирона. “Третьяковский в этом деле мученик”, – писал он в защиту своего собрата по перу и против деда своего крёстного отца (крестил Пушкина внук Артемия Петровича – Артемий Воронцов). По меньшей мере, странное изречение: “дело” для Третьяковского кончилось несколькими синяками, а для министра Волынского – дыбой, кнутом и прочими ужасами застенков Тайной канцелярии, переломанной рукой, вырванным языком, наконец, четвертованием... Так кто же здесь мученик?!

Лажечников великолепно парировал удары Александра Сергеевича, но эти тексты редко цитируемы: “. . . добросовестно изучил я главные лица моего “Ледяного дома” на исторических данных и достоверных преданиях. В ответе моём я горячо вступился за память моего героя, кабинет-министра Волынского, который, быв губернатором в Астрахани, оживил тамошний край, по назначению Петра Великого ездил послом в Персию и исполнил свои обязанности, как желал царственный гений; в Немирове вёл с турками переговоры, полезные для России и пр., и пр. На Волынского сильные враги свалили преступления, о которых он и не помышлял и в которых не имел средств оправдать себя. Пушкин указывает на дело, вероятно, следственное. Беспристрастная история спросит, кем, при каких обстоятельствах и отношениях оно было составлено, кто были следователи? На него подавал жалобу Третьяковский – и кого

не заставляли подавать на него жалобы! Доносили и крепостные люди его, белые и арапчонки, купленные или страхом наказания, или денежною наградой. Впоследствии один сильный авторитет, перед которым должны умолкнуть все другие, читавший дело, на которое указывает Пушкин, авторитет, умевший различать истину от клеветы, оправдал память умного, благородного министра. . .” Последняя фраза относится к Екатерине Великой. В другом месте о Тредиаковском: “от уважения к его личности да избавит меня Бог!” О поступке министра Волынского в отношении Тредиаковского: “Если Пушкин приписывает духу времени и нравам народа то, в чём они совсем не повинны, что никогда не могло быть для них потребностью (Пушкин попытался объяснить жестокости “бироновщины” “духом времени и народа”), почему ж не сложить ему было на дух и нравы того времени поступка Волынского с кропателем стихов, который сделался общим посмеянием. . .” Как видим, Александр Сергеевич применил к героям романа Лажечникова двойные стандарты. Далее автор “Ледяного дома” пишет: “Привожу здесь этот рассказ, потому что от меня требуют доказательств. . . Вот слова Ивана Васильевича Ступишина (лица весьма значительного в своё время и весьма замечательного), умершего девяностолетним старцем, если не ошибаюсь, в 1820 году: “Когда Тредьяковский являлся с своими одами. . . то он всегда, по приказанию Бирона, полз на коленях из самых сених через все комнаты, держа обеими руками свои стихи на голове; таким образом, доползая до тех лиц, перед которыми должен был читать свои произведения, делал им земные поклоны. Бирон всегда дурачил его и надседался со смеху”. Вот от какого лица влиятельный министр должен был кротко переносить пестрящие ненормативной лексикой сатиры! Несмотря на “увечья”, от которых Тредиаковский “ожидал себе кончины” и которые просил освидетельствовать, отказался ли он писать дурацкие стихи на дурацкую свадьбу? Нет, он всё-таки написал их и даже прочёл, встав с “одра смерти”. Далее Лажечников говорит: “Со всем уважением к памяти Пушкина скажу: оправдание Бирона почитаю непостижимую для меня *обмолвкой* великого поэта. Несчастье быть немцем?.. Напротив, для всех, кто со времён царя Алексея Михайловича посвящал России свою службу усердно, полезно и благородно, никогда иностранное происхождение не было несчастьем. . . услуги их, соединённые с истинным добром для нас, всегда награждались и доброю памятью о них. Что ж заслужил Бирон от народа? Не за то, что он был немец, назвали его время бироновщиною; а народы всегда справедливы в названии эпох. Что касается до великого ума и великих талантов его (А. С. Пушкин выразился именно так: “великий ум, великие таланты и дела Бирона”, — но не смог привести ни одного подтверждения своему мнению), мы ждём им доказательств от истории. До сих пор мы их не знаем”. Спустя двести лет историческая наука ничего не может возразить на этот довод И. И. Лажечникова. Каков бы ни был талант Александра Сергеевича в области поэзии, его подход к данной теме никак не может быть назван “историческим исследованием”, как обычно привыкли его именовать в современной нам публицистике. В гораздо большей степени беспристрастным историком выступает в этой полемике И. И. Лажечников.

И, как резюме, свидетельство неспорченного “модой на умы” (словами фонвизинского героя) взгляда писателя: “Мы привыкли верить, что чёрное черно, в жизни ли оно человека или в его сочинениях, и не ухищрялись никогда делать его белым, несмотря ни на предков, ни на потомков. Мы привыкли смеяться над топорными переводами и стишками собственной работы Василия Кирилловича, как смеялись над ними современники; нам с малолетства затвердили, что при дворе мудрой государыни давали читать их в наказание”. Как не вспомнить тут о печальном факте “переписывания истории”, так часто имевшем место в последние столетие!

Но вернёмся к событиям 1740 года, к “делу Волынского”.

Этот неблагоприятный в истории русского сыска процесс распадается на два этапа.

Во время первого (13–20 апреля 1740 года) Артемий Петрович оставался под домашним арестом, а дело ограничивалось следствием, ведённым состоящей преимущественно из сенаторов широкой комиссией по жалобе Бирона, главным объектом которой была “петергофская записка” 1739 года, якобы умалявшая честь и достоинство государыни. Потрясённый тяжестью обвинений, Артемий Петрович досадовал на погубившие его надежды “на своё перо, что писать горазд”. Реакция его вполне понятна: квалификация процесса как

дела “о государственной чести и достоинстве” переводила его в разряд тяжких государственных преступлений, уже грозивших последственному гибелью. На этой стадии организаторы процесса хотели, прежде всего, дискредитировать министра в глазах императрицы. Из показаний доверенного человека Волынского В. Кубанца (выкрест-татарин, взятый в дом ещё мальчиком во время астраханского губернаторства Волынского, хозяин полагал Кубанца “человеком совестливым” и вывел в люди) выяснилось, что кабинет-министр выступал против династических планов Бирона и критиковал самого герцога, но самое главное — позволял себе при чтении жизнеописаний Клеопатры и Мессалины у Юста Липсия неосторожные и иронические замечания в адрес правящего женского пола: “...весь род их таков”, — что, по словам доносчика-слуги, “весьма Высокой Персоне Вашего Величества противно”. Сыграв на оскорбленном женском самолюбии Анны Иоанновны, организаторы вызвали перелом в ходе процесса и перешли к подготовке гибели А. П. Волынского не только как политика, но и как частного лица, тем более, что и само по себе произнесение “непристойных слов” переводило дело в компетенцию Тайной канцелярии и грозило по петровскому “Артикулу воинскому” смертной казнью.

Во время второго этапа процесса (22-23 апреля — 19 июня 1740 года) Артемий Петрович был отправлен в Петропавловскую крепость, следствие было передано в Тайную канцелярию и поручено узкой группе лиц: близкому к Бирону А. И. Ушакову, а также “креатуре” Остермана И. И. Неплюеву, секретарём при которых был открытый враг Волынского А. Яковлев. Только тогда были арестованы основные (кроме А. Ф. Хруцова, арестованного раньше) “конфиденты” Волынского. Еропкин был допрошен 28-го, Соимонов арестован 30 апреля, Суда — 27 мая, Мусин-Пушкин — 31 мая 1740 года.

Именно на этой стадии в отобранном у Волынского 23 апреля “Генеральном проекте” и в его отдельных неосторожных фразах начали искать доказательства государственного заговора. Но немногие и весьма шаткие свидетельства в его пользу были найдены даже не в конкретных словах Волынского, когда-то оброненных в беседах с “конфидентами”, а в предположениях Кубанца, что его хозяин намеревался разгласить свои проекты и рассуждения в народе и “сделать свою партию”, лаская офицеров гвардии. Это, а также резкие отзывы Волынского об императрице (“государыня у нас дура”) привели к тому, что 18 мая Анна Иоанновна отдала приказ пытать “конфидентов”, а 21 мая — и самого А. П. Волынского, однако и пытки не дали никаких реальных доказательств государственного заговора: следствие даже запуталось во взаимоисключающих обвинениях в попытке Волынского сделать себя “государем” и в стремлении его же к “республике”. В результате доказательства принялись искать в самом тексте “проекта”, но и там дающих для этого основания мест оказалось немного.

Основное внимание было обращено на две части проекта. Во-первых, на предисловие к читателям, дававшее самые минимальные поводы для истолкования его почти как манифеста с обращением к “мятежному” шляхетству. И хотя Артемий Петрович упорно утверждал, что проект не имел иных адресатов, кроме государыни, кабинет-министров и сенаторов, в “экскузации” столь же упорно видели доказательства скрытых “республиканских” намерений и настроений Волынского. Императрица пугалась призрака шляхетского движения, аналогичного движению 1730 года, воспоминания о котором были оживлены законченным лишь полгода назад “делом Долгоруких”. Во-вторых, на историческую часть как на повод для столь же натянутых обвинений в намерении А. П. Волынского сделаться государем. Доказательства видели в декларации Волынским своего родства по женской линии с княжившими в XIV веке московскими Рюриковичами. Обвинение при этом не приводило конкретных фрагментов самого текста проекта.

О степени популярности министра А. П. Волынского как политического лидера и обеспокоенности правящих кругов можно судить по фактам того, что в разгар “дела Волынского” 23 апреля 1740 года был издан указ о срочной выплате денег из Монетной канцелярии на Конногвардейский и Измайловский гвардейские полки; 25 и 26 апреля 1740 года появились указы о не записывании впредь без доклада императрице на вакантные места в Преображенский и Семёновский полки, продиктованные попыткой усилить контроль за составом гвардии (в те годы почти сплошь состоящей из лиц курляндской и лифляндской наций); 26 апреля 1740 года был отменён штрафной двойной платёж недоимки,

введённый во время войны; 26 апреля 1740 года резолюцией императрицы на докладе Военной коллегии был разъяснён и уточнён порядок отставки шляхетства от службы по силе манифеста 31 декабря 1736 года; 29 апреля 1740 года на расширенный всего два месяца назад Сенат была накинута надёжная “узда” восстановлением должности генерал-прокурора, которым был назначен Н. Ю. Трубецкой (один из прежних приятелей опального министра, теперь долженствующий оправдать своё освобождение от следствия).

Какое явное различие с обстоятельствами ареста в ноябре того же года Бирона! Несмотря на убеждение последнего в любви к нему русского народа, который он откровенно презирал (свидетельства английского резидента Рондо, Манштейна и иных лиц двора), несмотря на повторяемую Бироном самонадеянную фразу: “Я могу спокойно лечь спать между бурлаков”, – арест временщика не потребовал малейших политических приготовлений, никаких затрат на “покупку” лояльности гвардии или государственных сановников, ликование в народе (свидетельства очевидцев, в том числе представителей “немецкой” партии) было велико и сопоставимо только с большим праздником.

Артемий Петрович Волынской и его “конфиденты”, несмотря на отсутствие доказательств их вины, 19 июня были осуждены Высшим судом из основных представителей русской шляхетской бюрократической верхушки (в числе которых были и доверенные слушатели “Генерального проекта”) и 27 июня 1740 года казнены.

Это была вторая за время царствования Анны Иоанновны открытая массовая казнь представителей российского дворянства, однако основанная (в отличие от процесса Долгоруких 1739 года, виновных в сочинении подложной “духовной” Петра II) на надуманных обвинениях. Главными её виновниками были Остерман и Бирон. Первый полностью признал себя виновным в вопросе преследования и убийства министра Волынского. Признание это, в отличие от многих показаний подследственных “конфидентов” Артемия Петровича, заслуживает доверия, ибо не было вырвано мучительными пытками.

В сознании большинства наших современников исторические и духовные ориентиры и ценности носят весьма условный, размытый характер. Такие диаметрально противоположные в своей устремлённости (не только в сфере политической, но и частной, в области нравственной, в вопросах чести и порока) личности, как Волынской, Бирон и Остерман трактуются как не поладившие из своих мелких интересов вельможи. Чтобы опровергнуть такую точку зрения, можно представить множество фактов, не затронутых выше, но я упомяну только ещё об одном: кабинет-министр Остерман был едва ли не первым в истории русского государства сановником, переведшим на счета английского банка огромную сумму, утерянную навсегда для русской казны (несмотря на неоднократные попытки императрицы Елизаветы вернуть её), кабинет-министр А. П. Волынской примерно в это же время призывает своих коллег “разорить” винные заводы (будучи владельцем некоторых из них), чтобы раздать хранящееся на них зерно неимущим крестьянам.

Нередко в одном и том же государстве и даже городе можно встретить памятники как жертвам, так и их палачам, а несуразность такого явления обычно объясняется туманным определением – “это наша история”. Истинная же причина тому не наша история, а наша беспринципность. История имеет своих героев и своих антигероев, первые должны быть прославлены, а вторые – подвергнуты презрению. Только так страна может обрести свою национальную идентичность, славу и величие, которые так много значили для верных её сынов, в частности, для министра Артемия Петровича Волынского.

АЛЕКСАНДР ВЕРГЕЛИС

ВОССТАВШИЙ ИЗ ТЕКСТА

Александр Невзоров как литературный персонаж

Полагаю, что столь настойчиво декларируемая Александром Невзоровым “глухая ненависть” к художественной литературе объясняется не только его застарелой привычкой эпатировать публику. И подпитывается эта ненависть не одной лишь приверженностью недоучившегося гуманитария дисциплинам естественно-научного цикла, приверженностью вполне религиозной, даже сектантской, яростно отрицающей любое инакомыслие, в данном случае – всю и всяческую гуманитарщину, будь то история, богословие или упомянутый выше худлит. Воинствующий невзоровский антигуманитаризм настолько радикален, что возникают подозрения в искренности его носителя, но дыма без огня, как известно, не бывает. Словом, есть основания полагать, что Александр Глебович не любит художественную литературу вполне искренно.

Так искренно, так нежно не любить можно только что-то очень близкое, кровнородственное. Столь неистово ненавидеть “фикшен” может тот, кто есть плоть от плоти текста, кто сам является текстом.

За Дмитрием Быковым числится теория литературной реинкарнации: писатели и поэты не умирают насовсем, а воплощаются в новых обликах, обретая двойников в литераторах следующих поколений. Теория эта применима не только к писателям, но и к их героям. Только не всегда литературный персонаж обитает в пространстве текста. Он может оттуда выходить и *вочеловечиваться*, как показал Николай Бердяев в книге “Духи русской революции”, столь популярной в перестроечные (можно сказать – исконно невзоровские) годы. “Многое старое, давно знакомое является лишь в новом обличье... Бессмертные образы Хлестакова, Петра Верховенского и Смердякова на каждом шагу встречаются в революционной России и играют в ней немалую роль”, – рассуждает философ о духах, точнее – о *мелких бесах* русского бунта.

Итак, представим себе литературного героя, чудесным образом покинувшего страницы романа и сумевшего притвориться реальным человеком из крови и плоти. Само существование мира художественной прозы для него, сбежавшего в мир объективной реальности, – мучительное напоминание о его истинной природе, о покинутой и отвергнутой им прародине. Отсюда, вестимо, и фобия, проявляющаяся в беспрестанной вербальной агрессии по отношению к изящной словесности.

Особенно достаётся от Невзорова русской классической литературе. Не иначе потому, что именно в ней, как в зеркале, отчётливо отражается его нынешний медийный облик. Понятно желание ударить по этому зеркалу так, чтобы “брызги засверкали”. Например, выдать следующий перл: “Прыщавая тринадцатилетняя девка из провинции хочет быть оттраханной городским щёголем”¹. Это – о Татьяне Лариной. Если кто не в курсе – героине романа в стихах, который написал “несчастный глупый Пушкин”².

Литература отучает видеть причинно-следственную связь, заявляет Невзоров³. “Что портит речь и мышление? Прежде всего, художественная литература”⁴, – рассуждает мэтр. Если всё это говорится не ради того, чтобы фразировать “филологических дам”, а всерьёз, то мы вправе воскликнуть: неужели он не понимает разницу между мыслью научной и мыслью художественной? А если действительно не понимает? Да и есть ли у него адекватное представление о предмете рассуждения? “Вся русская литература имеет отчётливый, навязчивый великодержавный подтекст с культом солдафонов”, – уверяет Невзоров читателей журнала “Сноб”⁵. Утверждение, мягко говоря, спорное, особенно если учесть, что литература в XIX веке была для России, лишённой развитых институтов гражданского общества, своего рода парламентом, предоставляла политическим вольнодумцам единственную более или менее открытую трибуну. Обвинять в “великодержавии” можно отдельных авторов в отдельные моменты их жизни, но не литературу, вскормившую на своих идеалах несколько поколений революционной интеллигенции.

Романное многословие, по Невзорову, объясняется ничем иным, как сребролюбием авторов. На вопрос, почему в прозе мысль “размазана на множество страниц”, зачем литератор вводит в повествование множество персонажей, ответ предельно простой: потому что романисту платят построчно, а настоящий мыслитель мыслит лаконично. Как бы то ни было, не лаконичные мыслители, а именно словоблуды-писатели описали ту архаическую породу людей, “типичным представителем” которой ныне выглядит Александр Невзоров. Портрет героя отлично знаком нам по школьной программе. Речь не о персонаже сатирической повести Алексея Толстого “Похождения Невзорова, или Ибикус”, хотя авантюризм и беспринципность бухгалтера дорожной конторы Семёна Ивановича Невзорова роднит его со знаменитым однофамильцем. Наиболее полно наш современник описан в романах предыдущей генерации многословных сребролюбцев – Чернышевского, Тургенева и Достоевского – романах, которыми, к вящему негодованию Александра Глебовича, пичкали и отчасти продолжают пичкать несчастных школьников.

Вот, например, цитата: “Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта”. Или вот: “И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взялся, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это всё романтизм, чепуха, гниль, искусство”. Читая это, так и слышишь знаменитый прокуренный баритон с озорными нотками, так и видишь знакомую ещё со времён “600 секунд” кривую ухмылку. Между тем, эти абсолютно невзоровские тирады производит не кто иной, как покрытый хрестоматийным хитином Евгений Базаров. Этот тургеневский герой, на первый взгляд, и есть главная литературная матрица, по которой сделан Александр Невзоров образца десятых годов XXI века.

“Мы, физиологи, знаем...” – то и дело вторит он Базарову, хотя столь смелое самоотжествление бывшего журналиста-самородка с учёными-естественниками едва ли может быть оправдано даже изрядным количеством освоенных монографий и произведённых домашних опытов по вскрытию трупов. Но это неважно, Базаров на момент произнесения вышеприведённых сентенций тоже не ахти какая птица – всего лишь студент-медик. Двух героев объединяет не только потрясающий апломб, но, прежде всего, общность демонстрируемых мировоззренческих установок, нацеленные на упрощение человеческой природы и действительности вообще, этакий натур-большевизм. Не говоря о любимом хобби обоих: жёстком сарказме, направленном на всех и всяческих идеалистов-гуманитариев вроде господ Кирсановых. Ещё один штришок к двойному портрету – перманентное курение на публику. Сегодня, в эпоху культа ЗОЖ, это тоже вызов.

Легко представить, какую кислую мину делал Базаров, когда при нём произносили слова “идеал”, “культура”, “принципы”. Таков и Невзоров. При слове “духовность” он хватается за микроскоп. Смысл этого понятия наш герой определяет апофатически: “Духовность – это незнание астрономии и астрофизики, это полное невежество в вопросах молекулярной биологии, физиологии, структурной геологии”⁶. Прекраснодушный аристократ Павел Кирсанов брюзжит о плебее Базарове: “В принципы не верит, а в лягушек верит”. “Молекулярная биология гена мне больше расскажет о человеке!” – огрызается претендующий на аристократизм Невзоров. И он-таки прав: если

свести феномен человека к учебнику зоологии, то никаких принципов не нужно. Молешотовы афоризмы “Человек есть то, что он ест” и “Без фосфора нет мысли” абсолютно истинны. И почему бы в антропологических рассуждениях не ограничиться этими аксиомами? В конце концов, каждый имеет право служить любым богам, в том числе воздвигнутому ещё в эпоху Просвещения светлоликому идолу Разума. Смущает лишь то, что Базаров, в сущности, мальчишка. Студенту простителен ригоризм. Подростковый негативизм – болезнь роста, она излечивается со временем. Непросто смириться с мыслью, что Невзоров – многоопытный, основательно и затейливо поживший человек – на закате дней упёрся в то, что принято называть “вульгарным материализмом”, чего брезгливо сторонились даже марксисты-ленинцы.

Как и состарившийся за полтора века Базаров, Невзоров обескураживающе архаичен. Точнее, анахроничен. Он увлечённо изобретает позитивистский велосипед, как будто не было XIX столетия с его культом естественных наук и гиперкритицизмом в области наук гуманитарных. Его суждения о науке и религии легко укладываются в поросшее мхом прокрустово ложе русского нигилизма. Перед нами набор идей “критически мыслящей личности” в духе героев ещё одного романа из советской школьной программы – “Что делать”? Того самого, что “перепыхал” Володю Ульянова.

От позитивизма до социал-дарвинизма – один шаг. Вспомним, как страстно Базаров нахваливает немцев – немецкая наука в середине XIX века, действительно, самая продвинутая. Именно немцем он к концу столетия и воскресает – в чеховской “Дуэли”, во многом пародирующей “Отцов и детей”. Зоолог фон Корен – ещё одно ретроспективное литературное воплощение Невзорова. Фон Корен не просто “социал-биолог”, невнимательно прочитавший Дарвина и механически переносящий закономерности естественного отбора и борьбы за существование на человеческое общество. Он тоже первоклассный провокатор, с наслаждением эпатирующий добродушных обывателей высказываниями в духе грядущих национал-социалистов.

Примечательно, что из всех классиков больше всего перепадает от Невзорова не Тургеневу с Чернышевским, не Чехову, а Достоевскому. Фёдор Михайлович, по его словам, – “мастер лжи”. Впрочем, не совсем понятно, обвинение это или похвала: ведь умельцем манипулировать и лгать позиционирует себя и сам Невзоров. Достоевского он третирует, возможно, потому, что Фёдор Михайлович точнее и злее всех его описал. Есть у него в “Бесах” один проходной, но яркий персонаж – спятивший подпоручик. Говорится о нём следующее: “Выбросил, например, из квартиры своей два хозяйские образа и один из них изрубил топором; в своей же комнате разложил на подставках, в виде трёх налоев, сочинения Фохта, Молешота и Бюхнера, и пред каждым налоем зажигал восковые церковные свечи. По количеству найденных у него книг можно было заключить, что человек он начитанный”. Невзоров тоже очень начитанный. Правда, в списке из ста рекомендуемых им к прочтению книг нет ни одной художественной. Статьи, что касается икон, то изначально они стояли у него там, где положено.

Между тем, столь последовательно пропагандируемый Невзоровым научный стиль мышления постоянно даёт сбой. Возможно, сказывается нехватка гуманитарного, – в данном случае, исторического – образования, воспитывающего строго критическое отношение к источникам. Например, убеждённое обвинение Достоевского в педофилии, основанное на известном письме Николая Страхова Льву Толстому⁷. Тут возмутился бы и ясный защитник науки, зоолог-дарвинист Томас Гексли, подчёркивавший: “Всякое утверждение, выходящее за пределы доказуемого, является не только промахом, но преступлением”.

Другое дело – богоискательство и почвенничество Достоевского; тут воинствующему атеисту есть где разгуляться. К слову, стилистически антиклерикальные выпады Невзорова очень напоминают ленинские статьи. Вот как, например, Владимир Ильич, вскрывая “кричащие противоречия” в творчестве Льва Николаевича, отзывался о религиозных поисках “зеркала русской революции”: “проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии... культивирование самой утончённой и потому особенно омерзительной поповщины”. Трудно сказать, насколько повлияли на Невзорова классики марксизма-ленинизма, но его антицерковная риторика выдержана в духе журнала “Безбожник у станка” и пропагандистских писаний

Демьяна Бедного, а аргументы против существования Бога напоминают бронебойные доводы вроде: “Гагарин в космос летал и Бога там не видел”. В определённые моменты своих антихристианских выступлений Невзоров – это булгаковский Берлиоз, рассуждающий о Христе на Патриарших прудах.

Наличие среди российских писателей убеждённых атеистов и “борцов с поповщиной” вроде того же Чернышевского ничуть не поднимает отечественную словесность в просвещённых глазах нашего героя. “У русской классической литературы закончился срок годности”, – бескомпромиссно резюмирует он. Ничего нового в этой мысли нет – ещё некто Дмитрий Писарев, тот самый, говоривший, что сапоги выше Шекспира, в середине XIX века сбрасывал Пушкина, Лермонтова и Гоголя с парохода современности. Спустя полстолетия это попытались повторить футуристы. Однако списывать русскую классику в утиль снова оказалось делом преждевременным – она ещё жива, наша старушка, и персонажи её живее всех живых.

Что касается классиков литературы мировой, то этих Невзоров поминает не столь часто. Нельзя, однако, сказать, что к литературному наследию Европы он равнодушен: нынешний свой имидж наш герой (или его имиджмейкер) срисовал сразу с двух, казалось бы, взаимопротивных персонажей Гёте. Ложномефистофелевский образ тут причудливо сочетается с псевдофаустианским: косвенно доказывая давнее подозрение, что Фауст и Мефистофель – единое целое. Фауст и есть бес. Пошляк Мефистофель – лишь его *alter ego*, тёмная сторона личности, “тень”, по Юнгу. Эстет и сноб Фаустофель Глебович, в образе сумрачного гения позирующий за рабочим столом с натюрмортом из черепов, являет собой пример собирательного литературного героя: тут вам и сын человечий, и бес.

Внешне это бес западного, воландовского образца. Но внутри – совершенно наш, отечественный, российским пером неоднократно описанный. “Много есть русских бесов, которые раскрывались русским писателям или владели ими, – бес лжи и подмены, бес равенства, бес бесчестья, бес отрицания, бес непротивления и мн., мн. другие. Все это – нигилистические бесы, давно уже терзающие Россию”, – сокрушался столетие назад Бердяев. “Бес отрицания” в этом списке едва ли не главный. Низвержение кумиров, попираание всех и всяческих ценностей всегда найдут благодарный отклик в трепетном сердце русского человека, отсюда и соблазн вскочить на этого заезженного предшественниками конька. И тут снова на ум приходит школьный курс русской литературы, а именно – монолог тургеневского Рудина: “...Отрицайте всё, и вы легко можете прослыть за умницу: это уловка известная. Добродушные люди сейчас готовы заключить, что вы стоите выше того, что отрицаете”. Судя по широте невзоровской аудитории, “добродушными людьми” Россия не оскудела.

Если в граничащей с фанатизмом искренности русских нигилистов больших сомнений не возникает, то в случае нашего современника невозможно определить границу между убеждениями субъекта и его публичными высказываниями. Говоря о Невзорове, помимо “отрицания” в бердяевском списке следует жирно подчеркнуть “ложь и подмену”. Есть подозрение, что на самом деле перед нами фигура подменная. Никакой не Базаров, а – Хлестаков, Базаровым притворившийся. Вот он, восставший из хрестоматии, во всей красе – и со Стивеном Хокингом на короткой ноге, и в Большой адронный коллайдер специально заглянул, чтобы понять “кое-что о природе вакуума”⁸. Тем временем его литературный двойник вторит ему из толщи гоголевского текста: “Я шутить не люблю, я им всем задам острастку... Я такой! Я не посмотрю ни на кого... Я везде, везде”.

И тут остаётся единственный вопрос: можно ли об Александре Невзорове говорить всерьёз? *Уж не пародия ли он?*

Невзоров рубежа 1980–1990-х – это настоящий, никем не придуманный “герой нашего времени”, герой в прямом, жизненном, а не литературном смысле слова. Храбрец, романтик, идеалист и одновременно талантливый провокатор, запечатлевший свою противоречивую эпоху и ставший её неотъемлемой составляющей. Но как быть, когда ваше время давно ушло? Второе или даже третье (последлошадное) пришествие Невзорова в публичное пространство состоялось в виде фарса. Из героя реального Невзоров превратился в литературного, если не опереточного. Судя по всему, публичному человеку, ушедшему в тень вместе с эпохой, вернуться в реальность (не важно –

объективную или виртуальную) возможно лишь в таком “формате”. Но и эта оболочка изнашивается, воспринимать её всерьёз уже невозможно. Медийный ресурс всякого тролля исчерпаем, у каждого возмутителя спокойствия, пользуясь невзоровской терминологией, имеется свой срок годности.

Вместе с тем, само по себе явление эволюционировавшего Невзорова симптоматично. Его антилитературный пафос рифмуется с тотальной дегуманитаризацией. Его призыв исключить художественную литературу из списка школьных предметов сегодня не так уж абсурден: для современного подростка Толстой и Чехов — скуловоротная архаика, чтение книг вообще — занятие малопривлекательное. Свято место пусто не бывает: зияющие гуманитарные лакуны заполняются смогом псевдорелигиозного мракобесия, в итоге среди символов третьего тысячелетия мы видим разрушенную Пальмиру.

Кажется, Татьяна Толстая сказала, что отношение Невзорова к русской литературе есть отказ от прямохождения. Эта метафора применима к человечеству вообще. Беда нашего времени именно в отсутствии весомой гуманитарной составляющей, уравнивающей научно-технические прорывы. Мы как будто забыли, в какие бездны ведёт прогресс техносферы, не синхронизированный с прогрессом гуманитарным. Плата за эту диспропорцию — расчеловечивание.

“Есть люди с розовых диванов, которые воспринимают мир в гламурном освещении, и полагают, что на всю жизнь они застрахованы от всех ситуаций. Я видел немало войн и катаклизмов, когда весь этот тончайший налёт цивилизованности легко стирается с человека, и он превращается снова в сообразительное животное”⁹, — тут Невзоров знает, о чём говорит. Но может быть, этот тончайший налёт — и есть то единственно ценное, за что стоит бороться и что надлежит всеми силами наращивать — в том числе, при помощи машины смыслов или, если угодно, генератора иллюзий, каковым являются литература и искусство?

Нам возразят, что именно в иллюзиях кроется дьявол, что именно гуманитарии как творцы политических идеологий повинны в разжигании наиболее страшных войн и революций. Гитлер был художником, Мао — библиотекарем и библиофилом; список можно продолжить. Но в прошлом веке именно появление массового, упрощённого человека стало причиной ниспадения Европы в новое варварство. Если что и спасёт мир, то это будет культура. Будущее без гуманитариев — это киберпанк, ставший былью. Не будем забывать слова Клода Леви-Стросса: “XXI век будет либо веком гуманитарных наук, либо его не будет вообще”.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <https://rtvi.com/ko2/aleksandr-nevzorov/> Александр Невзоров: “Мы все — дети Мордора” // RTVi, 14 мая 2019 года.

² Ibidem.

³ <https://chto-chitat.livejournal.com/12817877.html>. “Польза” художественной литературы // Chto_chitat, livejournal. 6 сентября 2016 года.

⁴ <https://rtvi.com/ko2/aleksandr-nevzorov/> Александр Невзоров: “Мы все — дети Мордора” // RTVi, 14 мая 2019 года.

⁵ <https://snob.ru/profile/20736/blog/76791>. У русской литературы закончился срок годности // Сноб. 29 мая 2014 года.

⁶ Там же.

⁷ Письмо Н. Н. Страхова к гр. Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 года, напечатано в журнале “Современный мир” в октябре 1913 года. Николай Николаевич Страхов — философ, публицист и литературный критик. В своём письме Льву Толстому он, в частности, писал следующее: “Его тянуло к пакосям, и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблюдал в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка”.

⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=zcjKJ7FHDLM>. Интервью Юрию Дудю. 30 января 2018 года.

⁹ https://life.ru/t/%D0%B7%D0%B2%D1%83%D0%BA/923935/nievzorov_umieniie_vskryt_zhivotnoie_dlia_dietiei_vazhnieie_znaniia_stishkov_o_lukomorie “Невзоров: Умение вскрыть животное для детей важнее знания стишков о Лукоморье” // Life. 29 октября 2016 года.

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО

директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Для Свиридова 1958 год прошёл под знаком работы над Патетической ораторией. Тем не менее, в том же году он сумел завершить своё первое сочинение для хора без сопровождения “Пять хоров на слова советских поэтов”. Стимулом для создания этого цикла стало рождение Всероссийского хорового общества, которое состоялось в 1958 году. В конце года один из Пяти хоров – “Повстречался сын с отцом” на слова А. Прокофьева – был впервые исполнен Госхором под управлением А. В. Свешникова в Колонном зале Дома Союзов в рамках отчётного хорового концерта¹.

Кроме того, Свиридов вернулся к ряду своих старых сочинений, в частности, к довоенному циклу песен на слова А. Прокофьева и создал вторую редакцию под названием “Слободская лирика”, добавив ещё одну песню на слова М. Исаковского. Наряду с этим циклом и не без влияния работы над ним, из-под пера Свиридова в том же году вышло несколько вокальных миниатюр. Все они были созданы в новом свиридовском “русском стиле”, провозвестником которого были довоенные песни на слова Прокофьева или родившиеся в конце 1940-х годов песни на слова советских поэтов. Сыграло свою роль обращение к русской поэзии XX века, к стихотворениям Б. Корнилова (“Лесная сторона”), М. Исаковского (“Осенью: Пели две подруги...”), А. Твардовского (“Смоленский рожок” – “Мы в землячество не лезем...” из Василия Теркина), а также к Пушкину (“Ворон к ворону летит...”) и к С. Есенину (“На земле живут лишь раз...”). В том же году вышли в свет партитура и клавиры Поэмы памяти Сергея Есенина.

Выступил в 1958 году Свиридов и в печати. В девятом номере журнала “Советская музыка” за 1958 год была помещена его статья о молодых композиторах, выпускниках Московской консерватории, у которых он принимал экзамен по специальности в качестве председателя экзаменационной комиссии². Отметил двух наиболее талантливых и творчески многообещающих – А. Караманова и А. Шнитке.

Однако наибольший резонанс получила статья Свиридова “Искоренять пошлость в музыке”, опубликованная в газете “Правда”³. Она не осталась незамеченной, вокруг этой статьи разразилась полемика, она обсуждалась как в композиторской среде, так и широкой общественностью, в газету посылались письма; у статьи были как почитатели, так и противники. До сих пор она служит предметом для упреков Свиридову, для обвинения его в намерении испортить актёрскую карьеру Марка Бернеса и чуть ли не в проявлении антисемитизма. Поэтому считаю необходимым более подробно остановиться на истории с этой статьёй. Тем более, что поднятые в ней проблемы не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Продолжение. Начало в №1, 5, 6 за 2016 год, № 6, 8 за 2017 год, № 2 за 2018 год и №1, 5, 6, 7, 8, 10, 11 за 2019 год.

Ни для кого не секрет, что массовая музыкальная культура была постоянно предметом пристального внимания в СССР со стороны правящей партии и государства. Тут нет ничего удивительного: музыка не только в Советском Союзе и не только в тоталитарных государствах XX века, но и во всём цивилизованном мире испокон веков была предметом государственного внимания и опеки в Европе. А в Средние века, да и позднее – предметом тщательного надзора и цензуры со стороны Церкви.

Впрочем, к какой глубокой древности уходит проблема регулирования музыки, можно судить по диалогу “Государство” Платона, созданному в 360 году до н. э. По Платону, музыка должна воспитывать “стражей государства” при помощи таких ладов, которые не расслабляли бы будущих воинов, подобно лидийским, со свойственными им причитаниям и жалобам, а также ионийским, которые разнеживают и свойственны застольным песням. Люди воинственные, по Платону, никоим образом не должны пользоваться этими ладами.

Между учением об этосе ладов у Платона с точки зрения их полезности для воспитания граждан и представлениями о формалистической и реалистической музыке в Постановлении ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1948 года не такая уж большая разница.

Статья Свиридова в газете “Правда” появилась благодаря стечению нескольких обстоятельств. С одной стороны, явно был “социальный” заказ государства. В чём он заключался, могу судить только по косвенным признакам, так как документального свидетельства конкретного повода пока не нашёл. Вероятно, тут было сразу несколько разных поводов, но все они имели отношение к государственной политике в области музыкальной культуры.

Статья вобрала в себя практически все обсуждаемые как в предыдущие годы, так и в 1958 году злободневные темы. Тема “курортной” музыки, концертных программ заезжих исполнителей и оркестров сомнительной репутации и низкого профессионального уровня в провинции, в домах культуры малых городов или в домах отдыха была излюбленной темой фельетонов в газетах и в журнале “Крокодил”.

Свиридов назвал в своей статье кинофильмы с плохой музыкой, а до него эти фильмы были раскритикованы на Всесоюзной творческой конференции работников кино. Е. Долматовский в преддверии этой конференции писал: “С грустью мы признаём, что искусство песни в картине, искусство, которым славилось наше кино в прошлые годы, за последнее время увяло”⁴, Л. Ошанин в своей статье открыто высказался: “Дурным вкусом отличаются песни в новой комедии “К Чёрному морю”⁵. Этот фильм, как и “Девушка с маяка”, и ряд других подобных, отнесён к числу плохих в Резолюции, принятой на последнем собрании работников кино”⁶.

Читаем у Свиридова: “Не радуется в последнее время популярная музыка в наших кинофильмах. В своё время массовая аудитория с любовью и благодарностью приняла ряд известных кинокомедий с музыкой И. Дунаевского и других композиторов. Лучшие образцы музыки Дунаевского – жизнерадостные, изящные, мелодичные – продолжают и сейчас украшать наш быт, радуя слушателей блеском, остроумием, хорошим вкусом. Но, к сожалению, эти прекрасные традиции, за редким исключением, не находят достойного продолжения в новых музыкальных кинокомедиях. Наши кинорежиссёры стали увлекаться дешёвыми приёмами западного реву с его внешней красотостью, помпезной роскошью и внутренней бессодержательностью. Вместо полных жизни и энергии молодёжных песен, воспевающих чистые и искренние чувства, в такого рода фильмах господствуют сомнительные музыкальные изделия, проникнутые слезливой надрывностью или развязностью. Достаточно назвать хотя бы фильмы “Девушка без адреса”, “К Чёрному морю”, “Девушка с гитарой”. Постановщики этих фильмов, как и сотрудничающие с ними композиторы, явно стремились угодить остальным вкусам”.

А ещё раньше по отечественному кино прошёл Д. Шостакович в своей статье в январском номере газеты “Известия”. Как писал автор “Песни о встречном”, “у нас выпускается около сотни художественных фильмов в год, а в скором времени их будет значительно больше! Но как мало среди них хороших фильмов, как мало хороших песен слышится с экранов!”⁷.

Надо сказать, что позиции Шостаковича и Свиридова в отношении массовых жанров были близки. Для примера, ещё одна цитата из статьи Шостаковича: “Музыка и песня сопровождают человека со дня его рождения и до

самой смерти. И правда, без музыки нет жизни. Так давайте будем стремиться к тому, чтобы музыка украшала прекрасную советскую жизнь, делала её ещё красивее, чтобы она, песня, действительно нам “строить и жить помогала”. Меня очень огорчает увлечение некоторой части нашей молодёжи посредственными песенками и пошлыми сердцещипательными романсами, которые мутными волнами распространяются с эстрадных площадок, иногда по радио, а порой и с экранов кинотеатров. <...>

Хорошие песни всех жанров – героические, лирические, шуточные и сатирические, частушки и другие – должны быть взяты на идеологическое “вооружение” советского народа в борьбе с тем плохим и пошлым, что уродует вкус людей и прививает им дурные навыки”.

Читаем у Свиридова: “Произведения таких жанров звучат повседневно. И особенно важно, чтобы в эту наиболее массовую область музыкального быта не проникли тлетворные влияния мещанства, пошлости, дурного вкуса. Однако приходится с тревогой отмечать, что в наш быт просочилось много музыкальной дряни – песен и танцев, которые развращают вкус, пробуждают у человека развязность или унылую меланхоличность. Как много низкопробной макулатуры слышали мы за последнее время, например, в выпущенных грампластинках, с эстрады, с экранов кинотеатров, по нашему радио! В этих массовых уступках дурному вкусу сказывается деляческий коммерческий дух, которым, к сожалению, заражены и некоторые творческие работники – композиторы, работники кино, авторы текстов. Пришла пора, как говорил Маяковский, взять швабру и вымести из нашего искусства гнилые изделия “всесоюзного мага – халтурщика!”

Шостакович предлагал: “Следует улучшить практику работы концертных и эстрадных организаций в столицах и в особенности на местах. Ведь нередко при попустительстве и нетребовательности руководителей клубов и парков на эстраде исполняются пошлые, халтурные произведения, вызывающие возмущение слушателей. <...>

Лучшие певцы и музыканты, чтецы, артисты драматических театров, мастера танца и эстрады – все должны принять самое активное участие в наступлении на то пошлое и плохое, что ещё подчас звучит с эстрады”.

Подобный призыв есть и у Свиридова: “Пора навести порядок в многочисленных местных радиоузлах, повседневно передающих музыку, в поездах и на пароходах, в парках и санаториях, в школах и пионерских лагерях. Здесь сплошь и рядом музыкальная пропаганда даётся на откуп невежественным людям, старательно распространяющим всё, что им заблагорассудится”.

Весьма остро стоял в тот момент вопрос и о грампластинках. До появления магнитофона грампластинка был самым массовым инструментом распространения музыки в домашнем быту, в местах народных гуляний, на вечерах в домах отдыха. На проблему выпуска грампластинок обратил внимание министр культуры СССР Н. А. Михайлов. Вот фрагмент его выступления на Втором съезде работников культуры: “Весьма большое значение имеет выпуск грамофонных пластинок. Сейчас очень резко и справедливо критикуют недостатки в этом деле. На местах появилось много различных артелей, которые кустарным способом организуют выпуск пластинок с записью низкопробной музыки. Эти пластинки мешают эстетическому воспитанию масс. Что касается планов на ближайшее время, то министерство предполагает в ближайшее время закончить разработку плана выпуска грампластинок на будущий год. Создаётся возможность на существующей базе, прежде всего, на Апрелевском, Ташкентском и других заводах вдвое увеличить выпуск грамофонных пластинок. В нынешнем году предполагается создать студии грамзаписи в союзных республиках и в Сибири”⁸.

Читаем у Свиридова: “В настоящее время намечено упорядочение всего дела записи и пропаганды грамофонных пластинок. Приняты меры к улучшению записи и обогащению репертуара, к массовому изданию образцов классической и современной музыки в исполнении лучших отечественных и зарубежных артистов. И нужно надеяться, что в ближайшее время организации, ведающие распространением грампластинок, ответят делом на растущие эстетические запросы народа”.

В двух номерах подряд газеты “Советская культура”, буквально через несколько дней после публикации статьи Свиридова в “Правде”, появляется материал, посвящённый вопросу дефицита грампластинок с классической музыкой⁹.

Наконец, по поводу Марка Бернеса. Был ли заказ “сверху” относительно критики Бернеса – пока не могу документально подтвердить. Ходячая легенда о затаившем обиду на артиста главным редакторе “Комсомольской правды” А. Аджубее и недовольство певцом Н. Хрущёва – всего лишь догадка. Но независимо от того, действительно ли ревность главного редактора “Комсомольской правды” к популярному артисту из-за Изольды Извицкой послужила поводом для появления фельетона “Звезда на Волге”¹⁰ или этот бытовой анекдот не имел никакого отношения к его публикации – сегодня уже доказать или опровергнуть сложно. А главное, Бернес в статье Свиридова не является предметом персональной критики, как в фельетоне “Комсомолки”.

Если читать статью Свиридова не поверхностно, то можно понять, что композитор критикует не самого артиста, а некоторую весьма специфическую часть его песенного репертуара. Справедливости ради могу констатировать, что слова Свиридова были действительно резкими. “Этому артисту мы во многом обязаны воскрешением отвратительных традиций “воровской романтики” – от куплетов “Шаланды полные кефали” до слезливой песенки рецидивиста Огонька из фильма “Ночной патруль”. Бернес был очень популярен, и у него было много поклонников. Так что вполне закономерно, что Свиридов за эти строки не снискал одобрения со стороны “болельщиков” популярного артиста.

Вообще-то критики не мог избежать никто из “звёзд” в то время. Прославленный Л. Утёсов, конкурент М. Бернеса, также получил нелицеприятную оценку за одну из своих новых программ в 1958 году. И абсолютно по той же причине и по тому же поводу. Как писали рецензенты о концерте его эстрадного оркестра в саду “Эрмитаж”: “не оправдал Л. Утёсов ожиданий. Не оправдал, прежде всего, потому, что шуточное музыкальное обозрение “Музей и поэзия” целиком состоит из старых песен, ради которых, по существу, и была “придумана” эта композиция, не смог артист даже отказать себе в удовольствии пропеть начальную фразу такого “шедевра” своей молодости, как “С одесского кичмана”... К сожалению, не в первый раз прибегает Л. Утёсов к таким сомнительным средствам вызвать аплодисменты некоторой части зрительного зала, что бывало и раньше, на предыдущих концертах: пропоёт он одну фразу “Гоп со смыком” или “Лимончики вы, мои лимончики...”, а потом словно спохватится и замолчит с лукаво испуганным выражением лица, дескать, “сладок плод, но запрещен...”. Полно, Леонид Осипович, неужели вы всерьёз полагаете, что так уж “сладки” ваши “Лимончики”? Неужто невдомёк вам, что пошлость и безвкусица пропагандируются тогда, когда с концертной эстрады звучит всего-навсего одна интонация “блатной” песни!...”¹¹

При всей резкости высказывания Свиридова об исполнении М. Бернесом песенных шлягеров, нельзя рассматривать эту оценку вне контекста времени, вне тех процессов, что происходили в массовой музыке того времени.

Обычно хрущёвская эпоха ассоциируется с ослаблением режима “железного занавеса”, с участвовавшими культурными контактами, с приездом в СССР иностранных эстрадных певцов и джазовых коллективов, с фестивалем молодежи и студентов в Москве, с демонстрацией зарубежных музыкальных кинофильмов.

Действительно, в середине 1950-х годов продукция западной музыкальной индустрии – джаз, модные американские танцы (буги-вуги, рок-н-ролл), латиноамериканские популярные песни и танцы, французский шансон – буквально обрушилась на широкую публику, распространялись через граммпластинки, а иной раз и через исполнение, иногда в форме пародий, своими эстрадными коллективами, усиленно осваивающими зарубежный репертуар.

Свиридов в молодости прошёл школу тапёра в доме культуры “Красный путиловец”, в ресторане Чванова, будучи студентом Ленинградской консерватории, он сотрудничал с джаз-оркестром Н. Минха, позднее писал массовые песни, “молодёжные танцы” для танцевального ансамбля А. Обранта, оперетты. Он прекрасно знал бытовую музыку 1920–1940-х годов, между прочим, считал Б. Фомина талантливым композитором, ценил советскую массовую песню 1930–1950-х годов, особенно военных лет. Как он писал, “прекрасны <...> многие песни войны (их десятки), которые можно слушать и теперь. И я уверен, их можно будет слушать и в будущем”¹².

Свиридов любил духовные песни американских негров (спиричуэлс), знал классиков джаза Элла Фицджеральд, Луи Армстронга, с симпатией

относился к Элвису Пресли, я слышал его собственные великолепные джазовые импровизации. Так что Свиридов отнюдь не был пуристом и вовсе не презирал лёгкий жанр. А уж что касается песни, то нельзя забывать, что именно песенное начало во многом определяет его стиль, композиторскую индивидуальность. Именно это обстоятельство и побудило его встать на защиту своего любимого жанра.

И главный пафос статьи вовсе не в критике массовой культуры, а в призыве к общественности серьёзно относиться к музыке, напомнить ей об её истинных ценностях. Вот ключевая фраза в статье: “Не все, однако, осознают в полной мере высокую общественную роль музыки в нашей современной жизни. Некоторые товарищи убеждены в том, что восприятие высших образцов музыки – симфонической, оперной, камерной – есть лишь удел особо избранных и что простому человеку, мол, можно прожить и “без симфоний”. Даже из уст высоко образованных специалистов иной раз можно услышать откровенное признание: “В музыке я профан”. Было бы, вероятно, стыдно сказать, что не читал “Евгения Онегина” Пушкина или “Войну и мир” Толстого, но можно, не краснея, сознаться в том, что не знаешь Шестой симфонии Чайковского или “Руслана и Людмилы” Глинки”.

При этом Свиридов отнюдь не отказывает в праве на существование массовым жанрам. И осознаёт, что всё зависит от художественной полноценности того или иного произведения, будь то симфония или эстрадная песня. Как он пишет, “и в серьёзной, и в лёгкой музыке бывают произведения яркие и безликие, талантливые и бесталанные. И, конечно, наряду с оперой, симфонией, романсом должны жить и развиваться и музыка эстрады, и лёгкая песенка, и жизнерадостный ритмический танец, и бравурный марш”.

В своей критике массовых жанров композитор проявляет некоторую избирательность. Он не говорит о любимой музыке “стиляг”, о тлетворном влиянии Запада. Он критикует не джаз как таковой, а нетребовательность в выборе джазового репертуара со стороны советских исполнителей. Однако эта тема – периферийная в статье Свиридова. Главное в ней совсем другое. Свиридов заостряет внимание читателя на ином жанре лёгкой музыки. Его опасение вызывают самый низкий, можно сказать, “грунтовый слой” городской песенности.

Собственно, этот слой никуда не исчезал после революции, хотя те же ретивые идейные борцы из РАПМа решительно боролись с так называемой “нэпманской музыкой”, эстрадным русским романсом (наряду с “фокстротчиной”) в 1920-е годы. В 1930-е годы, но без усилий со стороны государства, удалось всё же создать новую советскую массовую песню, которая, как называется, пошла в массы. Сыграли свою роль кино, особенно музыкальные комедии, радио, самодеятельность. Тем не менее, низкая интонационная лексика оставалась в массовом музыкальном сознании, в памяти народного слуха.

Она вновь всплыла ещё во время войны¹³, но особенно после войны, после смерти Сталина, в годы хрущёвской оттепели. Появилась буквально из подполья, из недр быта, из трофейных пластинок, вывезенных солдатами из Румынии, где обитал во время войны, Пётр Лещенко. Помимо того, у населения оставались старые патефонные пластинки с записями эстрадного русского романса в исполнении Юрия Морфесси, Изабеллы Юрьевой, нотные издания С. Я. Ямбора и частных нотопечатен 1920-х годов. Но это ещё был излюбленный репертуар широкой демократической публики. А из открытых окон городских предместий шипящие патефоны воспроизводили по воскресным и праздничным дням массовую продукцию совсем уже низкого пошиба, вроде песенок “Всё что было”, “У самовара я и моя Маша”, “Марусечка”, “Стаканчики гранёные”. Там же надолго обосновалась и знаменитая когда-то песня В. Липатова “Письмо матери” на слова С. Есенина.

Во второй половине 1950-х годов к этому прибавился и ещё один, совсем уже низменный жанр с обценной музыкальной лексикой. Он пришёл в большие города с многочисленными массами людей, освобождённых из лагерей ГУЛага, из тюрем. В музыкальный быт советского человека потоком хлынул тюремный фольклор, блатная песня, во многом обязанная своим происхождением Одессе. Позднее эту “лирику с матерным уклоном” (Наталья Резник) освоил и осовременил Владимир Высоцкий и его подражатели. Забегая вперёд, скажу, что сегодня в интернете совершенно свободно можно найти целые программы вроде размещённых на Youtube подборок “Классический

блат. Одесские песни”, “Владимирский централ. Сборник блатных песен”, “Беломорканал”, “Меломан” и т. д. Весьма популярны певцы вроде погибшего Михаила Круга с его опытами в этом жанре, типа песен “Владимирский централ”, “Еврейский арестант”, “Урка Мишка”, “Чифирок в карманчике” и т. д. “Распивочно и на вынос” – эту музыкальную сивуху предлагают в широком ассортименте коммерческие радиоканалы. Привожу для примера случайно подобранные песни с характерными названиями и их творцов: Михаил Блат – “Уголовник я и вор”, группа “Бутырка” – “По этапу”, “За ростовскую братву”, Воровайки – “Мурки-воровайки”, “Жиган Лимон” и т. д., и т. п.

А в интернете открыто можно посмотреть видеоклипы со “шпанскими” песенками С. Шнурова и его ансамбля “Ленинград”. Острые тексты на злобу дня, в своём роде музыкальная сатира нравов, в них подаются с изрядным количеством уже чисто словесной матерщины¹⁴. Блатная песня стала во многом определять современный бытовой музыкальный язык России. И существует она, так сказать, вполне легально.

Свиридов, конечно, не мог предвидеть в 1958 году, куда пойдёт массовая песня, но он констатировал начало набравшего скорость процесса люмпенизации массового музыкального вкуса. Его статья направлена не против конкретно каких-либо исполнителей, того же Марка Бернеса или творцов незатейливых шлягеров типа “Мишка”, как и появившегося позднее “Чёрного кота”. Она направлена против распространения массовой музыкальной продукции очень низкого сорта, которое явно дало о себе знать в наступившей эпохе “хрущёвской оттепели”. Как писал композитор, “особенно важно, чтобы в эту наиболее массовую область музыкального быта не проникали тлетворные влияния мещанства, пошлости, дурного вкуса. Однако приходится с тревогой отмечать, что в наш быт просочилось много музыкальной дряни”. Вот почему наряду с умело стилизованными Н. Богословским одесскими куплетами и неудачной песней А. Эшпая в исполнении М. Бернеса Свиридов упоминает модный шлягер тех лет О. Фельцмана “Мой Вася”, “кабацкие песенки” Петра Лещенко и “будуарный” русский эстрадный романс “Уголок” (“Дышала ночь восторгом сладострастья”).

Безусловно, главными виновниками этого явления были композиторы. Причём как в СМИ, так и в профессиональной композиторской среде вопрос о качестве лёгкой музыки поднимался постоянно. Критике неоднократно подвергались шлягеры типа “Ландыши” или песенок Л. Лядовой. Возникшие дискуссии на заседаниях секции лёгкой музыки в Союзе композиторов СССР доходили до категоричных, обескураживающих и порой совсем уж спорных суждений. Сколько было высказано уничтожающих, поносных слов в адрес А. Лепина за его музыку к кинофильму “Карнавальная ночь”! Справедливости ради надо сказать, что период интонационной мутации в середине 1950-х годов закончился довольно быстро. И профессиональные композиторы, – а в то время композиторы-песенники были за редким исключением людьми с высоким уровнем профессионализма, как правило, выпускники музыкальных вузов, – в конце концов, выработали новый стиль советской массовой песни.

Советская массовая песня второй половины 1950–1970-х годов обогатилась новыми жанрами, новыми интонациями, новыми ритмами, стала разнообразнее гармония, оркестровка. Народ оценил находки композиторов, некоторые песни остались до сих пор в народной памяти. Их поют с гостями в домашнем застолье или в праздничных шествиях на улице. На смену многотрубным, помпезным одам и гимнам сталинской эпохи пришли печальные песни с “гражданской слезой”. В исполнении благополучно вернувшегося на эстраду М. Бернеса обрели популярность суровые, минорные марши Э. Колмановского “Хотят ли русские войны” и “Я люблю тебя, жизнь”. Майя Кристалинская, Нина Дорда, Тамара Миансарова, Лариса Мондрова, Елена Камбурова, Анна Герман, Эдита Пьеха, Мария Пахоменко, Валентина Толкунова и другие (всех не упомяну) открыли новую страницу в истории отечественной эстрады, внесли обаяние и шарм в новую лирическую песню, лучшие образцы которой сохранили до сих пор задушевность, открытость чувств без нагловатой развязности, свойственной более поздним исполнителям.

И хотя песенный жанр постоянно оставался предметом критики, он развивался сам по себе, по своим неписаным законам. Никакие препоны и филиппики в адрес песенок вроде “Чёрного кота” или “Ландышей” не смогли

препятствовать их распространению. Поклонников автора музыки к кинофильму “Карнавальная ночь” Лепин порадует твистом в исполнении Л. Мондрус в ещё одной картине Э Рязанова “Дайте жалобную книгу” и рок-н-роллом в фильме “Деревенский детектив”. Он напишет музыку и к другим фильмам, оперетты, массу песен.

Советская массовая песня в 1960–1970-е годы продолжала развиваться, обретать новые жанровые разновидности, следовать за модой. Как ответ на рок-музыку появились разнообразные ВИА. Разноцветье в песню внесли национальные ансамбли вроде грузинских “Ореро” или белорусских “Песняров”. Арно Бабаджанян, Полад Бюль Бюль-оглы и другие – каждый вносил свою интонацию, отголосок своей культуры. В России была ещё целая плеяда композиторов-песенников разных поколений, такие как Т. Хренников, М. Фрадкин, А. Пахмутова, А. Петров, В. Баснер, А. Колкер, чуть позже А. Зацепин, Г. Гладков, Е. Крылатов... Писали песни и композиторы, чьё творчество связано с другими, академическими жанрами: А. Эшпай, Б. Чайковский, В. Гаврилин.

Преобладающей была лирика, весьма разнообразная, и танцевально-песенный шлягер. Наконец, пришла “женщина, которая поёт”, и определила лицо целой эпохи советской эстрадной песни.

Свиридов все эти годы неизменно следил за песенным жанром. В справочнике СК композиторов возле имени каждого персонажа, чьи сочинения слышал, он отмечает краткой ремаркой понравившуюся песню или даёт краткую характеристику самому композитору¹⁵. Например, на странице 77 Справочника возле фамилии В. С. Дашкевич стоит ремарка “неплохая прикладная музыка”. Или только упоминание сочинения. Например, на с. 87 над фамилией В. Ю Калистратова упомянута песня “Таня-Танюша” хор. обработка”, на стр. 90 – Э. С. Колмановский – “хор[ошие] песни. Живой человек...” или на с. 94 – Е. П. Крылатов “кино-ком[позитор]”. На с. 96 возле фамилии В. С. Левашов – “из Новосиб[ирска]. Первые песни – неплохие”. На с. 102: В. И. Мартынов – “есть киномузыка хорош[ая], “про Петра I”. Или на с. 131 возле композитора А. Н. Фаттах – “Есть песня “Научись на гармошке играть”! На с. 133 возле фамилии М. Г. Фрадкина ремарка: “Учился в Л-де в Театр[альном] институте. Песни – хорошие!” Возле имени А. Н. Колкера – “!Есть – одна песня “Долго будет Карелия снится!” Помимо российских Свиридов отмечал и представителей других республик. Так, на с. 370 над фамилией Паулс Р. В. есть запись: “Отличные песни. Ученик Герм[ана] Брауна”. Свиридов помнил совсем скромных, ныне забытых композиторов. На с. 122 возле фамилии композитора М. Д. Сидрера стоит ремарка: “В Новосибирске вместе голодали. Хорошие песни – “Дундич”, “Брат мой незнакомый”, “Привет морскому ветру!” Встречаются и такие ремарки: “Сволочной тип, но есть хорошая музыка для кино!” В одной из тетрадей “Разных записей” можно найти упоминание о песне А. Морозова “В горнице” (“В горнице моей светло”), вызвавшей его симпатию. Тут сыграло свою роль обращение композитора к любимому поэту Свиридова Н. Рубцову.

Из устных наших разговоров помню, как он, весьма скептически относясь к оперному и симфоническому творчеству А. Петрова, тем не менее, отмечал его песни, находил в них культуру, вкус, гармонические находки, мастерство оркестровки. Ценил песни Геннадия Гладкова. Из песен 1990-х годов сочувственно отнёсся к песне “Осень” Юрия Шевчука, заметив соответствие её характера умонастроению того времени.

После того, как частные радиостанции стали транслировать в огромных количествах западную массовую музыку, в основном англо-американскую, и непрофессиональные поделки местных отечественных подражателей, а также флатную или прибалтнённую песню, так называемый “русский шансон” или “фолк”, Свиридов резко отрицательно отнёсся к современной массовой музыкальной продукции.

Очень ценил песни Валерия Гаврилина. В тетради 1982–1983 годов Свиридов дал следующую оценку его песенному творчеству: “Он обращается к самому доступному, к самому распространённому жанру музыки – эстрадной песне, жанру, имеющему, к сожалению, постоянную тенденцию к падению (ибо в нём, наряду с профессионально-грамотными музыкантами, работает масса случайных людей) и создаёт настоящие перлы музыкальной поэзии (такие, например, как “Два брата”...)”¹⁶.

Свиридов был равнодушен к авторским и бардовским песням. Он не слышал в них ничего оригинального, художественно ценного. Обычной, акустической гитаре предпочитал электрогитару. В конце 1970-х у него возник замысел оперы по маленькой трагедии А. С. Пушкина “Пир во время чумы”. В партитуре указана партия электрогитары. С этим инструментом Свиридов познакомился, слушая рок-музыку.

Он предпочитал слушать по радиоприёмнику западную рок-музыку. Заметил “Битлз”¹⁷, другие английские и немецкие рок-ансамбли. Сохранилось своеобразное пророчество Свиридова относительно современной музыки. В одном из “размышлений вслух”, записанном на аудиокассету, вероятно, в конце 1980-х – начале 1990-х годов и представляющее собой размышление композитора о певце А. Ф. Ведерникове¹⁸, оттолкнувшись от немецкого репертуара знаменитого русского баса, романтических немецких Lied в его исполнении, Свиридов вдруг перешёл к теме современной немецкой песни. Вот его слова: “Именно романтизм возродил национальное искусство в противовес быстро исчерпавшим себя идеям всечеловечества, провозглашённым Французской революцией. Именно сочинения Шуберта, Шумана, Карла Лёве, Роберта Франца, Иоганнеса Брамса, Вольфа – всё это замечательно, вплоть до песен наших дней уже. Надо сказать, что сейчас в Германии, в движении так называемого неакадемического искусства, есть ростки фактически нового искусства, ростки движения будущего искусства. Это германские песни, современные. Я не помню фамилии их авторов. Может быть, я их плохо знаю, и не буду говорить. Но это – настоящее, подчас образцы высокого музыкального искусства, – простые, с изумительно изысканным составом оркестра, да и песни прекрасные. Я нахожу, что это искусство несёт в себе черты будущего. Я глубоко убеждён, что XXI век даст нам расцвет именно песенного искусства, подобно тому, как тысячу лет назад началось после 1000-го года, после Крестовых походов искусство трубадуров, труверов, мейстерзингеров, которое составило целую эпоху великого искусства средневекового”.

К русскому року относился без особого интереса. “Машина времени” и Б. Гребенщиков не произвели на него впечатления, он находил в их песнях вторичность, подражательность. Не помню, слышал ли он В. Цоя и его группу “Кино”, рок группы “Ария”, “Автограф”, “Парк Горького” и некоторые другие, более или менее профессиональные. Но к блатному жанру у него на всю жизнь осталось резко отрицательное отношение. В тетради “Записи 1989–1990 (1996)” есть маленькое эссе “Русская поэзия и стихи на русском языке”, относящееся к 1990 году. Оно открывается следующим абзацем: “Первая (русская поэзия. – А. Б.) – выросла из самой народной почвы, из самой русской земли. Её путь – от древних песен, былин, духовных стихов и т. д. (Пока этот вид поэтического искусства не *изничтожился в частушке*, в куплете под гитару; целый сонм Одесских куплетистов, песенных блатарей вроде Утёсова, Бернеса, Высоцкого etc.)”¹⁹

Обычно защитники блатного жанра ссылаются на протестный характер этой низовой музыки. Безусловно, в демократических кругах, среди фрондирующей интеллигенции эта песня культивировалась как своеобразная форма музыкально-интонационного диссидентства. В народе Владимир Высоцкий был, что называется, свой в доску. Его песни, благодаря магнитофонам, знал весь Советский Союз. Они не призывали открыто к свержению советской власти. Как вода, они медленно, но верно подтачивали кажущийся железобетонным коммунистический режим²⁰. Песня “Диалог у телевизора” (“Ой, Вань, гляди, какие клоуны!”) была не только сама по себе на первый взгляд смешна, в нелепой форме говоря об изнанке жизни советского рабочего. Она делала смешным и нелепым “Марш коммунистического труда”, обнаруживала всю фальшь официальной идеологии, что стояла за этой песней. И в этом была основная историческая миссия песен Высоцкого. Не столько художественная, сколько социальная. Однако социальный подтекст отнюдь не отменяет чисто эстетического критерия качества музыкальной речи, интонационной лексики.

Протесты социальные практически всегда сопровождались музыкой, в первую очередь, песней. И эта музыка чаще всего была отнюдь не высококого стиля. Псалмы Лютера были распеты на мотивы песен, которые пелись в кабаках. К примеру, баптисты в 1920-е годы на мотив популярного “Авиамарша” Ю. Хайта бодро напевали: “Мы рождены, чтоб весть нести Христову”.

Это тот самый “Авиамарш”, любимая песня К. Е. Ворошилова, которую идеолог РАПМа Лев Лебединский обозвал шансонеткой скабрёзного содержания, находя неприличный намёк в словах “а вместо сердца – пламенный мотор”. Такое бывало в истории человечества. И всё же были и иные песни протеста. Яркий пример – знаменитая “Марсельеза”, главная песня победившей Французской революции. Английские тред-юнионы, европейские социал-демократические и социалистические партии, русские народовольцы XIX века имели свои песни протеста. Коммунисты Германии имели достойный музыкальный ответ гимну НСДАП “Песня Хорст Весселя” (“Die Fahne hoch”) – тревожные марши Ханса Эйслера, та же его “Песнь Коминтерна” (Kominternlied) или “Песня Единого фронта” (Einheitsfrontlied). Это протест площадей, где часто проливалась кровь, а не песенки Галича или Визбора “с фигой в кармане”, распевавшиеся под гитару на кухнях хрущёвских пятиэтажек.

Песни революций, политических партий чаще всего создавались на мелодии общеизвестных церковных гимнов, популярных городских песен или военных маршей, но всё же не несли в своём интонационном строе, ритме ничего фривольного, пошлого.

Между тем, в годы перестройки и особенно в 1990-е годы в новой, постсоветской России заметное место в жизни занял криминалитет. Преступный мир стал предметом внимания со стороны художественной культуры. Появилось много романов, кинофильмов, посвящённых бандитам. “Бандитский Петербург”, “Бумер”, “Жмурки”, “Брат” и другие фильмы про уголовников сделали “братков”, их язык, манеры, вкусы, их песни повседневным явлением российского быта. Рингтон из фильма “Бумер”, сочинённый С. Шнуровым, обрёл невероятную популярность. Музыкальную политику радио, исполнителей, звукозаписывающих студий в известной мере стали определять и музыкальные вкусы “братков”. Не думаю, что раскрою секрет, давно уже известно, что криминал опекал, да и сейчас опекает попсу. И блатная песня полезла через все дыры, через кино, через коммерческие радиоканалы, через кассеты и диски, которые продаются на Горбушке.

Либерально настроенная новая власть, воспитанная на песнях “златоустаблатаря” В. Высоцкого, А. Галича и “Машины времени”, всячески поощряла критику советской культурной политики, снимая всякие ограничения, поощряя полную свободу выражения. Как только не издевались над пресловутыми художниками наши современные барды и их покровители! И блатная песня нашла своих покровителей и популяризаторов среди руководства масс-медиа, стала необыкновенно распространённой в около-интеллигентской среде, среди простого населения. Она заняла почётное место в российском кино.

Свиридов ушёл из жизни в начале 1998 года. Его мысли по поводу судьбы родины в конце жизни наполнены горечью и разочарованием. Он увидел, какую культуру новая власть пропагандирует, описал её механизм. Он прекрасно понял, что у этой власти нет никакой более или менее определённой музыкальной политики, – она и сегодня остаётся тайной за семью печатями для широкой общественности. Иногда кажется, что не министерство культуры РФ, а композитор Игорь Крутой и певица Алла Пугачёва руководят всей массовой музыкой Российской Федерации, выбирая самостоятельно репертуар, композиторов, исполнителей для показа на Первом канале ТВ в разнообразных шоу, концертах, конкурсах. Музыкальную политику стало диктовать не государство, а меломаны из кругов современных отечественных “буржуа нуво”, скупающих радиостанции, студии звукозаписи. Они сами поют или пишут стихи, на которые тут же откликаются услужливые, “свободолюбивые” в советском прошлом песнотворцы с гитарой. Вместо художественных достоинств песен стали диджеи, звукоинженеры, продюсеры – люди, чаще всего не имеющие музыкального образования.

Время бежит, и вот посевшие “стиляги”, когда-то дружно ругавшие советскую власть за зажим свободы творчества, за гонения на джаз и бардовскую песню, ныне находятся в растерянности. Они столкнулись с новым для них явлением массовой культуры – русским рэпом – и не понимают, как к нему относиться. В то время как рэперы в своих речёвках под звуки, даже отдалённо не напоминающие музыку, весьма недвусмысленно выражают своё отнюдь не доброе отношение к стоящим у власти “стилягам”.

Сегодня государственные чиновники с помощью пианистов и дирижёров, директоров цирков и музеев пишут закон об окормляемой государством

культуре. А между тем реальная народная культура современного города кричит на улицах, рэп блажит и обкладывает матом всю нынешнюю власть, начиная с президента страны, посылая всех по такой дальней трассе, что страшно и подумать, а не то, что сказать. Сужу по своим студентам в СПбГУ. Не “Машина времени” или “Ленинград”, а “Оксимирон” или “Слава КПСС” сегодня властители душ российского студенчества. И наши законодатели, “думные дьяки” находятся в растерянности, не зная, придушить птичку или приручить. С приручением, как показывает жизнь, пока не получается. Русский рэп оказался весьма строптивым, несговорчивым. Выходит на улицы вместе с протестующими. А придушить опасно, вновь весь мир заголосит, что “топтыгин чижика съел” (М. Е. Салтыков-Щедрин). И власть просто не знает, что с ними делать. Своя своих не познаша...

Приходится констатировать факт. Массовая песня советского периода напроочь убита, достойной альтернативы ей так и не удалось создать. Так называемый русский рок не вышел на мировую арену, оставаясь чисто внутренним продуктом российской музыкальной культуры, главным образом, продуктом творчества композиторов-любителей. Массовая музыка целиком отдана в полное распоряжение рынку. В российской масс-медиа господствует культура шлягера, так называемая попса. И известная доля в общем, суммированном репертуаре всего российского масс-медиа принадлежит блатной песне.

Конечно, государственная культурная политика при нынешних технологиях просто бессильна обуздать эту стихию. Закон рынка очень прост, даже примитивен. Вкус определяет потребность. То, что лучше, больше потребляется, то и производится, и продаётся. И самый потребляемый продукт, как правило, самого низкого качества. Но отданная бизнесу массовая культура несёт в себе опасность не только для культуры, но и для существования самого государства. Произошло то, что давно уже напорочествовал испанский философ Ортега-и-Гассет – восстание масс. Есть и своя специфика. Советская культура держалась ещё и за счёт вкуса достаточно широкой демократической аудитории, которая как-то воспитывалась и просвещалась. Эта широкая аудитория сегодня скукожилась до мизерных размеров. Так называемый средний класс в последние годы совсем потерялся, оказался размытым. Пролетаризация интеллигентного труда привела к тому, что у нас так и не образовалась та самая влиятельная культурная среда, которая поддерживает высокий уровень музыкальной культуры, к примеру, в Германии или Соединённых Штатах. В результате массовое сознание и массовые вкусы стали господствующими во всей современной России. Люмпенизация общественного музыкального вкуса породила в России совершенно невиданную по масштабам разнузданную диктатуру безвкусыя.

Я не питаю никаких иллюзий относительно Запада. Многие идут оттуда. Западная музыкальная индустрия ежедневно выкидывает на рынок бесчисленное количество ничтожной, чаще всего бездарной продукции. И чем больше её потребляют, тем её больше производят, и она становится всё хуже и хуже. Тем не менее, ей трудно отказать в высоком уровне оркестровки, технологии записи. Это прекрасно понимал Свиридов

Волею судеб я изъездил на машине практически всю Западную и Центральную Европу. Каждый раз, въезжая в ту или иную страну, я кручу ручку приёмника и вслушиваюсь в радиоэфир. Очень редко промелькнёт талантливая, оригинальная песня. Одна из миллиона. В основном же – масса безликой, стёртой чепухи, непитательной, безвкусной. Но, откровенно говоря, такой низкопробной дряни, как “русский шансон”, я не слышал нигде.

Вспоминаю, как сравнительно недавно, весной 2019 года спускался по эскалатору в метро на станции “Гостинный двор” – это в самом центре Петербурга, на Невском – и в конце спуска читаю на последнем щите рекламу концерта: “Песни итальянской мафии”. Рядом с этой станцией Большой и Малый залы филармонии, Михайловский театр, Государственный Русский музей, театр оперетты и драматические театры. Я оторопел. Хотел представить себе такую афишу в Палермо близ Teatro Massima или в Неаполе возле Chiesa di Santa Maria della Colonna (в этой церкви часто проходят концерты). И не представил. Хотя на Сицилии, как известно, обитает мафия, а в Неаполе – каморра. Но уж совсем невозможно себе представить в той же Катанье, на родине В. Беллини, или в Брешии, где родился Г. Доницетти, рекламу концерта под названием *Le canzoni dei banditi russi*. Это просто немыслимо. А в Петербурге,

где жили и творили Глинка, Мусоргский, Бородин, а сегодня процветает группа “Ленинград”, концерт из песен итальянской мафии — это нормально.

Бороться с блатным жанром — дело бесперспективное, заведомо проигрышное. Свиридов по-донкихотски боролся с ветряными мельницами. Сегодня не то, что бороться, а просто упоминать о такой проблеме — небезопасно. Точно так же как трудно себе представить, что из нашей жизни может исчезнуть матерный язык, этот его музыкальный аналог никогда не уйдёт из народного слуха. Сегодня этот язык признан официально и без всяких ограничений звучит по всем радио- и телеканалам, распространяется Internet-вещательными компаниями, рекламируется на многочисленных сайтах и блогах. Свободное распространение в невиданных размерах сделало этот язык необычайно популярным. О певцах, поющих блатные песни, об их личной жизни и даже смерти с придыханием говорят радио- и телевещатели. “Блатарям” ставят памятники.

Единственное средство противостояния этому — массовое музыкально-эстетическое просвещение и образование. Воспитание вкуса, воспитание эстетических потребностей возможно, как и воспитание чувств.

Справедливости ради стоит заметить, что советская власть пыталась это делать и отнюдь небезуспешно. Партийные идеологи рассматривали массовое музыкально-эстетическое образование и воспитание как государственную задачу. Не так, чтобы очень важную, но, тем не менее, достаточно актуальную ещё в хрущёвскую, да частично и позднее, в брежневскую эпоху. На решение этой задачи направлялись силы как государственной школы, средств массовой пропаганды (радио, грампластинки), так и общественных организаций.

Сразу через несколько дней после выхода статьи Свиридова 23 сентября 1958 года в прессе появился текст записки Н. С. Хрущёва “Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования”. Записка эта была одобрена Президиумом ЦК КПСС и, в конце концов, в декабре 1958 года стала законом.

По этому закону новая неполная средняя школа-восьмилетка должна “осуществлять нравственное, физическое и эстетическое воспитание детей”. Кроме того, по новому закону перед педагогическими университетами и институтами ставилась цель “улучшить подготовку учителей”; “расширить подготовку учителей для начальных школ, имея в виду в дальнейшем полностью завершить переход на комплектование всех школ учителями с высшим образованием”.

Как в школах восьмилетках, так и в полных средних школах существовал урок пения. И многие учителя пения в общеобразовательных школах обучались не только в педагогических учебных заведениях, но имели и высшее музыкальное образование. Естественно, что авторитет учителя пения, окончившего консерваторию, был достаточно высок, руководство школ не могло с этим не считаться. В новом законе была ещё одна новация, касающаяся художественного образования, в том числе и в области музыки. В статье 35 раздела “Высшая школа” указывалось, что “при подготовке специалистов с высшим и средним образованием в области музыки <...> большее распространение должна получить система обучения без отрыва от производства с тем, чтобы обеспечить возможности для получения этого образования широкими кругами трудящихся и выявления талантов из народа”. Конечно, такая система не могла обеспечить подготовку музыкантов высокого профессионального уровня, которые могли бы стать солистами в театрах или филармониях. Но для будущей педагогической работы и просветительской деятельности такое образование вполне было пригодным, качественным.

И вот что примечательно. В том же номере газеты “Советская культура” от 15 ноября с информационным сообщением о Пленуме ЦК КПСС, на котором было принято Постановление с одобрением проекта тезисов ЦК КПСС и Совета Министров СССР “Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране” на первой странице была опубликована статья Арама Хачатуряна “Быть достойным грандиозной программы”. И в этой статье практически повторялись все те мысли, которые суммировал в своей статье “Искоренять пошлость в музыке” Свиридов.

Привожу фрагмент статьи Хачатуряна. “Скажу о своих товарищах композиторах, о себе: нет ли известного самоуспокоения в нашей среде? Не наблюдается ли чрезмерная бюрократизация в организации нашей творческой

деятельности, ведущая к отрыву от жизни, от высоких задач коммунистического воспитания широчайших слоёв народа и, в первую очередь, молодёжи? Не слишком ли равнодушно мы проходим мимо вопиющих фактов массового морально-эстетического отравления советской молодёжи вредной продукцией всевозможных окололитературных и околomuзыкальных халтурщиков?

Думается, что мы, композиторы и музыковеды, музыканты-исполнители и педагоги, далеко не всё сделали для того, чтобы добиться коренного улучшения дела музыкального воспитания в нашей стране, начиная с общеобразовательной школы и кончая специальными музыкальными вузами.

Мы не смогли ещё добиться того, чтобы недавно созданное Всероссийское хоровое общество стало подлинным центром развития хоровой культуры в нашей стране, издавна славной своими традициями народного хорового пения. Мы ещё миримся с недопустимым отставанием нашей грамофонной промышленности – и в техническом, и в количественном, и в репертуарном отношениях. Страна, идущая на всех парах к коммунизму, страна, достигшая самых ярких во всём мире успехов в области науки, в сфере атомной техники и электроники, не может позволить себе никакого отставания и в области искусства”.

Обучение музыке было неплохо поставлено в Домах пионеров и школьников, в кружках при Домах культуры. Массовому музыкально-эстетическому просвещению и образованию также уделялось внимание. Существовали всевозможные лектории и кружки в народных университетах, которые стали возникать в конце 1950-х годов, при культпросветучреждениях, в обществах, в том числе и в таком авторитетном, как Всесоюзное общество “Знание”. ВЦСПС, комсомол, министерства культуры и просвещения также вносили свою лепту в массовое музыкальное просвещение. И надо сказать, что композиторы в то время прекрасно понимали важность и ценность обучения музыке в общеобразовательной школе. В июне 1958 года в одной из своих статей об этом написал Д. Д. Шостакович. “Пропаганду хорошей музыки нужно начинать со школьной скамьи, с первого класса, чтобы ребята изучали музыкальную грамоту, народные песни и лучшие произведения мировой и русской, советской музыки. Это позволит приобщить миллионы граждан нашей страны к богатствам музыкальной культуры”²¹.

Большое значение придавалось хоровому пению. Самодеятельные хоры были распространены не только в вузах, но и при крупных заводах и фабриках, в различных организациях и учреждениях. Просветительские и образовательные задачи ставились перед Всероссийским хоровым обществом, которое было создано в 1958 году. О задачах Хорового общества и его значении для массового музыкального просвещения много говорил на разных совещаниях и собраниях, часто выступал в печати авторитетный хоровой дирижёр, художественный руководитель Госхора, ректор Московской консерватории А. Свешников²². Он по праву возглавил вновь созданное Всероссийское хоровое общество.

Насколько серьёзное внимание уделялось новому обществу, можно судить по постановлению ВЦСПС “Об участии профсоюзных организаций в работе Всероссийского хорового общества”. 17 июня газета “Советская культура” информирует читателей о состоявшемся заседании Президиума ВЦСПС, где было принято это постановление. В частности, как следует из текста сообщения, “придавая большое значение дальнейшему развитию музыкальной культуры среди трудящихся, расширению хорового искусства, художественной самодеятельности рабочих и служащих, президиум ВЦСПС рекомендует профсоюзным организациям и культурным учреждениям принять активное участие в создании и деятельности в первичных организациях Всероссийского хорового общества на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, совхозах и развернуть массовое вовлечение в общество любителей музыки и пения. Необходимо организовать хоровые коллективы при каждом профсоюзном клубе, добиться, чтобы в учреждениях культуры нашли широкое развитие академические, народные, мужские, юношеские, детские хоровые коллективы, вокальные ансамбли, октеты, квинтеты, квартеты и т. п., чтобы художественная самодеятельность пополнялась новыми участниками из рабочих, служащих, учащихся”.

Массовому музыкальному просвещению много уделялось внимания на радио. Надо сказать, что Главная редакция музыкального вещания Всесоюзного радио многое делало для того, чтобы в эфире постоянно звучала серьёзная музыка, в первую очередь, классика в исполнении лучших отечественных и зарубежных артистов и коллективов. Многочисленные письма в Комитет по Ленинским премиям по поводу произведений, выдвинутых на Ленинскую премию, шли со всей страны, из самых отдалённых уголков. Это красноречиво говорит о том, что у радио, у музыкальных программ была многочисленная аудитория по всей стране. О том, какую большую просветительскую работу вела Главная редакция музыкального вещания, говорит хотя бы небольшой, выборочный список программ. Это и “Радиоуниверситет музыкальной культуры”, и “Воскресные музыкальные вечера”, и “Музыкальные вечера для юношества”, “Избранные симфонические произведения русских композиторов”, а также “Избранные симфонические произведения советских композиторов”, “Выдающиеся исполнители”, “Мастера вокального искусства”, “Как полюбить оперу”, наконец, “Встреча с песней”, чудом дожившая до наших дней благодаря бессменному её ведущему Виктору Татарскому. Надо сказать, что пока существовала музыкальная редакция на ул. Качалова (помню её в конце 1990-х, когда она была преобразована в Российский государственный музыкальный центр ТВ и радиовещания) и её возглавлял замечательный музыкант, мастер своего дела, художественный руководитель, главный редактор Г. К. Черкасов, уровень радиопередач был достаточно высок. В редакции были люди с высшим музыкальным образованием и, при всём различии их музыкальных интересов, они всё же держали марку, не давали музыкальным программам низко опускаться. И Свиридов с удовольствием выступал в 1980-е годы на радио и на телевидении.

Это особенно заметно в сравнении с тем, что творится на радиоканалах сегодня. Классическая музыка “сжимается”, как шагреновая кожа, сегодня осталась только радиостанция “Орфей”, да и та буквально на глазах неуклонно движется в сторону развлекательности. Для сравнения, в Париже существует четыре радиостанции классической музыки, отличающиеся индивидуальной манерой подачи материала, богатым и разнообразным репертуаром. И рядом с ними есть замечательная станция Chant, посвящённая французскому шансону. Причём не только песенной классике, но и современной французской песне.

У нас же всё в одночасье изменилось в 1991 году. Сначала был ликвидирован Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию и на его базе 8 февраля 1991 года была создана Всесоюзная государственная радиовещательная компания, которая приказала долго жить в момент распада Советского Союза. 27 декабря была образована Российская государственная телерадиокомпания “Останкино”. В её подчинении были всевозможные студии, творческие объединения, редакции. Долгие годы прошли в реорганизации государственного теле- и радиовещания, долго длился чехарда с редакциями, переподчинением, упразднением и восстановлением радиопрограмм.

Наконец, появилось частное радио и телевидение. Частные музыкальные радиостанции стали плодиться, как инфузории. На бедную Россию обвалился буквально ураган мировой массовой музыкальной продукции. Этот ураган смёл советскую массовую песню, на волнах музыкальных радиостанций какое-то время пытался барахтаться так называемый русский рок, но и его, в конце концов, смела гигантская волна музыкальной “попсы”.

Конечно, свободный рынок подарил российскому любителю музыки возможность выбора. Сегодня можно слушать музыку на любой, самый взыскательный вкус. Собственно, мы живём в условиях реальной мировой музыки. Однако, при всём её обилии и разнообразии, массовая музыка, транслируемая на радио, удивительно однообразна и совершенно ничтожна в художественном отношении. Наряду с зарубежной попсой в России процветает блатная песня, стыдливо называемая “русским шансоном”.

Самое страшное в сложившейся ситуации — это замена произведений профессиональных композиторов на поделки дилетантов. Как мы видим, Свиридов ещё в начале 1980-х годов отметил, что в жанре эстрадной песни “работает масса случайных людей”. Но если в то время это были ещё единицы, то в начале 2000-х это стало массовым явлением. И как раз “попса” — это, в основном, прибежище для любительства. Не говоря уже о “русском шансоне”.

Падение профессионализма в области массовой музыки, – пожалуй, одна из самых важных причин застоя, а если говорить по правде, загнивания массовой песни.

Советское государство пыталось поддерживать и стимулировать творчество композиторов в песенном жанре. В 1958 году было объявлено несколько конкурсов. Главным среди них был конкурс на создание нового гимна СССР. Хрущёв ещё в декабре 1955 года пришёл к идее заменить старый сталинский гимн А. Александрова новым, и конкурс был объявлен в 1957 году²³. Он был продолжен в 1958-м и последующие годы, длился до конца срока руководства Хрущёва и позднее, уже при Брежневем, вплоть до 1977 года, когда решили вернуться к старому гимну и попросили С. В. Михалкова написать новые слова²⁴. Как раз после выхода статьи Г. В. Свиридова в газете “Правда” 29 сентября состоялось очередное заседание Секретариата Союза композиторов СССР, посвящённое прослушиванию очередных проектов нового гимна. Слушали тонфильмы проектов Б. Александрова, А. Бабаджаняна, М. Блантера, В. Белого, К. Молчанова, И. Петрова, В. Соловьёва-Седого, А. Титова, С. Туликова, А. Холминова, В. Шебалина и Д. Шостаковича (на сл. С. Михалкова). Рекомендовали для опубликования редакции газеты “Правда” (под рубрикой “Песни о Родине”) проект гимна К. Молчанова и А. Титова²⁵.

Помимо этого, главного конкурса, в том году был конкурс массовой песни, посвящённый 40-летию ВЛКСМ. Жюри возглавлял Т. Хренников²⁶.

Увы, уже в 1980-е годы и особенно после “перестройки” музыкальной культуре, особенно массовой, был нанесён невосполнимый урон. Не говоря уже о жалком положении музыки в общеобразовательной школе, закрывались дома культуры, дворцы пионеров и школьников и, соответственно, музыкальные кружки при них, прекращалось массовое обучение игре на музыкальных инструментах. Когда-то многочисленные, самодеятельные хоровые коллективы при вузах, при крупных заводах и фабриках, в воинских частях уничтожались один за другим. В это время бедственное положение переживали и профессиональные хоровые коллективы, особенно народные хоры. Многие из них расформировывались. Сегодня массовое музицирование перешло из публичной в частную сферу интересов. Частный педагог, частная школа, в которой есть уроки музыки, становятся едва ли не главными источниками массового музыкально-эстетического воспитания.

Но возвращаемся к статье Свиридова. После её выхода в свет в редакцию газеты “Правда” посыпались письма. Некоторые из них, в поддержку автора, газета решила опубликовать²⁷. Те письма, в которых точка зрения Свиридова подвергалась порицанию, газета публиковать не стала. Правда, среди этих писем были и такие, что содержали неприкрытые угрозы в адрес композитора. Особенно этим отличались письма горячих одесситов, которые в статье Свиридова не нашли ничего, кроме критики Бернеса.

Привожу фрагменты из одного коллективного письма от группы инженерно-технических работников и служащих Черноморского государственного морского пароходства (всего 18 подписей)²⁸. Лишь в самом начале письма, что называется, для приличия, авторы выражают согласие с некоторыми мыслями композитора. “Вы совершенно правы в том, что немислим культурный человек без знания мировой и отечественной музыкальной классики. Согласны с вами мы в том, что организации, популяризирующие музыку, во имя выполнения финансового плана пошли по наиболее лёгкому пути, наводнив рынок низкопробной музыкальной халтурой типа “Одесский порт” и “Мой Вася”. Нам так же, как и вам, противно смотреть, как некоторая часть нашей молодёжи не находит себе иного применения, кроме вздохов под музыку Лещенко или дикого выплясывания под душераздирающие звуки рок-н-ролла”.

“Одесский порт” стал шлягером благодаря Л. Утёсову, так что, упоминая его, авторы письма решили заодно незаметно уколоть и конкурента Бернеса. А дальше пошли доводы в защиту любимого певца. Главный аргумент – “мы любим и уважаем творчество одного из старейших артистов кино – М. БЕРНЕСА”.

Такой аргумент в принципе неопровержим. И далее, стремясь написать как можно более весомо, убедительно, авторы упоминают несколько знаменитых песен, о которых в статье Свиридова *нет ни слова*.

“Любимый город может спать спокойно...”, – слушая музыку и слова этой песенки, мы с законной и понятной гордостью вспоминаем наших славных лётчиков, сберегающих сон наших детей.

“Тёмная ночь”, “Полезная почта”, “Далеко от дома” – разве вы забыли, как часто в этой песне находили отдых люди, утомлённые тяжёлым многочасовым боем? А ведь их мы впервые услышали далеко не в пошлом исполнении М. Бернеса”.

Нет, Свиридов помнил эти песни, прекрасно понимал их значение, потому и не упоминал их в своей статье. Статья Свиридова вообще не была посвящена персонально актёру М. Бернесу, популярному исполнителю песен. Он говорил совсем об ином, и это иное фактически прошло мимо сознания авторов коллективного сочинения.

В конце письма авторы, не удержавшись, всё же решили задеть честолюбие Свиридова. “Ваша на редкость необъективная оценка творчества М. Бернеса, одного из наших любимых артистов кино, показалась нам очень странной. Между прочим, такая злопахательская манера критики свойственна композиторам-неудачникам. Не из них ли вы, тов. Свиридов?”

Наибольший интерес представляет реакция на статью Свиридова в профессиональной среде.

13 октября 1958 года состоялось очередное заседание Секретариата ССК СССР. Состав присутствующих был необычным: помимо композиторов и музыковедов, присутствовали представители прессы, Всесоюзного радио, ВГКО, Дома звукозаписи и др. Протокол заседания зафиксировал следующий состав присутствующих: тт. Т. Хренников, А. Новиков, С. Аксюк, Д. Кабалевский, М. Коваль, В. Мурадели, К. Хачатурян, Э. Мирзоян, Я. Солодухо, Г. Восканян, Г. Щепалин, В. Фере, М. Блантер, А. Цфасман, О. Фельцман, М. Фрадкин, Н. Минх, М. Табачников, Е. Жарковский, А. Островский, В. Белый, Ю. Келдыш, Ц. Рацкая, Л. Данилевич, М. Иорданский, А. Арский, А. Лившиц, С. Зив, Е. Светланов, В. Кухарский (газ. “Правда”), Игнатьева (газ. “Советская культура”), М. Гринберг (Мосфилармония), А. Белоусов и Л. Шилтова (Всесоюзное Радио), представитель ВГКО, представитель Дома звукозаписи и др.²⁹.

В повестке дня значилось:

“Обсуждение статьи Ю. Свиридова, опубликованной в газете “Правда” от 17 сентября с. г. “Искоренить пошлость в музыке”.

И далее по протоколу: “В обсуждении приняли участие: А. Новиков, В. Кухарский, М. Коваль, А. Цфасман, М. Блантер, Ц. Рацкая, Д. Кабалевский, Е. Жарковский, М. Табачников, О. Фельцман, В. Белый, С. Аксюк, А. Островский, Н. Минх, Т. Хренников (см. стенограмму).

ПОСТАНОВИЛИ:

Обратиться с открытым письмом в редакцию газеты “Правда”. Поручить составление проекта письма на основе обсуждения в трёхдневный срок Я. Солодухо”.

Помимо протокола, сохранилась стенограмма обсуждения статьи³⁰. Оно было горячим, несколько сумбурным, каждый говорил о своём, наболевшем, композиторы не стеснялись в открытой критике своих коллег. Статья вызвала к себе разное отношение, в том числе и весьма нелицезное. Покритиковали Свиридова и за Бернеса. Но всё же многие прекрасно понимали, что не в Бернесе дело.

Не имея возможности воспроизвести всю стенограмму, далее передаю вкратце, стенографически, а в некоторых случаях прибегаю к цитированию текста выступлений, опубликованных в отчёте об этом собрании в последнем номере журнала “Советская музыка” за 1958 год³¹. Слова выступающих взяты в кавычки.

Дискуссию открыл Хренников, отметив, что статья вызвала большой резонанс, и предоставил первое слово А. Новикову.

Новиков А.: “Самое главное, чтобы наши пластинки перестали быть “кастролями”, на которых торговцы делали “погоду”, чтобы это перестало быть делом торговым. <...> И сейчас ещё в санаториях до сих пор передают “Голубой залив” Лещенко, Козина, Вертинского”. Затем Новиков напомнил, что в Норвегии Григ включён в обязательную школьную программу средней школы. Посчитал, что школьник должен уметь прочесть ноты. Потом выразил мнение, что молодёжи нужно объяснить, что “Мишка” – это плохо.

Кухарский В. Ф.: “Могу сказать, что это вызвало огромный интерес, что подавляющее большинство читателей очень поддерживают ту тревогу, которая была высказана Ю. Свиридовым и его статьёй... Многие письма содержат

настоятельные требования наладить, наконец, по-настоящему музыкальное воспитание детей в общеобразовательных школах. Серьёзные претензии предъявляются телевидению, которое подчас вместо того, чтобы воспитывать вкусы, портит их. Многие, по мнению читателей, зависит и от советских композиторов; изгнать отовсюду пошлятину можно, лишь противопоставив ей хорошую эстрадную музыку, а её создаётся пока ещё мало. Среди присланных в “Правду” писем есть и такие, в которых полностью отрицается серьёзная музыка, якобы не нужная народу. Эти письма лишний раз подтверждают необходимость серьёзной музыкально-воспитательной работы в массах”.

Коваль М.: “Я бы хотел пополнить статью Ю. Свиридова некоторыми фактами, которым я был свидетелем, но фактами, ярко говорящими о неблагополучии в области воспитания музыкальных вкусов Москвы”. Композитор выразил тревогу по поводу того, что современная молодёжь совсем не знает русских песен, не умеет и не любит петь их. И далее говорил о преподавании музыки в школе.

Цфасман А.: “Сыграл песню Бабаджаняна и указал, что это мелодия Прозоровского”. О Бабаджаняне: “Он как-то принёс на радио песню, которая представляет собой смесь еврейской и армянской музыки, и когда ему сказали, что недопустимо так писать, он начал ещё спорить”. Напомнил, что о состоянии массовой песни была статья Шостаковича, статья в “Литературной газете”. Вспомнил заседание, на котором Кабалевский весьма критически отзывался о музыке к фильмам “Девушка с гитарой” и “Матрос с “Кометы””. “Я музыку Островского и Саульского не слышал, но я слушал музыку Фельцмана. Должен сказать, что музыку мы не пропустили. В это же время слушали песню Эшпая, и некоторые заколебались в отношении этой музыки, но я сказал, что если примут эту музыку, то я уйду... В чём я не могу согласиться со статьёй, это с тем, имеют ли право драматические артисты петь. Никому не приходит на ум порочить артиста, который поёт в театре. Нельзя, конечно, допускать петь на эстраде таких артистов, как Сегал. Так петь можно на вечеринке, но разрешать петь на эстраде абсолютно невозможно. Т. Свиридов в этом принёс большой вред, т. к. некоторые начнут изгонять эстрадных певцов. Вот что, мне кажется, было здесь неправильно”.

Блантер М. напомнил статью о Бернесе в “Комсомольской правде”, не связанную со статьёй Свиридова. “Я на 100% подписываюсь под фактами, затронутыми в этой статье Ю. Свиридова”. По мнению М. Блантера, в разращении музыкальных вкусов слушателей повинны якобы не столько сами авторы пошлой музыки, сколько организации, пропагандирующие эту музыку. “Музыкальная общественность, — заметил он, — отрицательно восприняла музыку О. Фельцмана к фильму “Матрос с “Кометы””. Однако газета “Вечерняя Москва” в рецензии на фильм дала восторженную оценку этой музыке”. Оратор выразил тревогу по поводу того, что в песенном творчестве подчас приходится сталкиваться с опозланием самых высоких патриотических тем, и это гораздо страшнее, чем слащавые песенки о любви. М. Блантер привёл в качестве примера песню А. Островского “Так нам сердце велело”, премированную на конкурсе к сорокалетию ВЛКСМ. “Текст этой песни (автор Л. Ошанин) своим низким художественным качеством только дискредитирует избранную авторами тему”. Затем похвалил Силантьева. Его шокировал портрет эстрадной певицы Лазаренко в фойе зала, где проходила какая-то всесоюзная конференция, которую организовала Фурцева. “В “Советской культуре” была помещена статья Лепина после выхода “Карнавальная ночь”. В ней Лепин в развязном тоне разглагольствовало о музыке. Он там наряду с фамилией Шостаковича упомянул фамилию Табачникова. Я ничего не имею против Табачникова, но знаю, что это эстрадный композитор. Если бы было написано “Шостакович и Блантер”, то меня бы это смутило. Это был щелчок по настоящей музыке и в самом тоне статьи, и в самом смысле”. Вспомнил А. Борисова, которого Шаляпин считал лучшим эстрадным певцом.

Лепин А.: “Наступило другое время, теперь песни нужно по-новому писать. Газета “Советская культура” писала пошлые рецензии о симфонии Шостаковича, но хвалила сомнительные песни”. Сказал, что в Радиокomiteте и Минкультуры вкус очень плохой. Вспомнил Лазаренку. “Здесь сидит Островский. На днях происходил конкурс на комсомольскую песню, и его песня на слова Ошанина была премирована, но ведь это позор. В этом конкурсе принимали участие и Союз композиторов, и ЦК Комсомола. Директор издательства

Гольцман задержал эту песню в печати... Почему такая статья не появилась много лет назад? Все знают, что советские песни много сделали полезного. И композиторы, и поэты писали самые важные песни. Там были и лирические. Но за этими лирическими стихами, за этой музыкой чувствовалось подлинное лирическое начало советского человека. Сейчас везде на это место стала та литература, о которой, может быть, скажут мягче или жёстче, но помимо того, что нам нужно поставить в известность Министерство культуры, Радиокomiteт, ЦК комсомола, нужно наше отношение к этому делу изменить, нужно нам самим работать в этой области". Обвинил кинематографию, газету "Вечерняя Москва".

Кабалевский Д., возражая М. Блантеру, подчеркнул, что за проявление пошлости в музыке несут ответственность, в первую очередь, композиторы. Критиковал музыку фильмов "Карнавальная ночь", "Девушка с гитарой" и "Матрос с "Кометы", не отвечающую требованиям жанра музыкальной комедии. Признал, что Секретариат Союза композиторов очень мало занимался вопросами массового музыкального быта, хотя сигналы о засилии дурных вкусов неоднократно появлялись в печати, в частности, в журнале "Советская музыка".

Жарковский Е. ругал молодёжь из университета, которой он показывал свою музыку. Они предпочитают слушать BBC.

Табачников М.: "Статья в "Правде" очень хорошая и вовремя дана. Когда я первый раз её прочёл, я обозлился, а когда второй раз прочёл, успокоился. Разве дело в песенке "Мой Вася", разве дело в Бернесе? Дело глубже".

Фельцман О.: "Появление статьи в "Правде" очень своевременно для нас и, кроме пользы, ничего не принесёт. Это глубокая и правильная статья. Единственное, что неправильно, что одинаковый критерий предъявляется певцам и людям, которые на это не претендуют. Но это второстепенная дискуссия, остальные проблемы поставлены прямо, правильно, и у себя нужно об этом говорить и исправлять это дело".

Белый В.: "Статья т. Свиридова в "Правде" нужная и верная, и вызывает много мыслей, и призывает к простым земным делам... Пора от общих разговоров перейти к конкретным делам. Министерство культуры издало за последнее время очень много приказов по вопросам музыкальной культуры, однако мало что делается для их реализации. Существует много людей, в том числе и среди молодёжи, которые интересуются серьёзной музыкой, стремятся расширить свой музыкальный кругозор, но отовсюду поступают жалобы на отсутствие нот, книг по вопросам музыки, выпускаемых ничтожными тиражами, хороших пластинок. Пора уже Министерству культуры решить эти организационные вопросы, от которых, в первую очередь, зависит состояние массового музыкального быта". В конце выступления предложил очередной пленум Союза композиторов посвятить лёгкой музыке.

Аксюк С.: "Как нам реагировать на статью в "Правде"? Потому что очень активная реакция нашей творческой организации неперемenna. Если бы мы поместили письмо от Союза композиторов в "Правде", то это было бы правильно. Второе – нужно решение такого рода, которое бы мобилизовало наши творческие организации по всей стране. Вопрос большой государственной важности. Нам его самим не решить. Один из пленумов нужно посвятить массовым жанрам. В 1959 году ближайший пленум посвятим этой проблеме". Выразил мнение, что вопросы, затронутые в статье Г. Свиридова, надо решать в государственном масштабе. На XXI съезде партии, где будет обсуждаться семилетний план развития нашей страны, должен прозвучать голос композиторов, ратующих за большой план музыкально-культурного строительства.

Островский А.: "Ухожу с плохим настроением".

Минх Н.: "Нужно подумать о секции лёгкой музыки в СК РСФСР". Говорил о том, что в работе секции лёгкой музыки Союза композиторов должны участвовать не только композиторы, но и дирижёры, исполнители, работники Радио, граммофонной промышленности. Тогда можно будет выработать какие-то общие критерии, ликвидировать существующий в настоящее время разрыв в оценках и вкусах.

Хренников Т.: "Мне кажется, что сегодняшнее заседание Секретариата и выступления подтвердили положения статьи Свиридова, напечатанной в "Правде". <...> Много говорим и ничего не делаем. Нам необходимо в результате сегодняшнего совещания написать развёрнутое письмо в "Правду",

использовать все выступления и указать все эти каналы, по которым идёт дурное воспитание, а дальше планомерно заняться такой активной работой во всех учреждениях, от которых зависит формирование музыкальных вкусов в нашей стране. Время, потраченное сегодня, не будет потрачено даром, чтобы это всё привести в действие. Учтём предложение о пленуме и в 1959 году посвятим пленум массовому жанру”. Указал на ряд конкретных дел, в которые Союз композиторов должен вмешаться. “Под давлением Союза, – сказал он, – было принято решение ввести уроки пения во всех классах общеобразовательной школы. Однако это решение пока остаётся на бумаге, и наша задача – добиться его реализации. Необходимо активизировать деятельность Всероссийского хорового общества, которое пока что работает весьма вяло. Нужны встречи с руководителями ВЦСПС по вопросам музыкальной самостоятельности, с работниками Министерства культуры, радио, телевидения, – словом, Союз должен воздействовать на деятельность всех организаций, от которых в той или иной мере зависит формирование музыкальных вкусов нашего народа”.

Как и было решено на заседании, в результате обсуждения появилось коллективное письмо. Так как это письмо никогда не публиковалось и не известно общественности, привожу его целиком³²:

“В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ “ПРАВДА”
Главному редактору Сатюкову П. А.

Секретариат Союза композиторов СССР просит Вас опубликовать в газете “Правда” нижеследующее письмо.

Обсудив опубликованную в “Правде” 17 сентября 1958 года статью композитора Г. Свиридова “Искоренять пошлость в музыке”, Секретариат Союза композиторов СССР считает своим долгом заявить о своём полном согласии со всеми основными положениями этой статьи.

Г. Свиридов совершенно прав, говоря о выдающихся успехах музыкального искусства в нашей стране, о том, что советское музыкальное творчество и исполнительство пользуются признанием, любовью и уважением во всём мире и в значительной мере определяют судьбы всей современной мировой музыкальной культуры.

Но прав также Г. Свиридов, когда с тревогой говорит о серьёзных недостатках в нашем музыкальном быту. Недостатки эти не раз уже становились предметом общественного обсуждения, и вызывают они беспокойство не только в музыкальных кругах, но и среди очень широких слоёв советских людей самых различных профессий. Каждое выступление на эту тему в печати или по радио неизменно вызывает потоки откликов, писем, предложений и пожеланий со всех концов страны. Это даёт право говорить о глубокой заинтересованности советского народа в судьбах нашего музыкального искусства, как и всей нашей культуры в целом.

В основе этой заинтересованности лежит тот огромного значения факт, что в процессе культурной революции слова великого Ленина “искусство принадлежит народу” превратились из направляющего лозунга в живую реальность. Искусство, в том числе музыка, стало в нашей стране достоянием всего народа, и естественно, что народ оказывает своё существенное влияние на развитие всей нашей музыкальной культуры и стремится активно способствовать искоренению имеющихся здесь недостатков.

О каких же недостатках, прежде всего, идёт речь? На первое место здесь следует поставить то, о чём с такой взволнованностью, так горячо пишет в своей статье Г. Свиридов: распространение в массовом музыкальном быту всякого рода халтурной, серой, пошлой музыки, отравляющей сознание многих людей, калечащей их эстетические вкусы, загрязняющей их духовный мир.

В самом деле, если в музыкальных театрах, в филармонических – симфонических и камерных – концертах и по центральному радиовещанию, как правило, звучит лучшая классическая и современная музыка в исполнении лучших артистов и музыкантов, то в массовом музыкальном быту – дома и в клубе, на всякого рода эстрадных и танцевальных площадках, в санаториях и фойе кинотеатров, на вокзалах и в аэропортах, в поездах и на пароходах и даже в летних пионерских лагерях – дело обстоит значительно хуже. Именно

здесь и находит сбыт всяческая халтура, серятина, откровенная пошлость, борьба с которыми должна быть приравнена к задачам большого социального значения.

Как же могло случиться, что у нас — в стране, где столько внимания уделяется музыкальному воспитанию народа, — образовался такой разрыв между так называемой серьёзной музыкой и музыкой массового музыкального быта, т. е. музыкой, имеющей огромное распространение и играющей особенно большую роль в музыкальном воспитании широчайших кругов народа? Кто повинен в этом и какие меры должны быть приняты для устранения этого нетерпимого в условиях социалистической культуры явления?

Важнейшей причиной, определяющей неудовлетворительное состояние массового музыкального быта, является плохая постановка дела музыкального воспитания детей в общеобразовательной школе. Следует вспомнить, что с первых же лет после Великой Октябрьской социалистической революции музыкальные занятия стали у нас обязательной и неотъемлемой частью всей учебной программы в общеобразовательной школе. И это обеспечило огромный подъём музыкальной культуры широчайших слоёв советского народа. Однако по многим причинам в военные годы занятия по музыке в школе были почти вовсе прекращены, и дело это до сих пор не восстановлено. Можно себе представить, что произошло бы с нашей молодёжью, каков был бы уровень её духовной культуры, если бы из школьных программ были изъяты уроки литературы! А вот с музыкой это случилось: из общеобразовательных школ в течение ряда лет выпускалось огромное количество девушек и юношей, совершенно не знающих музыки, не имеющих никаких практических музыкальных навыков и мало-мальски развитого музыкального вкуса. Так создавалась почва, на которой легко прививались любые, в том числе и дурные эстетические влияния, получившие особенное распространение именно в послевоенные годы.

Лишь в последнее время под влиянием общественного мнения Министерство просвещения РСФСР и других республик начало постепенно восстанавливать работу по эстетическому воспитанию детей в общеобразовательной школе, необходимость и важность которого была провозглашена в первых же ленинских декретах о советской школе. Но в этом направлении предстоит ещё, конечно, огромная работа.

Секретариат Союза композиторов СССР выражает глубокую уверенность в том, что при обсуждении на пленуме ЦК КПСС записки Н. С. Хрущёва “Об укреплении связи школы с жизнью” со всей серьёзностью встанет вопрос и об эстетическом воспитании детей и молодёжи. Ведь эстетическое воспитание не только вырабатывает хороший художественный вкус, но и способствует воспитанию в человеке высоких морально-этических качеств, являясь в этом отношении важнейшим дополнением к трудовому воспитанию.

Недостаточный контроль и отсутствие настоящей воспитательной работы со стороны органов Министерства культуры, ведающих искусством, привели к тому, что халтура и пошлость стали распространяться по самым различным каналам. Здесь, прежде всего, надо сказать о граммофонных пластинках, разносящих по всей стране в миллионах экземпляров эту халтуру и пошлость, распространяя её через множество репродукторов, установленных в общественных местах, через неисчислимое количество проигрывателей в частных квартирах. Та же халтура и пошлость распространяются и усилиями всякого рода дельцов и халтурщиков, подвизающихся, главным образом, на всевозможных эстрадных площадках. Преступно эксплуатируя огромную тягу советского народа к искусству, они подсовывают ему всяческую гниль, отравляя его художественные вкусы и, в конце концов, отучая от настоящего, хорошего искусства.

В последнее время Министерство культуры принимает более широкие меры по борьбе с этими отрицательными явлениями, стремясь всемерно улучшить работу по эстетическому воспитанию народа.

Секретариат Союза композиторов СССР считает, что в статье “Правды” совершенно справедливо указывалось на ответственность, которую несут за состояние нашего музыкального быта Министерства просвещения и культуры, профсоюзные и комсомольские организации. Секретариат также полностью признаёт все обвинения, направленные в адрес Союза композиторов.

Союз композиторов — организация общественно-творческая, и в обоих этих направлениях — общественном и творческом — он сделал значительно

меньше, чем мог и обязан был сделать для оздоровления массового музыкального быта.

До последнего времени в Союзе композиторов совершенно недостаточное внимание уделялось работе в области массовых музыкальных жанров — песни, лёгкой инструментальной, танцевальной музыки, музыки для духовых оркестров и оркестров народных инструментов. Полное невнимание проявлялось в Союзе также к музыке в кино, в драматическом театре, на радио. То хорошее, что создавалось советскими композиторами в этой области, — а отрицать наличие здесь несомненных успехов было бы несправедливо, — не получало должной поддержки, как правило, выпадало из поля зрения критики, и потому ценный накопленный здесь опыт не поощрялся и не распространялся. В то же время произведения серые, халтурные, зачастую откровенно пошлые, писавшиеся не только случайными в музыке людьми, но и членами Союза композиторов, пользующимися даже известностью, также не попадая в круг явлений, обсуждавшихся в Союзе композиторов, не подвергались ни критике, ни осуждению. Так уже в недрах самого Союза композиторов создавалась почва для возникновения и безнаказанного распространения дурной музыки, питающей репертуар нетребовательных, низкопробных исполнителей и засоряющей наш музыкальный быт.

Секретариат отмечает, что многие музыкальные деятели, в том числе композиторы, не раз активно выступали в печати, по радио, на многочисленных конференциях и совещаниях, стремясь общественным путём воздействовать на организации и учреждения, от которых практически зависит устранение недостатков, имеющих место в нашей музыкальной жизни. Однако Секретариат считает, что Союз композиторов как общественная организация, возглавляющая творческую жизнь страны, не принял достаточно действенных мер, чтобы поддержать эту ценную инициативу отдельных музыкантов и добиться реальных сдвигов в этой области.

Секретариат Союза композиторов СССР определил ряд мер, принятие которых должно дать ощутимые результаты. Союз композиторов, не подменяя соответствующих государственных организаций, должен возглавить борьбу за новые успехи в развитии музыкальной культуры советской страны, за подъём эстетического воспитания советского народа, начав эту борьбу с наведения порядка в своей творческой среде, создав в ней атмосферу нетерпимости к любому проявлению халтуры и пошлости, поставив работу в области массовых музыкальных жанров в разряд важнейших, первоочередных творческих задач. Достичь здесь больших, заметных результатов — дело чести Союза как организации, дело чести каждого члена Союза — композитора и критика в отдельности.

12. XI. 58. Д[митрий] К[абалевский]”.

Просьба Союза композиторов осталась без внимания, коллективное письмо не было напечатано. Союзу композиторов так и не удалось выполнить “дело чести” — возглавить борьбу за подъём эстетического воспитания советского народа, навести порядок в своей творческой среде. Время от времени на разных пленумах и собраниях в Союзах композиторов об этом громко говорили, но, как верно констатировал Хренников на Секретариате ССК СССР, говорили, но ничего не делали. Один Д. Кабалевский проявлял активность и пытался внести свою лепту в массовое музыкальное образование детей. Он создал новую программу “Музыка” для общеобразовательной школы.

Свиридов больше не выступал в прессе с критическими статьями по поводу массовой культуры. Тем не менее, он не оставался беспристрастным ко всему, что происходило в этой сфере. В конце 1980-х — начале 1990-х годов он болезненно переживал как саму “перестройку”, так и разрушение старых, испытанных временем механизмов музыкальной культуры, сложившихся в прошлом институтах. И, в частности, не прошёл мимо внедрения так называемой системы Д. Б. Кабалевского. Маститого композитора поддержала какая-то руководящая дама, кажется, из комсомола, и так как эта система не требовала тщательной подготовки педагогов и была дешевле старой программы, то её приняли “на ура” в высших инстанциях.

Между тем, видные музыканты, композиторы прекрасно понимали значение хорового пения в школе. Свиридов, да и не только он, многие музыканты, опытные педагоги понимали, что пассивное слушание музыки никак не

могло заменить активного воспитания музыкального слуха ребёнка через элементарное музицирование, хоровое пение, игры на простейших музыкальных инструментах. То, что хорошо видели в Венгрии Золтан Кодаи и в ГДР Карл Орф, создавшие свои системы музыкального образования. Не говоря уже о последствиях внедрения системы Кабалевского. Тем не менее, систему эту усиленно насаждали, жестоко боролись с её противниками, увольняя несогласных педагогов. В разговорах со Свиридовым на эту тему возникла мысль написать критическую статью в газету. Свиридов имел разговор с отделом культуры ЦК КПСС, там тоже были люди, понимающие, что может принести реформа музыкального урока в школе. Была достигнута договорённость, что я в своей статье не буду упоминать имени Кабалевского, что я и сделал. 7 октября 1985 года в газете “Советская культура” появилась моя статья “Десять минут... на пение”. На статью откликнулись многочисленные читатели газеты, в первую очередь, учителя музыки в общеобразовательных школах, музыканты, хоровики, просто любители музыки. Я знал об этом от сотрудников газеты. Увы, статья эта не возымела никакого действия.

Школа осталась без хорового пения, уроки музыки, которые проводили учителя, не владевшие музыкальным инструментом, потеряли детей. Общеобразовательная школа осталась без элементарного музыкального образования. Музыка как предмет была фактически вытеснена из школьных программ. Учителя музыки в школе не имели никакого авторитета ни у своих коллег, ни у детей, ни у школьного руководства.

Позднее, в 1987 году в одной из тетрадей “Разных записей” Свиридова появится следующее его высказывание: “Воспитание (музыкальное детей). Принята в РСФСР система Кабалевского, весьма спорная, унифицированная (антинациональная), сделанная на немецкий манер, а la Антон Рубинштейн. Несомненно, автор системы был движим хорошими соображениями. Однако целесообразно ли детей всех национальностей воспитывать на “Нотных тетрадах Анны Магдалены Бах”, только на слушании музыки, пассивном её восприятии? Почему принижено значение народной песни? Потому что истребляется всё национальное, всё русское. Народ наш постепенно превращается в сброд, в вооружённых ландскнехтов, воюющих или жандармствующих во многих странах мира. Спрашивается, за чьи интересы?”

Исчезло хоровое пение – единственно доступный всем детям, а не только из семей с достатком, вид коллективного музицирования. *Воспроизводство музыки – толчок к творчеству*³³.

Любопытно, что Свиридов предчувствовал дальнейшие косвенные последствия внедрения программы “Музыка”. Как он писал в тетради 1987 (II), “система Кабалевского воспитывает в человеке *механистичность*. *Механизация*, мёртвое компьютерное искусство проникло в самую душу современного человека. Сложился тип художника-компьютера (беспочвенного, безжизненного). Такой композитор-компьютер может сделать, произвести всё, что угодно: фугу, оперу, балет, песенку, симфонию, церковную молитву и т. д. Но всё это – подделка искусства, имитация его (или, как теперь говорят, “имидж”), суррогат, мёртвое, умозрительное сочинительство, лишённое жизни, её дыхания и трепета, человеческой боли или радости.

Особенно мертва *интонационная сфера* подобной музыки, она лишена какого-либо своеобразия, всегда вторична, стереотипна³⁴.

Прямой связи между системой Кабалевского и внедрением компьютеров в творческий процесс композиторов, конечно, нет, просто эти два явления совпали по времени, но мысль об омертвлении интонационной сферы весьма симптоматична. Это омертвление наблюдается в любых видах и жанрах музыки, но преобладание мелодико-гармонических стереотипов особенно заметно в массовой музыкальной индустрии, в которой процесс создания подобной продукции практически целиком осуществляется при помощи компьютера. И это неизбежное условие современной цивилизации свободного рынка: музыкальный бизнес в лице крупнейших транснациональных компаний заинтересован в как можно большем охвате, а для этого музыкальный товар должен быть универсальным, стереотипным, пригодным для как можно большего числа национальных культур. Ярким, понятным многим примером такой унификации интонационной сферы служит репертуар конкурсов эстрадной песни, в частности, хорошо знакомый в России конкурс Евровидения. Здесь требуется усредненная “общая музыка” (В. Одоевский),

да ещё к тому же на английском языке. И всё это идёт под лозунгом “Музыка — язык универсальный, понятный всем”.

В 1958 году практически все композиторы приветствовали создание Всесоюзного хорового общества. Опять привожу слова Д. Д. Шостаковича из выше цитированной его статьи: “Огромную роль в музыкальном воспитании народа призвано сыграть недавно созданное хоровое общество. Оно должно, в частности, добиться введения во всех классах средних школ обязательных уроков пения. Пение расширит кругозор школьников, нашей молодёжи, заставит её серьёзнее и глубже воспринимать музыку, сделает её повседневной культурной потребностью. И наше советское музыкальное искусство шагнёт ещё дальше, завоюет новые высоты”.

И вот в 1987 году сверху было принято решение хоровое общество преобразовать в общее Музыкальное общество. Фактически это означало упразднение Всесоюзного хорового общества (ВХО).

Свиридов остро переживал его ликвидацию. Когда он узнал, что И. К. Архипова согласилась возглавить вновь созданный на развалинах ВХО Союз музыкальных деятелей, то был возмущён этим поступком близкой ему певицы, к которой относился с большим уважением. В тетради 1989–1990 (I) есть одна такая резкая запись, что я не осмелился её публиковать целиком и привожу только ту часть, что была опубликована в книге “Музыка как судьба”. Эта запись имела у Свиридова название “Музей Георга Отса”. Вот она: “Об этом м-м Архиповой можно не беспокоиться. Эстонцы — народ, не потерявший ни своей веры, ни чувства человеческого и национального достоинства. Они сумеют сами позаботиться о своих талантливых людях, живых и мёртвых. Этот народ хранит память о прошлом, свою историческую память. Это только в РСФСР, где коренной русский народ унижен ниже всякой меры, лишён исторической памяти, всякое упоминание о ней называется фашизмом”³⁵.

У Свиридова были очень хорошие отношения с прибалтами. Свою роль сыграла его жена — эстонка Эльза Густавовна Свиридова, урождённая Клазер. Он хорошо знал эстонских композиторов, у него были прекрасные отношения с Густавом Эрнесаксом, крепкая дружба связывала его с Велью Тормисом. Он неоднократно бывал в Эстонии, его музыка, особенно хоровая, часто здесь звучала. Знал он и ценил хоровое искусство латышей. В том же телефонном справочнике Союза композиторов за 1987 год он отмечает “талантливые хоры” П. Дамбиса. По поводу М. Зариня отозвался так: “талантливый человек, бросил сочинять музыку?!” , об И. Калниньше — “талантливый человек — затерялся в суматохе жизни”. Здесь же тепло отозвался о Р. Паулсе.

Свиридов высоко ценил Певческие праздники, он понимал их сокровенный, высший, отнюдь не чисто эстетический смысл: сохранил своё национальное достоинство. На Певческом поле под Таллином Свиридова исполняли. Там прозвучала Патетическая оратория, дирижировал Неэме Ярви. Свиридов с Юрловым мечтали построить в Москве Певческое поле. Должны были высказать это предложение на совместном пленуме СК РСФСР и ВХО в 1973 году. Увы, Юрлов внезапно умер, не выдержало тяжелейшей нагрузки его сердце. А Свиридова не переизбрали на очередном съезде СК РСФСР. Ничего из этого не получилось.

Хоровая культура прибалтов имеет давние традиции. В отличие от РСФСР, прибалты не дрогнули и не упразднили свои хоровые общества. Они не приняли системы Кабалевского. Недавно мне на глаза попала статья латышского социолога С. Крюка “Народ, который поёт”³⁶. В этой статье речь идёт о том, как проводились знаменитые Певческие праздники в Латвии в советское время, как они финансировались Министерством культуры СССР, из союзного бюджета. Автор, ссылаясь на многочисленные социологические и культурологические исследования, приходит к выводу, что профессиональное администрирование и обеспечение инфраструктуры Певческих праздников гарантировали высокий стандарт пения хором, но в то же время изучение Певческих праздников советского времени не подтвердило явных доказательств социальной активности хором. Вместе с тем, эти праздники показали, что традиционные песни как общественный атрибут и чувство сохранения единства способствовали групповой (читай — национальной) идентификации. А в Российской Федерации не только не устраивали ничего, подобного певческим праздникам, а и сама идея создания Певческого поля не получила никакой поддержки.

В прошлом году я был в Риге. Меня пригласил художественный руководитель и главный дирижёр хора Латвийского радио Сигвардс Клява. Я провёл там неделю, записывали в храме св. Петра диск с “Песнопениями и молитвами” Свиридова. Работа была напряжённая, каждый день в первой половине шла запись, а во вторую половину дня мы с Сигвардсом отслушивали записанное утром, отбирая лучшие куски. Тем не менее, вечерами я приходил в гостиницу и перед сном ловил на свой смартфон радиоканалы и слушал, какая музыка звучит у латышей. Там есть канал 3 Латвийского радио (LR3), на котором звучит классика. Есть и другие каналы. Как и везде, много станций с коммерческой лёгкой музыкой. Как и везде, много западной массовой продукции. Конечно, не обошлось и без российской попсы, есть станция в Риге EHR Русские хиты (транслирующая Топ 20 Русского танцпола). Как говорят в таких случаях мои студенты, это полный “зашквар”. Но я слышал и песни латышских композиторов. Немного старомодные, быть может, несколько сдержанные по темпераменту и не столь мелодически яркие, тем не менее, это была качественная профессиональная музыка. И ничего подобного репертуару и стилю нашего “Русского шансона” или песням В. Высоцкого я там не слышал.

Хоровая музыка прибалтов сегодня переживает расцвет. Здесь есть очень интересные, талантливые композиторы разных поколений, пишущие в разных стилях. Притом, что в сочинениях прибалтов явно слышна освоенная ими техника и приёмы хорового пения, воспринятые из общемирового арсенала средств языка современной музыки, тем не менее, их музыку не спутаешь ни с какой другой, она прочно опирается на корневые национальные традиции. Хоровые сочинения Арво Пярта или Эрика Эхенвальда известны во всём мире.

На хоровые концерты в Риге ходит публика, новая латышская музыка имеет свою чуткую и внимательную аудиторию. Много поют. В школе, в отличие от наших школ, сохранились уроки пения. В одном из перерывов я побывал в Академии музыки им. Я. Витола (бывшей Рижской консерватории), встретился со своими коллегами-музыковедами. И там я узнал одну вещь, которая меня очень сильно задела. Оказывается, что подобно тому, как у нас при Московской и Петербургской консерваториях, при Академии существует специальная музыкальная школа. Как и у нас, в ней учатся скрипачи, пианисты, трубачи и прочие инструменталисты, будущие виртуозы, лауреаты разных конкурсов, солисты филармоний и престижных симфонических оркестров. Но наряду с музыкантами-инструменталистами в этой же школе учат будущих дирижёров хора. Они продолжают своё образование в Академии и потом пойдут работать не только в хоровые коллективы, но и учителями пения в общеобразовательные школы. Так прибалты сохраняют, пестуют и заботятся о будущем своих культур. Вот за это их и ценил Свиридов. И тогда я понял, что культура, где господствует “женщина, которая поёт”, несопоставима с культурой, в которой поёт весь народ.

У Свиридова в одной из тетрадей есть следующая запись под названием “О “глобальном” и национальном”. “Да, русская культура всечеловечна, — писал композитор, — и это одно из очень важных её достоинств: она обращена ко всему человечеству, ко всем людям земли. Но, может быть, самая важная, самая насущная, первостепенная её задача — это питать душу *своего* народа, возвышая эту душу, охраняя её от растрепанности, от всего низменного”³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как писал рецензент, “с огромной эмоциональной силой прозвучала хоровая пьеса Г. Свиридова “Повстречался сын с отцом” в исполнении Академического русского хора СССР под управлением А. Свешникова” (Балашов В. Творческий рапорт // “Советская культура”. 1958. 29 ноября. № 142. С. 1).

² Свиридов Г. В добрый путь // “Советская музыка”. 1958. № 9. С. 10–15.

³ Свиридов Г. Искоренять пошлость в музыке. Заметки композитора // “Правда”. 1958. 17 сентября. № 260. С. 6.

⁴ Долматовский Е. “Луна, тишина и неразделённая любовь” // “Советская культура”. 1958. 8 февраля. № 17. С. 2. (Под рубрикой “К Всесоюзной творческой конференции работников кино. Песня в фильме”).

- ⁵ Ошанин Л. Борьба с дурным вкусом. Там же.
- ⁶ См.: Конференция работников кино // “Советская культура”. 1958. 8 марта. № 29. С. 3.
- ⁷ Шостакович Д. Ближе к народу! Мысли о творчестве // “Известия”. 1958. 8 января. № 6. С. 3.
- ⁸ Михайлов Н. А. О перспективах развития социалистической культуры на 1959–1965 годы. Доклад на съезде работников профсоюза искусств // “Советская культура”. 1958. 24 мая. № 63. С. 3.
- ⁹ Любители музыки ждут. По следам одного письма // “Советская культура”. – 1958. 23 сентября. № 114. С. 3. Грампластинка – пропагандист лучшей музыки (передовица) // “Советская культура”. 1958. 25 сентября. № 115. С. 1.
- ¹⁰ Суконцев А., Шатуновский И. Звезда на Волге // “Комсомольская правда”. 1958. 17 сентября.
- ¹¹ Игнатьева М., Кривенко Ник. Досадная неудача талантливого коллектива (об Утёсове и концерте “Песня – наш спутник”) // “Советская культура”. 1958. 7 июня. № 68. С. 2.
- ¹² Свиридов Г. В. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А. С. Белоненко. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 455–456.
- ¹³ Н. Богословский почувствовал необходимость прибегнуть к низкой, почти блатной интонации в своей песне “Тёмная ночь”. Эта интонация больше говорила сердцам солдат, которым до смерти реально оставалось “четыре шага”, нежели бравурные марши-фокстроты того же И. Дунаевского. Это прекрасно понимал Свиридов, он не упомянул её среди тех одесских песен, которые пел Марк Бернес. Впрочем, и сам И. Дунаевский почувствовал перемену настроений в годы войны и вспомнил музыкальную лексику русского эстрадного романса в своей “Песне о Москве”.
- ¹⁴ Справедливости ради стоит заметить, что лучшие клипы С. Шнурова, хоть и хулиганские, но всё же несут в себе нечто вроде сатиры нравов, подобно графическим сатирам Хогарта.
- ¹⁵ Справочник Союза композиторов СССР /Сост. В. И. Козюра, М. П. Гершанова, Л. Н. Костикова. М.: Советский композитор, 1987.
- ¹⁶ Свиридов Г. В. Музыка как судьба... С. 390. Песня “Два брата” написана на сл. В. Максимова в 1978 году.
- ¹⁷ В одной из тетрадей “Разных записей” есть маленькая заметка об этом прославленном ансамбле. См. Георгий Свиридов. “Разные мысли” (фрагменты). Публикация и предисловие А. Белоненко. “Независимая газета”. 2000. 27 января. № 2. С. 6. Правда, это не помешало ему резко отрицательно отзываться об этом ансамбле, когда зазвучали не только их лучшие песни, но и довольно серая коммерческая продукция.
- ¹⁸ К сожалению, на вкладыше в коробке аудиокассеты с записью этого размышления не указана дата. В моей домашней копии Звукового архива эта запись перенесена на жёсткий диск под номером CD-36.
- ¹⁹ Свиридов Г. В. Музыка как судьба... С. 558.
- ²⁰ Это, между прочим, тот самый режим, который предоставлял ему возможность беспрепятственно посещать Париж, добывать и употреблять наркотики и многое другое, что было недоступно не только простому рабочему, но и представителям художественной элиты.
- ²¹ Д. Д. Шостакович. Мировой авторитет советского искусства // “Советская культура”. 1958. 14 июня. № 71. С. 2.
- ²² Свешников А. Хоровую культуру в массы! // “Советская культура”. 1958. 28 января. № 12. С. 1.
- ²³ Мне удалось познакомиться с “делом” о создании нового гимна СССР в конце 1990-х годов. Оно хранилось в Архиве Президента РФ “О гимне Советского Союза. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и материалы о государственном гимне Советского Союза”. Архив Президента РФ ЦК КПСС Политбюро. Ф. 3, оп. 52, ед. хр. 46. Дело № 36-Б /4-а/ 1. В Советском Союзе с 1956 года по 1977-й не было текста гимна. После октября 1964 года проблемой гимна занялся Л. И. Брежнев. Был момент, когда гимном было решено сделать песню И. Дунаевского “Широка страна моя родная”. Новую оркестровку попросили сделать Д. Д. Шостаковича. Однако от этой идеи отказались и вернулись к старому, александровскому гимну. Новую редакцию текста создал один из авторов первоначального текста, опытный, испытанный временем гимнод С. В. Михалков.

- ²⁴ В 1964 году незадолго до отправки Хрущёва на пенсию был оглашён результат конкурса на проект нового гимна. Первую премию присудили любимому композитору Хрущёва, автору популярной песни “Рушничок” П. Майбороде. Вторая премия досталась Свиридову и Твардовскому за песню “Взвивайся, ленинское знамя”.
- ²⁵ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1466. Протоколы 1958 года. Протокол № 21 Заседания Секретариата Союза композиторов СССР 29 сентября 1958 года.
- ²⁶ С перечнем конкурсов 1958 года можно познакомиться, например, в одном из “дел” фонда Союза композиторов РСФСР в РГАЛИ. См.: РГАЛИ, ф. 2490, оп. 1, ед. хр. 2. Дело 1а. Приказы Министерства культуры СССР и РСФСР, относящиеся к деятельности Союза композиторов РСФСР. Начато 7 февраля 1958 года. Закончено 20 октября. Всего на 120 листах.
- ²⁷ См., напр., “Хорошая музыка живёт с нами всегда...” Обзор писем читателей // “Правда”. 1958. 17 октября. № 290. С. 4.
- ²⁸ Далее привожу цитаты без указания страницы из следующего документа: РГАЛИ, ф. 3043, оп. 1, ед. хр. 129. Письма читателей в редакцию газеты “Правда” по поводу статьи Г. В. Свиридова. На 19 л.
- ²⁹ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1466 (1). Протоколы 1958 года. Протокол № 22 заседания 13 октября 1958 года.
- ³⁰ См. РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1466 (2). Стенограмма обсуждения статьи Свиридова, л. 99–139. В дальнейшем мы цитируем этот документ без указания номеров листов.
- ³¹ “Искоренять пошлость в музыке”. (Обсуждение статьи Г. Свиридова) // “Советская музыка”. 1958. Декабрь. № 12. С. 142–144.
- ³² Машинописный экземпляр статьи находится в личном фонде Д. Б. Кабалевского в РГАЛИ. Судя по подписи в конце статьи, Д. Б. Кабалевский был или автором, или редактором этой статьи. См.: РГАЛИ, ф. 2017, оп. 4, ед. хр. 911, лл. 11–15. Письмо в редакцию газ. “Правда” о публикации статьи Г. В. Свиридова “Искоренять пошлость в музыке”. 12 ноября 1958 года.
- ³³ Свиридов Г. В. Музыка как судьба... С. 212 (запись в тетради 1978–1980).
- ³⁴ Там же. С. 458.
- ³⁵ Там же. С. 532.
- ³⁶ Kruk Sergei The Nation that sings: choirs and social action in soviet Latvia // Mūzikas akadēmijas raksti Jāzepa Vītola Latvijas Mūzikas akadēmija, 2018, XV, s. 154–170. Как отмечает автор, традиционные песни, звучавшие на Праздниках, носили функцию общественного атрибута и способствовали чувству сохранения единства (С. 164).
- ³⁷ Свиридов Г. В. Музыка как судьба... С. 382. Запись в тетради за 1982–1983 годы.

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВ

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — СВЕТИТЬ!

Есть свет дня — а есть свет “Дня литературы”, уникального издания современной России, одного из немногих, взявших на себя миссию быть “настоящим”. Издательский мир, как и вообще мир вокруг нас, работает в режиме лицедейства, маркетингового притворства — и особенно в нём тяжело тем, кто остаётся самим собой и отстаивает нечто Настоящее. При этом я не дерзну утверждать, что настоящая литература — всегда высокая, всегда совершенная. Настоящее — не всегда стоящее. Но оно всегда живое. То есть осознаёт себя как самоцель и самоценность, а не существует для посторонних игр, например, коммерческих, в которых книга только притворяется книгой, а на самом деле — бухгалтерская единица товара, неотличимая от лопат или тапочек.

Настоящая литература не всегда стоящая, но она существует для себя самой, а не для дебетовой колонки амбарной книги. Это зеркало живой, реальной жизни, а не те фантомы и миражи, которые пытаются выдать за “бестселлеры”, напрямую, в самом имени явления увязав его культурную ценность с торгашеской вырубкой.

Каждый выход журнала русских писателей “День литературы” — целое событие в мире культуры. Некогда литературные журналы умирали, но теперь начинают обретать второе дыхание, подниматься, возрождаться. “День литературы” выходит при поддержке Союза писателей России и продолжает линию давно известной литературной общественности одноименной газеты.

Удивителен, ярок и разнообразен круг авторов “Дня литературы”, он в хорошем смысле слова демократичен. Сквозь шум и треск рекламных помех, почти заглушённый воем “станций оглушения”, доносятся до нас голос и мысль настоящей России.

Отмечу протокольно и “анкетно”: в результате расширения издания с бумажной версии газеты до журнала и сайта круг авторов масштабно вырос. Их стало более тысячи. Хотя издание позиционирует себя как газета русских писателей, авторы её — всех возможных национальностей и со всех концов мира, от Австралии, Канады, Израиля и до крошечной российской деревушки, затерявшейся на самом Крайнем Севере, но имеющей возможность поймать сигналы интернет-связи и выйти на сайт.

Отдельно хочется выделить творчество Валентины Григорьевны Ерофеевой, выпускающего редактора “Дня”, в прямом смысле слова отдающей изданию “жизнь и всех помыслов горение”. Ценны открытия, но ещё ценнее тот, кто эти открытия делает! И тут невозможно что-то добавить, потому что тот, кто читал ДЛ, и так знает, насколько он связан с Валентиной Ерофеевой духом и судьбой.

Но работа в редакции – одно, а творчество – другое дело. Открывая других, Ерофеева раскрывает и себя для читателей, и это замечательное знакомство с тонкой и мудрой душой. В стихах разных лет, публиковавшихся “Днём”, ощущаем и вольный взмах птичьего крыла, и лёгкий, почти беззвучный шорох круженья осенних листьев, и романтический скрип крыл мельницы, с которой сражался Дон Кихот...

Стихи разбивают устойчивое представление о том, что хорошие стихи – обязательно старинны, а новая поэзия, впитав в себя новизну прозаичного времени, не слишком сильна в своей новизне. Эти стихи в точности сохранили высокий дух русской поэзии, духовные заветы Золотого и Серебряного века, счастливо избежав подражательности.

Особый дар Валентины Ерофеевой – раскрыть мощь и красоту именно современного языка, того русского, на котором говорят наши современники. И при этом совершенно не поранить строфу грубостью современного сленга. Есть два процесса в языке – язык развивается, и язык портится. Многие считают, что это одно и то же. Но именно эти поэтические строки убеждают, что нет: есть современный, последних десятилетий, но при этом чистый и неиспорченный язык.

Издание (газета+журнал+сайт) полно открытиями, в нём прозвучало много новых имён. Одно из них – Юрий Манаков. Серьёзный, “увесистый” писатель от земли, от глубинки, так сказать, из “глубины сибирских руд”. На его творчество наложила неизгладимый отпечаток его биография. Её анкетные вехи стали вехами неторопливого и обстоятельного творчества Юрия, в котором чувствуется и ветер Алтая, и иссушающий суховец среднеазиатской пустыни, и шум иркутских улиц, и сопричастность большой русской литературе.

В названиях произведений Манакова, если присмотреться к ним на его страничке в “ДЛ”, раскрывается радугой и спектр его творческих интересов: любовь к большой и малой Родине, патриотизм и неуживчивое, правдоискательское, порой колкое слово.

В творчестве Манакова, прежде всего, ощутим серебристый поток живой русской народной речи. И алтайской, и вообще – современной, российской. Автор вроде бы и не пишет, а разговаривает: неторопливо, с крестьянской или шахтёрской основательностью ведёт с читателем беседу, интонационно очень чутко продуманную. Иногда такой разговорный жанр кажется у Манакова простословием, отсутствием литературных изысков. Но это такая простота и искренность слога, при которой автор не рвётся поучать, а хочет дружить с собеседником. И многие утверждения вовсе не в граните жаждет высекать, а высказывает в качестве вопроса или полувопроса, намёка, предположения...

Радуют живостью голоса молодых “звёздочек”, которым помогают взойти на небосклон литературы: критика и прозаика Андрея Тимофеева, критика Яны Сафроновой, прозаиков Юрия Лунина, Андрея Антипина, Дмитрия Филиппова, Елены Тулушевой, Жени Декиной.

Что касается Жени – именно так, заодно, а не Евгенией, она называет себя, – то в её творчестве раскрывается во всей бездне ад 1990-х глазами молодого поколения. Это взгляд того, кто через гнилые толщи пробивается снизу, к Солнцу. Режет и правда жизни, и неожиданная, парадоксальная чистота слова в грязи описываемых событий.

Не думайте, что “Метан” Декиной – традиционное для русской литературы описание ужасов нищеты и неустроенности; он нов, в нём, прежде всего, приговор современника звериным либеральным “свободам”. Нельзя человеку мыслящему не заметить, что абсолютную безысходность персонажей “Метана” сопровождает их абсолютная свобода, “раскрепощённость”, так сказать, когда жизни и судьбы ломает не какая-то там хрестоматийно-осуждаемая тирания, а именно ненужность человека, брошенного в омут: “живите, как хотите”.

Яркая и запоминающаяся фигура нашей новой современной литературы, прорастающей сквозь асфальт пореформенной реальности, – Ирина Иваськова. Она вошла и вписалась (и прочно прописалась) в плеяду молодых авторов “ледникового периода” (так я называю время великого оскудения интереса ко всей и всяческой литературе), суровых сталкеров нашего постапокалиптического мира. Такой и предстала в сборнике “День литературы” – голоса молодых”, среди прозаиков, живущих и творящих в мире сверхнизких температур всеобщего охлаждения и эмоционального отупения.

Иваськову не спутаешь ни с кем, потому что она работает в свойственной только ей мозаичной манере, складывая из обыденных элементов повествования нечто знаменательное и притчевое. Так из предельно узнаваемых и будничных кусочков реальности складывается шокирующий эффект общего восприятия.

Эстафетное направление целой плеяды молодых авторов России – Андрей Тимофеев, формировавший на правах шеф-редактора номера молодёжный выпуск “ДЛ”, в своей программной статье “Новые традиционалисты” обозначил “будущим русской литературы”. Я присоединяюсь, добавляя от себя, что тут нет никакого пафоса, а лишь констатация факта: будущее русской литературы не в возвышенном, а в самом буквальном смысле слова: по годам и именам.

Лично для меня “День литературы” – это мост между классиками и новыми именами. Когда с Бондаренко и Крупиным, или Ивановым, Личутиным и Прилепиным стоишь на одной полосе или выпущен в одном переплётё, то ощущаешь: вот – Вечность, а вот – ты, и между вами нет стены, между вами – мост.

В связи с этим не могу умолчать: очень интересный опыт – издание произведений Владимира Николаевича Крупина в рамках смелого эксперимента “Дня литературы” – в электронном виде. Впервые увидев рассказы Крупина не в привычном бумажном варианте, а на экране, я задумался: уместно ли? Насколько тончайшее кружево словесности Владимира Николаевича совместимо с новомодными гаджетами? Не ошибка ли это – поставить его в один ряд с юнцами, жизни вне компьютера не мыслящими, сросшимися с клавиатурой?

Но присмотревшись, убедился: всё правильно! Крупин хорошо вписался в электронные библиотеки, обретя в этом формате издания некие новые, порой неожиданные грани и оттенки. Благодаря электронным библиотекам Крупин историей не стал, он ваш и мой современник, он в одном строю с самыми юными авторами и не пытается занять какую-то особую рубрику-ложу. Его вполне устраивает компания по электронным публикациям, и он вполне органично в ней смотрится.

Что свойственно, в первую очередь, электронным публикациям Крупина, о которых я обещал поговорить? Образ “прикровенного бисера” возник у меня в голове с первых же строк на экране. Это тот же самый Крупин, но это и иной Крупин. Экран оттеняет то, что бумага, может быть, не всегда давала мне понять.

Это новый мир. Но важно сберечь его преемственность с прежними мирами, сберечь великую Традицию.

Самые могучие реки питаются от малых ручьёв, и река русской литературы не исключение. Что станет с её руслом, если иссякнут малые родники по берегам?

Смелое начинание – дать классикам и начинающим шагать в одном ряду. Смелое, но необходимое. Потому что литература, превратившаяся в памятник самой себе, – это уже мёртвая литература. За нею по непреодолимой причинно-следственной связи отмирает язык, бессильный выживать в вечных повторях “бытового общения”. А за языком отмирает и Ум как самоосознание и способность к собственной воле; народ становится в прямом смысле безумным.

Печальна и трагична судьба безумной нации, вся культура которой сводится к кальке и пародированию чужих духовных обносков, секонд-хенда поношенной первым хозяином джинсы. Эпигоны и подражатели сокращаются в истории человеческой так же неумолимо, как ноли в уравнениях. Ведь если не имеешь своего, то не имеешь и себя: отражение в зеркале не есть сущность, это лишь видимость!

Свети, День! Всё громкое и пустое, сиюминутное сгинет бесследно, расстворившись во времени. Придёт будущее (если вообще придёт...) – и нашу эпоху будут изучать по твоим страницам, ибо кому будут интересны через 100 лет разводы мёртвых олигархов и забавы мёртвых бонвиванов? И пляски давно мёртвых павианов? Слово же было в начале, и Слово – записанное, сохранённое – и есть Бессмертие.

г. Уфа

ГЕННАДИЙ ЛИТВИНЦЕВ

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ЧЕРНАВСКА

В романе “Живые души” Алёна Даль взяла в соавторы Гоголя

Среди части критиков распространено мнение, что в современной литературе существует негласный запрет на злободневность или, во всяком случае, нелюбовь к ней (под “злободневностью” понимается не политическая ангажированность, а отражение в художественных полотнах острых, да и просто насущных проблем современности). Самые интересные произведения, отмечают критики, сейчас рождаются в исторической романистике, фантастике и фэнтези, что и свидетельствует, мол, о наметившейся тенденции ухода писателей от забот и проблем текущего дня.

Наблюдение, надо сказать, не безосновательное. При этом отпадение от действительности в сторону “исторического и фантастического”, на мой взгляд, мотивируется не столько даже личными пристрастиями авторов, сколько особенностями нынешней читательской аудитории, читательского спроса. В роли своеобразной цензуры выступает теперь не государство, а рынок. Рынку же свойственно действовать по закону удовлетворения платежеспособного спроса – других законов он не признаёт. И мы свидетели того, как “реализм действительной жизни” заставил многих литераторов перекалифицироваться в поставщиков коммерчески успешных фэнтези, детективов, а то и порнографической “клубнички”.

Всё так. Но литература “большого стиля”, серьёзных вопросов, отзывающаяся на болевые сигналы современности, не исчезала и никогда не исчезнет, пока остаётся хоть один, хоть последний читатель. Достаточно вспомнить имена тех, с чьими книгами взрастало наше поколение, – В. Белова, В. Распутина, В. Лихоносова, Л. Бородина, П. Краснова, Е. Носова, М. Лобанова, В. Кожинова. Да и книги современных русских писателей с разной степенью серьёзности и художественности заполнены поисками жизненной правды, желанием понять и отобразить смысл происходящего, бытование человека в сложных обстоятельствах “междувременья”, перманентных реформ и контрреформ. Колоссальный трагический слом жизненных установок и моральных ценностей, распад страны и “переукладка” жизни – всё это не могло остаться без творческого отображения. Не помню, кто из критиков сказал замечательно верные слова: “Идеологии создают миражи. А искусство возвращает к реальности”.

Да и разве современность не даёт примеры драм и конфликтов, достойных художественного исследования, не рождает сложные противоречивые

характеры, не являет новые, невиданные прежде отношения между людьми, не ломает сюжетные стереотипы? И было бы странно, если бы писатели, особенно из тех, что только прокладывают тропки своего творческого пути, не устремились бы на наше бурливое время свой любопытный испытующий взгляд. По известному совету и наставлению Н. В. Гоголя: “Нужно самому узнавать, нужно проездиться по России... Сделайте ваше путешествие вот каким образом: прежде всего выбросьте из вашей головы все до одного ваши мнения о России, какие у вас ни есть, откажитесь от собственных своих выводов, какие уже успели сделать, представьте себя ровно не знающим ничего и поезжайте как в новую, дотоле вам не известную землю” (“Выбранные места из переписки с друзьями”).

Вот такой “поездкой в дотолу не известную землю” оказался мне вышедший в 2018 году в Воронеже роман Алёны Даль “Живые души” (замеченный читателями, судя по отзывам и читательским конференциям, но пропущенный критикой). При том, что действие романа происходит “здесь и сейчас”, да, пожалуй, не столь и далеко от наших мест, во всяком случае, в схожих географических и природных условиях, социальных и культурных обстоятельствах. Откуда же тогда ощущение “нового” и “неизвестного”? Сам автор об этом говорит в романе так: *“На то она и книга, чтобы побуждать неравнодушного читателя задаваться вопросами, а автору – ломать голову в попытке ответить хотя бы на часть из них. На то и воображение, чтобы создавать миры и населять их любимыми, даже самыми невероятными героями. На то и жизнь, чтобы удивлять не меньше, а иногда и много больше самой расчудесной, тонко устроенной, мудро сплетённой сказки”*.

Но ошибутся те, кто подумает, что сюжет “Живых душ” создан исключительно воображением. Завязка его остро современна и актуальна, словно взята из новостных лент: в некотором губернском городе закипают страсти вокруг проекта добычи никеля, грозящего региону экологической катастрофой: “... Земля эта будет вспорота и выпотрошена алчной горсткой циничных чужаков. Обескровлена, растерзана, отравлена. А потом набита всяким хламом, завалена и зашита – так, что снаружи сохранится обманчиво прежняя оболочка, а внутри останется лишь мёртвая пустота. Как чучело оленя в руках искусного таксидермиста”.

Проект покорения недр продвигают приезжие менеджеры, не думающие ни о чём, кроме прибылей своей компании, а также мечтающие войти в долю с добытчиками местные чиновники, нечестные учёные, продажные общественники и журналисты. Им пытается противостоять группа “маленьких” людей, состоящая из казаков, жителей обречённого на потраву Чернавского района, один неподкупный профессор... да вот и всё на первых порах! Исход конфликта был бы предрешён, и не в пользу защитников родной земли, если бы не завязался главный узелок романа – любовный. Провидению было угодно (именно Провидению!), чтобы руководитель проекта, представляющий в Верхнедонске компанию “Траст-Никель”, Антон Рубин случайно встретил и полюбил включившуюся в протестное движение местную женщину Веру Туманову. Их отношения чудесным образом меняют весь “пейзаж битвы”.

В названии романа легко читается аллюзия с главным детищем Николая Васильевича Гоголя. Но что она означает? Помнится, в одном из интервью Алёна Даль называла Гоголя своим учителем. О творческих заимствованиях у классика скажем позже. Но перекличка с Гоголем не сводится к художественным приёмам – суть её много глубже, она в самом замысле произведения (названного, кстати, романом-фантаσμαгорией). Гоголь представил в своей поэме сумрачный мир мёртвых душ, погубленных или не востребованных жизнью талантов и чувств человека. В густонаселённом романе нашего автора “нежити” и “немочи” тоже немало, но им противостоят *живые души* – люди, сохранившие витальную энергию, связь с родной землёй, традицией, историей, способные сражаться за жизнь и, в конце концов, преодолевающие мертвящие силы зла. А потому берусь утверждать, что наш автор не следует ученически за произведением Гоголя, но взялся смелость его продолжить, то есть, образом говоря, воссоздать сожжённый второй том, в котором, как известно, Гоголь намеревался показать положительного человека, альтернативного “мёртвым душам” своего первого тома. Воссоздать, дописать на материале XXI века, современной российской жизни. В результате “Вера Сергеевна написала роман, в основу которого легли причудливые изгибы её судьбы,

известные чернавские события, записанные в пухлом блокноте сны и рассказы старожилов, а также опыт общения с миром по ту сторону старого зеркала”. И есть основания предполагать, что этим романом являются “Живые души”. Вот такой композиционный кульбит. И вообще, роман получился многоплановый, разветвлённый, простёртый во времени. Современность в нём оборачивается давним прошлым, реальность — иллюзией, дурным наваждением, а живущие и действующие в нынешнем Верхнедонске персонажи — масками, марионетками театра кукол, заключённого в фанерном ящике. Уроки Гоголя для автора не прошли бесследно.

“Как чёрта выставить дураком” — это, по собственному признанию Гоголя, было главной мыслью всей его жизни и творчества. “Уже с давних пор я только и хлопочу о том, чтобы после моего сочинения насмеялся вволю человек над чёртом” (письмо С. П. Шевырёву из Неаполя от 27 апреля 1847 года). Если чёрта представлять совратителем душ человеческих, виновником подлости, вранья, лихоимства и всякого непорядка в жизни, то в романе Алёны Даль немало поводов посмеяться гоголевским “горьким смехом” над его проделками в Верхнедонске и его окрестностях. Достаточно прочитать достойные гоголевского пера портреты верхнедонских разнокалиберных чиновников и деятелей культуры, описания прошедшего здесь шумного фестиваля искусств, юбилейного торжества глянцевого журнала “Штучка” или презентации книги модной писательницы “Мужчина на поводке”.

“Пошлость всего вместе испугала читателей, — размышлял Гоголь о впечатлении, произведённом в России его “Мёртвыми душами”. — Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои, один пошлее другого, что нет ни одного утешительного явления, что негде даже и приотдохнуть или дух перевести бедному читателю и что по прочтении всей книги кажется, как бы точно вышел из какого-то душного погреба на Божий свет”.

Книга Алёны Даль, несмотря на сходство с Гоголем “некоторыми фигурами речи”, всё же оставляет другое впечатление. Есть в ней и “утешительные явления”, и свет, и воздух. Остаётся вера в сохранную и обязательную духовную основательность мира, которую воплощают и обещают восстановить в жизни “засеркальные” персонажи, прежде всего, Лесная хозяйка Дарина. Зло в романе Алёны Даль осмеяно, частью наказано, основной конфликт разрешился полной победой защитников природы, компания “Траст-Никель” перенесла свою разрушительную деятельность куда подальше, аж в Африку... Все сюжетные узелки романа оказались в эпилоге развязанными. Хотя, на мой взгляд, лучше было бы оставить читателя перед недосказанностью, некоторой загадкой, позволяющей ему самому подумать, пофантазировать над развязками и судьбами. Как и в поэме Гоголя, “живые души”, светлые, положительные, деятельные герои — профессор Сидоренко, атаман Черпак, директор заповедника Климов, краевед Парамонов, дед Тихон, да и “оживший” по ходу действия Антон Рубин — вышли несколько бледнее, схематичнее убедительных в своей жизненности отрицательных типов. Увы, это обычное явление в искусстве, мало зависящее от опытности и таланта автора. Мерзавцы выглядят сочнее, а иногда и привлекательнее.

В любовной линии романа, как и в соседстве магического и реального, угадывается влияние “Мастера и Маргариты” М. Булгакова (тоже считавшего себя учеником Гоголя). Однако в “Живых душах” счастье обретается в самой гуще жизни, а не в иных мирах, свободных от пошлости и уродства. Да и ролям мужчины и женщины возвращены первоначальные функции: мужчина принимает решения и совершает поступки — женщина подчиняется и ждёт. Союз главных героев ярок и парадоксален — тем и интересен!

Алёна Даль убедительно показала своим романом, что произведение о современности, актуальное и злободневное, может быть увлекательным и художественно полноценным, когда оно стремится не к правдоподобию, а к настоящей, глубокой правде. Любовь к правде, вера в её силу не могут совсем уйти из литературы, сколь бы сильным ни был их антагонист — мир лжи, оправдания всякого зла, насмешки и глумления над духовной жизнью, мир, захламлённый лживыми идеями и дутыми кумирами. Не уйдут потому, что и изгнанная, и оболганная правда остаётся бескорыстным и ожидающим стражем при человеке, готовая всегда вернуться к нему по первому зову.

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

МЫ БОГАТЫ: У НАС ЕСТЬ РАСПУТИН

(о книге А. А. Королькова “Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники”. СПб. Росток. 2018)

Делай Божье дело в тишине.

В. Г. Распутин

Подлинности противопоставлено пышное словесие.

А. А. Корольков

“Божье дело”, “подлинность”, “тишина”, “чувствительность”, “слово” – эти понятия пронизывают и отличают исторический, проникновенный, ставший компонентом культурного бытия России диалог двух наших современников – выдающегося русского писателя Валентина Григорьевича Распутина и его друга, известного русского философа, доктора наук, профессора Александра Аркадьевича Королькова. Их дружба, продолжавшаяся несколько десятилетий, нашла отражение в уникальной по содержанию, насыщенной смыслами книге Александра Королькова “Нравственная философия Валентина Распутина”. В неоднородном по композиции, сочетательном по жанрам произведении встречаются и другие опорные понятия: просвещение, наследие, традиция. В совокупности названные категории равнозначны физическим силам, извлекающим скрытый порядок из кажущегося беспорядка, посредством этих сил преодолевается хаос, просвещается мир, достигается истинная свобода.

Новая книга Александра Королькова состоит из очерков, посвящённых Валентину Распутину, свидетельств о встречах, дневниковых записей, содержит философские размышления автора, а также воспоминания, записанные после ухода из жизни выдающегося русского прозаика в 2015 году. Особо ценной её частью являются письма Валентина Распутина петербургскому собеседнику и земляку, сибиряку по рождению, сопровождаемые развёрнутыми комментариями и ссылками автора сборника. Эта книга предназначена для тех, кто любит Россию. Но она может стать откровением и для тех, кто её не любит, но, прислушавшись к проникновенному голосу мудреца Распутина, умилостивит свой критический взгляд на Отечество. Это актуальная книга не только по смыслам, но и по структуре: современные отношения диалогичны. Эта книга историческая – она о времени и истории, о дружбе и верности,

о литературе и науке, но главное — она о России в понимании Валентина Распутина, представляющего своё Отечество как Космос, формирующий гармоничную структуру русского мира и всемирного бытия.

Творчество считается высшей степенью психической человеческой активности, заключающейся в способности познавать, обобщать, создавать новое. В связи с этим можно говорить о философских основах творчества-познания, так поясняемых Николаем Бердяевым: “Если мне дано познание, это есть, прежде всего, моё внутреннее познание, ещё неизвестное для мира, настоящая моя философия, когда я стою лицом к лицу перед тайной бытия, как бы перед лицом Божиим”¹. Бердяев подчёркивает, что “творческое огненное движение” должно не только восходить, но и нисходить к людям, к миру.

Эти пути исследует в своей книге Александр Корольков в пространстве литературной и жизненной судьбы выдающегося писателя Валентина Григорьевича Распутина. Но почему учёного связывали долгие крепкие дружеские отношения со знаменитым сибиряком? Александр Корольков так отвечает на этот часто задаваемый ему вопрос: “Тут можно долго говорить о духовном родстве, но начну с того, что мы земляки, из Сибири. Мне захотелось с ним встретиться ещё и потому, что в своё время я упустил возможность познакомиться с другим своим великим земляком — Шукшиным. В Сростках жила сестра моей бабушки, не раз я там бывал, знаком со всеми родственниками Шукшина, сестру его хорошо знал, Наталью Макаровну, его тётушек. А вот с ним самим познакомиться не получилось, хотя, как выяснилось, я заезжал в Сростки именно в то лето, когда Василий Макарович строил там баньку.

Это меня подтолкнуло к чему? Нельзя откладывать встреч с единомышленниками, которые тебе дороги. Где-то в 78-м году приехал я в Иркутск по делам университетским, сидели мы с нашими коллегами, преподавателями философии, в кафе, и я упомянул, что хотелось бы познакомиться с Распутиным. Николай Коноплёв, ныне профессор в Иркутском университете, говорит: “Пойдём хоть сейчас, я живу рядом с ним, а с его женой Светланой в одном классе учился”. Пара выпитых рюмок придала храбрости. И вот так отчаянно я вошёл в дом Валентина Григорьевича. Отнёсся он ко мне благосклонно, пригласил на следующий день ещё пообщаться. Постепенно стали переписываться, встречаться и в Иркутске, и в Петербурге, и в Москве. Так мне посчастливилось обрести в нём искреннего друга. Он сам написал в одной книге: “С Александром Аркадьевичем мы не могли не встретиться и не сойтись уже потому, что встреча наша и последующая дружба, что называется, на роду была написана”.

Александр Корольков почувствовал, что Валентин Распутин близок ему по духу, что вопросы, поставленные Распутиным в его произведениях, созвучны идеям традиционной русской философии, исследующей духовные и нравственности начала человеческой жизни. Отметим, что Александр Корольков — педагог, академик Российской академии образования (РАО), понимающий, что для осмысления и отражения истины нужен всеохватный взгляд, различающий разные уровни приобщения к ней.

Первым словом книги, дающим определение личности Распутина, Александр Корольков полагает распутинский термин “чувствователь”. Он этимологически близок к физическому понятию “чувствовать”, но относится к духовно-нравственной антропологии. Чувствователь-Распутин даёт в своих повестях, очерках, письмах спасительные направления, ориентированные не на традиции рационализма, присущие философии, а на дух и душу народа, понимающего русскую правду. “Чувствователь” — слово распутинское, оно отражает способность русских писателей и мыслителей чувствовать природу, Родину, семейные и исторические истоки, родство душевное, духовное и передать своё чувство письменным словом”², — поясняет Александр Корольков, создавая достоверный портрет Валентина Распутина. Его личность, мысли, прозрения, творческая смелость важны для духовного оздоровления русского народа, для восстановления прекрасного лика России, теряющей свою красоту под натиском массовой культуры.

В этом общем спасительном деле важен и нужен подлинный портрет русского мыслителя. Он нужен именно сегодня, когда ещё не ушли поколения, знающие творчество писателя, когда не поблек во времени его образ, озарённый спасёнными им водами родного Байкала, когда не иссякла исконная вера в слово писателя. Именно сейчас русскому народу более всего

требуются свои, русские праведники и учителя. Используя слова самого Валентина Григорьевича из письма к Александру Королькову от 7 ноября 1985 года³, можно сказать, что “позже было бы, пожалуй, поздно”. Именно сегодня нам необходимы уроки Распутина, когда Россия хочет вернуться к своим историческим духовно-нравственным корням, на свой национальный путь, но сдерживается негативными силами. В книге эти силы подразумеваются, но не называются, так как человеку, если он вооружён родным словом и родной верой, никакие злые силы не страшны. Поэтому речь в книге идёт не о противостоянии, а об укреплении основ, о познании: о научении русскости, о русской ментальности, о русской идее, требующей сегодня, образно говоря, “археологических раскопок”.

Просветительская ценность и нравственная направленность книги Александра Королькова очевидна. В самом её начале автор приводит выразительную цитату из “Выбранных мест из переписки с друзьями” Николая Васильевича Гоголя, поясняя неизменную во времени христианскую суть просвещения: “Просветить не значит научить или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его производит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы... “Свет просвещения!” — и ничего к ним не прибавляется больше”⁴. Эти мудрые слова классика русской литературы и смысловой строй книги Александра Королькова ставят её в ряд со знаменитым гоголевским откровением, вопиющим к современникам о необходимости осознания, что единственно крепким основанием культуры и просвещения может быть только христианство, а основанием жизни — вера в Бога и в силу Церкви Небесной и земной.

О кризисе нравственности, о разрыве с прошлым болел душой в своё, ещё более бездуховное, сиротское время и Валентин Распутин. Александр Корольков отмечает, что Валентин Григорьевич первым во второй половине XX столетия во весь голос заговорил о православной сущности русской культуры, о необходимости переиздать отечественную религиозно-философскую литературу, которая большей частью долгие годы была под запретом. И его голос был услышан, потому что это был голос сына в защиту матери: “До чего же мила ты и тепла, до чего же по-матерински родна ты и прекрасна, ненаглядна и приветлива, матушка Русь!.. По Руси-России, как по матери, мы все кровная родня”⁵, — говорит с искренней любовью Распутин.

Автор книги, также осознавая себя кровной роднёй по России и Распутину, и многим единомышленникам, понимает своевременность постановки и необходимость решения этой трудной задачи. Он откровенно и с печалью говорит об отсутствии чувства преемства и добрых отношений к сибирским дедушкам и бабушкам в собственной семье. Изыскивая спасительные пути, писатель даёт простой и действенный совет своим “забывчивым” детям: нужно читать произведения Валентина Распутина, слово которого не только просвещает, образовывает, но вдохновляет и исцеляет, укореняет в людях русский дух.

Русскость творчества Валентина Распутина очевидна. Известный современный писатель Василий Дворцов, подчёркивая, что “литература разделяется на русскую и русскоязычную не по крови авторов”, отмечает основные параметры русскости литературы, присущие творчеству Валентина Распутина, — сострадание (писатель не выделяет себя из народа, не отстраняется от него, живёт, мыслит и чувствует себя в нём); лиризм (разговор по душам, беседа душ ведётся языком лирики), нравственная неколебимость (неколебимость нравственной традиции суждений о добре и зле, которая искони утвердилась в русской православной культуре)⁶.

Александр Корольков доказательно дополняет этот ряд уточняющими характеристиками. Это совестливость (особая чувствительность к нравственной стороне собственной жизни и творчества), философичность (диалог идёт в религиозно-философских категориях), целительность (оздоровление духа). Целительность как особенность произведений Распутина, неоднократно упоминаемая автором книги, — понятие производное и совокупное, имеющее духовно-нравственное, просветительское и физиологическое значение. Издревле известно, что грех разрушает организм, губит телесные силы, ведёт к неминуемой смерти. Исцеление души — спасительно.

Отразить основные свойства прозы и публицистики Валентина Распутина Александру Королькову удаётся посредством собственного литературного таланта. Перу автора книги подвластна научная стилистика, публицистические формулировки, он мастер живописного литературного слога и автор собственных художественных произведений, что позволяет в полной мере охарактеризовать многогранную одарённость Валентина Распутина, чьи произведения стали вехами русской культуры. “Искреннее его слово целительно для каждого из нас, и молодых, и считающих себя зрелыми. Он редкостный собеседник, хотя все общавшиеся с ним отмечают его замкнутость, неразговорчивость. А какая душа жила в этом человеке! Она выплёскивалась повестями, рассказами, а теперь будет **очищать нас** (выд. авт. ст.) ещё и его личными письмами, которые постепенно станут появляться в печати”⁷.

Эмоциональная сдержанность Валентина Распутина отмечается многими людьми, его знавшими. Или недостаточно знавшими? Так поясняет эту свою психологическую особенность сам Валентин Григорьевич в письме к Александру Королькову (май 1990 года): “Надо знать меня, и, боюсь, при давнем нашем знакомстве и дружбе ты меня знаешь плохо: я готов раскрыться и вывернуться почти наизнанку, но делать этого не умею; моя искренность искренна, но неловка. Я разговариваю и понимаю больше чувством, и в этом смысле мне казалось, что мы сказали друг другу многое”⁸.

“Понимание чувством” — не просто особенность психики конкретного человека, но свойство души мыслителя, умеющего слышать Вселенную, внимать тайне бытия, различать истинную красоту. Для этого умения нужна тишина, спокойствие, мысленная артикуляция, отвлечённость от объективной реальности. Но в творчестве, в искусстве невозможно выразить красоту мира без органического сочетания его материальных и духовных компонентов. Это большой литературоведческий вопрос, поэтому художественные особенности сочинений и аспекты мировоззрения Валентина Распутина автор книги показывает схематично, посредством смысловых акцентов. Процесс истинного творчества всегда диалектичен, или, как говорил Михаил Пришвин, “я назыву победой момент творческой высоты, когда субъективно я и мир — одно, а объективно остаётся свидетельством этому созданная новая форма”⁹.

Можно сказать, что Валентин Распутин мыслит созидание собственной жизни и литературное творчество не как копии действительности, но как саму действительность, создание новых форм своей жизни, из которых православное крещение было формой наивысшей. Как говорит Александр Корольков, решение о крещении у Валентина Распутина было лёгким, осенённым высшими силами. Это решение снизошло на писателя на поле Куликовом, по молитвенному велению св. преп. Сергия Радонежского.

Невозможно не поверить Валентину Распутину, так вспоминавшему¹⁰ о своей ночной встрече с преподобным на Куликовом поле в канун 600-летия битвы. “В ту ночь я впервые близко ощутил присутствие Сергия. До того близко, будто, отыскав меня, чужака, он и ко мне прикоснулся умиротворяющей дланью. Сыграли тут роль рассказ товарища, душевные поиски перед великой датой, когда, как археологу перед раскопом, который завтра закрывать, так хочется отыскать самое важное... И я, кажется, нашёл. Оно было со мной, но правильно ли рассмотрел я его, это уже другое дело. Только, бывая не раз в Сергиевой Лавре, я и возле мощей преподобного не мог протиснуться ближе. Что-то мешало. Или многолюдье, густота и сбивчивость чувств от преклонённых. Или то как раз, что мне уже была явлена милость в разверстости той полекуликовой ночи. “Чего же смущаешься, чадо?” — я и голос потом отыскал под эти слова, сказанные под вопрошающе-твёрдый взгляд поднятых глаз”¹¹.

Об этом духовном рубеже свидетельствует и Александр Корольков: “Распутин считал, что его духовное преображение началось после посещения поля Куликова. Ренита Григорьева (будущая крёстная Валентина Григорьевича) познакомила его в Ельце со священником Воскресенского собора отцом Николаем (в монашестве Нектарием). Он встретил их приветствием-благословением: “Воинство приехало, вот то воинство, которое будет возрождать славу поля Куликова”. В Ельце после беседы со священником Нектарием (Николаем Александровичем Овчинниковым) созрело решение: “Когда выходил от него, понял — это случилось. Случилось какое-то духовное преображение, уже не Мира, как на поле Куликовом, а моё духовное преображение. Уже тогда

стало ясно, что без крещения нельзя, и это крещение должно происходить здесь, в Ельце, который обладал каким-то особым сиянием¹².

Валентин Распутин осознанно и смело, радостно и взволнованно принял крещение в сентябре 1980 года, когда это таинство не поощрялось коммунистическими властями. Но путь к воцерковлению оказался тернистым, растянулся на всю жизнь. Много трудностей и трагедий выпало на долю русского классика. Не скрывая ужаса его переживаний, показывая мучительные поиски ответов на безответные вопросы своего единомышленника, Александр Корольков выделяет такую неотъемлемую часть русской жизни, как претерпевания и испытания, показывает, что Валентин Распутин осмысленно принимает их, как воцерковлённый христианин.

Исследуя мировоззренческие принципы выдающегося русского писателя, автор книги акцентирует внимание на отношении его к Церкви, средоточию духовной и материальной красоты. Будучи свидетелем, учёный рассказывает, как восхищённо Валентин Распутин вглядывался в очертания дальнего храма на Иртыше, “на таинство красок земли, воды и неба, которое только ему и дано высказать словами”.

В исследовании личности Валентина Распутина красота – понятие-лейтмотив, ведущая мелодия и инструмент одновременно, это образ русской идеи. Валентин Григорьевич, будучи выдающимся художником слова, тяготел к первозданной, божественной красоте, искал и находил горные черты не только в человеческом образе, не только в природе, но во всей русской земле, в русской деревне, в простом крестьянском быте, в живом историческом укладе провинциальной жизни. Дивные страницы книги посвящены воспоминаниям о гостевании друзей у простых сельчан, “где на плите закипает картошечка, никогда не надоедающая русскому человеку”. Живописны зарисовки о пирах у хлебосольных знаменитых земляков. Например, у известного в России тобольского мецената и благотворителя Аркадия Елфимова. Сибирское гостеприимство изображено Александром Корольковым пышно, подробно, в традициях классических произведений. Но от простых застольных или эпистолярных диалогов с Валентином Распутиным веет сдержанной мудростью, в них отсутствует пышнословие, современное представление о мире и человеку определяется глубинной традицией. Мысли и темы этих диалогов формируются на основании констант, заложенных в сознание человека религией, обычаями, социально-историческими отношениями, определяющими понятия судьбы, счастья, смысла и правды жизни. И философские, и лирические, и политические откровения Валентина Распутина, доверенные бумаге или собеседнику, показывают, что при всех своих страданиях-испытаниях он был счастливым человеком.

В русской ментальности понятие “счастье” семантически родственно понятию “участие”, осознанию себя частью чего-то: церкви, семьи, общества, родной истории, круга единомышленников и друзей. Александр Корольков показывает Валентина Распутина в храме, в семье. Интересно видеть писателя соучастником русской истории, о многих фактах которой он имел своё аналитическое суждение, основанное на критериях нравственности и объективных зависимостях. Незримые связи открылись Валентину Распутину в селе Покровском, на родной земле известного однофамильца Григория Распутина. Вопреки устойчивым представлениям об этом спорном историческом герое, писатель ищет обстоятельности его жизни и черты характера, смягчающие беспощадный приговор прошлого. Как следует из очерка “Покровское не миновать”, в оправдание земляка Распутин ставит его устремлённость к духовности и сердечное доверие к нему Царской семьи. В заслугу прозорливому крестьянину, которого не выкинешь из нашей истории, ставит также его связующую деятельность. Трудные, в тысячи километров, пути: Покровское–Санкт-Петербург–Москва, Санкт-Петербург–Тобольск–Тюмень, проторённые историческими личностями и государственными событиями, прочно соединили необъятные российские пространства. Трагическими судьбами царей и народа, их жертвенностью духовно укреплялась и территориально объединялась Россия.

Валентин Распутин душой, разумом и телом ощущал существование и значение заповедных, исторических, родственных, нравственных связей в жизни. Видя их распад, пытался восстановить, соединить их в пространстве своего могучего, выносливого, всё знающего крестьянского сердца. В свидетельстве реальной физической мощи выдающегося сибиряка Александр

Корольков приводит афористичную, символизирующую смиренное отношение к нелёгким сторонам жизни фразу Распутина: “Не такое таскали...” Эти слова он произнёс, закидывая на плечо, к восхищению наблюдавших, тяжеленный чемодан с книгами своего американского приятеля и переводчика Джерри Майкельсона, который такой груз даже с места не мог сдвинуть. Писатель эту тяжесть нёс до вокзала.

Вспоминается крестьянский образ Валентина Распутина, имевшего к земле врождённое уважение. Он умел и грядки делать, и капусту с картошкой выращивать, и дома строить, и брёвна на плечах носить. Из своей крестьянской жизни, со своего родового древа писателю было видно дальше, легче оценивать современность, “всматриваться в вечность”. На образных аналогиях исконного бытия строятся философские рассуждения Валентина Распутина, например, о разрыве связи времён. “Основание перестаёт быть основанием? – вопрошает Валентин Распутин. – И чем оно заменится? Победителей этот вопрос не интересует. Чем-нибудь да заменится, на то и завтрашний день... Честь, совесть, все эти “не убий”, “не укради”, “не прелюбодействуй”, а также более нижние венцы фундамента – традиции и обычаи, язык и легенды, покойники и история – всё это заметно перестаёт быть основанием жизни”¹³. Через сравнительный образ домостроительства диагностирует современные беды и болезни выдающийся русский писатель. В своей современной, в большей степени городской жизни он видит в друзьях-единомышленниках, в выдающихся современниках такие венцы, на которых держится здание русской традиции, с помощью которых укрепляются фундаментальные связи.

Основываясь на личных воспоминаниях, на публицистике и письмах Валентина Распутина, Александр Корольков выявляет огромный совокупный духовный потенциал выдающихся современных просветителей в конкретной, деятельной реальности. На страницах книги встречаются имена друзей Распутина: священников, исповедников и молитвенников, поэта иеромонаха Романа, писателей – близкого друга Распутина Владимира Крупина, Станислава Куняева, Василия Белова, Александра Вампилова, Виктора Астафьева, Николая Коняева, Василия Забелло и многих других отечественных подвижников возрожденческой мощи, направленной на восстановление связи времён через литературу и искусство.

Большое значение Валентин Распутин придавал деятелям культуры и искусства и их просветительским усилиям. Отмечал не только творческие достижения, но и общественное служение композиторов Георгия Свиридова, Валерия Гаврилина, дирижёра Владислава Чернушенко, исполнительницы русских народных и современных песен Татьяны Петровой, фотографа-биографа Анатолия Пантелеева и многих других, чьи лица запечатлены на уникальных фотографиях, представленных в книге.

Многих из названных писателей, деятелей культуры можно видеть вместе на фотографиях с прославленного фестиваля “Дни русской духовности и культуры “Сияние России”. Ежегодно на протяжении почти четверти века он проходит в Иркутске. Основан по инициативе деятелей культуры, при активной поддержке Валентина Распутина, епархии и администрации города. Этот мощный, многолюдный, многоплановый фестиваль, имеющий огромное просветительское значение, стал школой патриотизма в высшем смысле этого прекрасного слова. Во всех мероприятиях было незримое, а иногда и зримое участие Валентина Распутина. На поприще по “пробиванию стен отчуждения от русской культуры” здоровья он не жалел и как будто успокаивал себя возможностью в любое время оставить это своё служение: “Решил я... отойти. Пусть тянут другие, а у меня силёнок уже не остаётся” (письмо 07.07.2002).

“Никуда он не отошёл в сторону, так и тянул эту ляжку многие годы, – вспоминает Александр Корольков. – Не мог он при всех тяготах, издевательствах отбросить своего послушания, данного самому себе, послушания служить верой и правдой русскому делу, русской культуре, русскому просвещению в его сокровенном смысле как просвещению душ”¹⁴.

Просвещению русскостью Валентин Распутин служил вдохновенно, истово, находил современные формы этого служения. Как говорит Александр Корольков, любое новое произведение Распутина вызывало народный интерес. “Имя и творчество Распутина поддерживало соборную традицию русского народа, когда появление новой его повести или даже рассказа становилось духовным событием для читателей”¹⁵. И сам классик своим вниманием

к новым произведениям современных писателей эту соборную традицию расширял. Известен интерес прозаика к творчеству духовного поэта иеромонаха Романа (Матюшина), выразившийся в беседах, в переписке, во вступлении, которое Валентин Григорьевич написал для сборника о Романа «Внимая Божьему велению». «Чувствователь» Распутин определил непреходящее значения этой русской православной поэзии, понял, как важна она «для печения о запущенной русской душе».

В книге Александра Королькова отмечены личные встречи и литературные отношения Валентина Распутина со всемирно известным его современником Александром Солженицыным. С коллегой, имевшим всемирное признание, Валентин Григорьевич был хорошо знаком, даже получил из его рук в 2000 году литературную премию его имени, которая была присуждена Распутину «за пронзительное выражение поэзии и трагедии народной жизни в сращенности с русской природой и речью, душевность и целомудрие в воскрешении добрых начал»¹⁶. В эту формулировку хотелось бы добавить мысль о мощных созидательных токах и удерживающих в русле родословной памяти силах, присущих произведениям Распутина.

Распутин не оглядывался на чье-либо мнение, имел собственное отношение к Солженицыну, бывшее следствием, как отмечает Александр Корольков, его личной самостоятельности. Это присущее Распутину трудное умение выражено в рассказе «Век живи – век люби»: «Самостоятельность» – самому стоять на ногах жизни, без подпорок и подсказок – вот что это значит». Не прислушиваясь ни к мнению апологетов, ни к суждениям оппонентов, он изначально и последовательно преклонялся перед мужеством, правдолюбием и независимостью Солженицына. Хотя точку зрения Солженицына на Россию оценивал по-своему. Эта оценка, высказанная в письме к Александру Королькову от 2 октября 1990 года, помогает в понимании литературных особенностей и идеологических установок Солженицына.

«Статью Солженицына я, конечно, прочитал; очень она кстати и даже кстати с опозданием. Никому, кроме А. И., её бы и близко к тому, что сказано им, не написать. И всё же чувствуется, что это взгляд со стороны, взгляд мощный, исторический, но не опалённый нашей действительностью, но как бы выхолощенный, направленный сзади, а не сверху. Но потому именно, что это Солженицын, статью прочитают все, и при его огромном авторитете внемлют больше, чем от нас, вместе взятых»¹⁷.

Но Александр Корольков своей книгой, насыщенной свидетельствами реальной силы веры, любви, верности, самопожертвования, доказывает, что всё это – и вместе, и по отдельности – составляет мощную нравственную силу, укоренённую в национальной почве. Что это исконно русское стояние в своей философии сродни воинскому подвигу. Это та непобедимая убеждённость, выраженная словами Ивана Ильина: «За что можно отдать жизнь, то и надо любить, тому и надо служить», – побеждает смерть. Письма Валентина Григорьевича Распутина, которые он от руки писал не только Александру Аркадьевичу Королькову, но многим своим друзьям и современникам, и просто пришедшимся по душе людям, будут постепенно открываться, и станут уроками русской жизни, русского языка, врачевателями русского духа.

«Вы богаты, у вас есть Распутин», – цитирует невольное откровение одного американца Александр Корольков. И действительно, нравственная философия светоча русской жизни, великого русского писателя Валентина Распутина – великое наше богатство, которым Россия готова поделиться со всем миром, ибо в этом творчестве заложен всемирный и вневременной – спасительный смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Философия и методология познания. Ред. Сальников В. П. СПб, 2003. С. 320.

² Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Ростов. 2018. С. 3.

³ Там же. С. 190.

⁴ Цит. по: Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Ростов. 2018. С. 8.

- ⁵ Распутин В. Г. Веси, лики, Земля. О творчестве Анатолия Заболоцкого // Распутин Валентин. У нас остаётся Россия. М., 2015. С. 666-667. Цит по: Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Росток. 2018. С. 12.
- ⁶ Памяти Валентина Распутина <http://rodnayaladoga.ru/index.php/rodnaya-rech/index.php/pamyatoslov/799-uroki-valentina-rasputina>.
- ⁷ Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Росток. 2018. С. 6.
- ⁸ Там же. С. 203
- ⁹ Цит. по: Философия и методология познания. Ред. Сальников В. П. СПб, 2003. С. 322.
- ¹⁰ Сергей Радонежский // В. Г. Распутин. Ближний свет издалека // М., Патриот, 1991. С. 526.
- ¹¹ Цит по: Константин (Горянов), митрополит. И тогда воздвигается Сергей. // Родная Ладога. № 2. 2014. С. 16.
- ¹² Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Росток. 2018. С. 48-49.
- ¹³ Распутин В. В. В поисках берега. Иркутск. 2007. С. 209 // Цит. по: Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Росток. 2018. С. 24-25.
- ¹⁴ Там же. С. 136.
- ¹⁵ Там же. С. 122.
- ¹⁶ https://www.pravda.ru/news/world/910182premiya_solzhenicina_budet_vruchena_rasputinu/ Обращение 11.08.19.
- ¹⁷ Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Росток. 2018. С. 205.

ЭДУАРД АНАШКИН

“ЖИТЬ В ПОЛНУЮ СИЛУ...”

В Иркутске увидело свет уникальное издание. Книга “Жить в полную силу...”, не успев выйти в свет, стала библиографическим раритетом! В ней собраны воспоминания о супруге великого русского классика Валентина Распутина – Светлане Распутиной (Молчановой). Я счастливый человек – передо мной лежит эта книга, подписанная сразу двумя её авторами: сестрой Светланы Распутиной Евгенией Молчановой и известным поэтом и писателем, супругом Евгении и другом Светланы Владимиром Петровичем Скифом.

В книге с любовью, болью и тщанием собраны воспоминания тех, кто лично знал супругу и верного друга нашего великого русского писателя. Открывает книгу о Светлане Ивановне своими воспоминаниями её сестра Евгения, ей же принадлежит идея издания этой книги. Сын Валентина Григорьевича и Светланы Ивановны Сергей Валентинович и Антонина Осташко предоставили для издания дневники Светланы Ивановны и уникальные редкие семейные фотографии. Соавтором является и Галина Константиновна Баранова – дочь известного иркутского писателя Константина Седых. Она знала Светлану Распутину с детства, девочки жили по соседству, учились в одной школе, вместе ездили в “Артек”. Они сохранили дружбу на всю жизнь.

Филолог Наталья Дулова в своих воспоминаниях “Молчановы и Распутины в моей жизни” пишет о том, как, будучи ещё совсем маленькой, она часто бывала в доме известного писателя Молчанова-Сибирского, отца Светланы и Евгении. Одним из знаковых событий детства Дулова считает тот день, когда писатель Иван Иванович Молчанов-Сибирский подарил ей свою книгу с автографом. Позже дружба с Молчановыми переросла у неё в дружбу с Распутиными. Наталья Дулова часто гостила у Распутиных на даче, имела счастье общаться с классиком и его супругой.

Ещё одним автором книги является известный московский журналист, многие годы сотрудничавший с Валентином Распутиным, Виктор Стефанович Кожемяко. Большой общественный отклик получили беседы, которые Распутин и Кожемяко вели с 1993 года. Это были размышления о трагической эпохе в истории нашей страны, публиковавшиеся в газетах “Правда”, “Советская Россия”, а позже вышедшие отдельными книжными изданиями.

Вспоминает Светлану Распутину супруга друга Валентина Григорьевича Владимира Крупина. Надежда Крупина – главный редактор всероссийского журнала “Литература в школе”... Завершает книгу “Жить в полную силу...” своими поэтическими воспоминаниями, посвящёнными Светлане Распутиной, известный поэт и шурин Валентина Григорьевича Распутина Владимир Петрович Скиф...

Быть женой великого писателя – разве семейный статус? Это призвание и, если угодно, миссия. Для многих и многих женщин такая миссия – жить рядом с огромной личностью и не путать в будничной череде мужа с писателем – оказывается невыполнимой. Для многих. Но не для Светланы Ивановны. Если посмотреть на биографию этой незаурядной женщины, словно сама судьба с младых лет готовила её к этой миссии. Родилась Светлана Молчанова в семье сибирского писателя-классика. А потому литература стала родной средой её жизни.

Уже с детства ей, видимо, на роду было написано стать музой и ангелом-хранителем своего будущего гениального мужа. А потому я считаю своим долгом хотя бы вкратце описать биографические вехи... Познакомил Валентина и Светлану Иркутский университет, где оба учились. Светлана Молчанова была студенткой физико-математического факультета. Казалось бы, профессия у будущей жены Распутина была далека от изящной словесности, но, тем не менее, молодые люди оказались столь созвучны друг другу, что в 1961 году поженились... В 1962 году молодые супруги переехали в Красноярск, жили в общежитии Сибирского технологического института, где Светлане Ивановне как молодому специалисту дали комнату. В 1966 году семья Распутиных вернулась в Иркутск, где Светлана Ивановна долгие годы преподавала на кафедре математики Иркутского института народного хозяйства.

“Что бы я был без Светланы Ивановны...” – полушутя, а на самом деле очень серьёзно частенько говорил Валентин Распутин. Её литературному вкусу доверяли многие выдающиеся писатели, коллеги её мужа, видя в ней не только хранительницу семейного очага, не только музу и помощницу Распутина. Она была первым и, быть может, главным читателем его произведений. Она же перепечатывала и вычитывала его тексты. Друзья-писатели видели в ней человека с тонким литературным вкусом, чутьём на слово, доверяли её мнению... “Она для меня всё!” – говорил Распутин о Светлане Ивановне. И так оно и было на самом деле.

Светлана Ивановна была мужу помощницей и соратницей, другом и единомышленником. Она сопровождала Валентина Григорьевича в его творческих командировках. Она радушно и хлебосольно встречала многочисленных гостей и коллег своего именитого супруга. По воспоминаниям общих друзей, была она не только прекрасной хозяйкой. Накрывая на стол, она попутно принимала самое живое участие в беседах писателей. Прожив в любви и согласии почти полвека, супруги по настоянию Светланы Ивановны обвенчались в 2010 году, выбрав для таинства тихую церковь за городом – храм в честь иконы Божией Матери, именуемой “Касперовская”. Ведь ни Валентин Григорьевич, ни Светлана Ивановна не любили публичности!

Скромная, умная, тактичная, гостеприимная, улыбчивая, светлая... Такими словами характеризуют эту удивительную женщину. Но она была удивительна ещё и тем, что была человеком твёрдых моральных норм, за которые могла постоять с неженской твердостью. Вот лишь один эпизод, о котором рассказывает в своих воспоминаниях Виктор Кожемяко: “Многие сегодня, наверное, и не знают, что Распутины в то время (имеются в виду “лихие девяностые” годы. – Э. А.) решили даже вышвырнуть из их московской квартиры. (Ненависть столичной либеральной камарильи к Распутину была столь велика, что они на всё шли. – Э. А.) И вышвырнули бы, если бы на защиту мужа... не поднялась Светлана Ивановна. Удивляться не стоит, что главным защитником дома от гонителей стала она, а не всемирно известный писатель. Валентин Григорьевич мог упорно постоять (и действительно стоял!) за других, только не за себя. Между тем выселение грозило серьёзными сложностями не только им обоим, но и жившей с ними дочери Марии, которая недавно поступила в Московскую консерваторию и делала здесь первые успешные шаги. А сам Валентин Григорьевич был остро необходим в столице, где всё чаще по просьбам людей приходилось ему выступать в самых разных аудиториях...”

Словом, от Светланы Ивановны потребовались немалые усилия, чтобы отстоять квартиру. Хотя в обычной жизни, как признают знавшие её люди, никакой пробивной силой и предприимчивостью она никогда не отличалась. Я полностью соглашусь с высказанной Виктором Кожемяко мыслью, что лучшие женские образы в повестях и рассказах Распутина вобрали в себя и отразили черты прекрасного образа жены Распутина, все качества её характера...

...Отпевали эту удивительную женщину, скончавшуюся в возрасте 72 лет, в прекрасном большом храме Богоявления в Иркутске. Когда у Светланы Ивановны обнаружили онкологическое заболевание, она стала угасать на глазах, и никакие медикаментозные средства не помогали. Люди, увы, не бессмертны, но зато бессмертна наша любовь к ним. Вспоминается мне мистический случай, происшедший во время нашего посещения кладбища, где была похоронена жена Распутина. Быть может, я поступил тогда чересчур настойчиво, хотя знал, что Валентин Григорьевич тяжело переживает смерть жены и неважно себя чувствует. Но желание отдать дань памяти этой удивительной женщине, постоять у её

могилы оказалось для меня непреодолимым. И только ли для меня? Твёрдое намерение отдать дань памяти Светлане Распутиной собрало тогда в небольшую делегацию и писателей, и режиссёра, и знаменитого телеоператора Анатолия Заболоцкого...

Мы решили не напрягать Валентина Григорьевича просьбой сопровождать нас на могилу его недавно умершей жены. Однако, сев в машину, поняли, что без Распутина всё равно никак не обойдёмся, не сможем найти могилу его супруги. Чего мне стоило тогда набрать номер сотового телефона Валентина Григорьевича и покаянно попросить его объяснить, как попасть на могилу его жены. Распутин выслушал мою сбивчивую от волнения просьбу. Помолчал минуту, которая показалась мне вечностью. И принял решение, что поедет с нами, потому что одни мы, несмотря на его пояснения, могилу Светланы Ивановны не найдём.

Но тяжело на сердце было лишь до тех пор, пока мы, стоя у могилы Светланы Ивановны, не увидели... белочку. Красивая светленькая белочка спрыгнула вдруг с дерева и стала крутиться вокруг нас, стоявших недалеко от могилы Светланы Ивановны. Оператор Анатолий Заболоцкий снимал эту пушистую красавицу в разных ракурсах, а я буквально обомлел и сказал молчаливому, как всегда, Распутину: "А ведь это душа Светланы Ивановны нас увидела и к нам спустилась!" Сказал и – осёкся, боясь, что брякнул лишнее. Но увидев мгновенно просветлевшее лицо Валентина Григорьевича, я понял, что он согласен со мной.

В такие удивительные моменты так ясно понимаешь, что любовь бессмертна!.. Светлана, светлая... Рядом с Распутиным только и должна была быть такая светлая, добрая жена. Его думы о будущем России становились всё грустнее по мере того, как он становился старше и понимал всё больше и больше то, что обычному человеку, слава Богу, понимать не всегда дано. Гении платят за свои прозрения болью сердца! Светлана Ивановна светом своего жизнелюбия и понимания по мере сил рассеивала неизбежную печаль классика. Она была солнечным лучом во мраке современной России, который согревал Распутина, освещал ему путь во мраке его предвидений и провидений... Когда её не стало, этот мрак сгустился чернее ночи!

Закончить хочется на поэтической высокой ноте, которой отмечены завершающие книгу стихотворения Владимира Скифа, посвящённые чете Распутиных и лично светлой Светлане Ивановне:

*Смотри, как время шлюзы растворило:
Потоки жизни катятся стремглав.
И ты идёшь, хватаясь за перила,
Среди обвалов и церковных глав.
Святых церквей сияет позолота,
Трубит Архангел в знойной вышине.
Тебе вернуться в прошлое охота,
Увидеть тополь мартовский в окне
И яркие неоновые буквы,
Что кажутся волшебными со сна.
Московскою засахаренной клюквой
Полакомиться, стоя у окна.
Мерцает сумрак звёздною слюдою,
Взирает с неба Всемогущий Бог,
А на земле, засеянной бедою,
Уносит время почву из-под ног.
Но всё ещё не умирают нивы,
Цветут сады и зеленеет лес,
И, может быть, поэтому мы живы
И ждём прощенья Божьего с небес.*

К трагическим и одновременно таким светлым строчкам добавить нечего. Разве что вспомнить слова классика, сказанные о таких светоносных людях, какой была Светлана Ивановна Распутина: "Не говори с тоской "ИХ НЕТ!" – но с благодарностью – БЫЛИ".

Авторы идеи и составители книги Евгения Молчанова и Екатерина Николаева.

ПРОСТО — НАРОДНЫЙ...

* * *

Глубокочитимый Станислав Юрьевич! Примите моё сердечнейшее поздравление со столь знаменательной и редкой датой дня Вашего рождения. Вы — слава и драгоценное достояние народа русского, которому безраздельно посвящён весь недюжинный талант поэта и печальника земли русской. Возношу свои смиренные, но горячие молитвы жизнеподателю и промыслителю Господу, да ниспошлёт он Вам свою благодатную неоскудевающую помощь в Вашей жизни и творчестве. Храни Вас Господь!

С неизменным почтением —

Митрополит Вадим (Иркутск)

Станиславу Юрьевичу Куняеву искреннее поздравление с днём рождения

Слух о возможности учреждения звания “Народный писатель Российской Федерации” всколыхнул литературную общественность. В региональных писательских организациях кое-кто из особо нуждающихся в официальном подтверждении своих творческих заслуг уже локти тренирует, чтоб пробиться первым к “столу выдачи”. Вот уж будет горячая шабашка литчиновникам, привыкшим не без пользы для себя мудро и справедливо делить крохи с барского стола власти. Всё по русской народной сказке-потешке про сороку-белобку: “этому дала, этому дала, а этому не дала”.

Вы, Станислав Юрьевич, не “этот”, Вы — тот самый: не просто главный редактор народного журнала, но и заслуженно НАРОДНЫЙ писатель. Звание это дано Вам не “комиссией по присвоению”, а самим народом. Нет, я не беру на себя дерзость говорить “от имени народа”. Я лишь озвучиваю или, как сейчас принято выражаться, транслирую народное мнение. Да и то лишь потому, что сам вижу, как в нашей вятской глубинке, где живу с весны до поздней осени (да разве только в нашей!), записываются в очередь за привезёнными мной в общественную библиотеку “куняевскими” журналами; слышу, какие споры кипят по прочтении очередной острой куняевской публицистики, но не с автором, а в развитие сказанного им; помню, как солидарно отзывается читательская аудитория на творческих встречах, когда в ответ на традиционный вопрос о любимых современных поэтах в числе самых близких мне имён Николая Рубцова, Юрия Кузнецова звучит и имя Станислава Куняева.

Желаю Вам, дорогой Станислав Юрьевич, в день рождения, чтобы это народное признание необходимости и весомости Вашего публицистического и поэтического слова, Вашей многолетней самоотверженной редакторской деятельности (кстати и заодно — самые сердечные поздравления с тридцатилетием этого подвижничества!) подзаряжало Вас мощной энергией для новых творческих свершений!

С всегдашним глубоким уважением

Валерий Фокин
г. Вятка

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Горячо и сердечно поздравляю Вас с днём рождения! Человек многогранных дарований, Вы посвятили свою жизнь служению отечественной литературе и великому русскому слову. Долгое время Вы с честью возглавляете журнал «Наш современник», который давно стал бесценной литературной сокровищницей России и всего огромного русского мира, духовно-нравственным и патриотическим компасом нашего народа. Горжусь и дорожу многолетними дружескими отношениями и сотрудничеством с Вами. С глубоким почтением желаю Вам крепкого здоровья, щедрого вдохновения, новых творческих свершений на благо Отчизны.

Губернатор Белгородской области –
Евгений Савченко

* * *

Глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Примите поздравления с Вашим днём рождения! От всей души желаю Вам здоровья, творческой энергии, мира и благополучия!

С уважением –
Советник Президента Российской Федерации
В. Толстой

* * *

*Главному редактору журнала «Наш современник»
Почётному гражданину Калужской области
С. Ю. Куняеву*

Уважаемый Станислав Юрьевич!

От имени депутатов Городской Думы города Калуги искренне поздравляю Вас с днём рождения!

Много лет калужане восхищаются Вашим литературным даром, высоко ценят Ваш неповторимый вклад в российскую культуру, гражданское мужество, высокое чувство ответственности за судьбу родной страны!

От всей души желаю Вам крепкого здоровья, добра и счастья, неиссякаемой энергии и оптимизма, вдохновения и реализации всех творческих планов!

С уважением –
Глава городского самоуправления города Калуги
А. Г. Иванов

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Примите самые сердечные поздравления с днём рождения!

Позвольте выразить глубокую признательность за Вашу многогранную писательскую и общественную деятельность, достойную восхищения и глубочайшего уважения! Вы успешно сочетаете огромную творческую работу с руководством самым популярным литературным журналом России. Все Ваши дела, помыслы, устремления направлены на сохранение и укрепление любимой Родины и русского народа. Созданные Вами произведения несут огромную художественную, нравственную и духовную силу, благодаря которой они пользуются неизменным успехом у многочисленных читателей и стали поистине народным достоянием. Желаю доброго здоровья Вам и Вашим близким, счастья, оптимизма, неиссякаемой творческой энергии! С нетерпением жду встреч с Вашими новыми произведениями и статьями.

С искренней благодарностью –
Руководитель представительства Белгородской области
А. Мацепуро

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Примите мои искренние поздравления с днём рождения!

Каждый день Вашей жизни – большой труд для всестороннего развития русской литературы, просветительской деятельности, поддержки талантливых писателей и сообщества читателей-патриотов. Пусть Вам во всех делах на благо Отечества всегда сопутствует только успех! От всей души желаю Вам сибирского здоровья, неиссякаемой энергии и творческих порывов. Пусть в Вашем доме всегда царят счастье, любовь, радость и благополучие!

С уважением – генеральный директор АО “Стройсервис”

Д. Н. Николаев

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Примите сердечные поздравления с днём рождения!

На протяжении многих лет Вы плодотворно трудитесь на благо России. В Вашем активе жизненный опыт, управленческий талант и высокая целеустремлённость, позволяющие успешно решать поставленные задачи. В этот замечательный день примите пожелания крепкого здоровья, благополучия, претворения в жизнь намеченных планов и успехов в деятельности на благо процветания Республики Башкортостан и России!

С уважением –
директор санатория “Янган-Тау”

А. Р. Акбашев

* * *

Дорогой и уважаемый Станислав Юрьевич!

Как Ваш современник, от всей души поздравляю Вас с юбилейным событием – тридцатилетием руководства журналом **“Наш современник”**! Благодаря Вам журнал сохранил свою патриотическую, литературную и нравственную миссию в служении литературе, народу и Отечеству! Журнал читают не только в России, но и в бывших советских республиках. Читают в Канаде, в США, в Австралии. Публикации журнала захватывают не только события внутри страны, но и близлежащих государств. Давать правильную оценку происходящего не просто. Вы умеете преподносить происходящее в традиции той литературы, в которой жили и творили А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, П. Я. Чаадаев, М. Ю. Лермонтов, С. А. Есенин, В. В. Кожин и многие талантливые писатели и поэты. Вы сумели сохранить то, что в иных журналах уже погибло. За время руководства журналом, редакцией, работой с молодыми авторами, Вам приходилось отстаивать свои литературные позиции от всяческих злопыхателей и предателей. И то, что журнал своими публикациями продолжает лучшие традиции русских журналов девятнадцатого века, “Современника” и “Отечественных записок”, – **это Ваша заслуга!** **“Наш современник”** по праву принадлежит к числу самых известных, популярных, востребованных периодических изданий России.

Творческих успехов Вам и коллективу, вдохновения, успешной реализации задуманного, крепкого здоровья на многая-многая лета!

А. Шерник (Алма-Ата)

* * *

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Теперь Ваша книга “Жрецы и жертвы Холокоста” в 1 областной, 1 городской, 24 районных, 11 сельских и 1 школьной библиотеках Костромской области. Журнал “Наш современник” для районной библиотеки на 2020 год я

выписал. Работу по распространению Вашей книги “Жрецы и жертвы Холокоста” я буду продолжать.

С уважением —
Стекольников Николай Алексеевич
п. Вохма Костромской области

* * *

Здравствуйте, дорогой Станислав Юрьевич!

Примите, пожалуйста, самые сердечные и искренние поздравления с днём Вашего рождения. Дай Вам Бог сил — духовных, душевных и физических на благо нашего Отечества, нашей России! Всегда с нетерпением ждём каждый номер “Нашего современника” — единственного журнала среди многих прочих, который действительно необходим простым людям, который прочитывается от корки до корки, о чём я Вам и говорила, и писала. Как важно знать, что у нас в России есть такой журнал, который даёт силы жить и верить. Слава Богу, что у Вас есть сын, продолжающий Ваше дело, столь необходимое для русских людей. Да, к сожалению, библиотеки сейчас не имеют возможности выписывать журнал, но люди выписывают и читают, передавая его, как эстафету. Наша Чухлома шлёт Вам свои самые добрые пожелания здоровья, бодрости, благоденствия ещё на многая и многая лета.

С глубоким уважением и признательностью —

Елена Балашова
г. Чухлома Костромской области

* * *

Уважаемые Станислав Куняев и Геннадий Морозов!

В “НС” № 6 прочитала стихотворение Г. Морозова “Одиночество”. Мы глубоко тронуты, что Вы коснулись этой тревожной темы и проблемы. Одинок не только человек, а всё наше Отечество одиноко. Почему мы так долго не писали Вам — осмысливали это выдающееся стихотворения Геннадия. Огромное спасибо за талант Ваш, душу и сердце. Плакали. А Вам, Станислав, спасибо, что напечатали. Нам, одиноким, не хватает поддержки и сочувствия.

Берегите себя, мы молимся за Вас.

Читатели журнала, пенсионеры
г. Бетлица Калужской области

* * *

Станислав Юрьевич! Дорогой Вы наш именинник!

Провидению было угодно, чтобы Вы появились в многострадальных весях нашего Отечества в студёное предзимье, когда собираются все державные силы организма: стойкость, ум, зоркость и закалённость, причастность к русскому духу... Да сохранит Господь все эти драгоценные качества в чрезвычайно талантливой Вашей природе! С днём рождения, Куняев, чья фамилия отражает ныне любовь к России и её защитным ратям! Здоровья Вам для творчества! Всегда ждём Вашего журнала, Ваших книг, стихов и публикаций, памятных раздумий о наших сложных временах. Ждем Ваших отповедей, с которыми и мы согласны в своём нравственно-духовном предстоянии перед лицом ползучей экспансии, разбухающей от гонораров и премий хорошо откормленной правительством “пятой колонны”, так явно угнездившейся в самой сердцевине нашей Родины!

Валентина Сидоренко, Иркутск

P.S. Глядя на все эти велеречивые церемонии награждений в Георгиевском зале, я думаю — хорошо, что Вас там нет. Вы находитесь в мужественном строю истинных патриотов, без криков и наград делающих своё великое дело. В строю тех, кто до последнего вздоха созидательно жили и живут Россией и уходят молча под улюлюканье и травлю её врагов. Будь то покойный фронтовик Михаил Лобанов или затравленный ныне судами Олег Платонов. Русская земля этот могучий строй не забудет никогда!

НИНА ТИХОМИРОВА

АРЗАМАССКИЕ ПРИПЕВКИ

(По рассказам моей мамы Евдокии Васильевны)

*Арзамас, наш Арзамас,
Ты весёлых прими нас.
Все мы из Туманова,
Ни единого — пьянова.
С песнями на ярмарку...*

“Доченьк, что ты там всё пишешь да пишешь? Сядь а ты ко мне!” — это моя старенькая мама. Ей 96 лет, но она помнит ещё то время, когда только готовилась к школе. И ей говорили: “Ты уже большая, скоро в школу пойдёшь”. А потому она и корову с овцами рано утром выгоняла в стадо, и полы мыла, и картошку чистила, и бельё полоскала на пруду, да ещё с младшей сестрёнкой Марфой нянчилась. От Туманова, её родового гнезда, до Арзамаса — рукой подать. Пройдёшь сёла Водоватово, Абрамово, а уж с Выездного открывается изумительная панорама старинного города на холме с золотистыми куполами церквей и колоколен. А как перейдёшь по деревянному мосту через реку Тёшу, и ты уже в городе.

Много лет назад маме сделали операцию на позвоночнике, и с тех пор стали постепенно отказывать ноги. И вот она уже более пяти лет не встаёт с постели, а я, её дочь, оставила свой дом сыну и перешла в её домик с “окнами в сад” и резными наличниками.

И где бы она ни жила: на Урале в г. Копейске, в Восточной Пруссии в г. Озерске, на Севере в г. Воркуте, в Туле — она в последние годы вспоминает в основном своё родное Туманово, своё детство...

“Сядь а ты ко мне. Мне так охота с тобой поговорить. Я ведь почти целый день одна...” Мне становится совестно, даже сердце сжимается. Я оставляю свою писанину и подсаживаюсь к её диван-кровати, беру её руку, глажу... “Ну вот, и слава Богу”. И начинает петь. Сначала молитвы “Шла матушка Мария”, “Царица моя преблагая” и др. Потом старинные песни, которые она особенно любила: “Начинаются дни золотые...”, и я, подлаживаясь под её мягкий, приятный голос, тоже подхватываю: “Ой, вы, кони мои вороные, вороные вы, кони мои...” Далее следуют “Тонкая рябина”, “Степь да степь кругом...”, “Как в саду при долине...”, “По диким степям Забайкалья”, “То не ветер ветку клонит...” “Это была тятина любимая песня, — скажет мама. — Эх, и песельница я была! А частушек, припевок разных сколь знала.

Вот собирается нянька на гулянку (это старшая сестра Анна, почти невеста, а маме — лет 6-7), достаёт из сундука нарядный полушалок с кистями,

набрасывает на голову: “Дунька, держи сзади косяк!” Я берусь за угол полушалка и натягиваю вниз. “Ровней держи!” – кричит она. Я жму косяк в самую ямку ниже спины, она вскрикивает. “Зато ровно”, – говорю. “Смотри у меня! Чтoб не выбегала больше из дому, не позорила меня, а то крапивой отхлещу. Артистка мне нашлась”, – и уходит.

А я уж знаю: она и замок повесит снаружи, и ворота колом подопрёт. Но у меня осталась подворотня. Я уж загодя чуть подкопаю и соломку слегка рассыплю.

“Дуняток, а ты давай ложись, ложись, утром вить рано подниму”, – говорит с печки мама. Я для виду лезу на полати, там уж Пашенька с Марфой спят, сёстры мои. Одна постарше меня, вторая – помоложе. Санька, брат, уж на учёбу в Арзамас уехал. Лёнька, постарше Анёнки, в зятя вошёл, а братка Иван, самый старший, тоже женился, построился и отделился. Лежу, а у самой сердце колотится, мама похрапывать стала, намается за день-то, а вставала с первыми петухами.

И вот слышу: гармошка! Эх, как я её любила! На край света за ней бы пошла. А ребята – водоватовски. У них девки-то больно с гонором были, задавасты, всё за городских норовили выйти. А у нас – попроще, да и красивей ихних, с голосами. Вот и я сызмальства голосиста была. Меня многие звали Дуней-артисткой. А наши-то ребята к замятнским девкам ходили.

Вот уж ближе подходят, я тихонько слезаю и к окошку. Идёт цела ватага, человек 12–15. Один запеваёт, первая половина частушки врястяжку, а вторая быстро, скороговоркой:

*Ой, то-ва-рищ мой то-ва-рищ,
Ты меня не вы-да-вай.
Я буду ворота мазать,
А ты дёготь подавай.*

А все подхватывают хором вторую половину:

*Я бу-ду во-ро-ты ма-зать,
А ты дё-готь по-да-вай.*

И проигрыш гармошкой. А я так и выпрыгнула бы из окна. Эт они для форсу таки частушки начинали. Вот, мол, мы какие:

*Моя милка некрасива,
Никому не нравится.
Куплю сотню кирпичей,
Пусть она румянится.*

И опять таким же манером. Один начинает, а все подхватывают. Вот они прошли мимо нашего дома, мимо пруда, а дальше, перед поворотом налево в Матню, срубы ставили, брёвна лежали, ну, и наши девушки уж сидели, поджидали. И котора побойчей начинат им отвечать:

*Водоватово село,
Чем прославится оно:
Лаптями, онучами
И парнями вонючими.*

Ну, и те не остаются в долгу:

*Девок много, девок много,
Девок некуда девать,
Их посадим в худые сани,
Станем по полю терять.*

И тут же образуют круг, выходят две девушки, одна пляшет, другая поёт:

*Гармонист, гармонист,
Рубашечка сатинова,*

*Не тебя ли, гармонист,
Зазнобушка покинула.*

А он отвечает:

*Не подскрывать, залётка,
Не подскрывать, прошу,
Я и так уж все неделю
Намагниченный хожу.*

Потом вторая поёт:

*Гармонист, гармонист,
Я тебя надую,
Из резиновых колош
Лапки обую.*

Тут в круг выходят два парня:

*Девки спорили на Тёше.
У ково как колоши,
А ребята на лугах,
У ково скока рубах.*

Ещё две девки выходят и по очереди пляшут и поют:

*Дорогой мой дорогой, стоишь дорогова,
При тебе люблю тебя, без тебя — другова.*

*Дорогой мой дорогой, дорожила я тобой,
А теперя, дорогой, дорожу, да не тобой.*

Парни:

*Вы какие, девки, смелы,
Зайца попугали,
Арзамаски девушки
С нами погуляли.*

А наши девчата:

*Ой, товарка моя Клава,
Выбивай 41,
А ребятам за измену
Принудиловку дадим.*

*Ох-ох, не дай Бог
С водовацким знацца,
Он соляркою пропах,
А лезет целовацца.*

Парни:

*Ох, милка моя хуже лихорадки,
Щи варила-пролила, обварила пятки.*

*Акулине пирога, Акулина хочет,
Акулину под бока, она захохочет.*

Девушки:

*В огороде лук да мак —
Какое украшение,*

*Ко мне миленькай не ходит
Третье воскресенье.*

*Голоску мово не стала,
Стала я хрипучая.
Это милова изменушка
Меня замучила.*

А уж дело идёт на примирение и сближение:
Парни:

*Тараторочка моя,
Ты не тараторься.
Я любить тебя всё буду,
Ты не беспокойся.*

*Ой, милка моя,
Купи бутылку вина,
Купи боле, купи доле,
Будь заветная моя.*

Девушки:

*На горе стоит берёза,
А я думала: “Серёжа”,
Берёзыньку обняла,
Серёжинькай назвала.*

*Подружка моя завлекательна,
Пойдём завлечём обязательно.
Плясать пойду, головой качну,
Потом серыми глазами завлекать начну.*

*У колодца вода льётся.
Ледышки растаяли,
Мил хотел меня посватать,
Подруженьки расхаяли.*

*Я у Коли в коридори
Чуть не заплуталася,
Здравствуй, Коля дорогой,
Давно не видалися.*

Тут уж я не выдерживаю, — вспоминает мама, — вылезая из подворотни и сразу в круг с припевкой:

*Ухажёр мой ухажёр,
Ухажёр мой Колька,
Он ухаживат за мной,
А я за ним нисколько.*

Ребята хохочут, а я не даю никому опомниться, снова запеваю и приплясываю:

*Говорят про меня,
Что я ростом мала,
Мне бы шляпу и колоши,
Я бы барыней была.*

*Пойду плясать — доски гнутся,
Сарафан коротенький — мальчишки смеются.*

Которы ребята, видевши меня впервые, с удивлением спрашивали: “Эта чья такая артистка?” – “Анюшина сестрёнка. Её и правда зовут артисткой”. А нянька уж за подол меня дёргает. “Не трожь её, Аннушка, вишь, как наяривает, лучше взрослых, – говорит гармонист. – Пой, пой, красавица”.

*Ох, топнула я
И притопнула я,
Съела пряников полпуда
И не лопнула я.*

Тут уж все хохочут. А гармошка играют, а я давай вприсядку:

*Плясала вприсядку,
Любила Васятку.
А теперь Васятку
Под левую пятку.*

“Вот даёт малышка! А ну-ка! Поможем ей”, – выбегают в круг сразу трое. Двое пляшут вприсядку, а один запеваёт:

*У кого какая баня,
У меня осинова,
У кого какая милка,
У меня красивая.*

А я не отстаю:

*У кого какой милой,
У меня мастеровой,
Замечательна походочка,
Качает головой.*

*Люблю сани с подрезами,
А коня за высоту,
Люблю милого с кудрями,
А ещё за красоту!*

*Шила милому кисет
От мамыньки украдочкой,
Мамынька за скобочку,
А я кисет в коробочку.*

А гармошка ещё веселей наигрывают, парни пляшут вокруг меня, а я всё не унимаюсь:

*Я картошечку полола,
В травушке запуталась,
Я гулять-то не гуляла,
Славушки достукалась.*

*Я у мамыньки одна,
У тятеньки единая.
Я у милого мово
Самая любимая.*

“Да кто ж у тебя любимый-то, крошка?!” – кричит один из парней. “А вот он!” – показываю на гармониста Николая и опять пою:

*Что ты, Коля, не пришёл,
Я тебе велела,
До двенадцати часов
Лампа всё горела.*

*Ты сыграй-ка, милый Коля,
А я тебе подпою,
А я тебе подпою
Про несчастну жизнь свою.*

А в круг уже решительно входит моя нянюшка, резко берёт за руку и ведёт за собой. Я оборачиваюсь на гармониста и пою:

*Милый Коля, милый Коля,
Милый Коля, не женись,
Милый Коля, не женись,
Меня молоденьку дождись.*

И тут же вырываюсь, бегу к дому, шмыгаю в подворотню, через хлев пробегаю в сени и в избу. В темноте нянька не поймёт, куда же я исчезла. Пока она снимает замок, открывает одну дверь, другую, а я уж на полотах, перелезла через Пашеньку и Марфу, отвернулась к стенке, укрывшись лоскутной одеялкой, и даже зажмурилась. Но слышу, как она запалила лучинину и поднялась по приступке к полатам, осветила нас, и удостоверившись, что я на месте, проговорила: “Ну, доляганка, покажу завтра тебе “несчастну жизнь”. Кака хитруща-та!” – и вышла из избы. В кармане сарафана я нащупала кулёчек, который успел мне положить Коля-гармонист. Там оказался ландрин, это такие мелкие цветные леденцы разной формы. Один я вынула и положила в рот. Гармошка всё играла, а девушки наши уже пели страдания. Это те, что остались невыбранными парнями. “Интересно, кого он пойдёт провожать? А никово, – после раздумий рассудила, – он же мне свой ландрин отдал”. У парней соседних деревень – Водоватова, Замятина – для девушек, с которыми они встречались, всегда были гостинцы: конфеты, пряники, орехи и даже брошки или бусы. И даже тем, кого выбирали новенькие, тоже приходили с гостинцами. Да... – задумалась мама.

– Ну, а когда ты подросла, встречались с гармонистом Николаем?

– Ну, это уж другая история... После расскажу.

А частушек и припевок её я ещё много записала. Как-то её спросила: “Откуда ты столько частушек знала даже в 7 лет? – А которы запоминала и в других деревнях. Меня же мама отправляла в няньки то в Слизнево, то в Шерстино. А которы сама придумывала. Да...”

СВЕТЛАНА ЁЛГИНА

О МАКСИМОВЫХ

**“Я иммигрант в четвёртом поколении,
и мои дети говорят по-русски”**

Их семья покинула Россию 114 лет назад: сначала был Китай, потом Австралия. Но и сегодня дети Николая Максимова, который сам является иммигрантом в четвёртом поколении, свободно говорят по-русски и активно помогают папе с его многочисленными проектами на русском языке.

“Они увезли с собой Россию”

Татьяну Гартунт, родную тётю Николая Максимова, по праву можно назвать хранительницей их семейной истории. Она с гордостью рассказывает о достижениях своих предков, помня все важные даты и детали. Именно в её архиве находится большая часть старых семейных фотографий.

“Наша семья выехала из России 114 лет назад, — начинает свою историю Татьяна. — Наш дедушка Семён Буровников был участником русско-японской войны и полным Георгиевским кавалером. После серьёзного ранения он был привезён на лечение в Харбин в 1905 году”.

Харбин того времени был уникальным местом — русским городом на китайской земле, куда, по словам Татьяны, “покинувшие после революции Россию люди увезли кусочек своей Родины”.

“Наш папа родился уже на китайской земле, и мы с сестрой появились на свет в Китае, — продолжает Татьяна. — В школе мы учились по советской программе. Многие удивляются, что, родившись и всю жизнь прожив за границей, мы так хорошо знаем русские картины, книги. Но, по факту, мы росли в русской среде”.

“Китайцы нас мариновали”

В 1957 году, по воспоминаниям Татьяны, китайское правительство разрешило выезд в Австралию, и порядка 2000 русских переехали в этот год из Поднебесной на Зелёный континент, в том числе и семья Буровниковых с дочерьми Таней и Верой.

“До 1957 года нас, как говорится, “мариновали” — не выпускали и пытались вынудить поехать в СССР на освоение целины. Но когда отношения между советским и китайским правительством охладели, у нас появилась возможность выехать”, — рассказывает Татьяна.

Девочки пошли в австралийскую школу, оконувшись в англоязычную среду. Татьяна вспоминает, сколько слёз пролила она в школе из-за английского.

“Я очень плакала первое время, так как ничего не понимала. Но, думаю, хоть в математике блесну. Пришёл тест, а у меня всё неправильно. Вернулась

в слезах домой, где мне пояснили, что я использовала метрическую систему. А тогда это были шиллинги, ярды, футы – пришлось переучиваться”.

Русская школа – смена поколений

Свою маму Веру Николаевну Буровникову Татьяна и Вера считают главной фигурой в сохранении русского языка в их семье. Такое же мнение и у Николая Максимова – внука Веры Николаевны, который вспоминает, как бабушка учила его русскому.

“Всегда дома говорили по-русски именно с бабушкой, – вспоминает Николай, который родился уже в Австралии. – Также ходил все годы в русскую школу, где сейчас я являюсь председателем родительского комитета и куда ходят мои дети. И это чудо, что те самые учителя, которые учили меня, сейчас учат моих детей”.

Школа Святого Александра Невского в Хомбуше является одной из самых больших и старейших русских школ Австралии. Создана она была в 1971 году, в разное время её посещали от 200 до 300 учеников.

Николай с улыбкой рассказывает, что те воспитательные методы, которые когда-то применяли к нему, он сегодня использует в своей школьной практике.

“Помню, в детстве опоздал на пение и валял дурака, срывая урок. Меня вызвал директор и сказал мне писать сочинение на тему “Почему я подвёл своих одноклассников”. Сегодня я применяю такую же практику: если дети пропускают школьную линейку, то я прошу их написать сочинение на похожую тему. И метод работает!”

Мама Николая, Вера Сергеевна Максимова, говорит, что, конечно, были времена, когда приходилось заставлять сына посещать русскую школу, но в старших классах он выбрал экзамен по русскому языку в качестве выпускного (HSC), и мотивация сразу повысилась.

Русский легко может превратиться в “кухонный” язык

Супруга Николая – Юлия Максимова – из новой волны иммиграции, она приехала в Австралию с Сахалина в 1993 году на учёбу, да так и осталась, встретив будущего мужа. Она полностью поддерживает стремление супруга сохранять русский язык и говорит, что многие новые иммигранты совершают роковую ошибку, не отдавая детей в русские школы.

“Новая иммиграция, не имея такого опыта, не осознаёт, как легко теряется язык, – говорит Юлия. – Они рассуждают так, что дети уже большие, говорят по-русски и уже не разучатся. Русские школы создавались харбинцами, которые очень берегли свой родной язык. И, на мой взгляд, помимо семьи, школа является очень важным аспектом сохранения языка, она даёт детям важную структуру в изучении, а без школы он превращается просто в “кухонный” язык: подай, принеси”.

У Николая и Юлии двое детей-подростков: старший Алексей уже закончил русскую школу, а Настя выпускается в этом году. Алексей вспоминает, что если в младших классах мог не прийти в субботу в школу из-за спортивных секций, то в последний год не пропустил ни дня.

“Очень трудно выучить новый язык, а потом сохранять, – говорит Алексей. – Но у меня лучший друг – русский, и это помогает. Когда вырастешь, то в школе уже появляются хорошие друзья, и идёшь туда с удовольствием. А для нас с сестрой русский – это такой секретный язык, который мы можем использовать для общения между собой”.

Настя, в свою очередь, рассуждает о важности понимания истории своей семьи, которая тесно связана с русским языком.

“Мои дети будут говорить по-русски, – уверена она. – А когда папа постареет, то я возьму на себя его кинофестиваль, потому что хочу, чтобы он продолжался”.

Кино помогает сохранять интерес к изучению языка

Кинофестиваль – это второй проект семьи Николая Максимова, связанный с русским языком. Он уже 16 лет является директором фестиваля “Русское Возрождение”, который проходит ежегодно в разных городах Австралии

и Новой Зеландии. Николай вспоминает, что, когда начинал его, не было никакого опыта и связей.

“Я тогда был директором русского клуба, – говорит Николай, – и присутствовал на премьере фильма “Русский ковчег”. Тогдашний премьер штата Новый Южный Уэльс Боб Карр, большой поклонник русского кино, выразил желание, чтобы больше русских фильмов привозили в Австралию. А я ответил: выделите финансирование, и мы вам ещё не то покажем!”

Николай рассказывает, что во время подготовки очередного фестиваля ему приходится писать столько писем, что его письменный русский мгновенно улучшается. А его супруга Юлия добавляет, что, хотя подготовка такого грандиозного проекта ложится нелегким бременем на всю их семью, но ими движет осознание огромной значимости кинофестиваля как для их собственных детей, так и для остальной русскоязычной молодёжи Австралии.

“Для сохранения языка очень важно, чтобы дети видели его использование, – уверена Юлия. – А как приобщить молодёжь к культуре, если не через кино? Книжки дети почти не читают. Коля и сам очень любит киноискусство и хочет с помощью этого проекта передать эту любовь и любовь к России подрастающему поколению русскоязычных австралийцев”.

“Наша семья в чем-то уникальна”

Помимо общественной работы в русской школе и на кинофестивале, Николай также является одним из директоров Русского Благотворительного общества Сиднея (тоже волонтерская работа), а до этого он был и директором Русского клуба, и председателем Русского этнического представительства НЮУ. И вся эта деятельность – плюс к основной работе.

Несомненно, что желание жертвовать своё время и силы на благо общества было изначально привито в семье. Татьяна Гартунг, которая сама много лет вела разные благотворительные проекты и также является одним из редакторов издания “Австралиада”, говорит, что всё это идёт от мамы.

“Мама всегда была большая патриотка России, но раньше было трудно поддерживать какие-то связи с СССР. А когда началась перестройка, мама первая пошла в консульство и сказала, что мы хотим помогать детским домам в Курске, потому что именно оттуда наши корни”.

Контакты удалось установить, и собранные деньги, медикаменты и другие необходимые вещи много лет отправлялись из Австралии в курские детские дома через Ленинградское пароходство. Потом были проекты по приглашению учеников из России на учёбу, с некоторыми из них семья до сих пор поддерживает связь.

На мой вопрос, считают ли они свою семью уникальной в плане сохранения русского языка и культуры, мои собеседники, подумав, соглашаются. И просят разместить в память об их маме, передавшей им эту великую любовь к России, стихотворение поэта Станислава Куняева, который приезжал в Австралию в 1987 году и посвятил Вере Николаевне Буровниковой эти строчки:

*Русская женщина в дальнем Сиднее
Перекрестила меня на прощание.
Возле кустов австралийской сирени
Мы постояли в глубоком молчании.
Мы помолчали. О чём? Не о том ли,
Что повстречались так поздно на свете...
Что не бывало горестней доли,
Той, что извели русские дети.*

Национальный языковой конкурс проводится по инициативе радио SBS, чтобы поощрить изучение языков в Австралии. В этом году мы приглашаем участвовать австралийцев всех возрастов, изучающих любые языки, в том числе английский и язык жестов. Для участия нужно отправить нам рисунок или небольшое сочинение на тему “Как изучение нового языка меняет ваш мир”.

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

ТАСС уполномочен заявить: “На заседании Совета по русскому языку в Кремле президент поручил главному редактору журнала “Юность” Сергею Шаргунову подготовить предложения по поддержке литературных изданий. Владимир Путин при этом заявил, что готов поддержать “любые здравые предложения”.

Я и правда говорил о литературных изданиях. Назвав, конечно же, “Наш современник”.

Это не заунывно-архаичная, а жгучая и актуальная тема.

Например, моя жизнь, скажу честно, могла бы сложиться совсем иначе, если б не “Новый мир”, где у меня, 19-летнего, взяли подборку рассказов.

А что с ними происходит, с “толстяками”? В основном, дышат на ладан. Хорошо ли это для страны и литературы? На мой взгляд, очень плохо. У них копейки, на которые не только нельзя платить гонорары и самое скромное жалованье, но и просто издаваться. Они существуют подвигом своих сотрудников.

Ещё несколько лет тому назад было решено, что журналы эти будут доставляться государством в библиотеки: частью – за счёт федерального, частью – за счёт регионального бюджетов. Сейчас дело обстоит не так. В основном – никак. Мне кажется, надо это исправить.

Дело не только в выживании изданий, а прежде всего, в читателях. В какой регион ни приеду, в какой библиотеке ни выступаю – всюду жалобы: прекратилась подписка на журналы, которые для провинции – окна в современную литературу. Хотя бы по экземпляру ведущих “толстяков” во все регионы... Хотя бы в те библиотеки, гделюдно. Пускай вокруг номеров происходят обсуждения, дискуссии, приезды авторов и редакторов, общение с ними по скайпу...

Иногда можно услышать: всё бумажное должно отвалиться, словно некий рудимент, а дивный новый человек найдёт необходимое, если захочет, погуглив, загрузив, скачав. С таким же дурным пафосом когда-то провозглашали убийство театра кинематографом и смерть кинотеатров по причине распространения “видиков”. Нет, книги и журналы были и будут, и хорошо, когда с детства обступают они пёстрой толпой, и не надо надеяться на собственное или чьё-то благоразумие при погружении в недра холодного гаджета. Должны быть и магазины, и библиотеки – модернизированные площадки общения, но при том – традиционные пространства с полками, на которых выстроились герои из бумаги: книги и издания. Протянул руку, взял, забрал читать...

То, что по статистике у нас больше половины читателей предпочитают бумагу электронике, не признак старомодности или отсталости. Среди них немало и продвинутых современных людей. Но именно европейский опыт доказывает возвращение к шелесту страниц.

Кстати, на Западе в библиотеках университетов главные литжурналы России методично выписывают и изучают.

“Толстяки” как удивительное соцветие жанров – наше уникальное явление и национальное достояние. Их имена – позывные русской культуры. Но успешны литературные журналы и на Западе: The White Review, The Paris Review, Granta, McSweeney’s, N + 1 и так далее... А у New Yorker’a с его совокупным тиражом больше миллиона – каждый номер с литературой (и со стихами тоже).

Убеждён: журналы должны свободно дышать, получать достойное финансирование, обладать помещениями редакций. И надо вернуть финансовую подпитку библиотекам, чтобы они могли закупать литературные издания.

Поэтому вопрос не в ностальгии и попытке уцепиться за тонущие обломки прошлого, вопрос в сегодняшнем и завтрашнем цивилизационном состоянии страны.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 ГОД

ПРОЗА

- АНДРЕЕВ Владимир. **Яблоко согласия.** Рассказ (№ 9)
- АСТАХОВА Анжелика. **Марфин крот.** Рассказы (№ 7)
- БАЙБОРОДИН Анатолий. **Песня журавлиная моя...** Повесть (№ 9)
- БАЛАКШИН Роберт. **Гребцы Мраморного моря.** Повесть (№ 12)
- БЕЖИН Леонид. Два рассказа (№ 10)
- БЕРЕЖНОЙ Сергей. **Ветка жасмина.** Рассказ (№ 7)
- ВАСЮНОВ Максим. **“Кукла”.** Рассказ (№ 8)
- ГЛАЗУНОВ Николай. **Надежда.** Рассказ (№ 1)
- ГРЕШНЕВИКОВ Анатолий. **Лесной клевер.** Рассказы (№ 6)
- ГУЛЯЕВ Сергей. **Дети Кушки.** Рассказ (№ 1)
- ДОНГАК Зоя. **Я жив, и мой конь жив.** Рассказ (№ 5)
- ЕГИН Анатолий. **В плену у жизни.** Повесть (№ 12)
- ЗАМЛЕЛОВА Светлана. **Абрамка.** Повесть (№ 3)
- ИВАНИЦКИЙ Александр. **Ломаные уши.** Книга воспоминаний (№ 2, 3)
- ИВЕНШЕВ Николай. **Трепет тайны.** Рассказы (№ 4)
- КАЛАШНИКОВ Михаил. **Итальянская зима.** Рассказ (№ 8)
- КРОМИНА Нина. **Балласт.** Рассказ (№ 3)
- КРУПИН Владимир. **Исцеление.** Рассказы (№ 1)
- КУЛИЖНИКОВ Михаил. **Рэкет.** Рассказ (№ 7)
- ЛЕБЕДЕВ Александр. **Тихоня.** Рассказ (№ 11)
- ЛУНИН Юрий. **Три века русской поэзии.** Рассказ (№ 8)
- ЛУЧКИНА Светлана. **От нас Людмила не уйдёт.** Рассказ (№ 12)
- МАКАРОВ Юрий. **Свои.** Рассказы (№ 7)
- МАЛЬКОВ Виталий. **Звездожитель.** Рассказ (№ 7)
- МАРЧУК Георгий. **Праздники моей юности** (№ 7)
- МЕЛЁХИНА Наталья. **Дашкин каравай.** Рассказы (№ 8)
- МИХАЙЛОВА Ирина. **Я не боюсь.** Повесть (№ 8)
- МУРАШЕВ Сергей. **Ангелы.** Рассказ (№ 8)
- НИКОЛЬСКАЯ Ольга. **Два шага навстречу.** Рассказ (№ 7)
- ОРЛОВ Даниэль. **Борода.** Отрывок из романа (№ 4)
- ПЕРЕВЕРЗИН Иван. **Росомаха.** Повесть (№ 2)
- ПОЛЯКОВА Галина. **Девушка, звёзды и два моря.** Документальная повесть (№ 5)
- ПРИЛЕПИН Захар. **Некоторые не попадут в ад.** Роман-фантазмагория (№ 5, 6)
- ПРОНИНА Светлана. **Оливец.** Рассказ (№ 7)
- ПРОНСКИЙ Владимир. **Ветер окольных дорог.** Рассказ (№ 3)
- РЕЗНИКОВ Филипп. **На полуслове.** Рассказ (№ 1)
- РЫЖОВА Агата. **А я здесь живу.** Рассказ (№ 8)
- САГДИЕВА Виктория. **Кайзер.** Рассказы (№ 8)
- СЕГЕНЬ Александр. **И нефть, и газ, и чёрная икра.** Рассказ (№ 4)
- СЕНЧИН Роман. Два рассказа (№ 1)
- СИДОРЕНКО Валентина. **Шестидесятники.** Повесть (№ 9)
- СМЫШЛЯЕВ Александр. **Навсегда ухожу к медведям.** Рассказ (№ 4)
- СОСНОВСКИЙ Владислав. **Проводник.** Повесть (№ 11)
- ТАРКОВСКИЙ Михаил. **Поход.** Повесть (№ 11)
- ТИМОФЕЕВ Андрей. **Пробуждение.** Роман (№ 3, 4)
- ТРАХИМЁНОК Сергей. **Бог любит Одессу.** Фрагмент романа (№ 7)
- ТУЛУШЕВА Елена. **Были стены, будут и окна.** Рассказ (№ 8)
- УБОГИЙ Андрей. **Дом** (№ 10)
- УРУСОВ Владимир. **Белый соболь.** Повесть (№ 4)
- ФИЛИППОВА Татьяна. **Хануман.** Рассказы (№ 3)
- ХАЙРЮЗОВ Валерий. **По главной сути, жизнь проста.** Рассказ (№ 1)
- ЧУГУНОВ Владимир. **После катастрофы.** Отрывки из романа (№ 6)
- ШИПОВ Отец Ярослав. **Уроки живописи.** Рассказы (№ 10)
- ЯКОВЛЕВА Александра. **Кэку.** Рассказы (№ 8)

ПОЭЗИЯ

- АВРУТИН Анатолий. **Ястребиные крылья любви...** (№ 7)
- АГАЛЬЦОВ Сергей. **Мгновенья дивные проносятся** (№ 1)
- АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Иван. **Повсюду мне видится море** (№ 2)
- АЛИХАНОВ Сергей. **И кажется – Земля стоит на них...** (№ 7)
- АНДРЕЕВ Владимир. **Я всю жизнь иду домой...** (№ 12)
- АРХИПОВ Владимир. **Россия, Пушкин и любовь!** (№ 11)
- БАЛАЧАН Владимир. **Моя былинная страна** (№ 2)
- БЛЫНСКАЯ Екатерина. **Всё, чему верна...** (№ 6)
- БРЫКСИНА Татьяна. **Доживём до утренней звезды** (№ 4)
- ВАСИЛЬЕВ Ярослав. **А небо сегодня – такая синь...** (№ 4)
- ВИТЮК Игорь. **Жду Пасхального воскресенья** (№ 4)
- ВОЛКОВА Марина. **Образ Родины – иной** (№ 8)
- ГОЛУБЕВ Валентин. **...И в этих, и в тех временах...** (№ 9)
- ГРИШАНОВ Иван. **Я сын полка** (№ 5)
- ГУСЕВ Евгений. **Годы канули в волжские воды** (№ 4)
- ГУЦЕРИЕВ Михаил. **Сон, где мы вдвоём** (№ 12)
- ЕФИМОВА Ольга. **Капля свободы** (№ 8)
- ЖЕЛЕНИС Лариса. **И день мой управляет плечи** (№ 6)
- ЗНОБИЩЕВА Мария. **Ивовый прут** (№ 8)
- ИВАНОВА Елена. **Все прорехи любовь залатает** (№ 3)
- ИВАНОВА Наталья. **...Вернуться в родительский дом** (№ 8)
- ИВАНТЕР Алексей. **Попутных станций имена** (№ 10)
- ИГНАТЬЕВ Олег. **Час покоя** (№ 9)
- ИЛЬГОВА Дарья. **...И песня её легка** (№ 8)
- КАН Диана. **Назло всем тем, кто жизнь мою итожит** (№ 3)
- КАРМАЛИТА Кристина. **Ласковый свет изначальный** (№ 8)
- КИНАШ Анастасия. **Будет время для жизни** (№ 7)
- КОБЕЛЕВ Игорь, протоиерей. **За Родину не страшно умереть** (№ 7)
- КОЗЫРЕВ Андрей. **Рябиновый надрыв** (№ 10)
- КОНОВСКОЙ Николай. **Есть вечность, мы и море...** (№ 2)
- КОТЮКОВ Лев. **Но останься навеки свиданьем!...** (№ 7)
- КРАВЧЕНКО Игорь. **Прежний праздник – он в памяти нашей** (№ 10)
- КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара. **И вся земля – цветущий рай** (№ 7)
- КРЁКОВ Виталий. **Разве мы на земле не любовь?** (№ 6)
- КРИКЛИВЕЦ Елена. **Вечерний час** (№ 7)
- ЛОГВИНОВ Андрей. **Адамово дело** (№ 4)
- МАРТЫНОВА Елизавета. **А в будущем – весна** (№ 5)
- МЕЖИНЬШ Людмила. **Услышь молитвы истины простые...** (№ 6)
- МЕЖИНЬШ Пётр. **Опять мотыльковая ночь...** (№ 6)
- МЕТЛИЦКИЙ Микола. **Век человеческий** (№ 7)
- МИЗГУЛИН Дмитрий. **Ощутить дыхание свободы** (№ 9)
- МОЛЧАНОВ Владимир. **Друзья мои, грустить не смейте...** (№ 7)
- МОРОЗОВ Геннадий. **Синела небесная, звонкая высь...** (№ 6)
- МОШНИКОВ Олег. **Окликая с любовью Россию...** (№ 11)
- МУХИН Виталий. **Афганские сны** (№ 5)
- НИЗОВЦЕВ Алексей. **Всё шепчет о будущей встрече** (№ 8)
- НОВИК Георгий. **Мы играли в честную игру...** (№ 5)
- ОРЛОВ Борис. **Отцы-фронтовики!** (№ 5)
- ОСЫКОВ Александр. **На карте мира имя Родины** (№ 7)
- ПАВЛОВ Юрий. **Живое тянется к живому, пока вращается Земля...** (№ 5)
- ПЕРЕВЕРЗИН Иван. **А я счастливый сын Вилюя...** (№ 7)
- ПЕРОВА Марина. **Дышать светло** (№ 8)
- ПЕТРОВ Виктор. **...Мой Китеж во мне!** (№ 11)
- ПОПОВ Андрей. **И тают снега, и плывут облака...** (№ 11)
- ПОШЕХОНОВ Александр. **И душеньку заблудшую спасаешь** (№ 4)
- Поэтическая мозаика** (№ 5, 8)
- Прозрение Микеланджело** (№ 4)
- РАЧКОВ Николай. **Здесь лес и поле, здесь Россия...** (№ 1)

САМАРИН Валерий. **Я слушаю сердца людские** (№ 5)
САПРЫКИНА Елена. **Ветряные мельницы судьбы...** (№ 9)
СЕЙДАМЕТОВА Карина. **Вереск и солнечный мёд** (№ 4)
СЕМИЧЕВ Евгений. **Мир отражается в слезинке...** (№ 11)
СИЛКИН Владимир. **Приветное слово** (№ 10)
СКИФ Владимир. **Державные рощи...** (№ 1); **Спросонок выйду в молодую осень...** (№ 9)
СКОРОДЕНКО Наталья. **В другой эпохе, на другой планете...** (№ 3)
СОРОЧКИН Владимир. **Возвращение в счастье** (№ 9)
СТЕПАНОВ Евгений. **Люди прозрачны** (№ 6)
ТАЧКОВ Георгий. **Людские души, словно лодки** (№ 8)
ТЕРЁХИН Вадим. **Бескрайний простор и прибой** (№ 11)
ТИХОНОВ Александр. **Здесь пели ветры испокон веков...** (№ 8)
ТЮЛЕНЕВ Игорь. **Пред снежным образом Христа** (№ 1)
ФОКИН Валерий. **Жить вместе со своим народом** (№ 1)
ЧЕПУРНЫХ Евгений. **Входя и в сердце, и в строку...** (№ 7)
ШАЦКОВ Андрей. **Мне вновь приснилась птица-журавель...** (№ 12)
ШОРОХОВА Татьяна. **Вопрошает тебя мать – родная земля...** (№ 3)
ЩЕРБАКОВ Александр. **Светит Родина в душу мою...** (№ 1)
ЩИПАХИНА Людмила. **Хранители веков** (№ 12)
ЮШИН Евгений. **Думы о счастье земном** (№ 3)

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

АВЕРЬЯНОВ Виталий. **“Рок” в овечьей шкуре** (№ 10)
БАДОВ Валерий. **Вольный потомок казацкого рода против “Ордена столоначальников”** (№ 5); **“Сорок водоносов”** (№ 10)
БАРКОВ Михаил. **Я – последний солдат Империи...** (№ 9, 10)
БОБРОВ Александр. **Вечно старший брат** (№ 1)
ВАСИЛЬЕВ Алексей. **Зов пустыни** (№ 4); **Он не забронзовел при жизни** (№ 9)
ВЕРГЕЛИС Александр. **Восставший из текста** (№ 12)

ВСЕВОЛОДОВА Анна. **Русский министр во главе России** (№ 12)
ВЬЮНОВ Вячеслав. **Блики** (№ 4)
ГЛАЗЬЕВ Сергей. **Логика истории** (№ 11, 12)
ГОДИН Юрий. **Россия–Белоруссия: по-нашему или никак** (№ 7)
ДЕЛЯГИН Михаил. **Формирование мировой цены на нефть** (№ 1)
ДМИТРИЕВ Геннадий. **От рабочего до учёного** (№ 10)
ЖДАН Олег. **Небом единым...** (№ 7)
ЗИГАНШИН Камиль. **Валовое национальное счастье** (№ 5)
ИЗБОРЦЕВ Игорь. **Там, где встречаются миры** (№ 4)
КАЛАШНИКОВ Андрей. **Деревни умирают тихо** (№ 8)
КАРА-МУРЗА Сергей. **Пора учиться!** (№ 3); **Угроза невежества** (№ 9)
КУЗМИЧЁВ Фёдор. **Высшее образование как инструмент разрушения** (№ 7)
КУНЯЕВ Станислав. **К предательству таинственная страсть** (№ 11, 12)
КУРБАТОВ Валентин. **Во имя...** (№ 9)
КЪЕЗА Джульетто. **Кто построил Берлинскую стену?** (№ 6, 7)
ЛАРИНА Елена, ОВЧИНСКИЙ Владимир. **Чёрный шар и глобальная инквизиция Ника Бострома** (№ 2); **“Данные предпочтительнее слов”** (№ 12)
ЛЕМЕШЕВ Михаил. **Россия в будущем: взгляд за либеральный горизонт** (№ 2)
ЛИХАНОВ Альберт. **Крёстный** (№ 11)
ЛЮБОМУДРОВ Марк. **Drang nach Russland** (№ 10)
МИРОНОВ Сергей. **Из полевого дневника геолога** (№ 4)
МИРОНОВА Татьяна. **Свои и чужие в русской картине мира** (№ 4)
МИТРОХИНА Ольга. **Праздник** (№ 7)
ОВЧИНСКИЙ Владимир, ЛАРИНА Елена. **Чёрный шар и глобальная инквизиция Ника Бострома** (№ 2); **“Данные предпочтительнее слов”** (№ 12)
ОВЧИНСКИЙ Владимир. **Криминология импичмента** (№ 11)
Они обживают землю (№ 4)
ОСИПОВ Валентин. **За сострадание** (№ 6)
ПАВЛИДИ Яна. **Русофобия от соседей** (№ 1)
ПАНКРАТОВ Георгий. **“ВДНХ: сколько стоит попасть в рай?”** (№ 10)

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ Сергей. **“Посла ны деревьска земля”** (№ 2)
ПОЛОЗКОВ Иван. **Кто же он, Вячеслав Клыков?** (№ 10)
ПОПОВ Артём. **“Прилетит вдруг волшебник...”** (№ 8)
ПРОХАНОВ Александр. **Вихри русской мечты** (№ 1–8)
Разговор с кандидатом в Президенты России. **Интервью Николая Пирогова с Павлом Грудининым** (№ 10)
РОДИН Владимир. **Любимая профессия** (№ 2)
РУДЕНКО Александр. **Отец** (№ 5)
РЫЖКОВ Николай. **Размышления о тернистом пути России** (№ 1)
СДОБНЯКОВ Валерий. **Искры потухающих костров** (№ 1)
СМЕРДОВ Анатолий. **Трофеи победителей** (№ 5)
СМОЛКО Александр. **Обидно за державу, обидно за народ** (№ 2); **“Государь, произведите меня в немцы”** (№ 6)
СЫЧЁВА Лидия. **Герои и торгаши** (№ 3)
ТУРКАЕВ Хасан. **Русский язык и русская интеллигенция в судьбах национальных культур** (№ 9)
ФИЛИППОВ Дмитрий. **Ольга Бергольц. Голос блокадного Ленинграда** (№ 8)
ФИТИСОВ А. **Подвиг инженерного спецназа на калужской земле** (№ 6)
ЦАГОЛОВ Георгий. **Индустрия 4.0 и мы** (№ 7); **Какой строй нам нужен?** (№ 5); **“Русский алюминий” становится американским** (№ 2)
ШАМИР Израэль. **Камикадзе из Калифорнии** (№ 1)
ШАРГУНОВ Сергей. **Стоны страны** (№ 8, 11)
ШЕВЫРЁВ Иван. **КМА – железное богатство России** (№ 4)
ШТЫРОВ Вячеслав. **Ещё раз о “Курьильской проблеме”** (№ 6)

МИР СВИРИДОВА

БЕЛОНЕНКО Александр. **Шостакович и Свиридов: к истории взаимоотношений** (№ 1, 5–8, 10–12)

МИР ЛЕОНОВА

ЗДОЛЬНИКОВ Виктор. **Тема апокалипсиса в романе Леонида Леонина “Пирамида”** (№ 8)

КРИТИКА

АНАШКИН Эдуард. **“Я хотел бы кричать о любви, только крика об этом не надо...”** (№ 2); **...На большую дорогу...** (№ 5)
ВАН Лидань, ЛИ Чжэнжун. **Творчество Шукшина в Китае** (№ 7)
ВЕТЛУГИН Андрей. **Русское кино сегодня** (№ 8)
ВУЛЬФОВ Алексей. **Сергеич** (№ 2)
ЕРОФЕЕВА Валентина. **Мир, который ты несёшь...** (№ 1)
ЕРШОВ Максим. **Убить императора** (№ 11)
КОЖЕМЯКО Виктор. **Необоримость духа и совести** (№ 3)
КРАСНОВ Пётр. **Лев Толстой и ноосфера** (№ 11)
КРУПИН Владимир. **Несобственно-прямая речь** (№ 3)
КУЗНЕЧЕВСКИЙ Владимир. **“Русский вопрос”** (№ 4)
КУИМОВ Олег. **Косноязычия Василия Стружа** (№ 7)
КУНЯЕВ Сергей. **Поэт, дипломат, пророк** (№ 6); **За святыни Отечества** (№ 11)
КУЧИН Сергей. **Женская доля глазами русских литераторов** (№ 5)
ЛАПУЗИН Борис. **Пушкина убивают во Владивостоке** (№ 6)
ЛЕОНИДОВ Александр. **Есть такая профессия – светить!** (№ 12)
ЛИ Чжэнжун, ВАН Лидань. **Творчество Шукшина в Китае** (№ 7)
ЛЮТЫЙ Вячеслав. **Возговори, ночная чаща...** (№ 2)
МИНАКОВ Станислав. **“Художник начинается с ощущения...”** (№ 1)
МОНАХОВА Ирина. **Афористичное слово Белинского** (№ 1); **“Звонкие живые летописи”** (№ 5)
МОТОРИН Александр. **Юрий Кузнецов: путь ко Христу** (№ 4)
Называя имена. **Молодые писатели о Юрии Лунине** (№ 8)
ПАЛИЕВСКИЙ Пётр. **Завещание русского консерватизма** (№ 2)
РАЗУМИХИН Александр. **Ярмарка невест** (№ 1); **Заколдованный круг** (№ 6)
РУДЯКОВ Павел. **Борис Олейник: славянская страсть и сербская грусть** (№ 4)
РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН Геннадий. **Духовный реализм Ивана Переверзина** (№ 11)

САФРОНОВА Яна. **Новые слова** (№ 8); **Пора лихолетий** (№ 3)
СЕМЁНОВА Валентина. **Проснётся тот, у кого проснётся совесть** (№ 8)
ТАТАРИНОВ Алексей. **“Огромные пространства для счастья”** (№ 2)
УЛЬЯНОВА Галина. **“На краю обрыва...”** (№ 7)
ХЛЕБНИКОВ Михаил. **Невыносимая лёгкость Паркинсона** (№ 9)
ЧЕРНИКОВ Анатолий. **Л. Андреев и К. Циолковский: двойной портрет в калужском интерьере** (№ 9)
ШАКАРЯН Константин. **“И что ей те болонки?..”** (№ 8)
ЮДИН Владимир. **Грустит Катунь о Шукшине...** (№ 7)

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

АНАШКИН Эдуард. **“Жить в полную силу...”** (№ 12)
ЕФИМОВСКАЯ Валентина. **Мы богаты: у нас есть Распутин** (№ 12)
ИВАНКИНА Галина. **Подлинный русский патриотизм** (№ 2)
КРУПИН Владимир. **“Что мне дано, на то и уповаю”** (№ 7)
ЛИТВИНЦЕВ Геннадий. **Вечера на хуторе близ Чернавска** (№ 12)
МЕЛЁХИНА Наталья. **Дагестанский трилистник** (№ 9)
ПАВЛОВ Алексей. **Живая вешняя вода** (№ 3)

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

“В каждом номере много интересного” (№ 5)
“Желаю вам сохранять свои позиции” (№ 3)
Жив ещё “Наш современник” (№ 6)
Мир спасётся Россией (№ 11)
“Очень любим ваш журнал...” (№ 1)
Просто – народный... (№ 12)

ПАМЯТЬ

“Не горюй, мама, не грусти...”. *Письма с фронта* (№ 5)
БЕРЯЗЕВ Владимир. **О жизни человека** (№ 4)
ГРЕШНЕВИКОВ Анатолий. **“Мы забыли, что земля живая...”** (№ 9)
ДОЛГОВ Константин. **Рыцарь классической словесности** (№ 12)
ЕГОРОВА Наталья. **Муза с красными крыльями** (№ 12)

ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ Валерий. **Дон Кихот советской литературы** (№ 12)
КУДРИНА Юлия. **Заветные мысли о России** (№ 9)
КУНЯЕВ Сергей **Вадим Кожин** (№ 1–7, 9, 11)
НОВИЧИХИН Евгений. **“Я выбрался в новые слои воздуха и облаков...”** (№ 10)
ПЕТРОВА Наталья. **Восточная война. Синоп** (№ 7)
ПУЛАТОВ Тимур. **Один из нас** (№ 7)
РАСПУТИН Валентин. **Русь сибирская, сторона Байкальская** (с предисловием И. Комлева) (№ 3)
РЫБАКОВА Светлана. **О русском правдолюбце** (№ 12)
СДОБНЯКОВ Валерий. **Гость нового века** (№ 11)
СЕМЁНОВА Валентина. **Под небом родным и тревожным** (№ 3)
ХАЙРЮЗОВ Валерий. **Кому много дано, с того и спрос особый** (№ 9)
ЧЕРКЕСОВ Валерий. **“Нет, я не вышел из народа...”** (№ 9)
ШЕВЫРЕВ Иван. **Сфинкс российской словесности** (№ 2)

СЛОВО ПАТРИАРХА

Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл. **Слово на церемонии вручения Патриаршей литературной премии 2019 года** (№ 6)

СРЕДИ РУСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Галина ОРЕХАНОВА. **“Выхожу один я на дорогу...”** (№ 4)

В КОНЦЕ НОМЕРА

АНТИПИН Андрей. **С. Ю. Куняеву** (№ 8)
ДЕКИНА Евгения. **Мы их почти потеряли** (№ 3)
ЁЛГИНА Светлана. **О Максимовых** (№ 12)
Обращение к деятелям культуры, политикам, предпринимателям России (№ 4)
ТИХОМИРОВА Нина. **Арзамасские припевки** (№ 12)
ШАМСУТДИНОВА Марина. **“Культь соломьяной стрихи и важких чобит...”** (№ 3)
ШАРГУНОВ Сергей. **Национальное достояние** (№ 12)

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

Творческие итоги 2018 года (№ 1)

ЮБИЛЕЙ

---

30 лет во главе (№ 9)

Дорогие читатели! Мы рассчитываем на вашу помощь. В ситуации, когда журналу приходится залатывать дыры в бюджете, ваша материальная поддержка, пусть даже самая скромная, для нас поистине бесценна.

Редакция благодарит всех и публикует список наиболее активных жертвователей:

Амелина Л. П. (Кострома)
Иванова О. В. (Орёл)
Ланчикова Н. А. (Москва)
Ларичева И. Б. (Мозырь)
Машинская И. Ю. (Москва)
Останина В. Г. (Таврическое)
Панфилов А. Ф. (Королёв)
Ружицкая В. М. (Уфа)
Рыбакова Л. Н. (Москва)
Тархова В. М. (Венесуэла)
Тетерев И. В. (С-Петербург)
Трифорова С. Н. (Суоярве)

Информируем читателей, что в номерах 1–12 за 2019 год редакцией реализованы разработанные ею социально значимые проекты “Постижение добра” и “Наши надежды. Школа молодого писателя”.

Проекты осуществлялись при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.